АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

ВРЕМЕННИК ИВАНА ТИМОФЕЕВА

ПОДГОТОВКА К ПЕЧАТИ
ПЕРЕВОД И КОММЕНТАРИИ
О. А. ДЕРЖАВИНОЙ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
ЧЛЕНА-КОРРЕСПОНДЕНТА АН СССР
В. П. АДРИАНОВОЙ-ПЕРЕТЦ

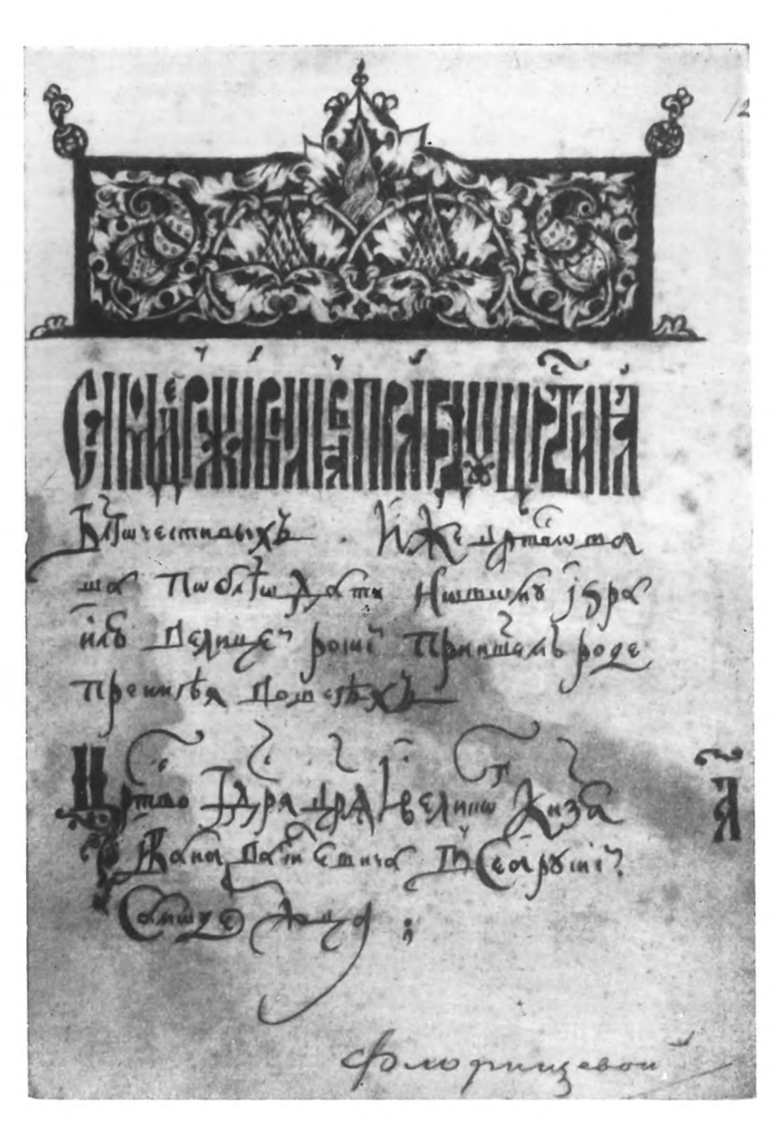
*

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА – ЛЕНИНГРАД
1951

Под общей редакцией Комиссии Академии Наук СССР
по изданию научно-популярной литературы
и серии „Итоги и проблемы современной науки“
Председатель Комиссии Академии Наук СССР
академик |С. И. ВАВИЛОВ|
Зам. председателя член-корреспондент Академии Наук СССР
П. Ф. ЮДИН

ВРЕМЕННИК

ТЕКСТ



Временник, л. 12.

№ 108.

была послана

108.
682

Временник, л. 1.

ГЛАВЫ КНИГИ СЕЙ, ГЛАГОЛЕМОМУ ВРЕМЕННИКУ ПО СЕДЬМОЙ ТЫСЯЩИ ОТ СОТВОРЕНИЯ СВЕТА ВО ОСМОЙ В ПЕРВЫЕ ЛЕТА 9

[I]. Царство великого государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии.

В той же главе:

[1]. О опришнине.

[2]. О Новгородцком пленении.

[3]. О царице и великой княгине Анастасие Романовне и о чадех.

[4]. О царевиче и великом князе Иванне Ивановиче.

[5]. О брате царя Ивана Васильевича всеа Русии князе Владимере Ондреевиче Старицком.

об. **[II]. Царство благочестивое, иже от поста просиявшее, великого государя царя и великого князя Феодора Ивановича всеа Русии.**

В той же главе:

[1]. О заклании[а] государя царевича и великого князя Димитрия Ивановича в 99-м году, и о приходе Крымского царя под Москву, и как он, Крымской хан ис-под Москвы побежал и Борис Федорович Годунов з бояры и с ратными людьми, спустя 3 дни, с Москвы и из обозу ходили за ним, царем, до Серпухова; и о за-Неглинненском пожаре изменничьих зажигальников. Все деялось в одно время в том же году. ||

[2]. О пострижении царицы 10
Марии, матери царевича Димитрия Ивановича, по смерти его, и с Углеча ссылка ея.

[3]. О Богдане Бельском.

[4]. О принесении мощей святаго царевича Димитрия Ивановича с Углеча к Москве.

**[III]. О обирании Бориса Федоровича на царство в Новом Девиче монастыре и о воцарении его; и как его для в монастырь со кресты ходили, а после его Борисовы смерти престали ходить; и о серпуховском его[б] походе 106-го году, как против царя ходил, и о том, как при царе и великом князе Феодоре || об.
Ивановиче и при нем, Борисе, прелестники церкви ставили во имя ангела их.**

12 Самодержавная вправду царствия благочестивых иже царствоваша по благодати новому Израилю,[1] велицей Росии, при нашем роде, преимея во всех

[I]. ЦАРСТВО ГОСУДАРЯ ЦАРЯ И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА, ВСЕА РУСИИ САМОДЕРЖЦА,[2]

об. превысочайшаго во-истинну и преславнейша всех бывших, славиму же от конец небес до конец их, яко толице о нем протекши, до их же места возможна бе по вселенней проходити слуху, зане преобладательне сродных на се имя, яко же Макидон[3] некогда, вселенней царствуя, свойственейши же рещи о нем, — инорога[4] бывша во бранех, паче же во благочестних над всеми пресветлыми, государя великого князя Ивана,[5] новому по крещении се бывшу по отцех в Росии
13 с приложеными их царствии || благоданну царю сына, иже всею великою Росиею господьствующа, государя Василия

Ивановича[6] великого князя и царя корень по коленству
и муж прародителей своих прозябения готов, помазан к цар-
ству на стол его и не проходен до зде лет и конец от рода
в род; вечное благородие ему бе отеческое неувядаему
послания цвет, яко утренняя от солнца восходит заря. Не
бо точию от Рюрика начало имяху о нем, но от самого
Августа Цесаря[в] Римскаго[7] и обладателя вселенною, влеча-
хуся во своя роды, яко день днесь; паче же || сроднаго есте- *об.*
ства причтеся по благочестии преже его благоверным бывши;
благочестивых благочестивнейши, законно же и святолепно
сынови от отец доднесь происхождаху. Таков убо от древле
самодержавных мя от род, и даже и бога в конец не про-
гневаша, четырьма краевы вселенныя доныне царствия тех
водружена непоколебимо утвержахуся. И убо о утвержении
сих царствиях речением краткословне сия довлеют. О управ-
лении же того державы благодатноименнаго царя поврещи,
его лет юности || и иже к приближению средовечьи старости *14*
сокращене реку, ради последующаго о нем без продолже-
ния слова. Время бо лет его всяко бысть; иже бысть во
юности же паче премножае во гневе презельныя его по-
двигшияся на ны пребывшая в нем от грех, иже в нас, без
милосердия его ярости, зане к ярости удобь подвижен бе,
купно по естеству и за гнев; паче к присноверным, иже
в руку его под игом его сущим, во своя ему люди величай-
шим и малем же, || неже к сопротивным, суров обреташеся *об.*
и неприступен, ко им же якову быти ему достойно бе, сим
не сицев бысть от разжизающагося в нем на люди своя ему
пламенна гнева.

[1]. О опришнине[г, 8]

От умышления же зельныя ярости на своя рабы подвигся толик, яко возненавиде грады земля своея вся и во гневе своем разделением раздвоения едины люди раздели и яко двоеверны сотвори, овы усвояя, овы же отметашася, яко

чюжи отрину, не смеющим отнюдь именем его мнозем градом
15 нарицатися запрещаемом им, и всю землю державы || своея,
яко секирою, наполы некако разсече. Сим смяте люди вся,
и пред лицем си вместо себе, кроме[д] сына своея крове, от
Измаилт[9] инаго некоего верна царя[е, 10] на время поставль,
себе же раболепно смири, и малую си часть имения достояния
оставль, помале паки все восприят, — тако божиими
людьми играя. Вельможа же царствия своего многи и добромыслимая
ему изби, прочих же в чюжеверные земли от себя
изгоняя и во онех место от окрестных стран приезжающая
об. к нему возлюби, и большими дарованьми || тех богатя, от
них же инех и в тайномыслие си приятова; других художествы
врачевные хитрости к нему примильшихся, изветом здравия
ему своея мудрости растворение приносяще, о них же
истинне рещи, — души его вред, телесное паче нездравие,
вкупе же с сим и ненавидение ему на люди его нанесоша.
О сем чюдимся много, яко и средоумным се мощи бы разу-
мети, еже не яти веры врагом своим во веки; он же, толикий[ж]
16 в мудрости, ником побежден бысть, разве слабостию || своея
совести, яко главу ему свою волею во уста аспида[11] влагати;
врагом, от стран пришедшим, его же всем противным не
возмощи бы ни многими силами проодолети, аще не бы
в руки тех сам ся вда. Увы! вся внутренняя его в руку
варвар быша, и яже о нем восхоте да сотвориша, лишше
не глаголю — сам себе наветник быв. И сим земли всей
велик раскол сотвори и усомневатися всем в мыслех своих
о бываемом; бога самого премилостиваго ярость на себе
об. разже, || сим разделением, мню, — нынешнея всея земля
розгласие яко прообразуя оттуду до зде: сам тогда на ню
руку не благословля наложи, даже оно и доныне неутвер-
женым от грех колеблемо, и несть ю до единаго ныне от
человек утвердити могущаго, по Христову гласу,[з] яко „всяко
царство, раздельшееся на ся, не может стояти“, и прочее.
Яко волки ото овец, ненавиденых им, отдели любезныя ему,
знамения же на усвоеныя воины тмообразны наложи: вся от

главы и до ног в черное одеяние облек, сообразны же одеждам их || и коня им своя имети повеле; по всему воя 17
своя вся яко бесоподобны слуги сотвори.[и] Идеже они на казнь осужены посылаеми суть, — яко нощь темна видением зряхуся и неудержанно быстро ристаху свирепеюще, ови державнаго повеления презирати не смеюще, ови же самохотию от немилосердия работающе, суетне богатящеся, взором бо единем, неже смерти прещением, страшаху люди. Се чтущим ото образа вещи свойство ея знатно есть.

[2]. О новгородцком пленении,[12] о пролитии крови острия меча во гневе ярости царевы на град святый

Множае же всея земля, ненавидимых царем всех, яже на люди об.
моя[13] ярость гнева своего некогда излия. Подобою по всему, яко нечестивно того бе на мя нашествия, понеже удобен оболгателем послушник бысть, мнением единем неиспытне водим. Яко от туждих и неверных не бы непщевал бых есм толиких зол пострадати, яко же аз труда от господьствующаго мною, оболгатель нанесением на мя, от руку его приях: упоил бо всю землю мою кровми, различными муками вся люди моя умучая, || нетокмо сушу покры, но и водное есте- 18
ство ими згусти, — бог един посреде того и онех виновное сведый. Яко всяко место телес наполнися падших ото убивающих рук, до толика бе, яко не мощи пожирати трупия мертвых всея твари животным, яже по земли рищущим, и яже в водах плавающим, и яже по воздуху парящим, яко довленым быти им и чрез потребу, множайшим же плотем не брегомым за страх и согнивающим, гроб им бяше место их. Кто идеже бе свидетелие || сим, со светилы небо и земля об.
вкупе и со иже в ней. Корысти же вся людий моих царь по жребию равно с рабы роздели. Подробну же бывшаго на мя всего царева гнева не бе возможно убозей сей хартийце вместити, ниже кому от земных количество погубления людий исчести, их же число токмо божия суда день объявит в при-

шествие его. Лето же время царска гнева на мя тогда течаше к седьми тысящам 78-е,[14] может же о сих исполнити всяко словесы непостижения моего скудость тождество числа самого
19 всего Псалма || сила и соседствующаго ему 79-го[15] крепость глаголом во исполнение даст.

А яже во мне градограбители и убийца паче, тогда мнимыя си корысти вземшия, в самый царствия град яко главню некую, искр полну, ветром раздомшую, от кровей омрачившеся, с собою внутрь неразсудне внесоша; не убо же сими на продолжена лета обогатишася тогда, ниже в притяжания вся всем избыша и во излишество, но яко саморазжено углие огнено во град к запалению совнесше в неведении,
об. сами яко подгнету сим || царску граду всему сотвориша. И яко на утрия некако, на лето по сих 79-е круга обшествие,[16] яко корень и главу со утробою, еже гнездо всего царствия,[17] присное пребывалище водворения самого царска с своесущими в нем благими всеми, Измаиле семя, Агары же порожение,[18] богопустно от восток нашедше, все огнем запальше, испепелиша. О таковых речеся: „иже кто чюжих желает, помале восплачет и своих лишаем“; и паки: „еже не своя усвояти, яве зло бывает“. Земнородных же число
20 бе тогда погубления в нем || ничим же мнее, иже на земный Сион Титова древле нашествия;[19] яве греховнаго ради и зде поползения самого всех главы царя, яко же иногда Давид подъя, иже за грехи ему возвещено от бога, иже избра си от трех едину казнь — поражение смертно[к] людий множеству рукою ангела.[20] И яко же той тогда, казнь избрав, сладце претерпевая, тако и сей печали сея наведение молчанием кротце одолевая, сице о сем божию на неправедныя суду пришедшу праведну; всеведцу и смотрителю
об. богу скоро отмщение насилующим || сотворшу, — язву мести, неприкладну скорбию и незабытну леты, ниже коею радостию одолену, в царющаго самого рабоубителя и мирогубителя сердце внутрь углуби и болети неисцелно ему сотвори.

Ныне же не вся по ряду, яже тогда обоюду о мне и самом царствии бывшая изречена, но свидетельне времене потребою, елика ми на память слышанием взыдоша, толика и написашася к прочих зде словес исполнению приведена; пространство же писаньми всех скорбей беды сея днешним краткословием, || не невмещения ради удержав, спокрых, но 21
от многопрехождения лет забвения множеством. Вся бо та, иже тогда прилучшимся и еще и доныне жизнь скончевающим и ум здрав имущим и могущим же изглаголати вся подробну, попустих и оставих в прочее. И нам убо в делных словес путишествие естества немощию утружшимся, и яко в небурне пристанищи мало отдохнутие приимше и в станищи по словесех препочивше предварших вещей, яко залог некий словесем целость отдати || подщимся, в прямный путь устре- об.
мившеся.

Жизнь же яростиваго царя, глаголют нецыи, преже времени ближнии сего зельства его ради сокращения[а] угасиша: Борис,[21] иже последи в Росии царь бысть, сложившийся купно з двема[22] в тайномыслии о убиении его с настоящим того времени царевем приближным возлюблюником неким, глаголемым Богданом Бельским,[23] богу смотрительне сему сотворитися бы тем попустившу, прозря исполнити всяко пребудущия. О смерти же государства его окрест вся владычествия, иже земли его конца тех держав прикасаю|щаяся, 22
не точию врази и близ сущии, но и мнимы ему вдале други, лишением его, яко приобретением неким велиим, зело обрадовашася, понеже, егда он жизньствова, тем во мнозех сопротивен бе отъятием градом их, прибавлением же к своему его царьствию; мечь бо десница его с воздуху долу не туне свожашеся на противныя, ниже престая ощути. И что чюдно еже коварско радование о смерти его странных? Но убо и рабы его, вельможа вся, от зазления его стуживше, сии угашением живота ему оскорбишася тогда || печалию не истин- об.
ною, но в тайноприкровении лстивне, лютость ярости его памятию в себе обновляющем, содрогахуся, яко не яти себе им веры

еже мнети того умерша, ли во сне мечтаемо помышляющем.
И едва яко от сна возбнувшемся, в себе им пришедшим,
не приснение, но истинну быти разумеша, убо помале многи
некия от сигклит[24] благородныя в первых, иже мнимыя
стопы, седины своя помазавше уханми мира, з гордостию
в лепоту ся облекоша и еже младоюнныя, и волю свою тво-
23 рити начаша; обновляху || свою обновлением и пременением
временнем, яко орлы, юность, о оставшем же сыне цареве
Феодоре[25] небрегше, мневше его яко не суща, его же бог
уничижити восхоте; вмале же силентияры[26] вси от срабнаго
Бориса одолени, погибоша всяко един по единому; и яже
по сих — о сем пространнее впреди слово о нем бывшая
изъяви.

Оного же Иванна, превеликого царя, разнее же по еди-
ному описовати вся живота его царствия дерзающе лета,
како то когда царствова во всю жизнь свою, не моея в худо-
об. сти дело дерзости, не бо могу, ниже хощу || за преимущее
оного сана величество, изряднее же за благочестие, иже
правыя во Христа веры, яко тройческое поклонение во
единстве и единство в троицы, по отцех даже до смерти
пастырски цело ему соблюдшу непоколебимо, ниже позыб-
лемо. И яко чюдно се! Таков бо той бе страшен всем: егда
восхотел бы прочих о вере немужество обнажити, яко мати
дети страшащи, — могл бы страхом своея власти, поне иску-
шая на час, мало некое от истинны уем, ли прелог сотворив,
24 бежащих нестоятельное обличити; || веде, яко и ото освято-
ванных[27] обрелися бы таковии, не у супротив страху его
ставшем и нездравое искушение веры возбранити могущим,
едва бы могли мали обрестися еже от людий во инех ему
первие двоедушие свое явльши. Се глаголю не яко бы
церковью царя яко играти показующу, но самоизвольную
его о вере твердость известую, паче же нестоящих бежание
обнажаю, вере сих слабость. Оно же и совершен страх ему
на люди приемшу и то чюдно преложшем своего на слабость
об. естества крепость, и еже сопротивное, || верному же слузе

Иван IV Васильевич (Грозный), царь (1547—1584).

Из Титулярника.

Федор Иванович, царь (1584—1598).

Парсуна, XVI в.

сицевому, царю нашему, за непоколебимое веры столповид-
наго его стояния и прочих утвержение венцем приложение,
добре бо он грамотечное о истинне по философех научение
сведый,[28] к сим же и внешнее немнение. Сего ради не пра-
ведно о царющем худым многословити, ниже без муки,
иже аще что порочно; лепотнее бо есть царьское безообразие
жития молчанием покрыти, якоже ризою, иже о Нои, праотцы
нашем, от благоискусных детей его срамоте того прикрове-
ние бысть;[29] и яко же оному, || упившуся вином, сице и сему, *25*
осрамившуся грехом, ему же причастни вси.

О времени же юности его, еже о сопряжении супружества,
и от деторождения же преже сих им бывшая, зде в дольней-
ших словесех приведох, к прочим его делесем не соприме-
шая; вем бо, яко иже подобаше сказанием сия приложити
прежде, но егда что в мысли обрелося, то и вчиних, идеже
что обретохом, не предъизбирающе, ниже по чину коемуждо
подобных мест. Бывает убо в раздробление удов главе лежати
кроме прочих частей || всего телесе, послежде она, но обоя *об.*
нога не гнетца, но глава идеже ни суть. Ибо берущии
в лесопроходных местех и на полях земноплодное растуще
от снедных, такожде не рачит[м] собиратель по ряду в сосуд
влагати возрастом их величества и не смешивая большия
с среднею и малою; но все тем тщание бысть, еже первие
болшую, потом же малую, еже бы спешнее комуждо свой
сосуд собираемых наполнити и варити братию свою, в собра-
ниях тех не остая, паче же да ни постигнутися им, не
объятем быти нощию и остати вне своего дому, || ниже от *26*
дождев окропитися, аще излише избудут; егда же доидут
домов своих, розбирают принесшая малая с великими, елико
хотят. Сице и о глаголемых зде благоразсудне разсудити
не украшающее, но спешащее, а не яко неве́дущу, по ряду
чина́; по сему образу, яже во инех местех сложений оних
сомнитися кто, еже не по ряду или месте своем чему вписа-
тися, ниже по чину, также молим не осуждении не разсу-
ждати, но в себе комуждо осуждение убивати страсти, по

чину же ряда в мысли слагати си, елико кто ускорит, ли по
об. своему хто чину хощет || изрядне уставити, власть имать от
своей воли, о сем не зазрит. И научитися лучшаго не отри-
цаю, вéде яко моя недостижне по всему далече книжнаго
разуму, неприражения ради, сие все быти уставися; но иже
и не сподобитися от неведения, многим терниом забвения
от лет прехождений, аще и первобытно вписалося послежде,
существа дело неповредно бысть; понеже в нуждах разсеянна
ума, яко во угле темне, бысть сотворено, и не бе воля иже
по чину изрядне украшением хотящее вся предъизбирати,
27 и добро || разсудливый се разумеет, аще чтущеи тою же
немощию обложени, еже и мы. Но увалихом словесы сими
о положении начатых словес, в них же истязани быти от
неразсудливых чаяхом.

[3]. О царице Анастасии Романовне[30] и о чадех

Не безженно бо ни безплодно житие жити: свенечницу же
своему царствия высоты не от стран призва, ниже благоро-
дием стронну себе потребова, но своея его земли дому
изообрел, от синклитска роду избрав дщерь, душевными ||
об. добродетельми телеснаго благородия пребольшу же, яко
ряснами некако украшену всю, Анастасию, Росийска жребия
мирови царицу, с нею си царством венчан быв и сопре-
стольну си во царствии утверди. И паче по еже к родитию
ей, она бо, яко маслина доброплодна, ему устрои царским
того прижитием пяторице по числу отраслем сия бе роди-
тельница, от них же сына три и дщери две.[31] Сии же о го-
споде млади почиша, и брат сих Димитрие некако, якоже
прилучися, иже все наследницы быти нами чаеми; от них же
28 единому по первем не толико || по плоти, но, яко Анна
Самуила[32] некогда, у наздавающаго младенцы молитвою
испросив по роду, иже и к царствия наследию по отцы и
брате, но мало остал бе, о нем же множае предъидый
слово скажет.

[4]. О царевиче Иванне Ивановиче[м, 33]

Вящший же сего брат благодатным именем от бо́га дарован,
тепл отцу по всему именем и мудростию купно с храбрости,
не умали в добротах ничим же существа. И уже к соверше-
нию грядый возраста, третия десятицы лет свене трех число
достизая своя ему жизни, троебрачен же быв[34] || отца волею, *об.*
и не яко прилучением смерти в мужестве лет частое под-
ружием его изменение бысть, но за гнев еже нань они свек-
ром своим постризаеми суть; ибо при концы отча старости
житие скончал бе, по жребии бо не получив земнаго, но
на будущее пресельник царствие. Непщую сего быти и к стра-
данию близ, от рукобиения бо отча, глаголют нецыи,[35] живот
ему угасе за еже отцеви в земных неподобство некое удер-
жати хотя. Нань же очи всех о державе царствия упованием
исчезоша, || обаче же погрешихом, и лишения ради его тогда 29
земля оскорбися вся и в безнадежие отнюдь сведеся, к царству
отческу ветхость, братне же недовление помышляюще; сто-
нанием на мнозе слезным источником от сердец всех пре-
сохшем, к самобратному его Феодору, о державе надеждою
не внемлющему, на обою ногу храмлюще, неверованием
боляху. Претокохся, и аще не бы смертное предварение
оному, веде, могл бы толики и таковый к земли своей при-
ближение язык, остроту нахождения их, || юностным си устрем- *об.*
лением притупити:[о] от показания его мудрости и мужески
крепости се наручно бысть. Явлен по отцы воста младый
инорог[36] на противныя, якоже от востока даже и к западу
на нечествующих, иже земли его преседящих, яростным оком
на ня взирая, врящею юностию ретяся и, яко некий невсе-
дален жребец и неприступен обуздоватися, не повинуя
никому же, свободне отекая, пасяше верных толико стадо,
люте на оны дыша огнем ярости своея, пламенны искры
на тыя, отрыгая, || пущаше; соседствующим варваром земля 30
своея бывшую ми обиду иногда той плотский инорог само-
шественне вскоре тех, яко овца, поразити хотя, о бозе уповав.

Навладычествуяй и всеми, иже царем советы своим судьбам
подлагая, под иго своея вселенныя власти того приведе,
предложений его быти не попусти, но, яко уздою некако,
пределом смерти сего удержа, лучшее ему предъизбра, к себе
бо и позва, в веце оном пред лицем своим Констянтину
об. цареви[37] своинствовати на невидимыя || и видимыя враги
и з сродными близ ему сущими Владимеричи братома двема[38]
и прочими тацеми, в защищении отечества состадуяся, опол-
чеватися тому повеле; в настоящем всемогий брату его Феодору
пред будущем земное царство на лето устроя, еже и сотвори
по днех.

Брат же сих видоангелен бе, именем же двоематерен[39]
по толку,[39] еще сый в чреслех родительных. В молебне
по завещанию путишествую[n] издалечие разстояний града
царска, царю, отцу детища, водоносилы ко отечеству ||
31 воспять с Бела-озера[40] от лавры святаго отца Кирила[41] спуте-
шествующу, —о, неизследному божию совету! случися внезапу
отроку от рук доилица на воду ниспасти, сном той погру-
зившися, и ту ангелы душу младенцом подъемшим. Ужасно
во-истину чюдо и слез подобно: не прилучьшим же ся ту
неверия близ, яко не у ли ту мнози оберегателе! Сие же
таково единство не без промысла бысть: знаем бо есть
господь, судьбы творя в делех руку своею и, яко добр
об. строитель, о тварех своих промышляя, недоведомое || совета
своего в себе самом сокры.

Не просто же и оного, благодати тезоименного,[42] иже
отче наследствова имя, зачатие же и рождение бысть, якоже
писание поведует, яко и сего родителем молитва дарова.
По еже бо смерти младенца, брата сих Димитрия, царю
самому отцу тех и матери к царствия граду своему им оте-
чества предиреченный путь от лица града Ярославля[43] скон-
чевающем, водотечный пременив царскою всякою властию
к матери градовом по хрепту земному изволи двизатися.
32 И егда града || Переаславля[44] дошедшу, в лавре преподобнаго
чюдотворца Никиты, у целебоноснаго гроба его, вкупосо-

пружное моление прилежно совершив, святому по бозе чада своего лишение и безгодную всяко неже царску смерть богосмотрительнаго прилучения, з горькими рыданьми своего вопля плачь, яко к живу, возвышенными гласы бедне возвестиша вкупе, и своих им грех безсрамне обличение, и неприкладную таковую печаль по бозе нам возложиша всю, могу-
щаго печаль их || скоро преложити на радость. И по молитвѐ об.
воставшем и от лавры во святый град[45] пришедшим в дом своего достояния царска, путешествием утружшемся и от плача мало отдохнутием утишившимся, святому у Христа испросившу, скорби их назирательне облегчевающу, ту они обнощевающе почиша, царь позна жену свою, яко Адам Евву. Вне породы некако святому нощеявлением зачатие сына царю благодати тезоименна известившу,[46] та же царствия
града самодержцу дошедшу, и помале || законом естества 33
детищ благолепен родися: пот[р] печали царющим, яко губою радости, отер святый. Да ни се праведно бе утаити: во время бо воздоения отроку в болезнь впадшу, святыня многи от всея земля их исцеления ради младенча к молебнопению в совокупление едино снесшимся, яко же писание во святаго житии поведует, прослави бог посреди собора своего угодника Никиту: освященная в сосуде вода с вериг его, наднесене бывши над ню руке строка, абие кроме вод снесеных
всех, чюдеснаго Никиты || вода воскипе. Дивно чюдо! Тогда об.
скроплением купно воды младя исцеле, болезни здравие отдоле, и оттуду до самых жизни его предел святый во всех обстояниох отрока заступаше. И от сея вины обитель святаго самодержавнии, всяцех потреб наполнивше, распространиша, и общежительством и прочими честми зело почтоша, с великими лавры сравниша,[47] не сущи ей тацей первие, и нераздвоено в ню свое шествие на времена с лаврою преподоб-
наго Сергия[48] сотворяше. Отрок же молитвами || преподоб- 34
наго от лета на лето устрабляшеся, к совершению мужества приближением грядый, яко же о нем выше речено бысть.

И убо от язык приседящая земли нашей безбожная
Литва,[49] уведев яже о нем стекшуюся в нем врящую юность
купно с крепостию мужества, и могущу ему, неудержимаго
стремления его смелством зазлив, нанести досаждение всяко, —
плотску господу их тогда в них не сущу, от жизни сея
смертию соотведену,[50] они лстивне умыслиша, молением испра-
об. шает у самого царя нашего, отца его, || да дастся им, земли
их, той храбромудрый и пребольший сын его господствовати
над ними. И абие божий суд истинному совету их возбрани,
просимаго ими, некончаемый век приложи, не мимотекущаго
бо и тленного, не убо угол един тому, но все небесное цар-
ствие дарова, яко же пишет: „просите и не приемлете, зане
зле просите". Прочии же глаголют,[51] яко о Феодоре, брате
сего, тех прошение бысть. В день же преставления преболь-
шаго брата тварь вся земнородным болезновати богом пове-
лена бе, иж воздух самого всего солнца заступи мраком,
35 множеству || людцкому срыдая, воду от недр своих, яко сле-
зоточны капля, испущая, зря всего православия царя[52] зашедша
во гроб. Великая бо и пресветлая тогда угасе свеща мирови,
благонадежный нам в заступаемых; другий нам толик плотский
инорог,[53] по нем не оста, и убо окрест земля их языки
о пременении живота ему не мнее, еже о отчи смерти, вос-
плескаша руками, но яко празник им своих ликовати. Нам же
токмо второсамобрат его, иже молитвеный рог крепости[54]
об. нам по нем бывый, о нем же || прежде к державе вси надежею
о нем отчаваеми, неверием дремлюще, якоже выше рех, зане
не бе „брань его к плоти и крови" по писанию,[55] но молит-
вою противныя ему одолеваша. И толико ему возмогаше
молитвеная сила, яко божию тому милость на ся от сея при-
влещи; нечто что и чюднее пристяжа в добродетелех свет-
лости, яко и пророческа дара часть, аще и не зело явленне,
но довлении сведят; и яко же в жизни его, не очистив
совесть, некогда страшно бо дерзающи и приступающим близ ||
36 к тому приступити, по бозе не обличителен согрешающим;
яко не веден бысть убо согрешит кто, аще днесь верою

и в молитвах того призовет, и да не обленюся аз, предваряя всех. Во дни бо его миротворительная десница паче человечески надежи самодейственe та исправляя и содержа того царствие.

[5]. О брате царя Ивана Васильевича, князе Владимере Ондреевиче Старицком[56]

Брат же бе ему двоероден по плоти, || на отечни си до- об.
стоянии уделне седя, к нему же оклеветаху его рабы его, извет совершенна, яко желати ему, глаголаша, царства братня[в] великаго жребия. Он же, на сего разжен быв яростию, ят веру клевещущим, утвердив в мысли своей истинно быти се, наученья лукаваго не позна и, яко лев на пути негде срет, порази брата си напоением смертным купно з женою и с сыном:[57] вси принужени быша испити смертные горести чашу от повеления руки его. Он же, сотворив, яко лов некий уловив
сладок, || вкупе со убийцы воскликну, гласу на воздух вознесше; 37
рабов же всех дома его, свене клевещущих, различие умучи муками, женску же полу всяко наругаяся срамне, и яко чюже бе благочестивых творити, иже нелеть и глаголати зде неподобное; дерзнути бо не смею нагло глаголанием еже обнажити весь студ венца главы его, но вмале рех в прикровении словес. Яко не токмо еже он самого си брата, но и наследника ему тою же смертию осуди, корень и со отраслью
от земля ископа, изверже, ненаследованен того род || остави, об.
их же кровь до века яко Авеля вопиет на Каина;[58] яко же общу с родительма отроку смерть принесе, яве и венцем приятие сим нераздельно бе. Часть же достояние их державный к своему великожребию присовокупи и во свое имя усвоив рек. Во обличение же царь своего си брата паче убийства, неже в память рода того, токмо дщерь едину, младенца сущи же,[59] оставль, ненаследованное наследие по них, сию же послежде яве устрои, отца ради, обручену
некоему Еллину, сопряже[60] || за славна краля, лестию при- 38

творения яко за господина, истинною же — за нечестива и худа, яко не бы изволил за таковаго вдати своея крове. Он же сию отсюду в своеверных землю завел. И скончавшуся тамо мужу ея, времени зовущу, благочестию рачитель, сын оного же великаго царя, иже по нем царствуяй, со Христом нами богом избран, Феодор в пресветлыя своея державы дни, по смерти мужа ея, от тамо сущаго нечестия приведе во свет сего благочестия, изыскав ю, во своего
об. паки наследие отечество на первое богоразумие изведе, || с прижившею ея тамо дщерью ж. И по воли ея ону во мнишеска облек и в лавре[61] общей некоей[т] близ своего обыкшаго царскаго путешествия по своему их достоянию удовлив, посади во ограде словесных овец соводворитися, купно инокинь состадуяся: и ту назираше ю, утешая часте своим святопришествием, удовляя потребами, сродство незабытни храня и отча си недостатки исполняя даже до дне смерти своея. Дщерь же тоя помале пременися на будущее, святым
39 крещением || оглашена по чину родительну.

40 II. ЦАРСТВО БЛАГОЧЕСТИВОЕ, ИЖЕ ОТ ПОСТА ПРОСИЯВШИ, ГОСУДАРЯ ЦАРЯ И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ФЕОДОРА ИВАНОВИЧА ВСЕА РУСИИ

И по первем убо брата два, единоотечни убо, по плоти, материй же обаче, единовременно вкупе отца остаста.[62] И вящщий[а] ею по толку божия си дара стяжа имя,[63] по дарованней же благодати паче зело благочестив бе, и елик телесным благородием по отцы, множае душевным предуспевая,
об. первообразное бо соблюд, матерних добродетелей || причастен по всему. В совершене возрасте отца остал бе, уже и супружеству брака еще в жизни отца сочетан,[64] и по отчи смерти всех царств престола родителева наследник бысть. Лет 14 без мала по отцы царь бысть, тихо и безмятежно царствова; во дни бо державы его земля бяше противными не наступаема, но в покои всяцем и изообилии[б] же и тишине отовсюду,

яко же во дни Соломани, мирне и невоеванна пребысть, кроме внутренних мирских соплетений; шлемы всяцех миро-жительных „расковаше ратнии на арала своя и меча || на 41
серпы“, якоже пишет; молитвами к богу от противных навет ту всюду невредно царь мой окружая. Бе бо естеством кроток, и мног[в] в милостех ко всем, и непорочен, обаче во всех путех своих, по Ииву[65] огребаяся от всякия злыя вещи, паче же всего любя благочестие и благолепие церковное, и по святительних иереох чин мнишеский, даже и до меньших братий Христовых, блажимых самем господем во евангелиих. И просто рещи, — весь возложися Христови, все же житие святаго и преподобнаго своего царствия не кроволюбно, но иночески в посничестве препроводив, в молитвах || и моль- об.
бах с коленопреклонении день и нощь, время всея жизни своея в духовных подвизех изнурив. Велик и мног иконопоклонник по прародителех во благочестии явься, юного Феодосия[66] царя благочестивому житию подражатель, всем, иже благочестивне царствия управляющим ревнитель бе, яко вторый Иасаф Индейский:[67] ов убо в пустыни, сий же во царствии; он на версе мнишества венец царствия показуя, сий же внутрь себе ураняя иночества дела потаено, диадимою покровены; купно мнишество с царствием соплетено || 42
без раздвоения едино другаго украшаше, судив, яко не мнее другое другаго во грядущем — нераспряжная колесница к небеси восходная. И обоя верным, иже любовию к нему привязанех, единеми точию зримо; вне удобо всеми царь зряшеся, внутрь — уду же от дел иночества мнихожитель познавашеся;[г] венец бо образом, мнишеская произволением, несмесне и неявлене второе; не возможно бо добраго его произволения супружное житие к богу любве его устудити, ниже самого царствия высота и преизообилие самодержавных доброт. || Многоразньствия и всяческих благ кипящее в зем- об.
ных неприкладство вся совокупив, купно рещи — земное царство и красное мира совершене оплевав, оттрясе по себе, паче всех бога предпочте, ревностию возревнова по святых,

издавна завидящему властолюбцу рабу[68] лесное вся своего владычества остави, его же той много лет в неявленне сердца движении, всем же знаемо, еже то в желательне ожидаше хотении. И елико убо кто тшится на высоту суетныя славы взыти, толико болшии падения подъимет; вси бо к небесней
43 высоте зрети || можем, не достизаем же ю; и солнечну светлость лучь здравыми очесы, елико кто может, приемлем, востещи же к тому и светлости лучь его ятися неудобно; и зрети убо то себе творит не все, но елико тому дает; сице и сия о сем показание убо горцем падение их. Но время сокровенно вся ко свету приводит; о падениих[д] того последи слово изъявит, их же достойне; о святопомазаннем цари Феодоре нужда зде подобством слова конец отдати.

Начало убо греком первый Костянтин[69] во християнех
об. царь, конец же велицей || Росии всей сий Феодор Иванович, вправду благочестивый самодержец, иже рода всего своего житием своим запечатле, яко же пророком всем Иоанн Захариин печать бысть.[70] Аще и дерзостно зде речено бысть и ко оному неприкладно, но убо за благочестие изрядное; аще и любозазорни о сих любопретися начнут, прочее воли их быти не соперно попустим: списателю слово о сих ни едино, нужде не предлежащи убо. И сего святожительнаго в предипреподобии и правде царя, глаголют нецыи,[71] не еще
44 в настоящем у законоположеныя || ему богом вся жизни его лета к пределу смерти в конец приспеша тогда, егда незлобивей души его от чистаго телеси бе исход, не якоже прилучися, но той же властолюбец злый и желатель его царствию зломудрием своим некако виновну ему смерти сущу бывша,[72] по всему вещем обличающим его, яко же и о уншем брате сего царя[73] он же явлен убийца бысть. Не человеком единем точию, но и небу и земли та суть ве́дома. Богу смотрительне се попустившу и терпящу предваршему, он
об. явствену брата тогожде, в молчании || нашем попущением ему за страх, царевича Димитрия убийству надеяся, судив в себе, еже и бысть. Ве́де он, ве́де всех немужество, яко

не бе тогда и доныне крепкаго во Иизраили[74] от главы даже и до ног, от величайших даже и до простых, яко и благороднийшии вси тогда онемеша и равно ему попустиша и безгласни бо быша, яко рыбы, по общему словеси: аще кто о первем не возбранен, ко второму без боязни зрит, — еже и сотвори. Величайших убо устраши и бездерзновенно сотвори, младоотечных || же и мельчайших намздив, средних же 45
от сих многи чиновствы недостойне одари, яко же он царствию достоин не бе. Мню же, несть праведно зде молчанию и се предати, яко господоубийцы[е] сего они вси, иже умолчавшии ему и попустивше и на се, тяжесть мук не мнее понесуть в будущем, — несть бо се забвенно пред богом, елма и долго зде терпит о нас, — аще сих грехопадением не сравняются исправлением, подобными образы покаяния, елицы в нас еще до днесь жизньствуют, увы! и якоже аз, писавый се. Аще есм от человек всех || якоже от песка всего об.
малостию едино число песочныя дробности, но не могу нигде же, еже неистязан, божия укрытися ока, от того бо руки ни жив, ни скончан избежю, и елицы в сих сопричасницы; вся бо тварь объявлена и нага[ж] пред ним, по писанию: „создавый око, око не смотряет ли“ и прочая; даже и до влас испытует всех прегрешения. А еже колик и каков того умолчание суть[з] еже и о равнобратоубийстве и еже о царех, неискуснии во утвержение сии книги да почтут. И паки предиреченным имемся.

Освятованный же царь Феодор, бесчадно и нена||следо- 46
ванно отеческо по себе царство оставль, безглавно же отнюдь и безсеменно, не да сей убийцы мере жизни его преити самотечне, еже бы поне малу семене его зерну в наследие остави[и] в нас; едино чаду же дщерь во всю свою жизнь токмо прижит, и сию, сущу в пеленах, уневестив Христови, молебницу в вечное царство преди себе послав уготовати ему на небесех жилище. Супруга же его, великаго, по нем умилене, яко твердо заклепанная голубица, горлицы подобяся разлучением подруга, яко душа нужне от телеси || разделшися, об.

плача и рыдания многа, слышания достойно, от царских
изшед чертог во общее сопребывание, ангельскаго великаго
сподоблься образа.[75] Шесть лет по мужи жестоце житие
в посничестве препроводив, достиже, чаемо нами, богом
венчаннаго си подруга и свою благородную и благословеную
царска святопрозябения премладейшую отрасль; в недрах
Авраамлех[76] ю узреша со иже незлобивыми младенцы, иже
за Христа от Ирода избиенными,[77] и в независтнем царствии
купно веселятся вечно вси. Другий же сего благочестиваго
47 царя Феодора брат, яко зело лето||расль, на второе токмо
по отцы от рожения лето жизни тому наступивши, двое-
матерен сказуем по толку, Селунского мироточца имени
наречение стяже,[78] по мале сострадалец и свенечник бысть
томужде, еще в пеленах от бога мирови венчеваем царь
быти по брате ею, аще и не у нами чювственно царство,
но назнаменан бе от бога царь нам датися. Его же крове
ради единоя, мню, от смерти и вся лета ныне Росийска
земля всяко от бед потрясаема,[79] и едина в земли господска
кровь многих кровми мщаема бе, попущения ради страсти ||
об. в молчании от людей господоубийцу и за стекщияся в нас
прочия злобы, вкупе казнимо, от бога ныне суд[к] приемлет.

Бе бо синклит некто[80] ближник царев, име сестру, жену бе
же бо благаго царя предипомянута Феодора; сего же ближ-
ника имяни писания толку не имать,[81] яве, яко ни в живот-
ных книгах, богоненавистных си дел ради, не вписася от
бога. Злоковарен же бе и прелукав, в милостивне образе
дел свою злобу ото всех крыя, злолютством в прикровении
злобы своея благороднейших себе во царство превозшед,
48 всех оболстив, еже последи лестию многою || и царствия ему
высоты достигнути, иже преди о нем слово скажет. Сей
царьскую, богом дарованную мирови в насладие отрасль сего
вданаго ему прародительнаго наследия изгна, яко же огнену
искру в пепеле погреб: сего во град некий с рождьшую его
оземством немилостивне осуди, и со еже присвоеными ему
по матери;[82] не совершено сугубыя стократица поприщ града

царска отстоящ к полунощней стране во брег реки Волги,
Углечь граду тому имя бе.[83] Время же своему зломыслию
обрет и суща стаинника себе потаена, зело злых злейша,
Луппа || некоего,[84] брата си свойством и делом, иже толкуется *об.*
волк, — от дел звание приим; возревнова царствия ради полу-
чения завистне Иродотворительною люте яростию;[85] о мла-
денцы на убивство ему подвигшуся, яко агнец непорочен
в жертву богу принесеся, сугубы возрастам четверица осмо-
дневнаго ради по матери осмолетен ножем послушатели на
зло заклан бысть предо очима своя ему матере.[86] Како
тогда тоя утроба не разседеся о бывшем? едино рожшей
того о сем болезнь бе тогда сведома. Умысли бо предипо-
мянутый || злый раб, незлобиваго земнаго царства лиший, *49*
себе то в сокровене льсти притяжати, еже и сотвори, но бог
за видимаго небеснаго царства не лишим, мняся и от бога
тако же улукавствовати яко же человеки. Но не убо всяко
мыслим бе его и от человек утаися, неже от бога. Убийцы,
на се дерзнувшии, от града жителей сами смерти всячески
гонзнути не возмогоша, единочастне с неповинным младенцем
на едином месте убиени быша мнози;[87] и грешничю дерзнув-
ших убийцы кров пси полизаша на местех. Он же господскою
кровию не удовлеся, || приложи к сей рабскую изливати муками *об.*
кроволитными: дерзнувших гражан иже на господския убийцы,
посланныя им, та все домовное мне погуби, утаився царю-
ющаго нами благочестивне Феодора, овы вне земля всea
оземством в темницах заточив, уморив, овы от них множай-
ших на пути нужно удавити повеле. Сродных же и сопле-
мянных убиеному по матери — сих злейшими муками удручи
и на край всея земля такоже оземством различне разсея
бедне;[88] рождьшую жь самую во смирения образ иночества
облече, во мнишеско || пребывание, идеже се яко света тамо *50*
уединения к рабу сию всели,[89] всякого утешения место
и мало покоя кроме; ю же по времени с рабом ея рострига
Гришка,[90] пришед, оттуду извед, истову си матерь сию нарек
к болшей мира прелести, еже и бысть. Послежде попуще-

нием божиим убийчески же не точию род, но и племя все, аще и далечни суть, Борис тогда всех изыскав и именьми вельми обогатив,[л] различне же ему сущу и довольно одарив.

Таковое[м] возмещение егда же о безгодней смерти брата
об. в царския слухи самобратнаго Феодора || еще вниде, тогда царь, во братский на жалость подвиг естеству того понужающу, возстенав от скорби зело и прослези умильныя глаголы, иже тацех сродству достойныя и царским разумом, премудростию украшеныя, испусти, могущая яко человеческия увидети слухи сущих ту всех в неудержим плачь подвигнути, слышащим людем всем господа своего, такову смерть горьку и безгодну приемша, аще не бы ото убийца взора
51 прещения убояшася, от слез удержашася. Абие царь, || от плача престав, скоро им тверду повеле о случшемся взысканию быти. Посылается им един от святоименных отец, Сарский митрополит, с ним же от синглит велможа благороден велми,[91] и яже о них, на место, идеже непорочнаго младенца и святая душа царева от благоуханнаго телеси его нужно разделися, неве́дущая злое и греха не познавшая, и новомученическая неповиння кровь излияся, яко же Авеля другаго и Глеба,[92] самобратне завистне избиенных, ов убо
об. ради жертвы, ов же царствия дельма, и они убо || от братия, сей же от раба. По взыскании же паки послани повелени к пославшему возвратитися спешне; но убо, паче повеления царска, страха убивству виновнаго посланнии убояшася, повинушася беднии того воли, и елико убийцы[н] годе тако и возвратившеся цареви, первосвятителю же и всем сказаша, яко же от губителя страхом научени быша. К сему еще лжу ему прелукавне зле на неповиннаго сшити[о] бога не убояся,
52 при царе и патриархе, всему сигклиту и мнозе || собрато бывшу, малу лжетворное убийца он утвердити хотя, изнесе повинный пред царем и патриархом с прочими посреде собора таковою вину на самого[п] младенца возложи: рек, яко самому ему, играя, заклатися.[93] И болезнь ему тяжку прирек: яко же неким, тако и сему, глаголя, страдати: иже иступати

умом и телом оцепеневати; той час ему тогда настал бе, глаголаше. К сим же святитель, синклитик, от места убиения пришедше и всепрельстившеся временными, убийца глаголом свидетельне пригласиша, научени бывше: тако быти тогда глаголаше, || уставиша. По сем, времени зовущу, лжу свидетелный об.
синглитик, мню, яко бо попущением той всей Росии царь был.[94]

Таков иже предиреченый убийца он царьствия державы мощен бе, яко самоцарюющему тогда не восхоте всех в волю вдатися, еже бы поне по смерти убиеннаго младенца мощем тогда оттуду, идеже бе и заклан бысть, внутрь самого царствия града принестися и купно и с того прародители спогребсти; но тамо незлобиваго младя, идеже свою че||стную 53
кровь смертно излия, уголубив онамо, перстию посыпати и без славы[р] земли вдати, ни яко проста людина совершение погребению сподобити, неже бо подобающее царски исполнити. И по животе младенчи всезлый властолюбец на персть враждуя его, — от вещи мыслимое оного убийцы познано бысть. Егда во отечество изо оземства принесется святая с нетленною его плотию рака к положению отец и сродник, бояся и трепеща убивый убиенаго от чюдотворения обличения о гресе своем, яко же Иванна Ирод,[95] да не || яве пред об.
всеми обличится убо, и предумыслимому его еже сложению помысла, к царствию желанию от народа кая возбранения спона препятию хотению его будет, еда людие, зряще вси безгрешную и неповинную кров, умилишеся, его властолюбца злаго возненавидят, и хотимое ему сотворити обличат, и в дело произыти зломыслию его не попустят. Сего ради богоугодие разумети не даде окаянному омраченный ум его, яко Июде, сребролюбием объятому.[96] И аще бог восхоте убо тогда дерзость его || обличити, могл бы и на всяком месте всяко о сем 54
совещеваемое его возразити[с] не убо дал бы сему и начати убити, но храня убийцы о сем суд в будущем, яко да в день судный пред ангелы[т] и вселенною обличив того, вечно умучит.[97] Времени же позвавшу, Василием царем, иже преже сего, единем пришествием во царский того отечества град

святому ковчегу сугубо действо содеяся: первое, еже раб-
скую Борисову обличающе о себе смертноубивствену дерзость
и недостойно бывшее Борисово воцарение; второе Гришки
об. ростриги || во имя святое его имянованием преложение посрами;
единопришествине тогда святый дву лжецарей купно заусти.[98]
И прочиях же по сих, на се дщащихся, на отечество его,
младоточных зело неблагословна корене, ни по избранию
людей, но от страднческия четы, безъименных, мельчайших
и самозванных, разбойнически наскакати,[99] — таковыя бо, яко
дивимаслина к доброй маслине, не по отечеству отнюдь при-
цепитися не могут, но яко дым по воздуху разшедшеся, без
55 вести быша, — сицевых бо || он даже доныне, не престая,
обличает. Чюдотворивое же страстотерпцы и новомученика
непричастное тлению в раце тело при гробе отец, яко на
свещнице, светит всем, прощает всяк недуг и доныне с ве-
рою к нему в чисте совести приходящих несуменьно, и оте-
чества си снабдевает от враг ненаветно, изменших же ему
всех обличает своими чюдотвореньми.[100]

Кто убо непщуя толику и такову, яко же сами чтущии
весте вси, благочестиву роду и благословену богом и свя-
об. тыми его, еже во царствиох утвержени многими || леты вко-
ренену, — и[у] не пренемогающ до збывших бесплодием леты,
ныне без наследия преходен, имеющ конец, — и толице
в поднебесней части вселенныя такову убо яко ни Риму
другому[101] царску всему православных жребию ненаследо-
вану в прочее остати? Не оскудевающи бо никогда же
и доднесь происхожением лет корениом отчим естественными
законы к прозябению отраслей, еже бы не привезстися
когда царским стеблеом от чрезл отеческих в наследие
56 толику и такову отечеству, — но влечахуся друзии || по пер-
вых, яко всекрасныя леторасли домосадныя и плодоносни,
в род от рода не оскудевающе; и не бе никогда до единаго,
ни убо, аще не бы от близ сущих злых крестопреступных
рабов, царствия ради зависти, искоренен был род тех, богу
за грехи попустившу наша, нам от немужества умолчавшим[ф]

необличне. Розги бяху рода того от моря и до моря, и яже
по сих, — рече пророк,[102] — ныне же изсхоша вся; „дах вам“,
рече бог, „царя во гневе моем и отъях в ярости моей“.
Непщую, аще бе под небесем таков другий благочестив по
всему и православием[х] сиятелен мир, яко сий, на елику *об.*
солнце зрит землю всю и море же.[103]

От зельнаго бо желания еже о пребывании законных
уставы царския высоты памятствова, преумножением скорби
и зельством горести тогда той яко упившися, едва душа
у державней безгласна и вне себе бывши, яко бездушна
зряшеся. И да не убо просто помыслит кто или преложит:
такова таце же скорбь, яко же в нас худейших, когда по
естеству действовати; обаче тажде неприклад||на бо его *57*
не в печалех, ниже в веселиих та мерою, яко же капля
дождя к велицей пучине моря; сице между обоих, скорбех же
и радостных, преимущих и нижайших преселится[ц] различие.

О царюющих убо нами вправду первосущих царех, — а не
иже по них богопустнех на то именех онех,[104] — и высоте
сана, купно с сими и жительстве неудобно кому человеком
отнюдь ниже словесы, неже делы, наручно о них изрицая,
писаньми износити неподобная, иже в жизни си аще и без-
местно что сотвориша || и погрешно; но разве что добротно *об.*
к сих славе, к чести же и к похвале, се достояше уяшняти,
единою сполагати в писаниох будущим ревнителем в память, —
о таковых творити тщанно и страхоприступно списателе
обыкоша и нас научаша. Недостойное же еже о них с про-
чими совмещати не[ч] неподобно, ниже человеческия силы
бысть дело, понеже таковых судити един весть бог, иже
надо всеми; той сведый и всех вся, не убо явленая токмо,
но и сокровенная тайномыслия открывая, и яже во уме быв-
шая сложи всяко греха, в день суда обнажит советы серде||ч- *58*
ныя, и на среду приходят; может бо той по когождо делом
намздити кого или умучити вечно. А иже от не сущих ниже

благословно и чрез подобство наскакающих на царство, сицевых яве от благих по всему отделися суд: необличнаго же умолчания ради, еже о тех нечестиих списателе, мню, с сими равне истяжутся.

[1]. О смерти[а] государя царевича Димитрия Ивановича в 99-м году, и о приходе крымского[105] под Москву; и Борис Годунов з бояры и воеводы ратию против крымского в обозе[106] стоял; и как крымсково царя бог победил, ис-под Москвы побежал; и Борис, бояр с собою взяв, из обоза ходил к Москве в город и мешкал в городе три дни, а рать вся дожидалася в обозе, чтобы царь подале ушол; и спустя три дни ходил Борис с Москвы, взяв рать из обозу всю, сказал государю: гонял за царем до
59 Серпухова[107] || и побил. Тут же и о занеглинеском пожаре борисовых зажигальников. Все деялось в одно время, в том же 99-м году, в одних неделях и днях

Во время же некоего времени, иже по седьмой тысещи 99-летное обхождение круга,[108] внутрь самые благочестивые державы, седмому исполняющеся лету от святопомазания на царствие преблаженнаго Феодора Ивановича, государя всеа Русии, три по числу нам зло попущением божиим купно
об. тогда || стекошася ко искушению. Первие — иже, яко Иродоубийственною рукою, от раба царска семени незлобиваго отрока неправедное заколение. Второе же зло — внезапное пожжением запаление до иже во испепеление положение большия части всего царствия, пребогатых жителей домы, обремененыя всяко довольне потребами, иже обонпол Неглинны реки бывшее.[109] Кто не весть, яко углие в попел претворшееся огня ярости, жилищ всех воздуху развеяти?
60 Умыслительным бысть повелением || тогожде: среди самого полудния той сотворити не от бога убояся, солнечной теплоте жжещи, неиспущенному яростне пламеню, яко спомогающу свыше,[б] лютость виновнаго[в] запалению показуя. Мно-

зем,[г] глаголют ведцы, тогда от человек разтлевшеся раждающим и со младенцы огня зелостию; во время бо спания полуденнаго внезапно, яко мучительски сотворено таковое, аще бы ни един от них не избысть; в различных местех онем повелителем пущеныя запалители купно везде пламень возжизаху, яко || живущим ту нигде же бе возмощи утещи. *об.*
Третие же зло — Агарянско нахождение самопришествена с восток нечестивна царя,[110] даже пред моя забрало внешняя граду приближитися смевшу, яко николиже тако бывающу толико безстудству.

И двем убо злом бытие от властолюбца Бориса, третие же — небеснаго смотрения наведение свыше, но не у без промысла и обоя. И аще же благочестивне и пресветле тогда державный Феодор нами царствуя, но он убо своими добродетельми един || довляшеся богатея, наше же всех оскудение, *61*
еже о добрых неплодство, в нашедших к того избытком не удостоитися; тако же убо и быти может то, яко единаго добродетель не может спокрыти всех человек прегрешение и „никто же красится чюжими делы“, рече писание, но их же суть трудове, тех и дарове; честь и венцы победивших суть, — и многа такова в божественных писаниях во указание положена. Но убо иже господомладенческое неповинне заколение и всеградное туне огнем потребление и не хотяще убо и подъяхом || вси, яко ничто же знающем, безсловесным *об.*
молчанием спокрывшеся злохотимому в конец простиратися на прочая сим попустившу, якоже и ныне о наставших онемехом в случшихся.[111] И о сих толико.

Безбожнаго же Измаильта[112] к царюющему тогда пришествием приближение граду туне бе, нам же по всему безпакостно, явленаго ради заступления вседержавныя християном на враги помощницы, внушившу скоро донесением сыну тоя мольбу по святых своего угодника, миропреподобнаго государя нам || Феодора, тезоверна царя. Устрашил бо нечести- *62*
ваго и со иже с ним, ве́де, нощными знаменьми забрал всех каменноограждењя твердынь градобитных хитростей грома

3*

не обыкшая таковыми тех оглашатися слуху, огнепальне мно-
гими отрыганий рыканьми громогласнаго ужасно в дыме
огня з блистаньми бьением многии словом со основанием
колебати землю и потресати небом.[113] Сего ради вниде
в пришедшаго царя с трепетом вкупе страх, в кости и в душу
его, и к бежанию воспять со всеми вои устремися обнощ,
об. гоним во своем || ему ужасе невидимыми поганатыи, яко
в бегстве нощи тоя обрестися ему вдале града, глаголемаго
Серпухова, обонпол яростнаго устремления быстротечением
преславные Оки,[114] яко наглое тех нахождение к нам, яко
преградою, глубинным присноубыстрением си возбраняет
всегда. В снабдение бо от варвар не мало, яко непрелазна
стена, премудрено зиждителем о нас сия положися ввек,
многу часть земли нашея от полудне, идеже простерта бе,
течаше и, яко поясом[д] некако опоясуя, протицает быстрясь,
63 объемше в данную ей меру || земли противным на ны выну
всяко возбраняя исход от своего ложа, и не безбедно тем
тоя обоюду прехождение бысть, разве иных множеством.

Не едино же тогда пришедших Измаильтян нашю плено-
вати землю огнепальная грома орудия, от царствия устра-
шением си повелительне отгнаша, но еще к сим единочасне
купно и другое тогда чюдо сотворися богом, яко в той час,
в онь же нападе на ня страх, вложи бог в мысль воину
некоему же благочестиву в самом тех пришествии под град
об. яту и держиму ими, || принужен по вспрошением их поведати
им. — „Чесо ради, рцы нам, — тому они глаголаша, — таково
нами видимо во граде в нощи сей молнеобразное блистание
ото оружных сосуд, на ны битва со огнем яростно испу-
щаема? Кая во царствии иже со царем затвореным удобь
внезапу пребысть радость, изорцы нам?“ — рекоша ему, вскоре
к сим и муками испыташа, и не тяжце же. Он же, благоумен
сый, яко весть чин православных: благочестия ради не туне
64 в муках и велию претерпети болезнь, || укрепляем о бозе от
добраго приставника ангела своего ему хранителя, елика
скорость уму его вопрошаемое объяти, сши словом добро-

мыслено потребну времени грехопростительну лжу, затвореным во граде к свободе приличную, сказа противным, о Христе уповав, аще сим веруют. — Яко сего ради, глагола им, радость во граде, иже от западных стран, Новоградцкия и Псковския земля,[115] предипущенными повеленьми царя, в споможение граду ратей вооруженых многочислие тем днесь купнопришествене ускориша || во град, их же царь нашь об.
и людие града вси чаянием спешне удобь ожидаху. И егда си неверных врази от сказателя услышавше, веру паче о сих многу нощным знамением явленым чювствы емше, купно словом, тоя же нощи, без пождания всяко дня, устремишася в прямное бегство, яко же преди речеся, образом бо, яко многодождевны испадшая ото облак купно воды, и не бывши сих бе пришествие и отшествие. О сем пленный узник, возвратився во своя утечением с пути, вся по тонку царю нашему, || вопрошаем, возвести; к сим же приложи изрещи и 65
о возможных колико видетися и глаголанным елико разуметися ему вещех, бывших времяны теми в сопротивных.

Наше православное тогда стоянием всего ратнаго земля нашея собрания ополчение бе на месте некоем, близ внешних забрал самого великого града, обонпол соименныя ему реки, по простой речи глаголемый — обоз, древним же званием — гуляй.[116] Его же существо зримо, яко град, бяше, подобою древоестествен, тончайшими дцками соделан, щитоподобно име сограждение || градозабралным устроением в защищение об.
верным. Меру же долготы каяждо часть забрал тех имяху трилакотну,[е] ли вяшше что мало, широты же в высоту сажень едина; друга друзей соткмени составы тех, яко члены некие животных плотяными жилами, между себе сосвязаеми бываху железных вериг укрепленьми. От места же на места преход его движением пошественым состроен: егда ему поступати, идет и, егда стояти, стоит. Колеснично же его прехождение бысть: внутрь всеа круглости его в колесница многи впряжение мсков, || поступающих тех силою движения на иже 66
место архиначальника воем и строитися ратем повелит двиг-

нути или стати слово; животная в нем вся отнюдь незримы внешних очесы. Обоимательство же таково того величество о себе имать, яко и велию рать всю с потребами всеми, вмещая в себе, ему затворяти, и оружества многи, елико довлети. К сражению же в прямного противления ратных исхождение наших полкодвижных сил свободно бе с коеяждо страны ему, противу бо потребе своя отверзая забрало,
об. егда в меру || сопротивных навет будет; аще ли ни, паки воспять угонзают во свое защищение спешне; или помалу двизатися, ли не зело отступлене от стен творити, хребты своя, яко прилеплены защищение имущи, обаче бо власть имуть ко исхождению и неисхождению, во управляющих воли и егда како наставшее позовеся время в случшихся; отступают же ото ограждения толико, елико когда смотритель всему хотимым время разсмотрения даст. Твердость же
67 телесного того основания толика: || токмо лукопущенех стрел устремление в себе удержати весть, возбраняет суровство тех единех в себе и притупевает удобь, разве прочих и мельчайших огнепалных стреляний, неже тяжчайших многосугубных зельств, иже во огни мнозе и дыма исхождении громоподобне рыкания произносных страшне гласов. Сих к себе яростного приближения летящих невидимо воздухом стенобитвеных железокаменосердец того тончайшая телеса не
об. стерпевают о всем, и множае величайших: оного || состроения тонкости удобне, яко же стекляничное естество, разсыпуют, ли паче рещи, песочное.

Но аще и ко единой вещи и времени сие умодельство[ж] потребно бе, но приятно зело бывает в прилучшихся, безбеден бо о тацех сицев щит составися. Разум же[з] глаголют ведцы, первосущия составления его художества в начале бысть, им же таковое хитростное умыслися первие, князя наричют некоего Михаила, порекло Воротынский Ивано-
68 вичь,[117] вправду сигклитик велик при царе, || со властию повелевая сотворити се или оно, паче же о ратнем уряжении вручение печать име о сих себе слово самодержавного;

бранному делу по всему сказуют его бывша искусна, иже
таковое остенение, православным в сохранение ратем, от
стрел вражиих, змиеподобнаго тех уязвение болезни в часто-
сти множеств, премудренно составити могий; своего жития
бытие имея он составитель при державе предварших царей.

В наставшее же сопротив неверных ополчения перво-
реченное время бяху, собравшеся || во ограде той, всея дер- об.
жавы купно благородием великия достойноправителя вся;
в них же бе управлением в делных первствуяй зависник он,
иже оттогда и прежде на место царствия тщася мыслию
в своего ему прикровене явлении хотения образе зрящим,
от действ познаваем, не обличаем же. Без него же вси
величайша отдревле столпы уряжение некое от велика и до
мала сотворити смеша о наставших, — яко празни бяху, обла-
дани прежде властолюбца страхом, вместо действа они токмо
имя и место || паче оного имяху, существом же отнюдь ни 69
в чем не действени; окрест всего неусытне вси прилежанием,
пчелам подобно, егда о своей им бывает матери; но сий убо
по естеству лев, они же крыяхуся страхом. Тако той един
онех всех преоблада, и множае простирашеся тогда надо
всеми преобладание, честь же и слава, яко и предо очима
самого царя вси не страшахуся, ни стыдяху хвалами о нем
чрезъестественых словес, яко венчевающе и и помазующе
до толика, — вмале не сравнитися ему царю; от сего множае
в хотимое надмен быв. || Державнаго око вся сия зряше об.
и слух приемля самосвидетелне, божествен бо образ того
по всему не требуя свидетеля, ни обличника; обаче же
в коем устроении тогда мыслию о сих царь бываше, по
неких, вне ли плоти, ли в телеси, и аще внимаше, или не-
бреже, — простых мере не мощи ясне сего уведети, ли по-
знати глубину сердца царя; недоведомое оста недостижно,
точию сведый всяк царя благонравно недвижение к злобе.
Егда же приятного богом известо по иже духом о нас
молящихся с сими купно || о царствии во плоти царя нашего, 70
святы ушеса его, не обыкшая приимати всяк слух суетен,

огласишася достоверне о богопротивнем цари, отступления его от града и далечнеи вмале неначаемаго всеми всяко бежании, — тогда он санолюбный отвне града с местнаго устроения объятием оного стояния, глаголемаго обоза, вниде не со всеми силами, но токмо со иже именьми великими, ко благочестивному царю нашему во град. Поведаньми великия оны вси сказующе патриарху[118] же и царю, бого-
об. победное воистинну нечестивому отгнание || они на человеческую славу претвориша все; славохваление на языцех имущии могущи истинну на лжу превращати, лжая словеса сшиваху, глаголюще, яко он сице нечестиваго своим промышлением от царствия отогна, сим незлобие царя, несмелость же инех обольстевающе, о прочих же, иже по тех, неберегше всех; словожелателем онем помиловани и намздени, суетными всяко хотяху славопревратницы они быти. И егда угодное свое он послужением ласкателей сотвори,
71 тогда царевых сокровищ вся храни||лища обладатель радостне, яко играя и скача веселием о хвале своей, во изношение отворити повеле и, различных доброт бывшая во обстоянии с ним дарованьми невозбранне венчевая, первее словоласкателя своя удовли, иже помазующих того на лучшая в совершенную желания его высоту, потом ратныя по чином воины обогащая всяко, елико успе сего скорость.

Тридневно он тогда о своем славоутвержении и раздаянии беструдным мздам по отбежании от града нечистых
об. Агарян и его во град с места || ополчения пришествия медление во граде сотвори. И егда той извещением крепце уве́де о оном цари, яко невозвратно впредь бегу ятся, еже доспети ему деньми теми своея скорости некий именуем Ливны[119] град, и во царьствии еще ласкающих к своему хотению довольне обрет и мзду от[и] него приимших, — тогда любославия рачитель еще умысли, обаче и сотвори: тщую славу от человек уловив, к перволожней си славе и сию приложи, еже по оном цари вослед гнати ему, яко по ветре,
72 иже обычей || бываше буявым таковая сотворити, его же

своим наручным медлением во граде преди себе пусти. И како убо и не предпустил бы? Сопротив его[и] он, лжехрабрый, не возможе во все ополчение не огражден стати! Не восхоте убо тогда гнати по нем с места своего ополчения, глаголема обознаго, во град не входя, дондеже удоление оного не остояло бе, яве бы тогда гнавшаго о бежавшем храбрость бысть: и виде свое немужество яко сего ради оттуду тогда за онем от близу не погна, яко аще бежащий гнавшаго за плещма своима ощутил бы, || тогда *об.*
бежимый отвратився,[к] ве́де, гнавшаго разстерзал бы всяко. О таковых сам иже всех господь во святых писаниох рече: „блюдитеся от псов“, и во другом: „да не вращшеся расторгнут вы“. Славоловитель же притворное свое мудрование о сих не отложи, паки ополчися, тридневы во граде препустя, яко скоро охапився и спешне, показуя людем, вослед предипомянутаго изыде до Серпухова глаголема града, едва уже и слышася тогда, за им же гнашеся, где бе. Тако той страхом омрачаше люди; мы же и в сем || повинухомся ему *73*
безсловесне, яко и в прочих. Обратив же ся той во царьствие от притворного си погнания, паки хвалением словес осияватися начат, истиннее рещи, омрачатися, сшиваему лестцы, яко в паучинном ткании славолюбия[л] одежду, иже о оном цари победу, лжю, еже того погнанием побиен бе царь от него. Како убо се истое и быти может, его же в погнании ни слыша, неточию виде, разве токмо весть о нем, уверися слухом, еже не возвратно поиде, отнюдуже прииде, неугашен име в себе самовиден || и самослышан *об.*
страх от града, егда бе при стенах того, а не иже ради по нем ветр гонящаго?

По возвращениих от погнания за варвары иже славу купующаго, ласкавцы ему хвалу к хвале прилогаху, паче се глаголаша, яко он сий сыроядных от царствия отогна, еще же и царя, сошед, преславно победи. Таковым убо образом лжая славы, и хартия многи градом всеа державы с царскими печатленьми разослаша, наполняюще соплетеного сво-

74 его лжесловесия впущающих слухи, ко едино || подражанию
усердно вся люди всячески бедяху, еже, кроме инаго, сего
наострителя мыслимое исполнити, яко желатель всем воз-
любити и, и узретися ему помазуему немечтанно на всеа
престола славе. Вмале не яве откровением, словом сия
в писаниях и словесех о нем изрицаху, еже бы всем живу-
щим самохотенно в тонце прикровении о нем разумети;
в самом же царствии люди вся словесы на се едино сподви-
жуще, во очию их добротворения его едины предлагаху,
об. сопротивных || кроме, к согласному всех о нем люблению.
Елицех же от воин преже погнания своего, в тридневном
во граде предпомянутаго пребывания ему тогда, дарованьми
с прочими в скорости намздити рук тех не упразнися, сих
по возвращении паче различне обогати, усугубив, извет
творя всем ласкания — свое ими побеждение богоборнаго
царя. Сего ради им различна мзда: первыя славою санов
опоясуеми, втории повелителных чинов вручением, по тех —
75 на власти посажением повелевати || другим; инии — златни-
цами преизлиха по сих — сребрениц множествы, по них —
среброделных и позлащенех сосуд приятием, инех — риз
предрагих лепотне, по сих — именми богатно. И всех быв-
ших с ним всяко обдарова, его же таковому наглому удовле-
нию всем приемшим намного удивлятися сотвори. Самим
в себе смеющемся, глаголаху, яко не вемы, чесо ради таково
многое дарование туне прияхом, иже преже иногда многих
ран в послужених, ли за самых глав положение в смертех,
об. и нарочитейшим || в родех, тацех даров приятие не получиша,
ниже потом таковая быти могут, — чюдо зримое! Истиною же
то разумеяху вси, но в себе сокровено крыюще разумевае-
мое, яко не за оно тщетное, но сего дельма царевы ризница
истощишася: понеже яко преже года куплены рабы ему вси,
о хотимем намздени будут. Тако и сотворися: аще и выше-
естествено что творимо узрят, о сем вся непрекословно
умолкнут еже и бысть, преисполнену ону предваршую не-
76 праведне || лихву, яко обличателя приимшим в руку, предо

очима имущем; онемеша бо языки их и уста затвориша ото
мзды, вся же чювства наша паче страхом ослабеша.

Но[м] честнолюбивый изветом веры, содеяннаго ради тогда
божия по истинне чюдеси, на месте обознем, идеже бе всего
ратнаго собрания православное ополчение, возградил ново-[н]
каменозданен храм во имя пресвятые богородица, порекло
Донския,[120] и лавру о нем устрои: вещи убо видения благо-
делно, истиною же — паче своего превосходны тщесла-
вия || имя о победе сим возвышая в роды. Яко же и в про- об.
чих о таковых познан бысть, тако и в сих; образ бо своего
подобия и имени на стенах вапнотворением, святым состоя-
тельна, летописне вообразил.[121] Его же о сем прикровенми[о]
лукавству в духовных и святительнии во льсти послужиша
на время урочно, якоже последи[п] сокровенная сих от настав-
ших времен обличатся обоих лукавство и лесть. По совер-
шении же[р] и освящении[с] церковном и монастыря сострое-
нии, он первосвятителеви законоположи и устави, || в летнем 77
крузе назнаменаный нарек день, в онь же содеяся благо-
победное[т] ту святопроисхождение, з древесы честными
самотрудне шествие творити от наставших и прочая лето
подле лета непреложна.[122] И во дни убо повелителя живота
заповеданое сотворяшеся непременно, а иже по тех, — само-
грядущая поведят и возвестят.

[2]. О пострижении Борисом царицы Марии, матери царе- об.
вича Димитрия, по смерти его, и с Углеча ссылка ея

По святоубиении же вещати не довляшееся токмо кровию
его единого рачитель детоубийца Ирода Борис, но и роди-
тельницу неповиннаго закланью отрока мнишеским образом
ненавистно облече и в лавру некую от мира сего удаляемых
стран ту, кроме воля ея, всели в месте пусте, непроходне же
и безводне, отстоимо свене всякого утешения телеснаго,[у]
и в скудости те||лесных потреб тамо затворити ю повеле, 78
не токмо всех, но и нужных улишив неже по равенству

от раб, даже до пища сосуд же и одежд и протчих, их же достоило бе. Но по всему, яко просто супружество подружие, бывшую оному мирообладателю свенешницу таковыми нуждами всячески обложи и яко второе убийство по сыне самого того матери сотвори, яковых нуждь и рабская мельчайшая чета не стерпевают, неже толиких деспод царюющих.
об. И юже сыноубиением оскорбил, || сию к сему и потребами оскудил: сугубу ей в жизни печаль сотворил, сугубейши же тоя и себе он уготовал муку. И аще по сынолишении ея и премнога земного покоя ей сотворил бы, ли и вся благая земнаго царствия плотный враг ея той принесл бы, иже пред малем вся та в самех руцех быша усвоена и не восхитна, — возмогл сравнитися бы царстей погублению души и матери утолил толику о сыне печаль той тленный земный покой? Ея же зде не имать обвеселити никая же радость,
79 неже еще того рожшей сугубое ||к скорбем убивческо приложение досадом. В теснотах же толицех она пребы тамо время от нужныя смерти заклания сыновня 99-го по мучителях и кончине до лета 113-го, Розстризина во царство ввлечение; тем бо той оттуду паки во царства град честне изведение, яко от Египта во обетования землю,[123] бысть, нарекшуся ему злоковарне в прельщении царства сыном ея. О сем подробну во своем чина известится месте.

об. Где суть иже некогда глаголющеи, || яко неповинна суща Бориса закланию царского детища, иже о царствии к сему того зависти? И еще ли от сего не обнажися законопреступнаго его убийства веления, яко и иже во время убиения иже на закалателе гражан многих воздвигших руки не стерпе ярость его, еже бы сих ему пощадити? Овых убо испытне, дерзости таковые ради, различни мук удручи за еже господоубийц, сопротив заклания того, убиша;
80 овых же в западных земля, идеже солнце, седая, || затичет, заточеньми осуди по муках; инех в стропотных путех иже

дотуду шествия оков нуждами всяческими умори. И аще сии убийцам не бы сотворили сопротив воли его, то с сими на господоубийц и он равне бы согласовал, и преизлиха всяка власть име сих умучити не токмо, но и соплеменным тех праведно зазлити, аще не бы от него бяше о сем повеление, внегда в сопротивных сему сотворяше таковая. Он же
владыкоубийческ род и племя, иже волю || его сотворших, *об.*
не точию и сих казни предати, ли чим вмале озлобити, но вся изыскав и тех руки исполни мздою, имeньми и дарми многими. По всему жаление свое о убийцах мирови истое и не хотя показа, иже самех убийц ради и сим по сродству казни достойнех, — тех обогащенех сотвори. Яко же поистине в сущих державе законныя обычая бяху: благословных вин ради добропобедных роды их, благочестне умерших,
к сравному изыскавати дарованию, — сице сему он || сопро- *81*
тивне злотворных племя венчевая, а иже скоромстителем неправде, елики от народа на убийц обретошася, вредности кровомщением не терпящем господска убийца зрети, сих злом си в далечная посуди.[124] Оле таковаго ослепша тмою мрака разума, от убийства запятаго, мнящеся ему покровеннаго! Оле и нашего от несогласия немужества и безчеловечества, еже сему о сих попущение, яко и на прочая по сих сими дерза бо сего сотворихом.

Сицево бо бе || самого убийцоповелителя Бориса о убие- *об.*
мем им младенце и по смерти господоненавистное суровство, яко достойне и истову о убистве убиенаго еже бы крепце быти о нем взысканию со истязанием, он же ниже нечестивых деспод о смертех испытанию восхоте тверде сравнити, иже некогда в землю сию от язык при державнем Феодоре в служение ему с восток сыну Агарянска царя[125] и потом от западных двема сыновом Латынских кралей[126] пришедшим,
иже зде нанесеными || от тогожде смертми измершим. О цар- *82*
ствии же и всяцем владальстве он таков бе на вся сточныя ему сверстницы завислив, паче же на благороднейших себе, еже ни едину бы кому, кроме его, на та ни делом, ниже

словом, ни мыслию о сих смети внимати, сего ради и в началех ему своего обладания и превосхождения величайших испред царя восхищая и в земныя конца развевая.

[3]. О Богдане Бельском[а,127]

Едино[б] же от многих, иже в конец лет его им сотворшее
об. зде сокращенем вмале представлю словом. || Некоему званием бывшу по реклу Богдану, от всего царска синклита первоближну и началосоветну при преславнаго царя Ивана очех, елма в державе и величайшая многи благородием бяху, неже той; превозлюблену же ему бывшу царем паче всех по угождению: сердце царя всегда о нем несытне горяше, и очи своя нань присно несовратне издаваше, устрелен срамною стрелою тайныя любве. Современен же сему и Борис той бяше тогда близостию ко царю, но первый вто-
83 раго много излишествова || во славе, аще и совершенаго имени чиновска предиглагольный еще тогда не у бе венчан славою; другий же, перваго степенем царствия превозщед, послежде и зазлением, яко ногами на главу первому ста, весма и супружным усвоением со племенем бяше ему великий. По пришествии же времен и по самодержавных изменении и пременении в державах владеемых и превращении Борисом первых во царствии, обычаем сему, о нем же начатое слово зде, жизнь продолжися до иже Борис воца-
об. рися; в сонме же при велицем Феодоре || с великими благородием сообращаяся купно, и ничим же прочих отщетеваем, во инех же и предерзая, еще же к первей чести Борисом и приложение некое немало имени прият, малом нечим не достигшу ему совершенства чина великих мирския славы. Прежде бо сих многа лета по смерти любящаго и безмерне царя вдале града царска во своих он пределех удаляем бываше от молв мира за наставшую о нем во царствии тогда бывшую крамолу,[128] преезжая от веси в весь, во оби-
84 лии тамо и покои мнозе пребываше || вседомно, токмо свято-

наставшаго царя Феодора очес не виде и близ того вкупочинных си несопричастен присней славе, ниже на всяко время тою же бяше с ними услаждаем честию. В селопребывателных же местех бе снабдеваем Борисом темжде, до иже вся чювствия в земных о обновлениих утишением, яко сном, успоша и яже о нем особне во граде молвящее преста. По смерти бо тогда перваго царя новоукреплением во царствии сын его утвержашеся и о нем сильныя его, иже близу сущая, || обновляхуся, крепяще же первобывшее, ближники об.
царя пременивше вся; много бо розгласия тогда в земли бяше о людех царий ради. Но возвращу паки речь, от идеже недокончана оставих слово.

Тому же во град некия яко под востоки, отнюдуже нам солнце востичет, на обыкшее послужение послану в соименный Борисов град[129] им же, и оттуду оному нанесением лжесловне оклеветаша сего, соткмиша бо и и к пребольшему желанием царства готову бывшу о сем в самоцарующем мнению нань. Гневу бо в нем || неявлене, яко огню дымопо- 85
добне некаку, внутрь невозжене курящуся, к сему оклеветающим веру ят, паче же своемнению попусти: оклеветаемаго первее степени его лиши, от середы синглитства безчестне изрину и, преумноженая же вся стажания его и прочая вся совершене отъя. Премного бо у того бяху драговеществия, зане яковство пребывания его у царех преже бе, — се первее рех; много сугубея бо лета благожизнены жизни при державных славе не вредно пребысть: приба||вление богатству об.
прилагашеся ему день дне, умаления же никогда. Егда же изриновен бысть от славы, наказанья казнь обладатель позорную[130] ему дав градских закон уставленую, яковою по градом казняху злодея, разбойники и мытаря; и ина безчеснейшая поругания ему и срамоту волею повелевшаго наложиша и в места далная поточен бысть. Сим, ве́де, и инех тоже мыслящих устрашая, еже бо о нем, мняшеся, не удобнех прочая творя, таяжде начинати, о их же превеликий || бояшася. 86

Не един же к нему в таковых иже той первонарочитый

облыгуем бе, но и ины с ним[131] в тождевство единомыслие
ему приплетоша, и сих такожде по муках, всих обнажив
житейских, гневом на мя о первем яросне объят бысть, тех
по странах развея. И тамо, в темницах затворени, много
пребыша время, от них же нецыи в таковых нужах онамо
си ко нежитию прияша; прочим же и первоименному от них
оттуду вспять паки возвращению вина повелителю смерть
об. разрешению бысть и низло||жителя сего, еже Ростригиным
во царство пришествием. И егда той оного, яко козел ногама,
збод и с престола долу сверг, — о сем инде вяще сказася, —
они же иже безчестие понесшая и раны прияша, с перво-
страдальным во своя паки пришедши, лутшу первыя в зем-
ных жизнь Ростригою улучиша: впервоглагольний во стра-
дальных совершенно исполнением[в] тогда синклитско сий прия
имя,[132] сострадальнии же ему кождо своего возраста в честех
обретоша меру. Никая же бо бе нужда с протчих зде словес
87 сказаньми сия писуема быти, но ради Борисовех || многих
обнажения злоб. „Возсияет бо нам, яко звезда же ото Иякова
и востанет человек ото Израиля, иже упасет яко новые люди
сего Израиля и сокрушит начатки Моавля“;[133] и аще и о самом
Христе речена пророчествия сия, истинною же сбышася вся
и неприкладна суть ныне же о[г] воплощагося и рабе, цари
нам ради днещних завистей наших, — яко второе, та при-
лично суть не существом, но подобными образы. И да
никто-же о неприкладнем прикладстве от чтущих мыслию
об. содрогнетца, презмерия || ради, по схожении бо того смотре-
ния много прикладства егда быша к рабом зане плоти ради
приступен бывает всем, тако нам писание сказаша[134] и многа
к сим зде же иже в мале ответное, не ради иже добре се
разсудити могущих, ненавидящих дельма и мятушихся мысльми
списася. А еже о дерзости ми начнет хто, аз паче тех со-
естественных истязания боюся иже ми душу вложившаго,
могущаго с тою и тела погубити в геене, аще и воображая
сия рука верна и ниже без страха[д] сеи словеса начертая,
но глас во мне не веществен.

[4]. О принесении мощей святаго царевича Димитрия 88

Василий же, иже бе в нас по прочих царь, иногда в державу ему не свою о святаго младенца смерти убийцы на страх лжесвидетельствова, он же потом во время своего ему царствия бе и мощем отроку взысканью вина, еже ото оземства извнутрь земного спуда в царский град, того истовое отечество, пренесе — и не тако, якоже того страдания и погребения при мучители неславно бысть, но святолепно зело и
с честию многою, яко же подобаше святым. Перво||святи- об.
тельный Гермоген,[135] всеа Росия великий патриарх, всесоборне иконам воследуя во сретении новомученика, таже во славе своей царь и по нем того синклита чин, потом несочтенное всенародное множество, старца и юноша вкупе обоего полу, мужи и жены со младенцы си сретением страстотерпца и новомученика младенца почтоша. Царя царь с рабы сретая, убиенному царствия ради зависти, яко новому Глебу Владимиричю[136] — оба[е] бо в различии лет за едину вещь, еже цар-
ствия || ради зависти, горку смерть подъяша, он от брата, 89
сей же от раба, — в сретение сугубыя различны испущаху гласы, взывающе: яко погребению твоему сподобитися первее аще и в тайноболении сердцы снедаеми есмы тогда, но ради убийцы не бехом достойни неволею, ныне же свободне всяко сретаем тя волею; и аще по смерти твоего мучителя, богу тако благоволящу, не не сподобил же еси нас своего к нам в принесении пришествия, о тебе в самом сретении
достохвальное погребение || исполнити добре, новострадальне об.
младомучениче, к нам пришел еси, сотворив дивно дивство во дни наша; гряди убо, незлобиве, чисте, принесшаяся жертва богови, не у греха познавый; вниди во своя, и своя с любовию приимут тя; се убо ныне от желания любезне стретаем тя, радующеся за се, яко не остави нас сиры, плачюще же о бывшем, яко не бехом достойни видения вовремя твоего страдальческого погребения страхом твоего губителя; якоже адскими тогда есьмы узами содержими,

90 ныне же паки иже в стретении, || лицы ко граду[ж] обратив-
шеся, воследуем мощем твоим; сие вмени вместо оного, иже
на твоем погребении наше неподобление по нужди от страха,
днесь исполни наша недостатки.

Он же непаметозлобне, якоже бе младенцем общь не-
злобия нрав, манием яко преклонся неослушно скоро к мо-
лению раб своих, дошед общаго, гробоприятелнаго яко
влагалища, места всеродительнаго ему сположения, храма
пречюднаго в чюдесех Архистратига[з] Михаила,[137] идеже
в неразстоятельне совокуплении разности всех купно срод-
об. ных ему з го||сподская телеса вмещаема, ста на богоуго-
тованнем ему месте, яко на восток утреняя звезда, с победы
венчан, от запада пришед. И сположися выспрь персти земной,
обагрен своею ему честною и добропобедною кровию, на
суд готов тою враги своя обличая: самого убийца первее,
потом иже святое его и неприкладное имя на ся возлагающих
и царствия его с прочими вся разорших. Три бо пяторица
летнаго продолжения, от живота ему пременения до возвра-
91 щения || во отечество, в земном онамо по страдании своем
быв чреве, тлению в толико лета ниже святомладенческим
его ризам прикоснутися смевшу, неже того освятованней
плоти, разве заемны части общаго долга, убо тля сего,
яко же иногда тричисленных устыдеся пещный пламень.[138]
Что убо достовернейшии сего к сужению правость убиенаго
и зависть убившаго, к сим кипящая оного чюдеса?

И се не мало на убийцу во указание: не в погребалных
об. убо, яко же по закону, || в белых ризах ныне страдалец
в раце зрим, но во иже прилучшихся на нем во святостра-
дании, еговою обагренех тогда кровию, во их же и в земли
довольна лета сотворь; но ниже в пренесении первосвяти-
телеви[и] и царю вложи святый в мысль ко еже бы преме-
нитися тем, спешит бо прочее пред лице вселенней судя-
щаго во обличение своего си убийца и в тех предстати
тшится на суд. Чеснейши бо суть всяко царския самоя пор-
92 фиры они, добропобедною обагрены кровию; не чюжа || бо

тому порфира она, но яко Иосиф некогда совлечется тоя и поверг сию, яко любострастней Иегиптяныни,[139] сему властолюбцу. Число же в раце риз его сице бе: едина иже по первей на срачицу в животе его обычай полагатися, опоясуема; таже две единого существа, беловиднаго ткания, иже к телеси приближни суть, срачица и гащи, иже долнейшая объемля части тела до плесну; по сих препоясания; елика к сим же сандалейца со обувными платы, багряновиден тех
зрак бе; || митра же честные его главы моему недостойну *об.*
забвися виду, суть ли ту с прочими, или ни убо. Чюдно же и се, яко что бе и дело его в час заклания его! Яко не о царствии тогда и прежде бысть упражнение его, — его же бояся Борис, да некогда он то себе восхитит, предварив, — но младенческо по всему бе устроение его: обретоша бо ся в раце, внутрь суть, святыми его недры держимы, орехи ||
тогда бывшая обагрившаяся во страдании честною кровию 93
его во свидетельство, самораслена бо и обычна, дивия же обаче; и младенческая таковая пища ниже естеством она зломыслия образ бе.[140] От показаных бо вещей, яже о нем, указася всем яве, яко в радости святых сия царска семене святая стебль и незлобия отрасль ныне ликует с точными ему не-
злобием, со иже в Вифлиоме || иноизбиенными Иродом: вяшшее *об.*
си в день божия суда чает ожидая оправдание. Мы же к первым словесем начатое навершити нудимся от идеже стахом.

[III]. О ОБИРАНИИ БОРИСА НА ЦАРСТВО В НОВОМ ДЕВИЧЕ МОНАСТЫРЕ[141] И О ВОЦАРЕНИИ ЕГО; И КАК ЕВО ДЛЯ В ТОТ МОНАСТЫРЬ СО КРЕСТЫ ХОДИЛИ, А ПОСЛЕ БОРИСОВЫ СМЕРТИ ПЕРЕСТАЛИ ХОДИТЬ; И О СЕРПУХОВСКОМ БОРИСОВЕ ПОХОДЕ 106-ГО ГОДУ, КАК ХОДИЛ ПРОТИВ ЦАРЯ;[142] ДА О ТОМ, КАК ПРИ ЦАРЕ ФЕДОРЕ ИВАНОВИЧЕ[Б] И БОРИСЕ ПРЕЛЕСТНИКИ ЦЕРКВИ СТАВИЛИ И ОБРАЗЫ ПИСАЛИ ВО ИМЯНА АНГЕЛА ИХ 94

И по тех предитекущих времен в сего внутрь миротворений общия жизни к седьмой тысящи грядущаго лета 106-го,[143]
по успении самодержавнаго вправду || государя царя и вели- *об.*

кого князя Феодора Ивановича всеа Русии, скончавшаго Давыдски свой кродце живот в деянии его благих дел, иже от рабских рук нуждно и прежде времени почившаго, — яко мноземи непщеватися о нем, еже прежде времене ему положенех богом предел крестопреступный в клятве раб сему уготова вечным сном почити, возложи бо на того царску главу свою рабосквернавую убивства руку, принесе господску животу смертен яд и уби и некровопролитне аще, убива-
95 тельне же обаче,[144] якоже отрочате брату сего || прежде той же, — о самого же смерти царя восплеска си тайно руками, зря всех несмельством умолкших о нем людей, и немилостию от своея совести жгом, отбеже извнутрь самого царствия в пострижение сестры своея[145] лавру, бывшей прежде супрузе оного предипомянута царя. Триех бо ради вин непщуемо бысть бегство его, коварством некако мышлено: первее, страх о сем име в сердцы си, да увесть истее, аще ли отнюдь не быти внезапну востанию нань людий, огорчившемся по зельнем плачи вкусом о смерти царя, и
об. ускорят вослед его на убивство || мщеньем; второе, аще же таковый в людех распаления пламень не возжется вскоре, он благонадежне безстуден будет; третии же, разсмотрит свое хотимое, колицем усердием народ весь в державу себе его взыщет и еликою теплотою вослед его по нем тещи имут, и кий коего о его взыскании предваряти начнет или небрежти, в прочее простирая, роздвоять во царствии, овых за страсть любити и намздевати, овых ненавидети и томленьми мучити, — вся сия лукавне о всех уве́дети хотя, да последи,
96 великая || получив, тщащихся о нем возлюбит, нерадящих[а] же умучит гневом. Во граде же оставшу на се с великими своя ему от рода избранныя и многими с ними по нем спомогатели, яко везде быти в людех того всех слух и око.

По отхождении же его иже лестию в лавру от града, на утрие, токмо еще начинающу дневи, солнцу же своя простирати луча на вселенную, собрашася необленно вкупе сильнословесныя рачителя его вся и, молебну человеку уго-

дия хартию писаньми тщанно соплетше, времеyю прилучну в донесение ко оному, губительну же || по всему суетием об.
желателных душам в будущем, ускориша они самого архиерея[146] во двор и подъяша и с крестопокланяемою всею честию кафолическия церкве, и с прочими всего яда[м] во святомолебне устроении и исхождении и чине же купно святительне и священными в белоодежне оболчении. Сподвигоша же с нима и люди вся от старец до юношей от града изытием со святоношении во обители место, идеже превосходный славою, яко в берлозе дивия некако, лестне крыяся, в нехотения образе само||хотящ нам поставитися и быти 97
деспод, еже и сотворися, умолим вмале: идеже богатово хотение, ту удобно бывает прошение. День же того прошения тогда в Сырней седмицы вторник бе.[147]

И якоже придоша вси со святоношеньми в лавру, изыде виновный сопротив во святосретении, с ту сущими священных же и простых, во сретение всеградней святыни. И вшедшим во церковь, молебноя обычие сотворшим, и по совершении начаша со архиереом святоименнии и мирстии столпи велицыи, и по них вси чинове царскаго велми всего устроения, || и умноженая зело чадь малая с великими умильне об.
с плачем молящим и бедящим же всяко и понуждающим на долзе много,[н] да преклонится к молению и не оставит сиры, яко да будет Росийску всему жребию царь. О сем кождо своя к той пристойная оного хотению принося увещания глаголы,[о] могущая молимаго повинути о просимом, глаголющим же себе к нему сими примилити словесы, о сем друг друзе словохотне рвением ретящимся. Средним же и до мала всем нелепо с воплем многим кричати не в чин, яко до иже || разседатися от вопля того утроба их, и лица рдетися 98
ото рденья и ушеса своя от шума того слышащих затыкати, — такова[п] человеком угодия лесть бяше в них! Прикровеному хотением ко всем купно отвещавающим, еже никако ему на таковое дерзнух, сице глаголаше. Не буди то! — рече, с клятвами се утвержая слово к ним. Просимыя же наипаче к нему

словесы на лежаху, к мольбе паче многосугубу мольбу прило-
гающе, и вящщий вопль построша в людех, молимаго хотение
об. спокрывающе купно вси. Он же и еще || не повинувся к тем,
яко да не вмале хотя умолим быти, и скорым их от крове
умягчением уяснится его хотения дело и вси словом отщутят
лесть его; откровением бо малем обличается обнаженне и
сердечное сокровение, всяко умудрение вещи. Он же, зря
всех таковое о себе прошения прилежание, еще спокрывся
нехотением и выспрь, яко орел, превзятся мерою паче и
прелукавне явлеными показаньми обольстеваше люди. Иже
в руках держа пота своего утирания ткания плат; сего плата, ||
99 в приложение своим он клятвам, предстоящим вдале народу,
иже не слышащим от прочих вопля словес его, ставше ему
в крылу церковнем, прямо входу западных врат, на месте
высоце, еже мощи видену ему быти всеми, — оного плата
окрест шия своея облагаше: ближним, им же мощи глас
словес человеческих слышети, сим глаголаше, дальним же
прилагателне о себе показуя разумевати, яко бы удавитися
понуждаемаго ради хотяше, аще не престанут молящеи.
Таково последнее тогда своего нехотения притворение люд-
об. скому множеству || показа, и плошайших убо сим в веру
многу улови, прочих же никакоже, яко и сего его льстиваго
ловления сетей разуменьми ся вышшим быти. Но что успе
разумение? Аще и уразумеша, но хотящее богопопущенне
быти, превратити не возмогоша, богу в прочее то смотри-
тельне на се к збытию попустившу. О хотящих деятися по
сих и паки предиреченных имемся о предиглаголаннем.

Он же, по прилагании еже платом си удавления, убеже
от церкве в темножительныя храмы мнихоцарицы, сущи се- ||
100 стре ему, и яко зельне свое нехотение показуя, известо же
видением и крепце уверився, яко не имут молящая из лавры
изыти, молимое прошение не получив от него. Видяху же
молящая молимаго к молению яко непреклонна вправду,
движутся вослед бежащаго, и внити спрошение в храмы пред
лице госпожи, яко да тамо многу к ней мольбу прострут

и яко да поне сия преклонится к мольбам и вдаст повели-
тельне брата молящих прошению, паче же оного желания
хотению. К сим же отрок некий наущен, не ве́де кими, ||
хотимем ли самем коварне некако, или блазнительми его: об.
яко проповедника изветом пред лицем мнихопребывателных
затворов[р] царицы посадиша и на забралех, поставленех
в защищение града храмом, оноя мнишицы смирения ради;
и выспрь сего на та вознесше, при самых оконцах держав-
ныя, изветом народа яко во уши той младый вопити повелен.
Просимых же молению согласен отрока вопль бысть, вся
народныя их гласы превосходя: к затворшейся иже в темных
храмех || волею единогласно вопия, да дастся ею поставитися 101
царс́ки брат ея во главу всем людем; им паки то же непременне
крича и не престая. И елико сей вопияше, сим паче хоти-
маго обличаше, яко уже студ бе мнозем и слышати таковаго
нелепаго и бесчисленаго вопля. И аще не бы любезен был
и кроме воли желателя таков близ непреступных храмов
бесчинен и мног вопль уноша, то не бы к месту тому и
приступити смел, ниже бы зрящая стерпели тому на мнозе,
яко и в средних таковым бывати не стерпевают, ни попу-
щают же, обаче || ни его, еда творимо что свене своего повеле- об.
ния узрит. Се к прочим множае бысть хотимому обличение.

Абие же вся молящая от храмов сестры виновнаго со
многим изыдоша веселием, яко одарени, получивше ото обою
обещно просимое, сестры и брата обаче, яко руками радо-
стию восплескавше, во вся церковныя камбаны ударити
повелеша, возвышающе выспрь своя гласы на многоополче-
нии прошения; и о приложения лет живота новохотящем
поставитися царии паки молебная || певше довольне, и всем 102
людем такоже обещавшемся[с] новогосподе молити повсюде
запоручиша и во всем царьствии спешне то же и с прило-
женьми творити повелеша. И по сем обещавыйся, много не
отлагая, о́т лавры паки вниде во град. Елицы же к преиму-
щему ласканий своя кождо прелестныя словеса в лавре моле-
нием изрицаху, не единаго ради сих множества[т] изрещи не

возможно, но и за студ, — усладил бо ся, блажим хвалами,
лжами, и утвержатися обыче яко на ветрех, — о таковых бо
об. сама истина рече: „горе егда || возглаголют о вас человецы
добре“, и блажащеи вас лстят вы и прочая.

Он же презре словес силу, глаголемых богом, ли не
разуме, отнюдь, бо бе сим не искусен сы, от рожения бо
до конца буквеных стезь ученьми не стрывая. И чюдо, яко
первый таков царь не книгочий нам бысть.[148] В прочих же,
разве сих, худого преизлиха в мори обладаемых коварствах
паче о простертей вещи познаетца, о ней же слово: како,
всех обольстив, на верх всея земныя чести превзниде, по-
добне, яко на небо от земля, единоступлением на престол ||
103 царствия воступи, благороднийших себе в рабы себе покори,
первее средороден и средочинен. И аще убо дерзостию и
прегрешно зело наскочение на превысокая сотвори, срабным
бе, но ни враг его кто наречет сего, яко безумна: скудо-
умным бо тацем образом, яко же он, на таковая превосходити
и обоимати недостижно, аще кто ин таков обрящется в людех.
Таков бо той бысть рабоцарь, яко и прочая величайшая и
прегордыя по вселенней цари, иже нечестивых держав обла-
об. дателя, || randomness рабородства того не отвращахуся, ни гнушахуся,
державнаго ради соименства;[149] и благоразумия его о земных
слышаще, справаго братства и друголюбства не отметахуся,
якоже и благороднех, прежде его бывших, ли и вящше.
И что дивно: аще быша по сем нам инии цари разуму, но
к сего стень суть онех разумы, якоже познано есть во всех:
киждо бо, яко ограду некако прелез, свой путь погибели
обрет.[150] И да никто же мя о сих словесы уловит иже о любо-
104 славнем разделением: || во овых того есмь уничижая, в прочих
же яко похваляя, в ких явится местех; по неких ни убо,
но зде того при онех разума единаго праведне представляю,
якоже и в прочих, не различуя; во инех же, яко и в сих,
оглаголанием не терплю сего господских глав убийственное
ниизложение и на сих престолы наступления; разве же сего
в делных прочая того благая и злая, бывшая на лицы и нами

изрещи возможная, не утаишася, но не вся, разве что сокровеных.

Нрав же бо ему сопротивне ратующих || ходити: егда не об.
исхождаху они на брань, тогда он устремляшеся на ня, егда же волцы овец не врежаху, он сих на ся звизданьми токмо, яко храбор являяся, призывая; егда же суровии смиреным безстудне наветовати начнут, он пребывает от каменотвердынь неисходен, якоже преди слово покажет и мимошедшая изъявит. По избрании же великаго и своем ему к нам хотении на превысокая не скоро тогда, но разсмотрено и еще седает, яко лето цело препустив, дождав предпосланного ||
блаженным Феодором, самодержавным царем, на восток ко 105
Агарянску царю[151] ходившаго. Известив ему той, в послании пришед, небытие царево на Русь, тогда новоизбранный наш хотяй быти царь, уверився тверде о неисхождении сопротивнем царя, собрав многи вои, преславно творит исхождение свое. Ополчився ратью противу токмо имени царя, не наветующаго нам бранью тогда, дошед града Серпухова, царь наш ста при брезе Оки и двомесечно медление творит тамо ||
на едином месте со всеми силами преди, не поступая. Обаче об.
и посланныя от царя, не вѐдущи его исхождения и стояния ту, приидоша обыкшим обычаем по первых, якоже иногда бываше между господств посланным с посланными вкупе ли особь приходити сопротив творимо. Он же свое устремление притворное в царских светлостех многолюднаго собрания предо онеми показуя изветом своея храбро сти, яко готов бе, глаголаше, тех сопротивитися царю, и все уряжение воинско || и огнепальная премнога громострелянния, иже посланием 106
Огаряном пришедшим во устрашение та представляя, сими сих и в прочая ужасая. Им же тогда и путишеств еный свой прехитрый белосущаго лняноткания снеговиден град, долготою и широтою много обоямо простерт, того им во удивление показа, его же составное умудрение видением подобоградно все, многи врата и башты по стенах имея; величество же объятия того четверостенна круглость; отдалече бо-

об. зрим, сущу быти[у] ему, || яко каменюзданну граду, и внезапно
ставшу некако на месте праздне, о нем глаголати неким,
могущь же некогда и устрашити кого мимоходящих путем от
нечаяния скорым возрением нань и последи удивити. Внутрь
же себе имея, красуяся, вмещена самого царя, водворяющася
с чинми всеми, и вся телесныя того потребы в себе объемля
и о них служимыя.[152] Рать же всю, окрест вне стоиму округ
же его, украшаху цветущия злаконосне крины, зеленеюще и
107 цветущеся различне. Со оного же места || обладатель наш
чюжеверныя воспять отпусти, и яко пришед вся во своя,
видимая ими своему они царствии возвестят. И ту двомесеч-
ное он исполнив время, со тщетныя победы к царствию во
многосиятелней возвратися славе, фараонитцки, множество
колесниц и конник, сим исхождением ко еже возлюбити его
всех паче утверди иже не разумеющих[ф] козненаго.

И еще, пришед, о своем совершении премедли два обра-
щения луне до начала новаго круга, индиктиону тогда начи-
об. нающу седмому, себтябрия 3-х каланд,[153] совершене[х] || по-
мазася елеом от рога, в сущих на земли превосходною[ц] вен-
чася славою, оттуду господско притежа си совершене имя,—
царя же и князя вкупе наречение прия, якоже обычай быва-
ше сущим помазоватися царем в преимущих чине преславнаго
возвышения; зде желаемому си неявлену хотению збытием ко-
нец приим, яко всех царей честь, собрав, единому имяни свое-
му возложи. Толикие бо гордости вознесеся о царствии, еже
вмале не сравнися з богом послежде; но получение таковыя ||
108 славы от своего ему яве желания по всему яко нож наострен
сам принесе своему сердцу, им же себе збод и, низпад, сок-
рушися, якоже и во других о сем пространнее речеся местех.

Лаврскаго же ради иже прошения сотворенаго получения
в безмерная уставиша церковнии святонастольницы, великому
угождающе, оному же сим приповелевающу, от матере церк-
вам[154] и царствия всего святоисхождения сотворяти неизмен-
но на лета в Сырныя седьмицы третий день: празднование
изветом яко божии матери имени возложиша, вещью же

царюющаго угождению || сокровне, яко да той день не остает *об.*
неисходен в домех и нигде же ни един от велика до мала, мужеска пола и женска, онем воследуя. И таково уставление во указания день исполняше, не преступи до иже бе живот в первоповелевающим и се хотящем. В твари же, по строю тогда от небес, — аще слани, аще дождевы, аще бури, и нестерпимыя ветры, и прочая, еже никако мощи издомовне изникнути, — обаче повелеваемое за страх и помущения ради облак отложити не смеюще, но яко со тщанием творяху
в стра||се. И чюдо, яко во она происхождения сам, о нем *109*
же празноваху, исхождение собою сотворяя купно с народы! Сам себе празнуя по образу, иже кто на кий день каковыя богом беды избавится, тогда празднует богови: незабвено будет в помилованем дело его, — и к сему того должная есть, — он же радостне празднуя, на кий день временную си славу получи.

О, омрачения! о, многаго славоослепления! Или еще от сих вин сего злоба, еже царей умершвение и царствия желания, не обличися, ни обнажися? Что таковаго явления явлен-
нейши, иже господа || убийца сокровеных в нем таин внутрених *об.*
обнажение от сего познася? Всего паче бог на суде открыет всяко и обнажит! И аще кто сопротивне за оного речет, яко не себе ради сотворяше исхождение, но рождшия ради господа,[155] — к нему же и мы: и аще се тако уставляете, почто прежде своего он избрания той день в седмицы просте минуя и не празднуем оставляше? Но сопротивляяйся о сих руку си на устех положит, паче же сицевых самая истина заустит.

Но дондеже оного бе живот, до толико таковая и про-
исхождения || бываху: яве яко не бога ради; не престало бы *110*
всяко в век, оно же смерть пресечи. Не токмо же егда по смерти оного, воздуху смущаему, собори и людие не удобни бываху к неисхождению, дождев ради и ветров и прочих, но егда и странно время бяше, иже чистота воздуха и яснины многи, светлость дня, солнечных луч сияние излишно, — единако тогда презрено бываше повеление и в конец отложено, не действено же, и яко непотребно отринуша, и вся-

чески неприятно судиша то. И яко же тогда в неудобная
об. времена со святынями || не соисходити за страх не смеша, сице множае по оного смерти и возможения дни исходити не восхотеша, яко и о первых, таце действо не благоволиша; и елика оному в животе его от того законех слава бе, толико же и паче по смерти отвращение и ненависть. Сице и о другом предипомянутем сотвориша, иже на место обознаго стояния тогожде указанием исхождений купно о всех творимых страх умершвен к недействию, яже прежде во страсе творяху, не отлагая; человеческим бо законом преграда смерть законоположителя бысть.

111 Не убо ли от сих и первосвятителя [156] с прочими обнажися лесное послужение в животе ему? Яко же и инии в жизни тогожде, лжеугодием работающе ему,[ч] во имя бо купно державных ангелов храмы здаху мнози з довольствы, яко вечны, и иконы писующе украшаху и прочая чести тем сотворяюще; славимыя же несытне о сих услажахуся честию, опасно сами сия о себе вѐдущи и зрящи. И по исходе славолюбных отсюду, храмы они опустеваеми и небрегоми, иконы же пре-
об. зираеми, яко поругани и насмехоаеми || умалением веры, ими же прежде почитаеми, сими и оставляеми. И яко и бог оставит оставляющих, и не человеки бо они обезславиша, но человек ради божия угодники, им же волею обещашася честь творити во всем животе си и обещанное не соблюдоша; лучше есть не обещатися, неже обещав солгати и не сохранити. Како от сего не научся предипомянутый он, иже не сыт бе в земных славою: в жизнь бо самую иже во блаженных Феодора тацы же бяху временопрелестницы воздвиже-
112 ние храмом и воображения икон державных || ради имен утворяху многи; не иже ли при животе тех токмо та быша, по смерти же ни? Но избранный богом тщетносуетных славами не услажашася, яко же он, истинныя бо славы от единого же бога ожидая, желаше, зван бо от бога, а не от человек, по Павлу святому. Той же, иже о нем слово зде, не внят си во ум тогда о преставших возвышати иконами имя по

смерти Феодора, — не имут ли по сих и о нем сотворитися, еже и бысть, — но тогда ему свое любославие одоле, и до иже тому живот, дотуду и слава льстящих бе.

Не восхотех же и се не помянуто оставити: ангела бо *об.*
имя воцареному бе един празднуемых перво от двою июля в 24,[157] в онь же творится пресветлая добропобедных на память новоявленосвятых мучеников всеросийских князей самобратных по плоти Бориса и Глеба, во святом крещении Роман и Давид, иже самоизволне презреша земное царство и во исповедании крови своя излияша усердно за Христа, той бо не разлучи их в животе на земли, ниже по смерти на небеси. Тех святую || двоицу, не разлучимую богом, человеко- *113*
угодницы иконописаньми на дцках разлучаху единаго от другаго; вящщаго описующе, яко почитаема мняху, паче же сим раздражаема на ня, юннаго же с сродным не совокупляюще, яко презираема от сплотнаго спребывания воображением[а] отторгаху. И что тяжко бе: на дцках вапы обою брату воображати, святороженнаго супруга не разпрязая, вѐде, яко не шаровнаго бо другому не доста утворения, но иконостежателей[б] веры умаление.[в] По притчи земных указаний: два друга кто обрет, брата си, || ближники царя, и за вкуп- *об.*
ную искрь себе любовь сообращающемся им другolюбием выну, по случаю же зван будет инем третьим на брак един от двою, не разлучающихся никогда нигде же, — не имат ли незванный от звавшаго своего презрения вменити в бесчестие и о звавшем враждовати гневом? в прочее тому не хощет нарицатися друг, но сопротивне, и время обрет, цареви нань о своем уничижении в молитвах изъявит; негодует же всяко на звавшаго и званный брата ради, к брату бывшее оскор||бление вменяет свое бесчестие; и яко не убо дружбы *114*
дело се, но разделения и самохотныя вражды, и не точию бо братия имут во отмщение ревность сию, но и несроднии друзи же; предиреченному же не трапезнаго предложения недовление другаго к любви удержание, но оскудение усердия к дружбе.

И что рещи о повелеваемых иконописателем, в них же
суть ови разумиви, но неразсудливи и невнимательны о добре
и зле наглости ради, ови же средоумни, другия же нимало,
об. но на первыя взирающе || подобы, прочая же поучающих
не внемлюще преслушливи и презориви всяко? Но множае
горе преобладающему, иже превзятся на всех разумы, опасно
бо ему сия вѐдящу и зрящу: единого лице годе ему бысть
на иконах. Сопричастен же ко греху о глаголемых иже духов-
ная кормила объемый: слыша бо таковая, вѐде и зря, но
умолчевая, а не поучевая, ни обличая. И о сих судити
весть правды око, иже вся зрит, егда приидет день своего
115 пришествия. Паки же || возьмем[г] слово, от идеже стахом и
начатое положихом, паки же бывшая по ряду да напишем.[д]

Не зжали бо си, ни помысли, ради получения славолюбия
соутробныя ему сестры, всеа же Росия госпожи,[158] сицевою
како зелною скорбию ту оскорбити, еже по такове мужи не
прилучшеюся смертию разлучити и зрети ю ему присно от
толикия славы в черная оболчену,[е] ея же ради некогда со-
четания за еже ко царю он си всю честь получи, якоже
подражатель бе; господския иже первых по цари болярския
об. многи || дщери девы,[159] своя же госпожа, нуждею от зависти
постризати, яко несозрелыя класы срезовати, им же не бе
всяко воля. Тем родителем их колику скорбь и болезнь вечну
творяше, не брегомы толико, яко кроткия агницы остризаеми;
не явлеся о сем извет творя, яве же вещь указа: яко да не
понудится некими царь прияти едину от них второбрачием[ж]
в жену, неплодства ради сестры его;[160] он же тогда уже будет
яко ничто, — мняше се серце его, собирая беззаконие ему.
116 Но еже || чюжим чадом содея, се и о сестре сотвори он же;
како же не к сродным той человеколюбив явился бы? По
прехождению же времен и дщери[161] его не от коего тожде
бысть невольное пременение риз, но и со студом всяко;
аще и не он, но мы узреша то. О жене же и сыне[162] его
что рещи? нужно бо удавиша и неначаемии враги, о сих
слово пространнее преди положися по своему чину.

И яже злоба о Борисе извещана бе, должно есть и благо-
деяний его[з] к мирови не утаити и в среду глаголемых
совнести, аще та и притворна || им к людем бяху по всему. *об.*
Елика убо злотворная его подробну написати подщахомся,
сице и добротворивая о нем исповедати не обленимся, дон-
деже от прехода летняго продолжения не спокрышася заб-
вением. Елика ми на память взыдоша, толико напишу их, да
не и наше списание еже нань злобное возмнится по неких
враждуемо; егда злотворная единако изречена бы, добрая
же от инех сказуема, нами же умолкнута, — яве неправдо-
вание обнажилося бы списателево; || а иже обоя вправду *117*
известуема без прилога, всяка уста заградятся.

В начале убо жития си он всяко добровиновен бе; пер-
вое его — и добро творив и начальнейшее к богу, неже
к людем, се еже о благочестии всяцем ревнитель усерден по
древних о церквах с чинми тоя бысть попеченьми прилежен;
требующим даватель неоскуден, к мирови в мольбах о всяцей
вещи преклонитель кротостен, во ответех всем сладок, на
обидящих молящимся беспомощным и вдовицам отмститель
скор; о земли правлениох приле|жанием премног, право- *об.*
судства любление име безмездно, неправде всяцей изиматель
нелестен; о зданиох градостроителных вещей яже к царст-
вия наполнянию тому прилучныя красоты уряжением излишен;
доможительное всем во дни его пребывание в тихости не
обидно, даже и до начатия еже по нем самобезначальства
в земли; насилующим маломощных возбранение з гнева
прещением уемно, разве обид ких слух его не прият; обиди-
мым от рук силных изиматель крепок; || купно о всея земли *118*
утвержение попечением показуяся преизлиха, дондеже не
превзят любовластием; в безмерие богомерскому винопитию
продаяние отнюдное искоренение с наказанием; зелных мздо-
приимству всему в конец умерщвение не пощаденно бяше:
мерско бо ему за нрав; на всяко зло сопротивное добру
искоренитель неумолим со властию, яко же инем воздоброе
мздовоздатель нелестен; но не всем убо, во всех же Росию

всю олукавствова, преже бо уклонения его ко злейшим, иже
об. на господско подражания убивство || по первосамодержцех
благочестию последуя, во инех и вящше. Но вем вещи силу
сказати, откуду се ему доброе прибысть: от естества ли,
ли от произволения, ли за славу мирскую; яве, яко в при-
кровеней лсти, за еже на самую высоту от много лет раз-
жения его, тайно лежиме во глубине серца его. Мню бо, не
мал прилог и от самодержавного вправду Феодора многу
благу ему навыкнути, от младых бо ногот придержася пят
его часто. Яве, яко узде его богом попущене бывши, воз-
119 бранению ни от кого же ему не сущу, отъигра бо ся, || яко
жребец от стада, самовластием от бога и царя. В часе же
смерти его никто же весть, что возодоле[и] и кая страна
мерила претягну дел его: благая, ли злая; яко „может бог и
в день смерти воздати человеком противу пути его“, якоже
пишет. Но что, аще похощет кто дивитися еже сего к земли
о добром тщанию? И не чюдо: что бо от всех сущих срав-
нитися может главе царстей? Аще бы он и себе всего самого
за оного живот некако излиял, ничто же суть достойно, ни
об. мир весь, власу единому царских || глав, якоже видим ныне
вси, аще не тако суть.

Добротворения же он своего ради еже к земли мнимаго
им прилежания его, превознесеся гордостию серце ему, яко
же некогда Новходоносору царю о Вавилоне[163] дел ради
здания. К сим еще прилагает два некая делеса, яже с про-
чими зде его добрыми в ряду не вписашеся, иже он нача,
гордостию разстворив, здати, бог же, совет его предва-
рив, не даде ему совершити, разсыпа бо и, прегордое его
предзря.

120 Первое убо и верховнейшее || дело его: основание во уме
своем положи и промчеся всюду, еже о здании святая свя-
тых храма сего весь подвиг бе; яко же во Иерусалиме, во
царствии си хотяше устроити, подражая мняся по всему Соло-
мону самому, яве, яко уничижив[к] толик древняго здания
святителя Петра храм успения божия матере.[164] И яже к со-

Борис Годунов, царь (1598—1605).
Старинный портрет из Кунсткамеры Академии Наук СССР.

зданию на сограждение стенам потребная готовляхуся им вся.
Второпервое — превелие и то дело его, — аще и восхоте
убо, не возмог же се: источник самого присносущаго живота ||
нашего, тройческаго состава единаго видимаго возраста *об.*
Христа бога гроб, божественыя его плоти вместилище, с су-
щаго от их во Иерусалиме мерою и подобием, златослиянен
весь вообразити подщася, каменобисеро- и златовязно
устроити. И якоже у близ совершения той быв во утворении,
топази оны и бисеры многоценными, яко лящею, весь посы-
пан, ухищреньми умудрен прехитре зело, яко не токмо не-
вежде подобным мне таковое дивство бысть, но и благород-
ных || первых, неже по сих, иже в царских домех при всеа *121*
красоты славе воспитанех, драгости и умоделне хитрости
дивяся; уму же и даже от предел своих уступати, зраку же
очес от каменоблистаний, светлостей различья сияний луч
едва в местех им своих устояти. Многоценства же о нем
объятися численыя истовыя меры положения не бе, превзыде
бо числа всяко.

Сие же зде не вещи дивство естества, но превзятие
Борисово опису
ю, сугубство гордости, высокоумие бо вере
его одоле, множае камень честных з бисерми и существа
самого || злата превозношение взыде. Внят божие ухо воз- *об.*
ношение сердца его, зане частыми смотреньми вещи сея пре-
взимаяся, предварших его Всеросийских деспот всех уничи-
жая сим, яко упремудрився, иже, глаголашеся, и не бе в них
толико разума о сем домыслитися. Сим всечастно надыма-
яся, таже и от ласкатель ему своих бояр поджизаем хвалою
лстивою, яко подгнетою некако, словесы многосугубны по-
таки ему приглашающих и паче сих и, яко хврастие подо
огнь, хвалу серцу его подлагаху, образующе || своими словесы, *122*
яко и онамо в будущем подгнета ему будут они таковым
ласканием. Они и к царствия желанию сего подвигоша, свя-
захуся с хотением его, якоже два ужа некая, вкупе: сего
хотение и онех ласкание — грехоплетенная верига. Како убо
той помысли толика велия дела наздавати, еже воздвижение

толико святыни храма и о вотелесении господни, кроме божия хотения и воли, не ведый, яко и богоотец древле пророк святый царь Давид, иже по сердцу господню бывый,
об. таковое || здание рачаше и не получи, но ему же повелеша, иже от чресл его изшедый нача таковое и совершит? Добре иже о себе начинающих таковая рекошася, яко „помыслиша советы, их же не возмогоша составити". Гробозданное же златое умоделство все красотою его многою нелепотне Ростригою лжецарем на доможителныя потребы безообразни сокрушени разсыпашеся, неже хитротворение, красоты жалость от разбиения удержа. Обоих си деле бог имени своему
123 совершенех им быти не благо|воли, показуя всем, яко в них же з гордостию вера того слияна бе; нечто си примесися вкупе, мню, и от неправды собраное, еже от слез и кровей, от создавшаго око и насадившаго ухо и научающаго языки мня утаити, но не возможе. От неправды бог угождаем не обыче бывати, яко же овча порочно, слепо же и хромо[л] приносимо древле богу на жертву: „принеси, рече, таковое князю вашему, еда приимет". В них же он угождати тому надеяся, в тех прогневая того паче. Тако же и о тяжкослиян-
об. ных || и многошумных звуком камбанех бысть и злое соделанех. Приготовленая же орудия на вся яже сграждение великия церкви богом не у на то прияты, яко непотребны вменишася Шуйским Василием царем, на ина здания, даже на простыя храмы вся распродашася. Яко добродетели убо по естеству вся благи суть, различне же от бога судятся произволением творящих я — сице и о сих.[м]

124 [1]. О крестном целованье Борису

Во время же своего воцарения ему умысли себе и семени своему по нем вся иже страхом приведшая; о себе, о рабе, упова нечто таково, еже твердее же и преждебывших его царей крестную ему в людех утвердити клятву во утвержении царства. Сотвори невозбранною своея власти волею

некое законопреступно, чрез первых царей положеныя ими уставы, яже прежде в доможительных храминах, не яко же он в божиях || храмех с проклятием клятву сотвори; бывый *об.*
со угожающими бо воли его, таковым прикровено словом в мысли своей сложился едва вмале не з богоотступлением вся привести ему во имя свое и в род от рода под клятву люди.[165] Бе же се и не всем болезнено, токмо разумевающим. И еже бо до сего свою ему с ласкатели излияти злобу, яко аще, по клятве в малех неких писанех, погрешившем кому что от воли его сим в клятвописании, под крест подложив Христов, глаголати вчини, не радя толиких человеческих || душ, еже обнажитися всем надежи на бога повеле. *125*
И даже до сего богоотступно слово приведе, яко не быти на нас всех сотворшаго ны милости и святых его; конец же — не разсмотрено и анафеме[166] всех подложи, свое привременное царство, мнимое утвержение паче божия заповеди почет, не ведый, яко единой души словесней мир весь не достоин бе. Но им же мняшеся во царство си утвердити, сим паче свое укрепление разори: божию ярость на ся в конец разже, не малу бо о погибели всех душ, клятвенаго ради греха || порадоватися врагу дьяволу сотвори. Слепый вож толико *об.*
стаду быв: грамотичнаго учения не сведый же до мала от юности, яко ни простым буквам навычен бе.[167] И чюдо! первый бо той в Росии деспод безкнижен бысть, в миролюбных же двизаемых вещех многосугуб коварств паче тацех многокнижных.

К прочим же другое таково богопротивно веление попущенем ему самовластием содея непрекословно, самозаконное беззаконии, архиерею отцу с прочими верховными богоненависную || во имя его к людем клятву умолчавшиим *126*
страсне наемника образом вси, неже пастырски: во дворех живаго бога сотворити ему ту повелевшу, забыв древнее онамо во святилище гордостию покажение Озиино.[и] [168] Зде же, в самой матере церквам, идеже безкровная Христова жертва приносима о мире всего мира,[169] ту же чюдодействуемая

преосвященных телеса слежаху, — в ней написанем страхом привед всех с принуждением х клятве, дом божий сотворь
об. место клятве, разрушившее || древнюю нашу клятву.[170] Яко же иногда нечестивым многоживотное безсловесных стад ревяху, бесом провожаема в жертву, сице словесных народов соймы, в церкви снемшися вкупе, кричаху клятву, гласа многа на высоту пущаху,[о] яко прочим ушеса своя от безчиннаго вопля затыкати, непщующе нам, якоже благодати от святилища изшедшии беззаконий ради по иже во Цариграде бывшему образу[171] иже от благодати отступлений, яко, мневше, от зелнаго кричания церковному разсестися верху. Но Озии[п]
127 убо на челе ради || дерзнутия покажения прокажение, — сей же, мню, в души прия. И толико содержим нечювствием, яко не в самый год божия тайнотворимыя страшныя службы от таковаго бесчиния повелевая престати, ниже во время часа их благовестиом прочитания премолкнути; но и евангельская святовозглашения неблагословный вопль одолеваше превосхожением шума, ниже самого богоцаря, животу подателя, преношения ради даров его усрамившеся, еже бы
об. гортанем заградитися и зговением || устыдетися, поне час мал, его же и херувими в молчании мнозе крылы закрывающе своя лица, ни о изрядне богоматере песни[172] приставницы о премолчании радяху, но краткословне рещи: ни чтущих, ни поющих не бе слышати, тогда по всему дом божий дом купли сотворшу, благочиния бесчинию победившу. Первосвятителю ту на своем ему месте предстоящу,[173] яко безгласну пред нелетним, славнаго одоле страхом, богу убо стояше образом, человеку же угоженьми. яко мнети кому — не петей литоргии бывши в той день в матере церквам
128 шума || ради. И се по многи дни творяшеся, дондеже все безчислие людское клятве подложиша, день дне, в жатвеныя до девятаго часа[р] и вящше неисходно молву в церкви продолжающе, святительному ни храма заключати повелевати смеющу, — толико глагол царев превозмогоша и: аще и до вечерния жертвы[174] были и паче, приставником из

храма не исходити. Аще ту и не сущу самому царю телом, ниже образу его, никакоже повеленое презрети смели бы; мы же и воистинну сущаго, яко не суща помышляюще, не трепещем, || ни боимся же, ему же говейне и вышшая херу- *об.*
вим мати его сама раболепно с чином подобным, яко сыну и богу, предстоит купно во мнозе страсе, неже бесплотных ликове и святыя. Довольне бо есть во указание нашего невнятия се обличение, яко, во время святых собрани, не терпеливи в молитвах обретаемся, еже не прежде отпущения мал отлученый час на пение во церкви неисходно пребыти, но страх божий презревше и заповеди его, входим бо и исходим, яко скоти безсловесни, безвременно и без страха влачимся, яко же кто восхоте, || самовластию надеющеся, *129*
от него же и осудимся убо; не толико бы осудихомся, аще не бы волею всех бог спасения нашего искал. Нам же не у сопротив воли своея ставшем сотворша, не боящеся и самосущаго во церкви на престоле седяща образа владычня, и не точию образа, но и самого пресущаго: идеже бо церкви или икона Христова, ту и самого бога пришествия. Мы же небесный страх ниже земному сравнихом, но срабнаго паче самого владыки почтохом; сего ради конечно все зло на ся привлекохом, от него же даже и доселе || не исцелехом за *об.*
прегрешения коегождо младоспреходящих.

Ко онем же и третие тогожде миролюбца неподобство воспомянути, еже по местах яко о добре в послушество клятве пресядящим, идеже людския душепагубныя рети клятва бе: иже в первых первый сам святейший верх, таже четвероуголнии Росийстии столпи, святонастольницы митропольския,[175] и по них от синглит благородием великия, разделшися обоего чину, повеленином мирообладателя повинушася, человекоугодне со страстию летающе перед лицем ||
самого бога и одушевлена киота матере слову и при ковче- *130*
зех освятованных телес, дерзнуша сицеви пастырие присидением, яко к жертве, к клятве земнородныя во очию свою провожаху.

Не токмо в самом царствии, но и по градом такоже сия клятва во святилищах бысть. Удобее бо церковью от клятвы разрешитися людем, неже в той клятвеною вязатися узою.[с] Аще и не ту кляли быхом ся, не ту же ли клятву быша ему исполнили?[т] А иже оною от самого безумия
об. связахомся, чим возможщи имамы от тацех || уз разрешитися по реченному же: „и кленется церковью, кленется и живущим в ней“ и прочая? Безсловеснии пифицы[176] соплетохомся неразумием! Таково бо дерзнутие повелеваемым и попущаемыми ему на се сотворися, яко место описуем есть бог по них. Се от вещи показаша людем, яко во церкви бога токмо пребывающе мнеша, а не на всяком месте. А иже в полате таковая клятва сотворити бы, ли инде, он не восхоте убо, паче же ласкатели его, на се угажающии ему, понудиша,
131 крепце тамо быти клятве уставиша, — и по них, яко || не на всяком месте бог и не всюде зрит, ниже везде сый, ниже вся объемлет, како же и горстию всю содержит тварь, но местом описуема и сотвориша, иже церковию единою тому объиматися. Аже вся тварь сего вместити не может, неже объяти,[у] бог бо сам себе предел и место, — богословцы изрекоша тако. Но, господи всяведче! остави нам безумия глаголы, яко отец чадом, немования смеющим о твоем пресуществии о неизреченнести;[ф] неведение бо злее согрешения, рекоша
об. мудрии; ты бо верным всем неведением бываеши || ведом, зане безмерие еже о тебе разум. И множае о сем во обличение слабости рещи, но не потреба и за тесноту довольно бо и се рачителным. Богатыя в разуме и добре от божественных писания паче сами сведят и си нам просветят.[х] Но о сотворшихся клятвах во святилищах нами о сих не унывати, но покаяния искати от положшаго различныя образы покаянию и ожидающу, силен бо от сих разрешить[ц] ны, бесовская умышления, прехитри коварствы, иже словом еди-
132 нем связавый сатану; аще с прилежным || прошением[ч] тепле всесилнаго умолим, достойныя плоды покаяния сотворше, и к тому вся могий противному о нас не радоватися сотворить

Предваршия же сущия наша цари, еже бы во церквах клятвам при сих[ш] державах бывати, сего законопреступления свободни, ниже причастни отнюдь; но в жителных храминах таковое о своем утвержении сотворяти повелеваху и бес прилога всякого, иже губительно человеческим душам, еже предипомянутый Борис умыслил, си мня во утвержение, бог же преврати мнимое его твердое || на бывшее людем о нем *об.*
развращение; вскоре бо скончa живот его, якоже пишет: „егда глаголете мир и утвержение, тогда найдет на вы всегубительство".

[2]. О утвержении имени письмены[а] тогожде

И первым же оного дерзостем и се бестудие его не мало и приражение[б] церкви бысть, ей же обычно бе по отпустех в концых коегождо пения всяка дни царюющих токмо единех имена и с пастырем православию всему || песнь *133*
многолетнаго утвержения во церквах ликове на клиросех по странах возглашати. Он же в той, чрез уставныя во церквах обычая, своечинье приложи: з женою ему купно и с чады повсюду певатися сотвори, сим непщуя много к жизни своей прилог сотворити, обаче же и улиши убо. Такожде и в земностроении писмянных делес восприят лукавне в мысли, дмением своея гордости восхоте[в] сотвори чрез первыя самодержавных уставы в писмянех всяцех свое утвердити имя: полным имянованием || в коейждо строце описоватися повеле, *об.*
егда имя его аще и вмале где наменено будет;[177] не погрешати полнаго именования отнюдь, аще и учащено будет в них; елицы же погрешиша, тии муку прияша. Умысли бо он тоя полности частостию имя свое вкоренити и памятну быти в роды, не внят о сем ушесы гласа пророческа, яко „в род един потребится имя его", еже и бысть.

И еще не довляшеся о нем и еже о имени полноты писмяны частость, но и главе самой церковнаго верха, иже бе выспрь всех во граде,[178] гордостне || сему сравняяся, *134*

ему же в начале своего царствия к первозданней высоте много
прибавление сотвори и верх позлати, иже блещашеся, всеми
доныне видим есть, приснует, всех святилищ высотою пре-
восходя, — на нем в позлащеных дцках златописмяными
словесы имя свое пригвоздив, яко дивство некое на свешнице
положи: мощи отдоле к высоте зрящим прочитати словес
дебелость, яко в руце имуще близ, неведый речения проро-
ческа о таковых: „аще вознесешися, глаголет, яко и орел
об. и сотвориши си гнездо посреде || звезд, и оттуду свергу тя[г],
глаголет господь“, еже помале и сотвори. Льже — и самоцарь
темныя своея власти, рострига богопустный на ны Гришка,
порекло Отрепьев, пришед, среди царствия срамне того и
всеродно низложи, яко дивий козел овна рогами збод,
с самого престола стремглав на землю сверг и не чювствене
аще, ругателне же обаче, яко на главе того, свержением
посмиявся, нагами ста; пространнее же о сем преди слово
изъявит.

Самоутвержение же оному, им же во царствии всяко
135 утвержашеся || сам, не успе никое же, ниже предипомянутое
здание высокостолпное, златословесие самое, яко на аере
пригвожденое, неже на скоротленных хартиях словесы уча-
щение имени; но, яко поучинно ткание, недействене все
удобь расторжеся, телу сущу ниизложену, и слава погибе
вся, о нем же зде слово бе. Сице бог гордым, уповающим
на ся, противляется и мыслено сих сламляет роги.

об.

[3]. О Борисе же царе

Ов убо куртес[д] и доместик,[179] притворением творяся
кроток, неже естеством, обольсти в правлении изветом право-
судства люди, от плашайщих ту, идеже бе, и повсюду чад,
от нижших бо степеней мнозех на превысокая льстивне пре-
возшед вышши и благороднейши себе; потом же, егда же-
лания своего край получи, мирови надежею солган бысть.
136 В начало о сих некоего своему злу || злокознена всячески

наставника и учителя си име[180] — како преходну быти ему
от нижайших на высокая и от малых на великая и от мень-
ших на большая и одолевати благородная, — древня мужа,
иже в царских ступающих тайнах премудрых царей наших
предварших приближена бывша, и многолетна, глубочайшими
сединами цветущи[e] и состаревшися, без него же никая же
державных тайна и о землеправлениох законоуставленая поло-
жения не совершашеся, понеже в дельных зело зло||хитр *об.*
бе от соименных ему. И в преимущих чином всего синклита
ин сицев до дне смерти его и по нем доныне не обрета-
шася, — такова убо се той желатель царствию учитиля тезо-
злобна по нраву стяжа! Бе же сему мний соутробный на се
с ним оному споборник.[181] Они же своему чину первоначаль-
ницы суть в самописщих,[182] и вправду сия же самобратная
двоица и супруга честная перваго чина по цари достойна,
разума вкупе с чином и взора ради земнаго любомудрия,
паче инех нака||заний мнозех. Не мала же посреде их *137*
обоюду со онем и клятва бысть крестоклятвена еже к цар-
ствию трема утвержению. К сим же и еще о себе преобла-
даемый он и инех мнозех рачитель, на сея же о нем дщащихся,
име, но не якоже сии. Время же довольно препустив, егда
он высоту си получив, клятву же преступив двобратном и,
кроме убивства, зло сотворити возможе, яко и прочим: обоих,
якоже зверь некий обратився навспять, зубы своими угрызну,
многолетно бесчестным и влачащимся || житием, живот их *об.*
продолжив, изнури и отъятием именьи лишив.[183] Тако и до
гроба жизнь их проводи, ни во что же им вменив толика
их к себе ослужения, яко еже и на царьствие посадитися
ему ими, подобою, яко на небо ими возведен бысть; сам
себе крестопреступен душеубийца бе; яко же они ему не-
свойственое дароваше, в сицем и он сим не исправляше.
Кацем же послужением ин и то возмогл бы оному угодити?
аще и главу бы свою зань положил бы, не бы что успел;
что во царствах дражае || и высочайшии бе, — и се ему по *138*
получении ни во что вмени! Сия же два, о них предь глагола-

шеся, з главами и душа своя зань положиша и чрез естество, но ничто же получиша, паче себе вредиша и от бога отщетишася, вкупе же и человек. От сего оного обладателя нрав чтущим познается, елицы сего в жизни зрети и о нем слышати не получиша.

Егда[ж] восходя он на верх царския всеа высоты, к прочим
об. еще о себе утвержением и сие приложити || умысли: ко еже
избрания его укреплению скрижаль велию на хартии с печа-
тленьми вси людие о нем, иже от первосвятитель и синглит
весь, даже бо и до нарочитых, да напишут с подписаньми
своих им десниц.[184] К сему же аще не устрашися дерзнуть,
иже заклепанный оттвердити гроб и вложити ту во златый
ковчег ко освятованным мощем Рускаго первосвятителя, во
святых дивнаго чюдотворца Петра раку, юже благочестивии
самодержцы первии, паче же бог от здания ея затвердиша
139 крепце, еже || проидоша лета мнози, яко и самим настоль-
нийшим обоим, святителем же и царем никогда же ту отвер-
зати, якоже прочих, смѐша. Сея той многолетнаго златоспа-
ния твердая дерзостне отвори, внутрь тоя миролюбовную
си хартию, своего лукавства мнимое утвержение, безстудне,
яко к мертву и просту телеси, яко нечестивне вержением
вметнул, святителей на се принудил, ласкательми же наумняем,
и по растлении отгвождением киота сего паки о ней того
затвори. Мняше си сея вложением с тоя утвержении царство-
об. ванию си благостоятелну || и вечну пребыти, солга же ся
всяко о своем уповании. Но простите ми, чтущии! Яко паче
аще смел был, да не второе растлится гроб еже дозрети
сего достойно бы. Не буди то! Но[з] яко же на собрании
вселенстем четвертаго святаго иже в Халкидоне собора[185]
некогда во извещение инославнии гнилое свое списание
сположиша во гроб святыя Еуфимьи, и обретеся отвержено
при ногах ея, сице и тому святым святителем Петром отмет-
нуту быти верою, понеже богопротивно умышлено бысть, ||
140 а не якоже благословное, иже отцы святыми иногда споло-

женое, приято же от святыя любезне и держимо, вѐде богоугодно, при персех в преподобней оноя десницы, на нем же к сему по[и] смерти своей супруг свят отец свидетелне к согласию богоносных подписаша.

Продерзанию[к] же дверь таковым на таковая неблагословне издавна отверзеся, яко от еже самых начал по прекращении самодержавцех, иже предипомянутый Борис || превосходныя об.
ради славы си начат с прочим прилежания своего мнящемся ему земностроением его, еже о царствии обновлении пременением, им же начаша изменения чином от первых до в последних тогда в бываемых вещми сицевыми во всех случитися, еже худородныя на благородных возводя он степени кроме меры и времене, тайнословия ради тех ко оному, якоже и преди речеся о сих пространнее. Сими той на ся в сердца величайших о еже на высокая меньших вчинених велеразсужену || и неугасну стрелу гнева к ненависти вонзил, еже и 141
сотворися по днех со стекшимся от него им в прочих купно по временах досадах. По сих такожде он, и паче сего тацы же, яже по нем, и второсначалных первым чины, в них же суть быша они, иже вдановластием по избранию благоволения почтеная, самописщая сущая, не сущими свене мзды сих превращением изменяху туне. В места же тех — на мздах поставляемых вменяху на лета многа, иже по существу не навыкшая, ниже постигшая в чем отнюдь обученех || само- об.
искусне известо меры долготою времен изрядных в державах лет в сообращених делных движений, онем же едва токмо вмале, ниже свершене, умети к своего им комуждо имени начертанию по хартиях тростию косно, яко не свою, трясущася, провлачати руку, и ино ничто. На прочая же, иже подобие к того чинове свойства явишася, недовлени никакоже, разве на злотворения точию яве и отай, иже сопротивная добрым, на сия тщаливе удобни, на иже студная || всяко 142
неисчетне деяния быша они зело искусни. Божий и царский

купно весь от себе отринуша страх, в бестрашие же само-
властне оболкшеся, готово имуще в себе вскоренено от чресл
родителных на злое едино хотение умение, во еже господ-
ская им вседобротная изнуряти бес поболения, язычески, не
зря воспять, своя же несытая влагалища безсрамне, паче
рещи бестрашне, всячески наполняти.

Достойне паче прочих рещися сему, о иже зде в нас
об. днесь в таковых деемо: яково что писаньми послу||шныя
тех уготовает им потребно, или ни, — единаче от них всяко
всегда неразсудне, любезно же и непрекословне, яко добра,
вся приемлют, не разумеюще к потребам излишних словес
и недостаточных. Не точию еже быти в них по случаю
самосоставному словес украшению лепотне, иже времяны
зовомых, но по образу нрава быша неразумных свиней обычей:
егда кормящая и брашна на ядь представляют им добро-
творна, ли плашайша, не убо сопротив отрекут, еда слано
143 что || или бритко есть, и аще что и смертно растворено же
и спокрыто принесут им, они же не ощутят; сице и о преди-
глаголаных разумей. Пред послушными же они безгласны
бывают приятия ради безмерны мзды, несытством утробы
обладаемы, связаным сущи устом их; подобне, яко от трапез
богатых падающих[л] малых крупиц, подручных и тех лишающе,
яко вельбуды и комары, малая с великими сами купно обоя
пожирающе, не процежая. И не вем, ких ради вин еже к ним
об. послушныя || о таковых обретошася непрекословни! От них же
и ими и вся моим соборне всем людем наведошася зла от
изнурения, по прочих неисчетнех напастех, даже и до самых
в нуждах смертех скончания, их же по числу бед и прилуч-
шимся ту позаратаем самем не возмощи слышателем и
чтущим сия представити словом, иже не самого когождо
обглядавшу оку. И да не долго творю слово, но якоже
пишет: несть праведно вожду слепу церковная вручати, и
144 монастырь растакателем вверяти, || кормчию же неискусну
карабль управляти, — сице губително по всему градострое-
ние о людех невеждам попускати, мшелособирателем и

мытоимцем, на сия им токмо едины времяны сими поставльшимся, на добрая же ни, яко „древо зло плод добр не творит", и прочая. Горе же пастве, о ней же пастырю дремлющу, и монастырю, неснабдители истощеваему, и кораблю, ненаучеными окормляему, граду же, мытоимцы злотворне строиму! И первый бысть растакатель стаду, последний же явлься || предатель граду, и уже паственая зверьми пожреся, об.
монастыря же до толика опустеша, яко и основания их развлекоша, карабль низверг погрузися, но не уже и потопися, еже есть церкви христова, град же самый весь ниизложительми в конец разорися до иже яко не бысть. Сице же, яко преди речеся, на власти и повсюду мнози прочии по прочих и по хужших худейшая преспеваху, на злая день дне друг по друзе злорвением изменяхуся, до иже бы ни едину аще и хужщу во всех оного им не свойствена чина || не 145
непричастну остати.[186] Таковыми же творимая студодеяния попущаема быша молчанием без возбранена владущих страха или еже от безсилия немощи, за иже еще о сих не у наставшему протекшу лету; непщеваху бо си, яко и времена настоящая воли их служаху, яве, от попущения. К сим же си и господство безглавное со времяны прижиша,[187] но убо до дне десподска востания, по притчи, егда дому владыко, пришед, восхощет испытне стязатися с рабы о словеси приставления домовна.[188]

Колеблет же смущеньми самомнимых ум и о пременении об.
в России мест иже степеньми первых престол святительных, еже от нижайших на высочайшая имен возвождением пришествие.[189] Благочестиваго Феодора, тогожде Бориса правление бысть, якоже митропольски на патриаршески преименовася, архиерейские же на митропольски преложися, епискупски на архиерейскии пременися. О сих святостных си вышениох не смею к прочим гордостным дел Борисовех словесы преложити, да не прогневаю бога, за||не во дни доброчести- 146
ваго царя сия содеяшася. Ныне, не престая, о сем блазнит мя, яко тогожде гордолюбца и при оного державе пестунство

действова, понеже устроение се бысть начала гордыни его, и настольнейшим се не неугодно иже сими красящимся. О сем достоит истовым утвердитися и колеблемое мысли уставити, аще таковое от бога есть и неиспытно к тому пребудет.[м]

об. **Плачь[190] из среды сердца глубок и рыдание горко от лица града святаго великаго к могущему спасти мя богу на иже мучительски мною владущаго, неже благодержавно; именем убо глаголют мя — нова, вещию же древним спребытна: сицев образ имяни моего исперва богоумышлен бысть[191]**

Тит, древле за превозшедшая жидом грехи Иерусалим разби,— и не чюдо: царь убо сы. Мене же новый подобо||-
147 сенахиримль[192] и прочих по них на востоце разорших земный Сион дьявол, неже тех слуга, рачитель злу, всех злых бывших и будущих превозшед злобою, Мартиниянин ересию,[193] бездушен же, обаче озоба мя всего лукавне, яко вепрь, тайно нощию от луга пришед, и якоже инок дивий, пояде, ныне же и кости ми оглада. Не о бозе, но льстивне стену прелез, вшед в мя, запаленьми множайшую часть града испепели,— разорити мя тому конечне бог мой попусти,— солгав убо не
об. человеком, но богу клятво||крестопреступне, вся корысти моя обидя и поплени, и в запустение всяко вся моя и обитель моих потреби, и основания их раскопа, злом целя зло, древнею злобою зле по отцы си ревнуя. Владыце моему тако умноженья ради же злоб тех моих тому яже о мне послабившу, омочи убо в мене вселукавый, яко в елей, ногу свою многолетно, некако яко гагрена жир обрет, уты, утолсте и разшире, унае бо сущи неисходно в берлозе, огнем на мя
148 ярости несытне дыша; остав||шая люди моя вся, священныя же, и иноки, и бельца, сребро ненасыщанне погубляя в конец, голени их сокрушая, уже от сухих костей, подобно псу, тех ссет мозги убо; пес, идеже кость суху обрет, гло-

жет ю,— премудр некто таково рече. Тако и се, якоже ад, никогда же не речеся, яко досыти и еже довольно ми есть, но и земля всея своея обременену пазуху всяцех доброт корыстей моих наполни; к сим же и десницу свою и подручных си многою несытне исполни мздою и прочее еще искоренит. И доднесь || всеяделных си зубов мене в конец *об.*
поядая, брашну моему во устех его сущу по вся дни присно; доселе от главы и до ноги злолютне мя, яко змий, держася, обвив хоботом своим. Но и лаврския вся мнихожителя моя неимущая изыскав всюду обоего полу, мужеска же и женска, иже чюждь во-истинну хлеб ядущих непретерпимому игу с могущими иногда, ныне же со изнурившемися, единако и тех с сими тому же ярму под дань[н] подложи; яве, недугом сребролюбия || несыства самех нищих убожае явлься по всему, *149*
умилене голени тех палицами сребрениц ради без милосердия столцая. Но еще ни сими довляшеся конечно, злобне самому богу приразився, нищепитателя в мире скитающихся, иже един сух ков и туждь хлеба точию имущих, вся от надра моего изгнаньми осуди и самих тех рубищ грабленьми вне града моего бедне лишив, бога не убоявся, всех обнажи. Злолютне тмою своего нечестия омрачився, на християны шатаяся, не ведый || окаянный, яко есть тем же и нам заступник бог, *об.*
могий и ныне, якоже древле в пустыни, своя манною препитати люди,[194] ризу же и вся к тех потребе довольне подати.

Кто убо, рцы ми, не посмеется повсюду окрест земля их во странах того безумию? Убогих моих недостатки, еже слезных крупиц собраньми, мняся обогатети, его же вся моих богатств различия безчислие удовлети не возможе! Слезами ли нищих бездонную свою утробу, иже самого ада несытнее, насытити тщася? Оле неисцельному его || погибельному *150*
ослеплению, Июдино подражая сребролюбия несытство! Да негли умилосердится господь, умолен быв о мне ходатайством моея и вседержавныя заступницы с лики святых! Стужив си людий моих, стонание и воздыхания плачь еда донесет та[о]

к сыну си царица всех ходатайствене и исторгнет мя от
поглощения гортани зубов оного аспида[195] судьбами си,
ими же сам бог мой весть, и измет всяко, яко же во Египте
и Израиля вопль сам услыша и мышцею высокою, яко на
крылу орлю взем, ли на ветрех, преславно и безбедно люди
об. своя || насилия всяко измет фараоня.[196] Конец же злым о мне
яже по сих василиска[197] онаго до днесь не сведом верными,
разве глаголаннаго уготование сердца его внят ухо его,
доньдеже той разорит вся умышления его, яко „помыслиша
советы, их же не возмогоша составити"; и „инде аз, рече,
преже аз"; и по сих: „убию и жити сотворю, поражу и паки
исцелю". Аще „не в конец удержит на ны во гневе своем
щедроты своя", по речению Давыдову: „рех, ныне начах:
сии измена десница вышняго",— и еже бо обеща, силен есть
151 и сотворити, || той бо и ныне чюдодействуя, и есть с нами
бог, иже древле от работы фараоня всего избавлей Израиля,
аще внидет вопль мой в слуха господня. И о сих до зде.
Прочее же начало злобное оного и среду до збывшихся
подробну преди слово скажет.

Сице и Борис, егда в равночестных честен бе и по ца-
ри вся добре управляя люди, тогда по всему благ являяся,
во ответех убо обреташеся сладок, кроток, тих, податлив же, ||
об. и любим бываше всем за обиды и неправды всякия от земля
изятельство, яко едину ему такову по цари праведну тогда
мняху вси во всецарствии обрестися. Сего, таковаго право-
судства ради, и к церковию помазанию[198] вси людие земля
о нем усладившеся предкнушася: в получении жь толика
преестествена высотою сана и несвойствена ему такова по
всему чина, егда паче естества си совершено одеся преслав-
наго царствия превсесветлаго благолепия порфирою, тогда
мирови о мнящихся ими благих солган бысть надеждею, еже
152 о нем || чаянием упования лучшаго к нему купно и душевне
верою. По получении же того величеством абия претворся

и нестерпим всяко, всем жесток и тяжек обрется; о людех варив благотворением малем и прельсти державу свою. Много бо и велие, вылгав, приобрет си царствие, но не вечно; абие сугубу же тем и себе язву сотвори, телу бо и души своей; многою бо он в жизни си от всех человек тогда насладися[п] честию. В ня же лета и преже царствования ему в правлении его яко та же вся купно собрася честь, тогда с покоем он, яко на Авраамли || лони, во благих почиваше, *об.*
неже по приятии царствия: в том бо никое благо прибысть ему, разве трепет и боязнь от всех во удех его, безмерия ради со именем сана, еще же к сему неисцелна болезнь и скорбь недуга телесна, и ненависть его, и неверие на люди. Не разсуди бо в себе, получения прежде, на неприкладнаго величества чина своего бестудства дерзнутие, „красяше же и раки праведных“ книгочески и фарисейски,[199] якоже пишет; мнит же ся,— яко о гордости, понеже явлен о них показася конец. || Яко повелитель слиянию их, сам на ся *153*
евангельский глас изнесе; пришедшеи бо в землю нашу языцы[200] она вся разбиша, прочии же и в надробно истниша, многая в сребреницы претворше, прочая же на своих потреб различия: яве, яко не о бозе, но тщеславне бяху соделана, сего ради и не прията суть богом, ниже святыми его, и не утвердися дело оно пребытно в век, по главизне апостольстей:[201] „когождо бо[р] дело явлено будет, день бо явит, зане огнем открывается; и кого же дело, яко бо есть, огнь искусит,— и его же дело пребудет, его же назда, мзду приимет; а его же || дело згорит[с] отщетится“. И аще се и последняго *об.*
дня о искушении человеческих деяний речена быша апостолом, но убо и нашествие язык на землю сию от господа же бысть на ны наведение их, и прежде бо последняго дня оного делу еще зде сотворися раздробление, подобне, якоже и в последний день быти о сих огнем искушению. И аще угодно бы и приятно богови дело того,— и в век пребытно было бы, и еже что он от гордости здаше, сия бог разоряя. Душеславен бо всяк || глаголется любяй явления, и яже убо *154*

показательне бываемая не к веку будущему плод простирает, но в человеческой похвале разсыпуются. По писанью, се едино без гордости богом приемлется, в сокровене кто сострояе благо, что о сем яве и христос во евангелиох[т] показа: „да не увесть шуйца, что сотворит десница“,— таковым тайнотворениом нас еже в добрых научи.

С Ляховными же наше тогда о мирном постановении[202] не бы в среду сположся еще к совету слово, занеже тем
об. нам || зол паче прочих язык бысть сотворение, но нача бо ся никое согласие к совещанию яти, каков будет о сих сположенью образ, начаток и конец совершен с ними. Аще бо и многолетно множицею ратоваху, наступаху, не престая, землю нашу языцы мнози, но никогда толико, якоже днесь, премогоша, ниже таковы отвсюду пакости ей сотворити успеша, якоже ныне.[203] Тогда бо они без наших с ними на ны сложенья копия своя они сломиша, сражающеся, и щиты
155. сотроша, сопротивство свое, мнимое одо||ление велми осрамиша, егда не бяше в преложении способства изменьших нам к ним споможеньем. Аще не бы ныне изшедшая от нас самоизвольно богоотступницы и благочестию предателя, скорыя християнопревратницы и пребогатае новые отпадницы нашия веры, отторгшаяся самохотне тела церкве христовы соединений! Своим они со языки смешением вкупнаго на ны с ними свещания ко онех смесному сподобию паки оружия их обновлением своих прилог наостриша и меча она своя обоюдны ||
об. остротою соделаша, вся же и наша на ны своим преити о всем возможны устроиша природы изменьшими; одолеваемы[у] сих ради от туждих, по всему победихомся ими. И се убо яве: егда не сопримесишася наша на ны, они едины таковых нам своих побеждений[ф] содеяти не возмогоша никогда же, аще и многи прежде сих в нас с ними сражения быша.

[IV]. БОГОПУСТНОЕ НА НЫ ЦАРСТВО РОСТРИГИНО БЕЗЗАКОННОЕ 156 об.

По сем воста от ложа своего скимен лют, враг же обаче, а не человек бывая словеснаго существа, оболкся в плоть антихрист;[204] и яко темен облак возвлекся от несветимыя тмы, нечаянно, внезапу токмо, и наиде на ны, его же страха слухом Борис, прегордый пред малем и царствуяй нами, ужаснувся того стремления, с высоты престола царствия низзвержеся; прикладне, яко комар лва || не дошед порази, 157
якоже пишет. Не той бо, но совесть ему своя сего низложи, ведый вся, яже о себе некогда. И сей бо худороден сы и зело плашайша племене пород ему бе,—Галич[205] бо град того изблева,—Улияна по всему Законопреступнаго[206] исчадие и нечестивое порождение Гришка, порекло Отрепьев.[207] Не толико сей на ны, елико оного властолюбца поразити страхом пущен бысть, суду на неправеднаго пришедшу праведну дати: до сего праведней ярости дерзости Борисове стерпети. Преславным именем || во образе царска сына вме- об.
нився, Дмитрия Ивановича всеа Русии, предипомянутаго великаго победителя во царех всынотворився ему, чюжа ему бывша по всему, разве рабства число в прочих срабных ему песочнаго умножения бе он. Яко же море не познавает в пределех своих малех держащихся в нем животных до единого, сице сего царюющему не бе знан ни род сего, ниже имя его,—он же дерзну сицевому усынотворитися, якоже к богу приближением приразився! Богу свое терпение и попущение показующу, [а] || привлечеся от Севера[208] в самую ма- 158
тере градовом град Москву в совокуплении многих сил безбожныя Литвы с приразившимися к нему и меньшими[б] всеми вои Росийска господства благородными началы воем бранных сил,[209] иже Росийску жребию сущим, скифетродержателем тогда Борисом в защищение против оного на краях всего Севера поставльшимся. Приложшеся убо им от десна на шуе клятва крестопреступне ко лжеименного воли: овы убо того лукавое льщение || познавше, овы же и ино мневше— об.

по правде некако возсияти ему от изо оземства царю, идеже
бе оземствован сущий царевичь Димитрий Ивановичь Борисом,
прельстившеся много и козньствы его. Еще ему вне
сущу предел Руския земля, самохотне повинушася вси, идолу
сущу, яко царю, поклонишася: страх смерти чаяния по
вострии меча его одоле. К сим же всем купно и Борисово
тожде насилное во льсти кроволюбное царство стужи, не от
159 ига еже бы им даней подложения, но неповин||ных мнозех
пролития кровей, оболгания мневшеся при оном отдохнутием
поне мал получити покой. Но надежею вместо уповаемых
вси солгани быша; горее нечестивых, иже православными
прежде не именовавшихся никогда же, конечное зло хотящеся
от него на вся нанести и паче всякого зла злейши: по
смерти его от тайных его уведено бысть, яко Христову веру,
православием вечно цветущую, в конец хотя окаянный от
об. памяти испровреща зломыслием врага, аще не бы господь ||
прекратил дни жизни его.

По начинанию бо и конец его, понеже таков бе напрасен
и нагл, вкупе же и дерз, яко Июда, иже на Тайней вечери
дерзну.[210] Тако сей предприятием убо своим злым, преже бе
прияти ему царство, во мнишеское облещися дерзну, и не
довляшеся сим преокаянный, но и еще к сему преложи, яко
во огнь вскочити не устыдеся, еже и священнодьяконство
ему на ся у великаго,[211] противнаго умыслом, изолгати, ведый
160 в себе, яко от предложения своего || хотя священство и мнишество
отвержением си обезчестити, по мале богопустну
времени о сем приспевшу, еже и бысть. Вкупе обоего чина
самоизволне совлечеся, священства, глаголю, и мнишества,
с сими же убо и обещания святого крещения отвержеся преокаянный,
достоверными, паче же от дел его познано бысть.
Весь сатана и антихрист во плоти явься, себе самого бесом
жертву принес! Еще же ему и в Латынех,— яве, яко богом
изгнан от наследия верных,— тамо к сквернобрачия совокуплению
об. за дщерь || у некоего инославна духоборныя ереси[212]
призятьствовася обещанием, у могущаго всю злобу умышле-

ния его исполнити, ельма достигнет своего упования совершеное желание некасаемым коснутися, еже получения царьствия приятия, еже и бысть. Обличати хотящих овы яве, овы отай убиваше, иных же во оземство зачатая, прочих тех, яже онем на такавая дерзати, устрашая; многи бо име у себе ласкатели, угожающая други, и другим дщанно ретящихся.

Оста же по смерти Бориса царя супруга его,[213] яко 161
горлица вдовствующи, две си точию отрасли имущи: сына убо, дара божия имянуема,[214] могуща державе скифетраправления, и произбранну уже на царство крестоклятвено же, и люди вся отча державы вверившу си утвержене к служению, едино тогда точию недостаему, еже не помазану сущу,— на мало сему отложену бывшу ради супротивия ратных к бранем строений; дщерь же[215] деву имущи чертожницу, совершене уже приспевши к браку, || странна имянем по толку, об.
ей же и обручник волею отчею приведен бысть отвне земля, сын некоего краля,[216] любезне ему,— еще живу сущу отцу ея,— браку же не збывшуся, богу несоблаговоливщу плотских совету. По малу же предвари приближением ко граду предипомянутый нововосхититель царствия. Матерь же ону, уже безмужну и сих обоих прежде рождьшую, с сыном ея одолетель прежде своего входа во град, от ближник своих преде себе послав, в дому перваго достояния и безсловесне некако и нуждно обоих || убиством осуди, увы, загнетением смерти 162
преда. Мню, сего отрока телом чиста представша Христови, яко родительных грех непричастну. Твердозаклепанную же юницу, по еже во град своем входе, умилене нужею от царска чертога извед раболепно, свене всяко чина царска, в некоем угождаемаго ему и приближна нововельможи дому без тоя воля, яко несозрела класа, пожат,— во мнишеская облек. И чюдо, аще не бе ото отступника той тайноругательно что![217]

Юже прежде в твердынях высоты || царствия, при рожших об.
ю храмине сущей, едва солнце[в] скважнею виде ю когда, яко

„слава тщери царевы внутрь“, по писанию,— тогда же сию не брегому и мельчайшии чади многи обгляда око. И оттуда на лета к болшему безчестию продолжися живот ея даже и до четвертаго по отцы царюющаго, часте в державах пременяющихся; и от места на место и от лавры в лавру она превождение подъя. И до толика безславия жизнь ея протя-
163 жеся, яко и до еже,— егда всему царску || граду объяту от противных и во облежании бывшу, в нем той с прочими затворене,— всякого безчестия скудость и нужду претерпети, даже и до сего, яко и иноплеменных язык, самых врагов отца ея, ту уничижене руки осязаша. Прочее же помолчю: елико в царствиях превзятыя высоты достиже, множае в нижайщих бесчестия всякаго! Яве, яко за грехи родивших ю и сродных всех едина та за всех всяко безчестие подъя.
об. И да никто же иже от зде глагол сопротивно некое || тоя чистоте вознепщует, еже бы по изволению ея. Не буди то,— разве насилия многа от попущения, предисогрешшим ея родителем, той и неповинне сущи. Не знааше бо, ниже сведуще преже, что есть плоти грех, в преимущих бо, неже в плежущих, от еже родися и воздоися и воспитася, идеже всяко ни слово гнило не происходит никогда же, разве вся изрядная и честнейшая в делех и словесех преиметельства. Откуду же и мощи сопротивному той навыкнути не токмо же,
164 но и тоя служительницам сущим в чинох || и до последних навыкшим лучшему, неже дщери царя? Се. вси сведят. Юже вечно сподоби, господи, сих бесчестием будущую честь купити, им же образом вечный живот купуют праведнии! И паки прежереченных имемся.

Подобна же себе богоотступный и фатриарха[г] [218] несвящена, Игната имянем, изообрет, на преосвященем велицем престоле сего постави вместо сущаго; патриарха Иова, православнаго и в Росии перваго, измен, оземством во град некий осуди.[219] Вскоре обещанная оного сквернителя сквернавица[220] и за
об. грехи || наша обладателя пославшимся по ню в царский град приводится некоим от синклит стаинником его Власовым Офо-

насом,[221] всяко человекоугодне ему от сердца и душа послужившу чести ради гнилыя. Богопротивно, обаче всеукрашене бо та в царских лепотах, яко царица, колеснично фараоницки[222] с отцем си в царский град приведеся, огнеподобно же ереси яростию, не яко царица, но человекообразная аспида, на християнство грядущи, дыша, подобне, якоже иже о женах во Откровении Богослова[223] лежит: едина || едину, нечестива 165
благочестиву хотя потопити изо уст водою. Но убо ехидна сия аще и не водою, яко же та, но Росия вся, мир наш кровию от нея потоплен бысть, кто не весть? Приведый же сию тайноглагольник его Афонас от пославшаго его сан некий паче достояния своего и имени сугубыя чести преложение не в лепоту прият: всех сокровищных царских доброт властохранителя надо всеми того постави, вся царская ему вручи хранилища; ему же, зряще нецыи же и то, — еще и предходатая его || сотвори себе напоследок, иже втораго об.
чина болярска ступающа с прочими пред лицом лжецаря, — преизящества достойнии тайно враждебне взавидеша чрезмерие того, присно убо дающемся.

Повнегда же нечестивней оного супрузе царскаго града дощедши, вскоре скверносверстник тоя презлый, православных собор призвав, льстивне прельщает их, извет творя яко праваго совета, соопрошается неправе с ними своея подруги о крещении: аще достоит ей, рече, второе креститися? Вменяет || ей преокаянный латынское богопротивное креще- 166
ние во истинное святое християнское купелное порождение изветом сим: что ей, глаголя, второе креститися? яве есть, яко не хотя ко истинному просвещению тоя привести. Та же соборным же правилом, взысканий ради о сих, на среду священносудящих, и лжецаря пред лице все в храмины крова его совнесшимся, и овы убо ото отец немноги же по истине не просвещене во церковь совнити ей с ним не соблаговолиша; прочии же страстне человекоугодия слабостию за славу || мирскую подавишася, на обою ногу болением храм- об.
люще, прельстишася купно же не пастырски, но наемнически,

и ужаснушася, воли его быти повинувшеся попустиша. Зряще[д] то, и первии умолкоша, яко словеса беззаконник премогоша, и вси даша ему плещи; несвященный его фатриарх егов весь готов бысть, яко и прочим о нем соблазнившимся. Видя же сей волкохищный[е] обще всех бегство и разума нестоятелное,— даша ему свою волю улучити, на царствие наступление, тако
167 и в церковь ему внития с прочими || нечестивыми не возбранят, еже и бысть, — приемлет сложение помысла своего исполнити вскоре, не токмо бо человеческий срам презре, но и божия страха преокаянный не ужасеся, ниже во уме того приемляше, мняше бога яко не суща: „рече бо безумен в сердцы своем: несть бога“. Яко в просту храмину вседержавныя нашия общехристиянския надежи и заступницы всемирныя пес со всесквернавою сукою и латын и еретик со множествы вскочи и на версе царска престола дерзостно председ!
об. Видимо весь храм || наполнися тогда еретик, яко волков, невидимо же мрачен облак тмы исполнися бесов, радующемся, объемлющим их, божия благодати, мню, отступльши, яко да исполнится реченное: „узрите мерзость запустения, стоящу на месте святе“; чтый да разумеет. И ничим же тогда мнее самого антихриста его зрящим, недостойна на престоле суща, неже царя! Дню же праздника бывшу великаго архиерея во святых, иже Мирликийских Николы честных мощей принесения,[224] егда же та скверна дерзости законопреступления,—
168 и не празнованого его! || Паче Иродова[225]. празника сотворяшеся сугубо тогда беззакония, осквернив святая богоборне, еретическими наступив ногами, царьствопомазание и женитву, невидимо мажущим и венчающим его к своей воле бесом, благодати не сущи. О, долготерпения твоего, владыко! Како не разверзе земля уст своих, якоже о Дафане и Авироне древле?[226] где тогда уступило твое многотерпеливое, кое водворение безгневия его безчислие, его же тя вся тварь
об. бывшая тобою вместити не может? || Вправду предел и место себе сам еси, по богословцех, пресвятый господи! Ве́де, яко долготерпение твое усмотри дати ему всю злобу хо-

тения его исполнити, яко да тем он лютейшу себе муку устроит.

Он же, растлитый, несвершеный урок жития своего и прекрашеный грехолюбно поживе, всеблудно же, и беззаконно по всему, и рабско, и скотолепно всяко; яко веж бе, тако бе, во плоти бо, яко в гробищи, пребывая, питаяся отнюдь, иже вправду прежде царствующих его ни стени жительства царствия их || показавшу. Свое существо делы си обнажи *169*
сточными советники себе во нравех; и младоумными делы, неже леты, нецыи обновляюще о нем любовременною славою в преизлишных богатствах и в чрезъестественых чинов свою многолетную старость в скаредах всяцех и в мусикейских гласех. С присными си, причастными всех дел его, поживе мертвою жизнию, по богатаго притчи, на всяк день веселяшеся красно, непщуя живот си продолжитися. Царски чины ради студных дел недостойный недостойным недостойне ||
раздая чрез естество и возраст, паче отечества же и благих *об.*
вин послужения, срамных же вельма; подобие, егда по случаю некако пес восхитит негде не по естеству, но снедь царску, бежит в место тайно тоя снести; прочии же пси, таковое узревше восхищеное, у единого отъемлют и наслажаются вси купно чрезъестественаго, несвойственого, пожирают же растерзательно и небрежно, обаче и растрашают много, прерывающе: у другаго ов отъем, ов много и ин же мало, яко ве́дяще бяше не свое всем; бывает бо им за се, им же от прочих в тех обиденым, || изгрызатися. Сицев разум и о гла- *170*
големых такоже, по премудром:[227] „якоже многоценныя усерязи у свиний в ноздрех", тако в недостойнех чины; яков дающий, тацы же и приемлющии: ни даяй весть, что дает, ни приемляй знаем, и аще бы виновное ве́дели обои, не бы несвойственое усвояли. И Борис сего в сих немнозем отличен бе; но паки о первем скончаем слово. Сокровичная же хранилища прежде всех бывших царских доброт, даже и до златиц и сребрениц самех, увы, вся истощи без чина и разсмо||трения не в лепоту разсточительне, яко скудель *об.*

мня все, неже сребро, и дражайшая раздаяя: яве бе, о них же
не трудися; их же многих тем не возможно числом объяти, —
мню, яко и песочное множество сих мере превзыти. И бого-
противных землю вкуполатынную Литву сими обогати, мал
сих останок в тайнохранилницах оставль, и сему точию смерти
его удержавшу.

Но убо царствуяй всеми не попусти ему благочестивых
престола лето цело оскверневати, величество божия ярости
171 и прежде вечнаго суда || множества нечестия ему не стерпе;
аще и отшед тогда в царьская, всяко гнева не убежа
от неумытнаго суда Христова, внезапно вмале сотрен бысть
с возлюбльщимися с ним, не со всеми же. Богодвижно
народу всему, яко огнь возгореся во Иякове,[228] и бури зело
сильне нань подвигшися, взятся от жизни нежизненый живот
его и „память его с шумом погибе“, по реченному, и со иже
с ним. И чюдо! Богу крепце ниже произносно совет во мнозех
еже поучение о смерти его удержавшу, не возможе той ||
об. преокаянный мыслимоя о себе в согласующих[229] уведети;
и аще бы поне мало некоего о сем часть не утаилася слова,
велие бы было повреждение делу и сотворилася вспона;
но божию совету человек возбранити не может, никто бо
может умудрити, егда реченное хощет исполнитися. От него
и от любитель его таковый совет сокровен бысть, ему же
и хранители его ратоборцы, учиненыя им, близ ложница
его поставльшияся в блежчащихся бранных оружиях, живот ||
172 его облюдовати, еже помощи ему, християном не сооделеша;
и мнози от них оружия своя праздна при ногах православ-
ных повергоша, божия гнева пролитие нань уразумеша. Над
сими же в царский наш град и совшедшая с ним рать и на
превысокий престол посадившая его богоборная Литва купно
погибоша, в них же множество избранных благородных бе;
яко олово в воде зелне посреде царствия вси погрязоша,
и не избысть от них ни един; яко же древле о фараоне
об. бысть, сице и в нас днесь тожде бог || чюдодействова. Таков
убо бывает конец востающих неправедно на православных

землю, яко же пророк рече: „помыслиша советы, их же не
возмогоша составити“, и прочее. Сице и днесь тайноумыш-
ления некая на ны языческая, егда сведый время восхощет
не укоснит раздрати совет их: может бо, аще утолит на ны
ярость гнева своего. Таже прежереченная накончаем.

Мы же тогда тем злочестивым мня свою погибель отмстити,
но богу за грехи наша гнева своего лютейша сих на ны
сранышу, пре||грешное наше очищая, увы, множайши тем 173
земли Рустей вред сотворихом: всю землю их сами на ся сим
восколебахом.[230] И по мал час тогда онех падением порада-
вахомся, много же оттуду и доныне неутешно плачем: яро-
стный огнь возжгохом даже и до сего сих подвигохом,[ж] еже
по мале пришедшим убо в силах тяжцех им и предняя наша
грады стершим и дошедшим самыя матере градовом, вся тоя
входы же и исходы, облежением обседше, затвориша и на
много оставиша, никому же сопротив могущи стремление
их || возбранити, и жилища си близ забрал града на лета об.
утвердиша. Самого же царя, иже внове пред малем само-
хотно восхищением наскочивше безстудне от болярска чина
на царство, — мню, яве, яко без божия промысла, его же
и конец небесный суд всем дел его показа, безчестно бо
и малолетно пребысть, — сего, яко в худе клетце, со всеми
вои его неисходна во граде затвориша, князя Василия Шуй-
ского.[231] Всеа же Росия грады и веси по нем, яко зверие
растекошася, не точию пусты под мечь подложиша, но в раз-
личья смертей до основания || низложив, всеродно испровер- 174
гоша; купно рещи, не бе места, идеже правоверных кровми
горы и холми не полияшася, и удолия, и дебри вся напол-
нишася, и водам естество, ими очервив, згустися, и зверя
селныя и парящая плотми верных удовлишася, и множество
им преизбысть; оставльшая же вся со землею смесившеся
истлеша даже до общаго всех воскресения. Но и еще мечь
гнева всего доныне[232] на места прескача, останцы земныя,
идеже бе что, изыскуя, поядает || не престая. Со злочести- об.
выми вкупно сложившимся, верных часть всем зло сим быша

злосоветник с наскочившим без смотрения разбойнически на царство, якоже преди слово скажет.[з] „Поставиша си князя, мене не вопросиша“, рече бог: „согрешил еси, умолкни“.

---

175 Взыщем в себе и подщимся усердно вси от всех изложити[и] первее, от ких разлияся грех земля наша, не безсловеснаго ли ради молчания, ея же славе пред преславнии мнози враждебне взавидеша, яве, кипящи в нас многими времяны всяко благ; согрешиша бо от главы и до ноги, от величайших и до малых, сиречь, от святитель и царя, инок же и святых. И аще и восхощет кто злобная оноя вся по ряду, и си яже возмогоша непреложное божия совета
об. на ню разжещи, — но не доволен || явися, к сим кое коего
зазления судиину ярость гнева распалити предварив. От некаего греха злолютнаго, якоже змия многоглавна, пущаго всех злоб наполнити место, ли от всех купно зол, в место сошедшихся, все наше разлияние бысть; и аще и начнет кто сих имяны числити и прочитати, и в прочее, силою изнемог, повержет писательную трость, множества зол всех по ряду не исчет. Обыкоша себе подобныя многи по себе раждати; велико бе сии, но токмо нуждных вмале зде помяну, ||
176 иже ми на память в наставшем взыдоша.

Крестопреступления беспоученную дерзость в клятвах первее предреку, о ней же глаголет пророк: „велия огнена серпа казнь“, сказа, предзря, „наклепася[к] во лжу“; таже богомерскую и преокоянную гордость безумную, юже древле богом возненавиденную, иже рожденно[л] ту, низпад, свержен денница быв; по сих истоваго суровства отложением уклонение и в того место лицемерна введение и сего кривость
об. премногую, срастворену мздою; еще же любовнаго || обще
между себя союза лишение; к сим же винопития безмернаго с чревобесием, от них же раждаемо блуда невоздержание тлетворное и сих жало — содомское гнусодейство,[233] его же срам есть глаголати и писати и слышати; обаче же злопо-

мнение ко искреним. К прочим же приложу сребролюбие несытне, и лихв ненаполняемыя прибытки, и мзды незатворяемыя влагалища, числа не имущия, и братоненавидение самолюбное, и чюжаго имения восхищением любление, и ризное чрез меру ни в лепоту красование, и вседомовных ||
вещей разньствия паче потреб множества, по премудроединому 177
словеси, яко всякая гордость умножается преизообилных вещей, яко купно всех к сим притяжение дщанно бе, еже средних к первых безмерно же желание, последних же к средним рачение несытно, и прочая вся, — чтый, да разумеет. И конечно еще оста нестерпимо зло, иже к ближняго лицы в досадах кождого самохотное укорение, еже матерню имени мотыльна со усты языка скверннословное изношение; не укореному бо сим досаждаху, || но рождьшую скверняху своими об.
нечистоты. Зла земля не терпящи стонет о сем; заступающая о нас в бедах крепкая помощница, бедне гневаяся, негодует и отвращает лице свое: егда что в молитвах воззовем, неуслышани и пусти тоя отходим, от таковых бо двери милости своея затворяет, ниже ходатайствует о сих к рождьшемуся от нея; сицеву тяжесть сий грех имать. И аще иже не вси, ниже равне с начальницы истоначальнии сия вся страсти содеяша, но суд по различию || приимут от сих, овыя 178
попослушныя не наказующе, овы же началных учением не внемлюще, яко бо случающим о добрых мздовоздаяния не обещевающе, о сопротивных же муками не претяще. Но всех зловерных язык исполнихом дел их меру и вящше; единем точию лучши сих явихомся, еже ко иконам покланяемую в себе имяхом почесть и еже не соизволяем с ними преданыя нам посты разорити, но не у и мы сия вси совершене, яко же подобаше.

Вся, мню, быша предиреченныя || страсти в нас от без- об.
страшия божия, чювствия не приемши грехом своим ради окаменения сердечнаго и суда нечаяние мое; сего ради на нас, познавших волю его и не творящих ю, прежде всех язык божий изыде ответ во гневе, и к себе наказаньми нас, яко

кормилом, обращая от заблужения пути его. Но что, аще
не быхом Борису первее умолчали благородныя по царех
сущия столпи великия, ими же земля наша вся утвержашеся,
179 всяко сия погубляти и вся вмале по ряду различне ему || пре-
возможными образы обладати, но яко же Евреи фараону
в Египте попустиша убивати младенца и при Христе таковыя же
в Вифлиоме Ироду, — то не бы предиреченный на фторое
дерзнул убийство, еже новомученика святого царевича Димит-
рия, и вящшую часть всего царствия, во время то запали-
тельми пожещи: елма вси пожжении забудут в своих им пла-
чех оного ради смерти востати нань, — тако мняшеся он.
Елма и Ирод во Иерусалиме некогда вся владущая земли
об. погуби,[234] своея ему смерти || сих не радоватися сотвори,
сице и той, сего ревнуя злу, такожде. И аще оному оно
не попустихом бы предиреченных, не бы вооружился третие,
иже прекратити от жизни живо̂т самого незлобиваго царя
Феодора, и аще се устремление его нами возбранилося бы,
не бы безбоязнено и кроме страха желание свое про́стер
и безсрамно приступил к царству. И о древних о младенцах
дерзость сего безстудству не сравнаема бе, ниже оного
180 к тем; онех бо незлобных смерть по сих к смотрению || вели-
чия божиих дел убийцам попущаема бысть, ныне же о нами
глаголемых не к чюдесем таковым; она бо вся уже совер-
шишася, зде же к смотрительну суду обоих, дерзающаго
и попускающих ему. От сего яве ныне едва познаваемся,
но не вси, яко сего ради, ве́де, от бога днешними яз-
вами наказуемся, по премудрому словеси: „прещение, рече,
сокрушает сердце мудраго, безумен же и биен, не чюет
ран“; сице о нашем нечювствии разумети нам самем лепо
есть.

об. И аще не бы исперва || нашим молчанием предипомянутому
на сия послаблялося, не убо таковый искоренил от земля
благородныя вся и благословныя без остатка семяна малыя
с великими, даже от главы до ноги, то не бы скимен злый
иже священно- и мнихоругатель Гришка Розстрига по оном,

зря нашея слабости страшивство всех, на самый богом помазаных верх безстудне, такожде яко той первее, наскочил, ниже бы тацем смельством кто прежде сего предсел. Первый
бо восхищения его указанием || второму учитель бысть, и вто- *181*
рый третьему, и вси, яже по сих безъименнии скоти неже цари; каяждо бо злоба мати есть второй, указание бо второму первый о благих и злых. И аще не бы Рострига насквернил святая, то не бы первых дерзость прочии ощутиша и мнози безсловесне, иже скотом подобнии, подражателе на се быша; и аще не бы предипомянути вси царския степени недостойне з безстудством наступати дерзали, и ниже прочим на се путь показали бы, то не бы по градом и местах господьская имяна навежды многия на ся такожде налагати ||
смели, и яко вместо чисты и зрелы пшеницы посреде земля *об.*
сеа хотяху ненасеянное терние возрастати, они и празным сим и хульным угобзением дщахуся богословная семяна подавити. И аще не быша сии, то не бы приражалися к сим сослужебныя им стаинники и от нарочитых, скверных ради прибытков, вкупе с ними землю опустевати и саны различныя от них получати временно.

И аще не бы се, то не тако бы страннии купно вси срадовались в себе нашея земля раздвоения злоденьствию; и
аще не бы се, то не быхом || прежде сих призвали Еллины, *182*
иже своя наветныя древния враги злобы, Руския земля от тацех же[м] противных обраняти, от якоже и они. Кто бо таков безумен, якоже мы? От века несть слышано, — волком волков ото овец отгоняти; тацем же сущем им естеством, вѐде, яко не овца щадяще в землю нашу нас обраняти от прочих, но яко да сами более сих насытятся овец, еже и бысть. И аще не бы се, то не бы враждебнии земля сеа наступили, яко и прежде при самодержавных вправду; и аще ||
не бы се, то не у бы земля вся Росийска инославными в *об.*
конец пленением потреблена; и аще не бы се, не убо бы преже сих вкупослатынныя Литва главу и серце всего царствия, град Москву, яко гнездо орле, рукама, пришед,

объемше и долгим обстоянием умучиша. И аще не бы се, не
быша они злодейнии, вся клятвою обольстивше, внутрь пре-
великаго вселилися града того и пообладаша нами на время
много, доньдеже по сих останки малыми людий, от своих
нам стран собранными, их же всюду прежде волки распу-
183 диша, || сих бог преславно послежде, яко кропива, воедино
собрав, охрабрив и на оны воздвиг,[235] иже гнездящихся
змиев отвнутрь града сими ужасив и исползати без вести
сотвори; тогда свобожший град наследоваша и достойне,
аще и празден, прияша.

И аще не первая быша вся, не у бы еще отценачалник[236]
всех во изгнаниих нужно почил, его же естество не стерпе
величества бед, его же не возбранях оставших бе храб-
рость, о нем же уяснением малем словес вдале выше в пер-
об. вых речеся, ему же || похвала не от человек, но от бога.
И аще не оно бы, то не бы все царствие запалителя пове-
леньми огнь полизал бы; и аще не бы се, самодержавных
сокровичная хранилища обременены, иже от родов в роды
наполняема, царских не быша доброт купно всех истощени
и в насилующих землю превезени; и аще не бы се, то и не
и еще бы искали от стран помощи о смирении. И аще они
днесь и мирницы[237] о нас являются людем, радуют же ся,
веде, с насильными купно о погибели нашей; смиряют же
184 враждующих не ту||не с нами, но мзду си хотяху не малу
от нас за се прияти. С пленшими нашу землю сии суть
всяко равни, ничем же меньши во злобах онех: яко же они
разорением, тако сии мирницы за мир мздоприятием, —
единаче бо сию кождо их на части развлекоша. Но то дивно
о туждих, яко и вкуповерныя нам, мира же ненавидящая,
срадуются купно с сим злом нашим и от согласия мира сих
отвлачаху, ради кипящаго в них днешняго доброденствия
об. скорошествие, увершеся, яко || вборзе житию своему от
блага на зло пременения чающе, мнящеися им расколом
мира лстящую их жизнь си продолжити. На предиреченное
же возвратим речь.[н]

Лжедимитрий I.

Портрет, гравированный в 1605 г. Лукой Киллианом.

Марина Мнишек.

Гравюра на дереве Снядецкого 1605 г.

Не мирствовати бо глаголемии миротворцы со враждующими нас они дозде приидоша, но прикровением мира тайно о нас советовати на зло, мира извет, яко дым на воздух расходящееся, словеса своя о нас во страны пущаху; но не сице си истина, мы бо надеждею о них солгани быхом. О них же чающе мы некую в налагаемых тяготах || полу- 185
чити отраду и от нечаяния возникше, едва разсмотрив о сих, возбнухом позде, некогда сих лесть от дел их познахом. Больше зло сих сюде пришествием от насилующих нам сотворяшеся, яко до сих не бысть прежде. И церковныя бо трубы, от них же происхождаху святозвучныя гласы, созывающая на пение православных народы и возвещающая во церквах глаголы божия людем, яко со оного полу Иердана,[238] глаголемаго реки Волхова, от святилищ всех по ряду со устроенных им мест та низсвесиша вся к тому, ||
якоже безгласны трубы, отнюдь не дающи глас. Не сущим об.
им зде, пред малем же и стенобитныя хитрости меднослиянная телеса, неодержимыя тяготы, с прочими тех приличествы, предипомянутыя вдале первее, си обоя орудия церковныя со градовными во свою их отслатися ими землю. Увы! плачь! Овых водоносил подъяша тягость, овы же возилы зимы путем гладости, никому же бранящу о сем им. Оставшую же во мне чадь, подъяремныя люди вся, нестерпимым утягчением в конец погрузиша || игом, до сего тем 186
нанесоша зло, яко паличием голени сих сокрушиша. Равно же с сими и священнопастыря честныя, чредоначальники мнихом великих лавр, иже по архиереи первыя, сребрениц ради безчестне ударением болезнене пребиша, неже сих послушных, не могущем яко на долзе и к обычней воздвигнутися им молитве; их же слыша беду, инех же зря, самый пречестный верх отчею о чадех разгарашеся болезнию, снедашася нестерпимо, во очию своя чада присно зряше, тако от волков и псов немилостивне || биением влачимы. Мнози об.
же в сих муках и живота гонзнуша иноки и бельца, злых не претерпеша мук. Ими же поядающии кормяхуся, сих и по-

жираху, яко ото овец кротких млеко ссавше, волною же согревающемся, но ни сего ради тех щадяху. На се самозваным новобогоотступником неким от правоверия, — звание си и нрав естества брехающих и угрызающих человеки стяжа, имянование от дел в лепоту приим, не разликуя от проимяния делы, — вкупе он словесныя пожирающим моя
187 овца яростне нападая || согласием, злоревнителя злу паче инех других себе единого такова показуя всем; но они убо угрызают тайно, сей же яве и безумне, — малым нечим им обоим во злых недостаточествовати самех злобою бесов.[239]

Мнози же и се глаголют в нас, якоже слышится днесь о бывших уже и бывающих нами гресех, яко божий суд о всем повинен творят, а не свою смотря от гресех слабость, глаголюще, яко аще не божие повеление о всех нам приключшихся было бы, то како возмощи бы нам сотворити
об. се или оно, забывше реченное || они, яко бог убо может вся, хощет же нами деятися доброму и благому, и „несть он искуситель злым, не искушает бо той никого же“. Аще бы всяко законопреступление, по них, божиим хотением, то не бы бог закон полагал о добрых и предел о злых, не бы о Иваннове убийстве Ирод осужен, но и о еже не добре клятся обличен бысть; самого положителя закону разорителя сему наричют тогожде безумне. И аще о сих мы сами себе сотворихом неповинни, то почто лет толико до днесь
188 мечь ярости господня || снедает ны, не почивая? Лучши есть престати от таковых на бога хулных глагол забывшем себе, кто и каковы есмы повинни пред богом, но многими слезами просити прощения, да не ради нашего нечювствия о гресех одождил еще к сим камения и на ны, якоже на Содома с прочими о нем грады.

[1]. Притча о цареве сыне, иже пострижеся и паки розстригся и женитися восхоте[о, 240]

В Римстем граде бяше у царя сын и в болезнь впад, абие же, болезни того на много время продолжившися, и

все тело его отерпе, || токмо язык покаяния ради оставлен *об.*
быть ему; и прииде ему желание же облещися во иноческий образ, еже и бысть. И потом паки первую крепость тела[п] своего приемлет, бысть здрав, якоже бе и первее, и хотя сожительствовати в некотором от монастырей в том же Римстем граде близ отца своего. Сему же не терпяще скорбных еже со иноки пребывания, но памятствуя и желая первыя своея славы доброты, еже в царьских домех всегдашнее пребывание и веселие и вся || по ряду, еже цар- *189*
скому величеству достойная. О иноческих же небрег, но приходя часто к цареви, отцу своему, невозбранно ради сродственнаго соуза зрети красоты привременныя славы; мнози же от ближних царевых зазираху ему, яко не достойно таковая творящу во мнишестве сущу тому вмениша. Он же прельстися, не терпя обличения, но мнишеская одеяния с себе вся сверже, паки в мирская облечеся, в первое достоинство остряся и паки приходя ко отцу || своему царю *об.*
насыщатися благих; синклит же и вся люди наипаче[р] поношаста ему, еже не сохранившу обещания, яко преступнику вере и ругателю ангельскаго образа. Он же, срама исполнен быв, не возможе на долзе времяни обличаем под смехом быти, ото отечества си отбегает, и пребеже во ину страну к некоему велможи, и благородие свое и обещание, еже во ангелском образе пребывание, сокрывает, в рабий бо образ преложся, яко един от сирот, в работу предается. Предиреченный же || вельможа, зря его в доброте суща, за кра- *190*
соту лица и ради величества тела вся ему дома своего вручает, яко верну хранителю, и надо всем имением своим, над рабы поставляет его строительствовати. Не по мнозе же времени господину его умершу, жена господина того за сего отрока браком сочетавается, еже и бысть. Но обычай бяше новобрачным ради измовения тела в баня входити, и по совокуплении того с своею купно з госпожею и женою вниде той предиреченный отрок в теплицу. Но зде страх, зде тренет! Дивно чюдо содеяся тогда, внегда отрок вниде в баню: ||

об. напрасно возопи нелепым гласом, силе божии язык его движущу, сам неволею своя содеяная, род и отечество поведает, и обещания своего несохранение,[с] и преступление заповеди, и попрание святаго ангельского образа, и отвержение иночества — все подробну обличает, аще благоутробный в покаяние вменит ему се. И многу народу на чюдо то стекшимся, яко видетися всем и страхом объятым быти; место же то народу неприступно бяше, но возбраняемо не-
191 коею силою. По мале же отрок, от безчиннаго || вопля пременися, нача гласом крепости своея исходить; людем же отверстыма очима издалеча зрящим, видяху того отрока без главы седяща, токмо труп един бездушен зряху, и не по мнозе все тело его предо всех очима невидимо, яко от огня воск, без вести бысть, прообразуя онамо безконечную муку. И глас всем слышеся: сей мирское имя покры чернечеством, а чернечество женитьбою.

Се бо нам всем образ бысть: воспрянем убо мы, иже в нечаянии лежащии, не сохраньшии своего обещания, да не
об. когда[т] постигнет и нас прежде будущаго || суда зде смерть люта и лютый ответ, неже тамо. Но, о владыко всяческих, и долготерпя, не пролей на нас, согрешших ти, праведнаго своего прещения вскоре, но, презря наша вся согрешения, дай время исправлению ими же сам веси своими судьбами! Вѐмы бо, во-истинну вѐмы, яко можеши вся спасти, аще хощеши, ибо согрешихом, но от тебе не отступихом, тварь бо есмя, и веруем в тя, могущаго ны спасти. Аминь.

192 [V]. ЦАРСТВО ЦАРЯ ВАСИЛИЯ ИВАНОВИЧА ШУЙСКОГО[241]

Во время же последнее днешних времен Шуйского, порекла Василия, самоизбранна глаголема всеа Русии царя, на первых предержавных и преобладательнейших престолех без божия, мню, его избрания же и благоволения седша, ниже по общаго всеа Русии градов людцкаго совета себе составльша, но самоизволне и единем некоим присоединив-

шимся ему сложением в мысль, напраснем в делех и словесех волкохищнем лже||силеньтияром, иже от перваго об.
рабоименнаго в Росии царя Бориса, богопротивное ему некае тайнослужения угождение, не свойственне, ниже достойне, в синглитства чин нововводнаго, худородна же по всему Михалка Татищева,[242] — прежде бо некогда оному первоглаголанному Василию, о нем же зде слово, даже и до рукобиения всеродно той досаждая, миролюбообладателю первоцарю своему Борису чести ради сана получения си тому угождая, оного же Василья всеродна бесчестя: сея он предваршия ради своея вины ему лстивне || гонзнути хотя и 193
обаче не получи. Оному препомянутому Василию на великую Росию всю без воля всеа земля люди по случаю некоему, спешне, елико возможе того скорость, от ту сущих токмо, иже в царствии[а] и граде людий без прекословия всякого от него нарещися первее во своем ему дворе, потом же и поставитися царю; ниже первопрестольнейшему[243] наречений его возвести, да не противословие кое в людех будет, но яко просталюдина тогда святителя вмени: токмо последи ему о нем изъви. Колико можаше той безстудством || сия тому сотворити, никому же ему смеющу возбра- об.
нити, ли прекословити в такове превелии делеси! Спешнейши же и бесчестнейши и сугубее того от высоты престола ниизвержения сего самовенечника бысть, — послежде о нем же паки с прочими пространнее инде слово скажет, — иже ум имущим рыдание о сем, неже смех, от безумных же и от врагов несмиряемых земли Рустей бысть насмеяние велико.

Прочее не глаголю, яко беззаконно, но яко нечестив всяко и скотолепен, царствова во блуде и пиянствах || и 194
кровопролитиих неповинных кровей, к сим же и во враждбах богомерских, ими же мняся во царствии утвердити; сего ради паче царство его малолетно пребысть. Аще и перводержавнейшим сроден бе, но нечто же успе тому тех сродство ко еще царствию утвержению, не благочестивне жи-

вущу, оставя бога, к бесом прибегая, но и жилища сим собою
в царских кровех в присное пребывание тайно устрои ради
непрестаемаго с ними нощию и днии обаяний, чародеяний
об. творения, яже || чюже таковая християном, неже царю. Яко
же и преже сего, егда он в синглитстве быв, — изряден
в прочих сверстницех, сточных ему, первосоветник и пред-
указатель в соборе всего сиглита о земных вещех управляе-
мых всех; егда же страстем плотским безумно приплетеся,
тогда и умом срастлися. Кто не посмеется того безумию
последнему: внегда бо всеа Росия земля восколебася нань
ненавистию, за еже без воля всех градов воцарился бе,
к настольнейшему же и преболшему царскому граду против-
195 ных пред малем приближения || их, иже обстоянием во обле-
жание сих чающе, он тогда свое безвременное дело еже бы
брачнаго ему совокупления сопряжение супружество сотво-
рити, еже и содеяся. Неже бы достояше паче тогда земля
вся прежде от волнения уставити и себе на высоте толице
возшедша утвердити непоколебима, и град толик, всего
царствия корень и главу всем, и себе самого со всеми в нем
во обстояние врагом не вдати, и ото обдержащих в чаемых
бе того свободити — потом бы о женитвеных тщатися ему
об. исполнити || лено, в тишине пребывая и в покое мнозе по-
чивая, никому же претящу, неже во страсе убо: страх и
бысть послежде. А иже Росийских всех деспод достойнех
прежде по истинне бывших царствия, удивлению всея славы
их предивных царских преизрядных и предрагих вещей, от
мног лет собранных, — сих всех доброт он расточитель и
искоренитель бе со ими же ся возлюби. Сего ради не мощи
его нарещи по истинне царя, зане мучительски правяща
власть, неже царски. Суди ему, боже, по делом его! ||
196 И языцы бо безумию его посмеяшеся и насмиваются, но
в последний день, мню, пред языки всеми бог паче всех
посмеется ему; „ссечет бо выя грешником не чювствием
меча, но усечением мук,“ по Писанию. До сего убо он, рас-
тлитый умом мнимый царь по себе, предварших царей ис-

полненыя до верха царския сокровищныя хранилища истощи, яко уже ему сими его скотскому житию не довлетися; но, яко нечестив, и освященным сосудом в соборех и по святым лаврьским местом всех градов || своего владычества, об.
иже преже бывших царей с роды вданныя по душах их в вечную память, сия он к потребе своего студожительства в сребреницах разлияти не устыдеся, извет творящу, яко бутто воином раздаяния летняго их урока ради, истовый их весь урок, на то отлученый предваршими царьми, вся сребреницы преже блуднически изживщу. Ниизвержение же бесчестное сего венечника подробну сповесться в прочее.

Предипомянутаго же Михалка, иже царския чести сего Василия сподоблышаго, по своем ему воцарении он в мое
нядро || истинною сего во оземство осуди, лестне же второе 197
воеводства чин ему зде о мне управляти вручи, тому не хотящу. Ничто же бо сему возводителю ради помазанаго воцарения чаемое ему благо успе от иже на неначаемое царство возведенаго, ниже пользова: преодоле бо иже и на высоту престола посажения первое его тому досажения зельство, якоже в растроениях неких премогают горчина сладости, лютости — времени зовущу — умножением. Но той убо паки изо оземствия зело тщашеся царствующаго града по
образу || первому к царю приближения своими злокозньствы об.
некими доити, и первыя чести или и совершенейши тоя, еже бы и с первыми по цари в синглитех сравнения достигнути; от самого зде движения его в долных познан бе. Мню, паче и самого своего си царя, его же посади, коварствы некими дщася, дошед, ниизложити, мня по оному, яко возможе того на престоле посадити, мощен мнящеся того и низвергнути, клюкам своим надеяся, образ своего си тайноумысла, якоже кончины Ростригины, помышляя, и о сем тождество своим
первосоветием другое || свое содеяти сточное тайнодействие. 198
Не получи же обаче, но усрами бо ся превознесеная гордыня, яко попущением божиим и первую честь недостойне

прият, не ради благословных вин, но сопротивных от попущения. Никто же бо у самодержавных истинейших и природных царей наших прежде, доньдеже не сущии царие нами не обладаша, таковую честь когда худородства получи; паче бо бе естества и первая ему вдана почесть; благороднии же, аще и видяще чрез достояние что, но цареве воли ни
об. словом противитися || не восхотеша, крепчайшим в них не обретшимся ни единому. Но паче си бяху не боязнивы и страшивы, истиннии же убо наши царие прежде сих вѐдяху, коему роду кую и какову честь и чесо ради даровати, худородным же ни. Коего же он ныне надеяся доити, не получи обаче, а его же не начаяся, се сего постиже: всего бо иже во мне народа руками многих кровоубийствено от ненавчаемаго тем некоего куртеса повелением, — братанича царева,[244] и пред малем[б] от державнаго тогда в надра моя
199 пустися, — внезапу нужно || зле горделивую свою душу он изверже, вся уды его и со одеждами на части оружми здробившем. Сам великий вину его всем вслух объяви[в] людем, народ всеми воскликнувшу гласы: да возьмется таковый от земля и несть ему, глаголаша, части и жребия в достоянии с нами! В речную быстрину воднаго естества немилостивно того в растерзание водоживотным безсловесно вметнуша, ниже погребалных тогда сподоблен бе; аще вмале некако пред сим что отцеви духовне от содеянных ему скорости
об. ради || исповедати от преимущаго бе послаблено, негли убо некако аще и святыни прия, — о сих добре ведомо свене нас прилучшимися ту сущими, аще тако истино есть. Яко рабу[г] обаче, незапно же и без замедления тому кончина, якоже Ростриге, содеяся за преестествено некое его зло и богопротивно виновное злолютство злобы его, паче всех повелителю о нем единому сведущу, зане и бог сему на нем зде мерско содеяти попусти. Имения[д] вся рукохищнаго его
200 собрания суетнаго обогащения || в надре моем, яко прах по воздуху, разсеяся не точию же, но иже и в различиях местех негде сокровено бе, да яко и в царствующем в самом

граде в тайноместех положенья от державнаго не утаися отсюдными о сих возвещеньми. Такова бо высокоумных и самомудрых гордоустцов кончина: яве, уповающим на ся, неже на бога, праведному суду не попустившу мнимомуся чесому им творити, неусыпному оку сего мыслимое предварившу, по писанию, „уготование сердца его вняти ухо божие", нрава прегордое, еже мышляше || в об.
себе богопротивно некое, яко и прежде, но бог величанию рог сламляя и запиная всяко самопремудрым в коварстве их.

Самописчий же некто,[245] действом тому вселукавому лукавый некогда в делных всяко собеседен бе и сосходен при всем, на того к преимущему в прикровении льсти своея искренно и дщанно пожела, не мал советник и совещатель на убивство его бысть. От самого повелителя убийству прегордаго по возвращении великаго с народы от крове вборзе тогожде часа уве́дено бысть, пред послухи || многими 201
в притворе церковне негде, иже дому своего ему пребывания; тайное ядя его, яве в лицо ему той при всех, егда ся преимеяй сотво́рив, отсюду к державному скорописаньми смерть убиенаго борзо всадником на езделех возвещая. Еще же сего свидетельства и доныне не вси почиша, елма же не вкупе бяху месты. Аще же и не руками тому он убийца бе, но убо оклеветаньми к великому и подвижением языком тайно со усты; злонраводействен бо той и злопомнив || пре- об.
лукавен же и самолюбец; не многими же он и ко оного убийству ведом бе.

По разсужении же места, иже объемлющаго всю общепротивных рать, идеже близ царска града облежанием сих станы быша вси, не вем силу вещи сказати, како оттуду язческо в самыи матере свене труда вхожение бысть, его же и они первие многими труды ухищрения долзе преяти не возмогоша, како же ли онамо бывших внутрь тезоверных

202 нам сынославными онеми посполитое о всех, иже || к содержанию земли, утвержение бысть. Крестопреступнех бо всяко кая ина клятва кроме сего в клятвеных утвердити весть? не может бо. К сим же паки и еже о главе всего царствия, самом цари, с высоты престола в худость того ниизведение, и умиленое супружнаго жития его скорое в бесчестии всяко распряжение, горлиц подобное, яко смертию раздвоеное, и от вольнаго царствия невольное того мнишество, и внезапное всеа купно верховныя чести лишение, и до иже в
об. самый плен || отведения и конечнаго ему тамо безчестия наругание и срамоты, увы, еже царску венцу всего срама налагание подъятия, — о всех сих быхом зде от плена яко во мраце внутрь стен неведени затворени, разве что кроме истины же вмале прияхом не согласное от слуха, но яко по аеру чрез забрала, и та в слухи наша едва кое нуждею прелетит слово, заклепы тверде затворением сущеми, иже всяко не бе воля в нас. О сих прочих словес сочетанию
203 непогрешнаго по единому когождо сказания || не изстязаннем нам быти чтущим се молимся; и о прочих, идеже ко исполненом вещей и исправленном словесы изъявлению не доволни явихомся, тоже разрешение прощения просим, обще по естеству недостижения немощию обложенем. И аще подробну збывшихся словом в писании представити есмо и недовлени на се, но, не оплакав различне сих, не могу минути, единако бо от славы в бесчестие изменение сих, аще и неуяшнено в слозе, смирено же по всему.

Но что обрыдаю первее: самого ли царя, ли царствия
об. его? || Нужда бо и обоих, о царющем и месте его, в среду привести плачь, но ни единому же без другаго, яко ни души мощно бе без тела в видимем содержатися, ниже телу кроме душа в составлении двизатися. Увыи, царю венченосче Росийскаго всего боголюбезнаго жребия по благочестии, одушевленый по всему образу божию властию и страхом, богопоставленый нам во всей жизни во утвержение и управление обще наше, и рог всеа крепости нашея, и жезл пас-

тырства, и опирание совершенаго о всех заступления! || Аще 204
о нем иже бесчестне некое в сложении сем рекохом негде, от дел его творимо им что безместно, но тамо вправду неподобное того единого извещано, зде же в ресноту подобно жалостное словесы и положити о том же. Но аще он повинен коим в сложении гресех, престол же места о всех непорочен сы, чисто бо от грех достояние бе; единому же горе соблажняющемуся, иже на престоле святости не в лепоту седящему. И не ради того единаго наставшаго к почести слово зде вмещаемо, но ради || предварших его вправду об.
царей, исправляющих престол иже тем же местом достойне, отъемшихся, — первее зде сречено бысть, — и самого общаго престола, яко одушевлена, честь изъявляя; едино бо всем и прежде бывших его царей тожде[е] пречестное первоседалище бысть. И о сем толика; прочее же во умилении глаголы скончаем слово яко в лице ту сущу посрамляемому. Како не усхоша господопредательныя руки, коснувшиися неразсудно высоте твоей смелством безсловесныя дерзости, ниже устыдешася вежди дерзаго освятованныя || чести славы 205
твоея? Тебе бо, яко бога вся купно тварь, по бозе стыдящеся, почитает страхом и молчанием, подобне тому повинуяся служи, зижителя не смея преслушати повеления; иже богом дарованныя ради чести венца ти патриарси и вси святительныя верси говейне и со страхом приступают, сами суще непреступни всяко. Но что? И соименни ти и от восток христоподобною честью, яко волсвми, посылаеми ими дары ти приношаху, от конец небес до конец их вси позываеми отвсюду согласную по бозе честь || вам сотворяху на об.
лета, в вашу державу приходяще не самодвижни, но посылаеми богом; превзыде бо честь их всех на земли славою. Аще и человек царь бе по естеству, властию достоинства привлечен есть богу, иже надо всеми, не имать бо на земли высочайши себе.

———

О царе же Василие Ивановиче [ж,246]

И о дерзнувших убо рабех, иже коснушася некасаемых,
суди в день суда им! Которого же от бога паче велицыи вси
мнимии ся столпи, тогда ту прилучшися, получат ответа в
206 будущем, иже досаду сию на богопочтенный || венец и место
сотворити дерзым невеждам попустившеи и зрящая вся на
сих чады? Аще и отнюдь сами они совлекшим того низу
непричастни, ниже соизволяющем господьским низлагатаем,
но обаче видцы и позаратаи быша вси бесчесному оного
ниизведению, да не реку — ниизвержению, — могущим дерз-
нутых о таковых начинаниих возбранити, и не возразиша,
но паче и соблаговолиша им, непщующе вину его о гресех.
Но аще есть он некогда и погрешительну жизнь убо царст-
об. вуя проходил, венцу[з] же честному что есть с ним? || Еже
и о святителех всяко порок некий множицею приемлется,
не убо и церкви сим бывает сповинна, яко же и они: та
бо от человеческих страстей не потемневает, но пребывает
присно в своя ей светлости чистоте и юнеется; сице и о
свенечнем и престоле царстем всем знается о сем слово
едино. Чесо ради со онем и непорочное обругаша и с по-
винным неповинное сочеташа безсчестне? Лепо бе и недо-
стойное достойнаго дельма снабдети, якоже негде в при-
207 лучшихся плоть ради душа мудрии пощадевают, || и ина
такова, неже и достойное ради недостойнаго всеа вкупе
совлекоша чести. Егда бо той нам поставляшеся царь, не
несведый сего и яже о нем прежде движения его всего
смотрения око убо и предведый вся о всех: лепо бы о всем
оного суду попустити, неже себе самем отмщати; аще и
попустися, но токмо убо нам укоризну сию мощен, от чело-
век во странах языческих протекшую тамо в ня от восток
даже до запад, в конец погасити всю. Вѣ́де, яко возжеся
об. неугасно онамо та, || пламеню велику подобию, в роды многи
о дерзнутом ко уничижению нашему и срамоте; един же ю,
аще восхощет, всяко погасити весть повелеваяй ангелом, иже

манием всей твари воздвизая и утишая к потребе ветры
и разводяй по воздуху облаки, преславно же погашая не-
угасимыя пламы вавилонския пещи, аще что и чюднее; бла-
гоприменителен бо иже обезславльшееся может на первую
паки приложити славу и вящше, обновлей образ Адамль.[247]

Иже рукою[u] божиею древле праотцы наши сотворени *1*
быша, супруг первый Адам со Еввою,[248] — ов от земли, ова
же от того ребра, тем же сей надо всеми бывшими яко царь
самовластен поставися твари всей, ему же птицы, зверие
же и гади вси страхом повиноваху в покорение, якоже
своему сотворителю, владыце всех и господу. И донелиже
первозданный не запятся всех врагом губителем к первой
заповеди преступлению, тогда безсловесная вся, иже по
сих ныне и страшащая ны, созданнаго оного трепетаху по-
веления. Егда же змия Евзе прелесть во уши пошепта, она
же научением || тоя и мужа си сопрельсти, — абие оттуду сам *об.*
новозданный всего царь мира животных онех ужесатися начат,
и от прослушания падению по них быхом оттуду вси при-
частни доныне. И якоже Адамови прежде преступления ему
дивии вси быша самопокорни о всем, сице, сему подобне,
во временах последних и наша самодержавнии во своих дер-
жавах обладаху нами всеми, от века рабы своими, дондеже
они сами держахуся повелений, даных богом, егда к нему
не у еще вконец согрешиша. К ним же быхом от всех мног
век доселе непре||кословни, елико по писанию быти достоит *2*
ко своим владыком рабом повиннем, во всех служебне; не
уже до крове токмо, но и до самоя смерти быхом им само-
послушни, яко же скот водящему и даже до заколения
сопротивитися не совéсть; тако безоответни быша к ним,
яко рыбы безгласни, всяко со тщанием кротце рабское иго
ношахом, повинующеся им во страсе подобне, честь страха
ради творяще вмале яко не равну з богом; аще того тако
боимся, ни убо унее бо, аще се было тако бы.

об. Егда же к концу лета грядяху,[249] || предержателе наша
поелику начаша древняя благоуставления законная и отцы
преданая превращати и добрая обычая на новосопротивная
изменяти, потолику и в повинующихся рабех естественный
страх к покорению владык оскудеваше изчезая, яко же и
земля к первому угобзению семян ныне по премногу своим
несравняема плодоносием. От дел бо яве познаваемо бе
всяко излишество и тшета благих же и злых неже от недр
темных, яко и в прочих. Восхотеша бо обдержителе ушеса
3 своя сладце || преклоняти к ложным шепотных глаголом, —
яко же в ветсем прабаба всех Евва змию прелестнику подаде
любезне своя слуха, сим вмале и огорчися: абие подъяше
бо обще малжена бесчестное ис породы изгнание, — лжевный
же недуг и горький плевел терния, посреди всего царствия
израстая, умножашеся и истинствующия пшеницы класы
являя превосходя. Языки бо своими убиваху люди яко мечи
с люблением тех послушателей, возношаху бо ся зело над
правдою в неявственных своих похвалах; державнии же и
об. никакоже тех отщутиша, дондеже плод горести || тоя пожаша
и в снопы связаша, якоже и в хранилища им своя сих по-
ложити; тогда сих вкусу добре уразумеша. Послежде то бо
в прочих о наставшем и мати всему злу бысть.

Рабопослушныя же мнози от сего быша самослабостни
и страшиви естества обычаи, и на кождой час изменуеми,
и словопревратни удобь, и всяко неутвержени ни в чем,
в делех же и словесех нестоятельни, по всему вертяхуся,
яко коло, и друг другом защищающеся в находящих.

Приходящии же в державу наших господ от стран ино-
4 земныя многи || посолницы и купцы, ползское естества нашего
пременение иже от древния крепости в худость сошедшее,
прилежно разсмотряюще и страшивство наше предипомяну-
тыя слабости паче писаных им в послании, о них же при-
хождаху, вещей извета, наше немужество все всяко во цар-
ствии бываемое узревше приложением к своей им непремен-
ней и доныне твердости и к потребе временю, — крепце про-

разумеша о нас довольне, яко несть отнюдь мужества никоего в нас до единого, зане от грех готову в себе пристяжахом слабость во всяку прелесть, еже || и бысть последи *об.*
сотвореное им нам о лжецарех погибелное предкновение совершенаго падения; ту же слабость о нас и во всей земли нашей судив сположиша они.

Все убо первые крепости оскудехом вконец: старии в нас быша младоумнии, вместо разума токмо седину едину имуще и брадную власом долгость, юже являху людем и красахуся тою, яко мудрии; средолетнии же бяху миролюбни и славолюбни, якоже и предиреченнии, и ко властем обои о неправдах самоподвижением утреневаху присно, у них же „во своя им || дни лукавствий ли своему животу искуповаху *5*
время“, якоже пишет, и обаче елико искупят, толико и поживут убо; юнии же у превозрастных тем же и доныне учатся злобам. Яко речется, иже „несть пророка, ни вожда“, и не бе к тому в житии обрестися исправляяй пути своя человекоподобне по заповеди, яко достоит, вси бо согрешиша от младенец до старец, ибо за грехов презмерия древняя в нас крепость от всех отъяся. Сего ради и языцы, на ны нашедше, всю землю нашу растлиша, яко и паче елико хотеша. Се же все бысть державных малем || поползновением, *об.*
якоже Адамлим ко греху умягчением, рабским же нашим многим прегрешением, единаче же обоих к богу о добродетелех неисправлением.

Сопротивна бо древних царей уставным законом начаша вся во всех бывати: малая великих одолевати, юнныя же старых и бесчестныя честных, рабы своих им владык; и купно всяко вся честная на бесчестная прелагаема, бесчестное же сему сопротивне, в честное, яко в ризу несвойствене и чрез естество облечеся нелепотне. || Яко же у свиньи *6*
в ноздрех усерязь драгая видима, сице у недостойных в руку начальствия власть зрима, и им же повелеваяй и прежде, тем ныне сопротив повелевая бываше, и господин рабови

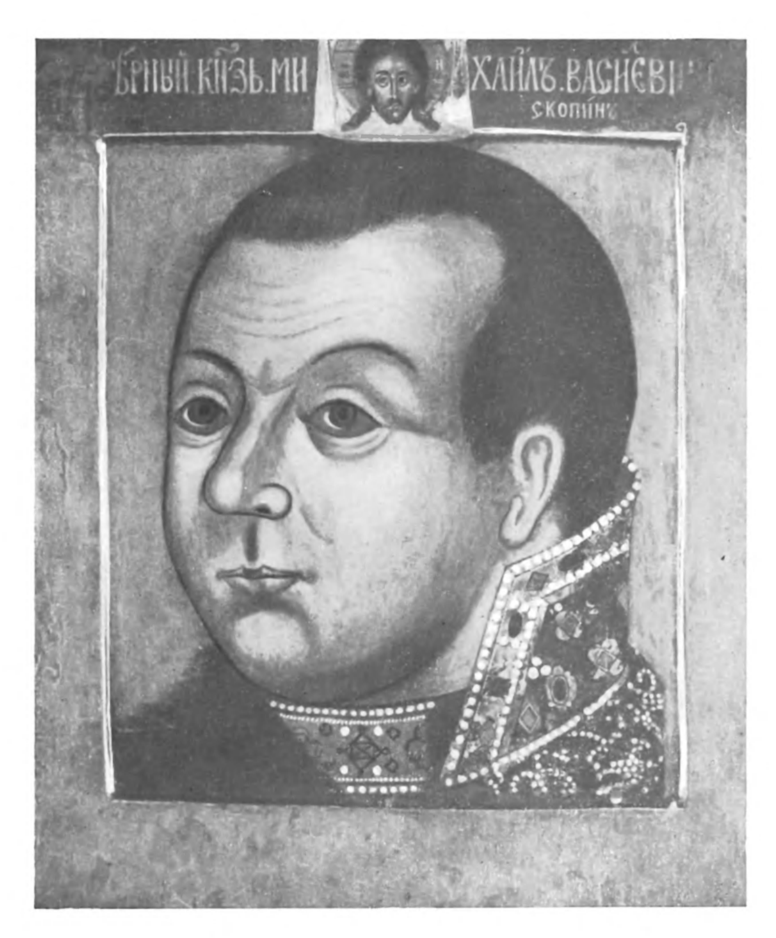
предстоя; по всему подобне, яко нога венчеваема, глава же смиряема, и дольняя убо яко на престоле выспрь, горняя же долу бысть, и первыя убо быша посаждаеми богодаными цари, днешнии же богомерскими враги. Разумеет же ся ум имущим, яко бывает сребро, при ногах валяемо, всяко
об. неприменно скверны, и злато, || погребаемо в кале, существа своего в тимении не погубляет свойства; порх лица же не смеет многоценен нарещися бисер, аще и честь вмало неблагословно приятно.

Иже в безгодия время своему владыце раби дому его досадивше и зело мнози, по днех же той, от бед отраду приим, абие лютою смертию умучаются, первая тех досаждения воспомянув, егда никоего же от внешних враг на ся нашествием бояся навета, ли слово с ними некое крепце
7 о мире || положит. Аще ли ни, то предбывшую рабов досаду, от горести утеснен и тернием одолен, отлагает невольне на время довольно, да не убо варвари того окресныя, ощутивше оного умаление людий паче перваго, пришедше, всю его вконец попленят землю и господина самого восхитят вседомно, и запленят, и соотведут во своя всеродно.

Вся же всяко бывают во время подобно: время бо одолевати и время одолеваему быти. Не мало бо бысть вина
об. к запустению || нашея земля и козмик мнозех наших, иже именьми многими обремененных в куплях: своих бо ради собраний они и приложений прибытков со обладающими нас чюжеверными, и со иже на власти от них посаждаемыми, и со лжевоины языковредными[250] же много сложение творяху вкупе вси о истощении и православных земли, яве и множае отай сошедшеся, сприседяще онем и советующе, кои же бы кими когда прибытки на кийждо день и час обогатитися им. Бога и царя отнюдь в прочее наши вси
8 не боящеся и человек || не срамляющеся, враждебных руки своими всяко советы наполняюще доброхотне и своя нядра

Василий Шуйский, царь (1606—1610).

Старинный портрет.



Князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский.
Парсуна, XVII в.

такожде обогащающе стяжанием господским; они еже к тем своим приближением своеродную же и купноверных им землю опустевающе без остатка вконец и на всяко зло к злым прилагающе всеизменно совет всяцем земноизнурением злотворным, яко да торжники со лжеименными воины во злобе сих от зловерных своя стяжанья цела снабдят, злоначальнии же || в начальствах паче да утвердятся крепце тем же при- *об.*
ложением ко онем совета на зло, да от нечестивых они вкупе вси с своими сохранятся невредни богатствы, еже и бысть; корысть бо свою паче веры почтоша. Но зде слово вмале сих, инде же многократно потонку речется о них.

[1]. О царе Василие же Ивановиче[к] *208*

В лета убо, по иже пресечеся с роды смертию предел живота царьствующаго нами Бориса и повнегда поражен бысть во царствии нам же от гнева ярости господня мироубийственою рукою богопустный[л] на ны Ростригa, за еже не добре толико и таково наследова купно со имянем место, — по сих абие такожде взавидеся о царьствии Василию цареви и, яко стрелою первых любовластием абие устрелен быв, токмо же дерзое обою сотвори, но неразсмотрено зело и спешне || председ, неискусен сый таковым; не на камени бо *об.*
храмину си назда, ниже в земли углуби ю, но по всему на песце основа, якоже о нем конец его показа, по гласу самыя истинны:[251] „припадоша убо реки и возвеяша ветри, храмина поколебася всебедне и житель ея падеся“. Внезапно и самодвижно воздвигся кроме воли всеа земля и сам царь поставися, его же скоропомазанием вси людие о нем предкнушася, и сего ради всескипетра градов воздвижь на ся ненависть; оттуду бо по первых в Руси все зло начало прият и нача много в земли || ражатися зло, еже по всей нашей *209*
земли непослушное самовластие рабов[252] з затворением градов, яко самой царствия главе, еже матере градом, своевернии раби, ратию пришедше, злонаветне презирашеся своим

приближением к града стенам; от них же новоцарющему
во граде, яко пернатей в клетце, объяту сущу и затворене
всеродно. Ту же и мне,[253] мухоподобному, во тмах челове-
ческого умножения соображающуся в соименных чине, запове-
данием царских тогда велений етера хранящу, — егда же сту-
об. жающих на град вмале уляже || брань, тогда самохотне о мне
изволися цареви, и паче сего богови своими тварми чюдне
промысл творяшу всяко ко оному и прочим: кроме воля
моея взыскания послати мя умилися в трикратное титло
царевы место, еже царских в писании о имени возвышений
чтомых, — первоименным, иже мене предварившем, сначаль-
ствовати мним купно в градцких движениих повелевая он.
И сим тако в тогда наставших бываемом, время же не-
преложного человеки совета божия о нас пришествием не-
210 ведоме приближающемся, господьска || гнева исполнь, и суд
его на ны в прочее преди готовляшеся, — начинаше бо от-
тогда болшее безместие в нашей израстати земли, — приидоша
нечаянно от своея земля под матере градом Москву людие
богопротивнии, Латыня вся, и объяша со царем жителей
всех сущих во граде, яко потопная внезапу некогда при Нои
древле нашествие облия вода.[254] По градом же всем зло-
начальства в них и самовластие умножахуся, колебанием
о цари людие распыхахуся неуставне и воспеняя море житей-
об. ское неукротимо; || лют бо тогда в живущих от ярости гнева
пламень распалашеся возжизаем; он же, вправду яко огнь,
леты многими обтек, испепели убо, яко же во всесложении
многословие о сем речено бысть. Мое же отсюду к преслав-
ному граду вспять возвращение, отнюду же преж ми семо
исхождение бысть, медлением зде на долзе закосне скудо-
стию ми возможных к подъятию действ,[м] дожда бо и до иже
великому граду порабощением в плен приятися Еллины.
К ним же убо нашего обшерабства работством тамо, яко ||
211 в сети, увязе ми нога и вне града изъютрьуду преди с про-
чими гонзнути не свободися предиписаныя ради вины; о всех
бо купно преграда днесь, яко о выи верига некая железна,

облажися нашего несвобождения, по реченному: „сеть препяша ногам моим и при стези соблазны положиша ми“. Но паки предиреченных имемся.

И егда уже в земли по малу нача прекращатися зло
и о велицем граде лжебожнии вся злая уже содеяша: церкви
святыя раскопаша, и великообительная с малыми ме||ста *об.*
вся иноких развлекоша со основаньми, доброты же их, иже
вся имяше град, зле расхитиша и градожителей имении,
и изнуривше муками, погубиша, голени же их паче паличным
биением сребрениц ради столкоша, градохранителная же,
иже во время брани обраняющая град, и сопротивная творящих
стенобитств рыкающих сосуд тяжестных великая премногая
телеса и со иже о них потребами во своя им соотслаша
и с собою отвезоша, — и убо купно по всего града опровержении
аз огорчихся, || зря и еже слыша некая местное тако- *212*
вое и неприкладное запустение, зжалихся, пребывая в себе,
помышляя: како, яко в час всему разоршуся, бывшую пред
малем неисповедимую толико града и яже о нем красоту,
иже нами мняшеся она пребывати в век, яко до иже стихия
растаются, ныне же ю вмале яко не бывшу зрим, ниже
бывающу? И во уме си мыслию слагах всегда по многи дни,
не отлагая и в себе бывая, ходя бо, яко изступив умом,
изгубление таковое граду присно мысля. А иже о самой
главе || царствия и всея земли что рещи? Нахожаше бо ми *об.*
часто и восхищением обуревая мысль облакоподобная по
всему и скоролетящая высокопарне, яко по воздуху птица,
позыбанием же потресая нестоятельное ми ума, и ниже в час
даваше ему от стужения препочити, собираему в естества
его клетце, но яко перстом тыкаше в моя ребра, понужая же
недостойного мя и не на удобная поущая, ко еже прилежати
ми, поне мало что отчасти написати богонаказания днешняя,
иже || в нашей земли бывшая, — на сия присно подвизая мя[н] *213*
и памятию обновляя и не отступая, ея же от стужения безстудия
безсилием ми отринути не могох. Многащи бо, яко
спираяся к ней, невежество все ненаучения моего пред лицем

ея предлагах, к сему же и инославных насилие еже всем
пленеными от затвора иже во граде неотреченных нуждь.
Еще же и единоверных зазирания и воздержная их смехо-
творная прекословия многая той воспоминах, вéде бо обык-
об. ших, яко естеством, от невоздержания другови по||ношаю-
щих, яве, яко от своего им презорства хотети о чюжих
гресех непщевати[о] вины, нежели им о своих недовольствах
внимати, самем же яко бесплотнем и непорочнем мнетися по
всему. И яко да не положу, глаголах к ней, претыкания
брату в соблазн, ниже буду вина поползения его; но и ныне
пред всеми ума моего мелину представляю, да не будет
и о мне реченое: „се человек нача здати и не возможе
совершити“. Та же отреңанию моему не внимаша, но елико
аз сию отревах, елико она безстудствуя ми належа. Аз же
214 к неудобству свое || уединение представих, глаголах ей всяко,
яко словесы убо зболезнующая ми о написании обрет,
в рукодействие же тайномыслимаго начертания, во еже омо-
кается трость же и трудолюбне по хартии к провлачению, —
в сие спомогающаго ми ни единаго, но якоже пишет: „жатва
наста многа, делателе же мало“; и молихся господину жатве,
яко да изведет делателя на жатву, но не убо услышан бых;
таковых бо общением в дело се зижитель мой и положитель
слову показати не восхоте, и воспомянух рекшее, еже
об. „просите и не приемлете, || зане зле просите“. Но и еще ми
она ими же родительных деяний простых притчю к сим судив
сположи, глаголя: егда кто потребу какову имать, хотя доити
во град некий, ли от себя на ину страну, — спутники себе
взыскует, еще же и путь показующих ему требует, аще не
добре знает и да не разстерзан будет, по нему грядый,
разбойники ли зверьми, ниже, совратився, правую стезю
погубит; и егда таковыя обрящет, с ними путь гонит; аще ли
ни, то прилучшихся[п] жителей при оном пути или сретающих
215 испрошает, ко еже бы здраво || и несовратно по малу уречен-
ного доити ему места, и един по испрашании нудится сокры-
вати путь, не отлагая, да не изгубит своего орудия в по-

ждании времени, ниже дождем и сланам и прочему в пути нестроению внимает, но вся небрежет, едино токмо еще ино мало утешение в мысли приемлет: еда на пути, ли от стран, з десна ли с шуя готовы споследователя си обрящет он, ли сошедшея его; аще неслучением и таковых обрести улишится, путем уединен, прочее поприще до[р] наречения места, не отлагая, да трет нога его, || ничто же сомняся, о бозе *об.*
уповав, показующу ему путь и безбедно добре направляющу невещественному тайно егову руководителю и хранителю святому ангелу. Сице прикладно сему и наше судится пути уединение еже к словесем составлению, иже о спутнице неполучение.

И яко же по естеству бываше во обычаех прочих комуждо свой нрав поползением вдавати во умячение греху, сего ради и аз зазор весь хотящих молвити о мне оставих яко за плещма, от неудержания попустих самовла||стия моего *216*
изволение многопытному ми помыслу, в покорение вдахся ему от смысла слабости, в порабощение рабски привождением притчи. И яко по воде плавая, чюжими хотя быти держим руками, да не еже бы, яко бурею, погрузитися множества глубиною писаний, краток в таковых имущими смысл, и якоже в чюж корабль сед, мног путь мня преехав, вборзе на друзем обрестися брезе, не сведый на ся внезапнаго путем воздвижения бури, среди же пучины убояхся и, непщуя || о всадивших мя в онь извержену быти и потоплену, *об.*
но, презрев свою худую меру, вергохся само собою кроме корабля в непроходимую быстрину таковы глубинныя широты. И не токмо же о велицем граде сем, но и о матере градом и всеа земля, главоболие ея дошедшее зде в слухи наша, мало что отчасти с прочими словесы воспомянути мысль спонужая мя, да не проходом лет мнозех забвится еже о сих память, их же еда вмале и жизнь померкнет. Аще и труд мног,[с] прибыток же мал, || но не изволих быти, якоже чтется, *217*
своему владыце раб, ниже в чину наемника, иже ов за страх, ов же мзды ради своя полагает труды; но совершена восхо-

тех от любве отча устроения сыновня, воспоминая писания, якоже и уведевый себе никогда же наруган во иже выше себе начнет, и помышляя глаголавшаго во пророце, — „яко в реце проидут ногами“. Саможивотное же во плоти слово рече: „маловере, почто ся усомне?“. Но глагол аще и к верховному во апостолех бе, но обаче ко изнемогающему
об. маловерием.[255] Тогожде и во || другом: „аще не сомнитися, не токмо смоковничное сотворите, но и горе оной речете: двигнися и верзися в море, и бывает, иже кто аще речет“, и ина такова. И аще бо и ко апостолом сия речена суть и вправду, но паки учитель к ним: „а еже вам глаголю, всем глаголю“. Сице провеща обращаяй море в сушу, нань же и уповах, отложих бо еже к нему в сих весь о дерзости страх, к человеком же срам, доньдеже донесу обогащеным в разуме сия добре исправити. А идеже сложение ино сего предваряему обрящется добрейши и совершенейши, наше
218 тому || да отступит кротце и место подаст. Прочее же помолчим, но и десницу ему дадим: побеждает бо ся вресноту присно хужшее лучшим, и меньшее большему дает место, нощь же уступает пришествием дня, и луна при солнцы свивает свой свет. Сицев разум и в писуемых судится; но не у верую быти сему возможну, иже плоть носяй,[m] кто аще иже от начал самех наченшихся по тонку до единоя черты полность всю, якоже луна совершается, исполняема во округлости ея, разве кто обожен.

об. Моего же скудоумнаго сего составления писательство совокуплением не купно бе, но друг друзе разстоящеся по всему, яко плотовидна не составне вкупе многоразная удеса хартейных членов, или яко новоскроена некая риза, купно же не сошвена, ли разпадшася от ветхости, иже за страх тогда не сподобишася исправлению и в сличное сочетание по чину совокупления пленожительнаго ради во граде обдержания, иже несвободне нашего во страсе пребывания,
219 и хартейныя от изнурения в затворе скудости, неже || телесных потреб. Но яко же в бесловесных вол затворен и утаи-

вся всех, от затвора исшед, пажить малу обрет, во гладе
срывает, не избирая, траву, токмо еже бы ему утробу на-
полнити, обзираяся обоямо всюде во ужасе, да не узрится,
ниже увесто будет стяжавшим и — тако ми и о тайнописании,
в туждих сущу, невольное разумей: зело бо в скровне хра-
нения уединении[у] частаго от места в место преношения
противных страхом в смерти чаяния то сокрывах и самех
темномест безгласнех, иже та в себе || таящих, яко чювствена *об.*
от них провещания бояхся, да не проглаголют ли, мнях си,
ниже кому поведят о сих иже на мя. И не точию тех иже
град враждебно, яко змиеве, своими зубы держащих, но сих
множество и своеверных, враждующих ми, стращахся, иже
приседят о нас тайно в ловителех ко Еллином: ловят бо
и убивают, яко лев во ограде, сице они во дни и в нощи
християном душа с телесы неповинныя.

Ныне же, егда оттуду свободи ны господь бог и царь
наш, его же от века раби || вси есмо убо божиею благодатию *220*
в прочее, аще живи будем и обрящемся возможни, начнем
о исправлении предварших своих писаний скрывати стезя
премудрых и ударяти во двери могущих, по премудрому
словеси. Повнегда и о сих збытие узрим пророческа словесе,
яко „неси мене затворил в руках вражиях и поставил еси
на[ф] пространне нозе мои“, и паки совершене станет нога
плененых на своей правоте свободнаго жития нашего первыя
широты, тогда з Давидом реку: „сеть сокрушися и мы
избавлени быхом, || помощь наша во имя господне, сотвор- *об.*
шаго небо и землю“, якоже случай даст и кроме будем
коего новопрепятия, аще не запнутся в ких стопы наша.

Яко убо иногда Моисеом от Египта древнии и со Иису-
сом на землю обитования, такоже ныне от нас боговоцаре-
нем оттуду изяхомся и во своя изведени быхом и, якоже
в день Христова самого воскресения, свободихомся ото ада.
И аще убо речет кто, еже на своеверне месте земля толико
мучения пребыхом время, — к ним же отвещаем и мы: || но *221*

работа чюжаго; пребывающии[a] бо во свете во тме сущих не разумеют, ни видят же.

Не бяху же во всех равнии вси иже в плену объятыя: овы убо алчют ниществующе, овы же в богатствах упиваются излишествующе; и бысть сим таковый плен лучши свободнаго всяко жития, ибо в жизнь богаторадостну им се бываше, прочим же скорбь на скорбь протяжением дней в потребах скудости. Несогласно же бяше житие обоих и много имут
об. между себе разстояние || разньства убо: продолжение сего времене первым бяше прибавление богатству, другим же приложение печалем. И обогатевшеи за ради своего благоденства не радуются о мире земля нашея мира, но о вражде; аще и вся лета тако зле нам долго переходны бы, не убо они о том поскорбели бы. Всяко в добрых расколы творяху: яве, прелестницы свой живот судив вмениша паче всего мира, верою своего си они обоюдумнящагося ими яко слугования
222 к своеверным же и неверным лестию лукавствоваша, || на обою ногу храмлюще, пременяя, душами же возжени и сердцы горяху приложением ко Еллином: паче своея веры и господ сущих нам от века почтоша и; мнетися, яко отступив в тайне со онеми, яко жидовствующе за скорое суетия обогащение и своея чести от них. Но богатых благоденства румянство и обнищавших злоденства дряхлость и плоти от сухости бледость обоих лиц зрящихся очеса разсудят и непритворная риз худость, неже смущаемая словеса, иже о сих, ко леблют слухи слышащих.

об.

О таборех[256]

Егда поражен бысть внезапу гнева ярости господня мироубийственных рук и растлеся телесное смертью внутрь самих царских чертог и вне сих на среди же царствия самого стогны извержен бысть, разражен яко от грома, пад скимен, аспида же, обаче и яйцо василисково, Гришка Рострига,

порекло Отрепьев, — бе той яко сын обещанием злобы его Жигимонту, Литовску кралю,[257] к хотению его не сущи ему по обетству, но о нас советом на зло, и яко скорпииным надмен ядом, пущен на ны || от пазуху его, — иже узре бо 223
той краль время поносно себе, еже всеа Руския земля колебанием мятущеся неуставне о цари люди, и растоящася несогласне между себе самовластием наша грады вся, и возникоша на свободных и соплеменных свою главу, слагающемся со языки и особ кождо различне: идеже враждующе туне сами на ся от грех, кипящих в них, в совершение здешней мсти, паче же на пребольший град, главу всего царствия, и на прочая ратоборством грады разбойнически находяху. Тогда Жигимонт краль, || дерзостне яряся о доб- об.
рых на ны спеющи богом в нас умножением всяцех вещей, — первое о благочестивей по истинне первосиятельней и пресветлей вере, потом о умножении растворения земных всяко благ, — яко же Фараон иногда на возлюбленнаго Израиля, сице и сей древним земля своея зломыслием на землю нашу, соединив свое злоумие о нас с несвященным и лжепапою, оскверняющим Рим,[258] по согласию безверныя веры их своея, аще и не самодвижен ополчением прихождению на ны, но люди в силах тяжцех пусти своя вся к самой || главе всего 224
царствия нашего граду с приказаньми прелести, еже облещи паки второе, яко в ризу, некое во имя не свойственно и прочая, елика обоих учитель сих враг научи. И яже прилучшаяся им наша грады разорением они сотроша вся и всяко положиша пусты и, к матере градом пришедше, за мало поприщь, во облежание близ внешних забрал града своего оплот сотворше, могуще всю объятием тех окружающе рать, самодержавнаго нашего срамодейственаго Василия всеродно с сущими яже о нем во граде, || яко в клетце па- о.
рящую, ужасив, затвориша и неисходна о всех ту пребывати сотвориша. Пришедшии же с прочими Ростригино, по убиении его достовернем, оживотворившем имя, и начаша коварнем умыслом, инаго второругателя[259] сущему имени

изветом истоваго государя царевича Димитрия сказующе,
нас прельщая, яко той есть вами царствуя, и лжу сшивающе,
глаголаша яко сохраншуся ему негде и бежанием гонзнувшу
смерти, сим изветом несмысленыя к своей им воли уловляя.
225 И по всей земли от них желчь горести || лжи сея на слабейших излияся. Что же неразумия сего, иже веру емших сим,
скотолепнаго! не скота ли всякаго несмысленейши? Мнози бо
от сих самого Ростригу чювствеными своими очима, а не
привидением, ни от слуха, мнозех и руки во время убиения
его, снасмесившеся, оного богом ненавистнаго злосмрадныя
плоти коснушася, якоже выше рех, — они же, претворшеся,
последоваше врагом, зловерным языком и с ними сложившимся, аще и верни быхом яко и мы, тех словесем паче
об. очес своих || и осязания нелестнаго веру яти повинушася
самовольне от слабости без страха! Мню, не быти тем словеснаго естества, но несмысленнейши безсловеснаго. Аще кия
обрящутся в таковых, глаголя, яко неведением се все творяху,—но ради получения в скорости некоего к славе сана и получения скоропребытнаго и безтруднаго богатства гибнущаго,
им же удобь благими делы по истинне сих доити во вся дни
своя возможно не бе: ве́де, сия мнози в скорости неправдою
226 получают[б] саны купно души погублением, || душевнаго вреда
о сих не помышляющим.

Се бо зло в нас и доныне всеми зримо деется, иже славы
и богатства желают вскоре, без разсмотрения обогащаются
неправдами. Аще что и от крове и от слез, к сим не раскаются, ни разсмотряют; точию на едино божия бо взирает,
еже бы им своя желаемое получити; сих ве́дуще грешно,
о сих отнюдь страха не во ужасе приемлюще, ниже кому
своих седин множае стыдетися, ко единому дщащимся, еже бы
своя им влагалища вся лихвами изообильне исполнити. ||

об. Не вси бо своего дания и достизают: прежде бывших их
лучших всяко паче по всему еже собранная тех камо дешася?
Не яко ли дым на воздух разыдеся? Паче же от сего навыкнути: яко многа в руку свою чюжая от восхищения имуще,

могут та паки от них отъятися и инем вдатися, яже бо имяху собранная, вся к ним приити, тако же и отъити. О сих они богом реченная словеса лжу по себе непшующе, еже „собираяй не весть, кому собирает“; и прочия о сих таковым писание многи укоризны имать. О недошед||ших же и еще 227
старости, в таковых же пребывающе прелести, что и глаголати убо? Ума не наказана никто же может исцелити, паче же безообразием в старости; „горко бо есть возрастом старетися, а умом младенствовати“, рече богословию тезоизменный.[260] Не о единех бо онех временных славолюбцех, иже тамо бывших, сия речена быша, но[в] иже по градом во своя времена кождых, и лишеных разума и не произволяющих доброе, речение толика. Время же от положения в начале слова начатое исполнити.

Восташа бо наша сами на ся || и разделишася в разделе- об.
ния зла, приразишася ко иноплеменных сонмом, и совокупишася со языки, и навыкоша дела их и, инде речеся, изыдоша от нас, но не быша; лица бо своя во иноплеменных концех бранью на своеверныя обратиша, и не своя полки, но сопротивных собою наполняюще рать, крепость мышца своея всю купно здревле ратующими нас издаша с ними на ны; вкупе же, вéде, и душа своя погубиша: со ими же ся зде умрети возлюбиша, с теми и в будущем изволиша часть прияти, по рекшему: „иже || отвержется мене пред человеки“ 228
и яже по сих. Снемшим же ся от нас отступным с туждими[г] силами, обаче и вкупе пришедшим, — нашея земля множем воином, „малыя с великими“, якоже рече писание, ревнующе и соизволяюще о нас противных мудрованию, злому совету и делу их сложившуся неразделно, како бы им купно православных землю прелестию омрачившемся самем им многою; не токмо же едини мельчайшии бывшая наша воины бяху в них, но и от синглитска суще чина не мало, и прочии ис пред лица царя || мнози сановницы.[261] К сим же и отвнутрь об.
двора его по чином кождо вне града, еже к противным в станы прельстившеся неуставною прелестию и прочая соблаж-

няюще, преезжаху, всем образ слабости своея и немужества показующе, негли мощно бо вся люди во свою им погибель сопривести. И сим тако бывающим, и ото окрестных градов множества крестною плотному врагу душа своя клятвою, неже уста, на лжи печатлеюще, овы нелюблением царя во
229 граде, овы ради телесных потреб скудости, || гладу внутрь града тогда стужившу многу. Кратце рещи, не толико бе люди со царем остало во граде, елико лжецарю приложиша еже беганием прелагатаи.

Аще и вѐдуще его прибегшеи тамо ложна царя, яко кумиру, покланяхуся, плотским образом обложену, сице сущему царю, иже во граде, досаждающе и на всяко время граду, яко чюжду, с противными и кроме всяку творяху пакость, по пророку: „весь день ополчаху брани“. Едино же тех тщание бе, еже прияти град и в нем царя и сущая ту
об. с ним ниизложити; || друг друзе ретяхуся мыслию, делесы, тезоверныя и сродныя си убиваху за се едино точию, еже бы им раскопати град, врагу разжизающу, яко железо х калению, и ожесточевающу сердца их. Паче зловерных рожденный рожшаго, и сопротивне воспять, неже самобратная, и далечне, и чюждннии по роду никакоже себе пощадевающе, но яко иноверни убивахуся без милосердия от крайняя лютости, ниже веру, ниже сродство си во ум приемлющим,
230 и яко самим противным, иже на се пришедшим, || зелость онех к сродным их[д] зряще, дивитися. Воставшим на веру им свою и естество, о благочестии жалостию не внемлюще, еже таковое превелие и многосиятельное в преимущих всех доброт, богом украшеное царствие, яко солнце под солнцем мнящееся по них, разоритися ими, — се помышляюще, не ужесахуся; но содрогнуша таковый златозданный ковчег дому божия матере и самого в нем бога жити изволивша с рабы, достойными милости его: но яко скуделя, сих раз-
об. бити помышляющи богоборнии, ниже к Тройскому || владычеству[262] сего сравниша. То бо аще и во тме прелести бе и Еллинских житель наполняемо, но за бесгодное того раз-

биение и доселе чтуще и оплакуют падений ради толиких тем; моего же, яко солнца пресветлаго всеми и паче всех, аще бы мирозданная длань, иже содержащая свет, противным нань что к роскопанию и вмале попустила бы, — сего не яко Тройскаго господствия, но и всея вселенныя царствия срыдать о сих скончания век не престатели бы. От сего знано есть, яко и днесь || окрестная величества сего опусте- 231
ваема и не в конец падша слышати не терпят и колеблющая того ветры, иже ненавидящая по всему мира, мирне укротевают, друголюбное показующе, на ся тожде[е] чающе наитие по временах, — аще не лестне будут мирствуют, ни радующеся злом нашим, бог весть. А иже что попущением божия смотрения в самом царствии,[ж] в сей земли всей содеяся к наказанию нашему от противных, но не в конец, и еще мощен бо попустивый вся паки || исполнити удобь: врази бо об.
достояние наше не наследоваша себе, — велие убо се есть нам благо от бога! Един аз, глаголавый се, обладан Еллины и не могу сих из себе истребити, дондеже введый иже в мя благоволих о мне, тех вне изрынет. И паки возвратим речь, идеже от начатых препочихом.

Противныи же яже от верных, якови тепли и усердни о вере быша, сицы, скоро сплетшеся, ту враждебне ратоваша, яко ото ангел бесове некогда, произволением отторгшеся божия || славы, отпадоша от света во тьму, тьмам они не 232
сущи по естеству. Плотоядных зверей иноверлии лютейши сих вменяху, обаче же сопостатнии многих от них, отцеубителя и братогубителя когождо сопротивне, немилостивне такожде погубляху; кровь родительну незакоснено убивающим чюждии отмщеваху, и неотложно к будущему побивателей отсылающе; жестоты сих и суровства к родителем их страннии зрети не терпяху. И по всеа земли сеа || место же об.
своя своим творяху тожде, повсюду равно враг един плевел злобы во вся сердца верных разсея за оскудение иже в нас добродетелей. По вышеписаному же образу варвары своим им продолжением стояния всечастне многу гражаном сотво-

ряху пакость, и протяжением облежания их времене градожителем тесноту всячески ухищряше, и на всяк день исходящих на брань, яко класове злаконосна поля, серпом смертным пожинаху, онех же сопротив едва часть некая. ||
233 И таково коснение на месте варвари сотвориша, яко и жилища си многа по образу иже во граде пребывания, яко вечна, устроиша, доньдеже дивный стратиг, ускорив, от нядра моего пришед с наятыми Еллины, остроту тех всю, яко юнец рогами своима, сломи и на землю пасти ту сотвори и от стада божия отгна, о нем же пространнее инде слово сказа.

Они же пред сим за мало от утверженаго ими к стоянию под градом места и в конца всеа земля нашего царствия,
об. в прочая вся грады, яко прузи, || различно полкодвижными нахождении расходящеся небоязнено, якоже во своея им земля отечестве сопротивльшихся[з] им нигде же, еще и способствующих им удобнее обретающим единомысленныя на зло, вся же грады[и] и веси со окрестными тамо месты, даже и до предел самого обоуду моря на десно и на шуе, ниизложив, поплениша, житейския и верныя различными по муках скончевающе смерти, имения же восхищающе. И не бе возможно кому многочислия бед Росийска жребия, иже от враг
234 подъяша, словесы сказати || и исчести, ли изъяснити писаньми, ельма чье и око само со убивающими везде походило бы, неже слух; но о в тамо бывших бедах приключшихся, иже подробну хотящих вся вписатися, книга особь кождому месту может быти. Во едино же совокупление купно всемирных бывших им и бывающих напастей, по местах по единому кое же собрав, вкупе рещи всем необъятно, аще иже витейством краткословне кто довлен о сих обрящется по риторех. Корысти же всяческих потреб вся отвсюду, яко во всеприяте-
об. лище, противнии, || отнюду же предипочитаемаго ими всесмрадное лицо, во ограду его сношаху; и аще вяще что, инуде, яко рыбы нечто от вещных по пучине морстей, яже по широте мира во вся земныя конца разнесоша, необъятнем вся единем местом, ниже числом постижна, || вѐмы, яко

паче Египетцких[263] сокровищ быша, — толикия долготы и широты всюде земля снесеным быти воедино. Людие же мнози от земля всеа ко лжецарю стекахуся онамо, множае самовольнеи, неже по нужде „яко ведо́ми ведяхуся“, ли на жертву х клятве по писанию.

[2]. О князе Михаиле Васильевиче Шуйском[264] Скопине, как в то время был в Нове Городе в Великом, и о его побеге из Нова Города 235

Егда же начат от бога строительне исполнятися о нас смотрение, грады вся державы Росийска скифетра о̀т матере градовом отметание творити много, и отрицатися отступлением всеродно, и затворятися неповинутием царю особь кождо град, идеже бе, — не благ совет о всем умысливше, преумноженая чадь, сущая в них, извет ношаше всюду сей, яко да Шуйской Василей князь не у бы убо царь им был. И ни едино точию, но паче || не восхотевшем им учиненым об. во градех от бога царей сущим властем повиноватися и покаряти, но безначално желающим и без строения самовласно, разбойнически во всем жительствующе, двизатися по своему хотению, безумием, якоже овцы безсловесныя, не имуще пастырь в страх поставлена им жезла, но сами[к] собою водитися умыслиша. Скотолепно зело суетен совет безглавная чадь в мыслех своих утвердиша, обаче на се уклонишася, яко да начальныя изгубить и избранныя лучшая мужа и нарочитейшая себе по муках || всех смерти предадят, 236 именья же их они наследят, еже и бысть, но не вечне пребысть; обаче инии с сим вкупе уже погибоша; восхотеша бо желанию, яко в пустыни нецыи древле: еще брашну сущу во устех их, но и кости их тамо падоша; сице сих даже доныне не ста нога их на правоте, якоже бе.

Но яже ими тамо творимая законопреступления подробну кто испишет? Нам малейшая от слуха точию вѐдома. От терния проникша смрадным скверны помазан, — Плескова

глаголю и прочих, яже о нем[265] — во имя незнана, ниже
об. нарочита || ложна царя:[266] написоватися ему им и крестоклятвено обещавшемся, яко сущу, а не яко не сущу; еже по мале и сотвориша убо, они же собою злобе образ показаша, многи бо грады взустиша и даже погубиша; и не доселе могут[л] стати, ацы быша, на оно, мню, самовластне взирающе, иже по державных смерти во царьстем граде и в прочих пред сим от мельчайших первое таковое зло действовати начася.

Мною же преобладающу и о мне промышляющу и власти правящу — пред малем, егда сих градов отложение бе, пустися
237 от места, || от царска града, идеже бе всея высоты престол, самодержавным тогда стебль по роду царска, вправду истовый воевода князь Михайло Васильевичь Шуйской, богом обраняти мя повелену ему от сопостатных и в промыслительных всех от сердца прележати. Он же, яко верный раб талант умножив, повинуся воли господа своего, повеленое усугубив, многа бо той наказания от царя не требуя, сам себе благих дел образ быв, державное от бога кормило в руку имея и правдою обоямо тя обращая, аможе хощещи, елико мога;
об. не || яко мздолюбныи прочии по нем его сначатницы, аще они тогожде синглитства суть, но преизящен рачитель к мирови в заступаемых, ему же быхом должни всяко вси яко рабы достойни вменитися послужением за изрядное его о нас в храбрости ото врагов обранение, якоже о того[м] борениох преди слово изъявит.

Егда же от Плескова с прочими, яже о нем, возжеся огнь прелести самовластия и доиде до зде в слухи иже сего великаго, — не вем, како словес прелестию восхити сего,
238 яко волк агнца незлобива, || и отнес на раме в дебрь третий отзде сначалник,[267] иже по нем, ему же и соименен бе кроме княжества, но зело прелукав и злохитр, худорожден пред сим; обаче повинуся убо великий совету злоумнаго: пошепта, якоже древле змия Евзе, во уши, бегством сего изводит из града. Соизволяет же и способствует того совету и от

втораго чина самописчий некто,[268] иже сосходен злохитрому
оному во злобных нравех и собеседлив, паче же по лукав-
ству свойствен; бяху бо тогда у царя ему светли дни живота
его, тайнаго ради послужения || законопреступнаго и еже за *об.*
сродных времене приближения, честию малем не точен зло-
хитрому за тайное ко царю языковредие. Сим обоим сло-
жившимся, на лестная своя словеса, яко на крыла, подъемше,
из града царьскую ону стебль, отрока изнесоша. Премудр
некто негде рече, яко „незлобив веру емлет всякому сло-
веси“. Они же два своему им страху и боязни, яже от дел,
оного с собою туне сотвориша причастна и бесчестие по-
следнее же на лице великаго сим нанесением, яко проказу
некую рукама, наложиша. Не толик малеим худород всяко ||
от дел студ, елик велицем и благороднем от словес срам. *239*
Они бо за злоумное совета своего народа множеством людий
еже убити, ли связанем в Плесков им к наставшему тогда
мучителю лжецарю[269] отвестися, — сего бояхуся, не оного
они честное снабдевающе, но себе всяко соблюдающе. Еже
бысть тогда к бегству стремление, яве о них познано бысть,
зане от совести своея потыкаеми, егда от бегства вспять
в моя недра сим возвращимся, злоумие свое от них единому
некако о сем словом, яко паучинным тканием прикровено,
дружине своей сказавшу.

Егда же || они в бегство купно устремишася, дневи зна- *об.*
мениту тогда пречистыя божия матере рожества ея честнаго
бывшу,[270] с воины всеми, иже с ними сущими, не треною
стезею, якоже татем, прелезшем не о бозе, но инуде стену,
чрез оплот мелющия хитрости бежащим и с собою талантов
многих сребреники влагалища моего вземше, внезапу вне
града во своем обретошася страшивстве вдале триех поприщ
моего града. Никим же гонимы, точию от своея совести
потыкаеми, забыша страшливии в бежании страсе божия
слова в премудрости совершити молебная и у архи||ерея *240*
моего[271] не восхотеша благословения, но удалишася от него,
ниже нарочитым града обвестиша, якоже обычай бе яве

храбрым действовати; сии же и во дне ходяще, яко в нощи,
предкнушася, вину яждения своего таемне от всех сокрыша.
Во граде токмо два, вторый по нем синклитик и другий
с ним, точию осташася, славы же оних непричастни и от
человек уничижени; владычествова же и царюя тогда во граде
всеми само живое слово божие премудрости, соблюдая и
промышляя и содержая град. Они же на место оно, иже вне
об. града бе, || по сначальствующих и нарочитых града прислаша
и вину бегства своего льстивне сокрывают ложными словесы,
правым яждением прикрывше: сказаху изветом — быть то
тщание их еже скорости ради. Грядут в крайней сея земли
град, — человеческа имени наречения, еже благодати имя
бе,[272] — Еллин, глаголаху, наяти к помощи на врагов, иже
Росийску землю разоряющих, и епистолию от преже о сих
в той град посланнаго у себе сказуют, вся ложная словеса
прелагающе и лжу ко лжи сшивающе: аще токмо они во он
241 сий град || скоро ратных наяти сами днесь не идут, и от
Еллинска языка дозде не имут приити помощницы. Тако
они глаголаху, сим изветом душа своя, вкупе же и телеса
убиша, гордостию омрачивыися; сия же и первосвятителеви
и граду всему, возвратившися воспять во град, возвестити
повелеша.

Они же в путь свой устремишася, бежаху, идеже сами не
ведяху; но убо путь той зело стропотен им и о всем не
полезен бе, „пути в нем града обительна, по пророку, не
обретоша"; от них же сами некотории, вспять возвратившеся,
об. сказаша. Они же вси града, || о нем же извет предложише
в него спешитися тем наятия ради ратных, внитие в онь[н]
погрешиша всяко, понеже, уведев их бежащих к себе, яко же
и Плесков, вселюдно с ту сущими в нем совершене затво-
рися, ко еже отнюдь владущему тогда в Русии ни в чем же
им повиноватися восхотевшим, но зело бо град той ста ему
в противление. А о их же простирается слово, — и паче
ложное совета их в конец обнажися, многем поприщем града
того разстояньем не дошедше, с праваго им пути на страну

савратившимся, || идеже не бе воля их, по непроходным 242
стремнинам и пропастем бырающе днем и нощью влачащимся. Мнози от них, видяще суеумие их, воспять во град мой с пути возвратишася и со яже беша с ними моя сребреницы; не токмо же моя сущая воспитованныя воины, но и от раб мнози первоимянного, возвращше, во мне сущим о мнящихся самоумных поведаху яже прилучьшаяся онем на пути. Смеху с поношеньми и срама последнего бе исполнена! И едва от студа в противных землю не угонзнуша; некоему им малу
препятью припадшу, обратившеся, во град на моея же || краях об.
земля, порекло Орех[273] имя тому, прибегше, о них же начальствуемому того града наручно от писаний моего нядра от оставших во мне промышляемых о тех бежании уве́дено бысть. Они же не мало от того града владаталя[274] бесчестие прияше, содеянное их поношая, к державному хотя, веригами обложив, тех предпослати, насмеховаяся, аще не бы он соименый первому, иже всему сраму виновный,[275] оного града владателя за соплемянное увеща.

Оставшии же во граде начальницы, от них вспять во град
возвратившеся, святителю и граду || всему повеленная о не- 243
миновне совершене смельстве вся сказаша; народ же от сего слуха неуставным шатанием восколебася. Овым бегством онех мятущимся: чесо ради, глаголаху, град моими[о] презрен бысть и празден им оставиша? Овым яже в Плескове близ деемое глаголаху, но овы сице, овы же инако. Прочии же[п] глаголаху мольбу послати вослед бежащих ко еже возвратитися[р] их бедити; друзии сопротивное сим хощаху, с нелепыми кричаньми в безначальство вооружахуся, еже гнати по
них вопияху; инии же иная || с воплем изношаху гласы. об.
Избраннии же, иже и богатая влагалища имущая, не мнози с тихостию и по малу кродчайшия произношаху к народу и мирная словеса слуха ради, лицемерствующе обоюду, да не от сонма людий растерзани будут за неугодное мирови от них словес изречение, еда что ими не угодно сонму внушится, еже бы со обою страну сохранитися им. Глаголю-

щим же и молчащим, зане бояхуся паче всех к мирови своего
им разгласия, ни вещати дерзаху, ни молчати смеяху; трепет
бо их отвсюду объят, в них же и доныне той же страх
244 мало||душья, иже к преимущим всяко лицемерствуя, дейст-
вует, храмлюще в прикровене льсти, ниже от владущих
быти им возненавиденем, — сего ради сопряташа в мире
тогда словеса своя, яко на суде, паче же удержеваше их
богатств и ненасытное множества любление, да не врагом
понеже в наследие корысти их останут. Не согласно же бяху
тогда народное гласование к совещания единству, яко и
первосвятителю соборне и з градоначалники не бе сила
толика народа от вопля уставити глас без оного повеления,
об. иже времены || обладающаго, зане человекоугодием купно
все, дремлюще, храмляху. По сих, богу благоволящу, едва
житейское яко море велие воспеняемо, укротев, в тишину
преложися; от иже чювственому морю и ветром манием
повелевающаго[с] укротевати единоглагольно быти уставися
еже молитву с писаньми от архиерея и началных града всего
вослед никем гонимых, но от ветра и своея совести бежащих,
с нарочитыми града пустити, еже и бысть. Согласно же бе
и онех, молимех нами, иже к возвращению хотящих, изволе-
245 ние нашему хотению, богу соединившу || обоих совещаемое:
стрем к нам своего посла послаша о своем их воспять в мою
пазуху возвращении, познавше во всем свое неможение,
в себе пришедше.

Что бы бе, егда оны в бегстве глумившеся бродяху,
скитающеся, яко изверги, по дебрем, сий град мой великий,
аще бы враждотворцы воставшии и навətоваша нам от Плес-
кова, ли з другии страны пришедше, приятием мене насле-
довали быша, ратных чина во граде к заступлению ни мало,
ниже сребреником к градцким потребам даже до пенязя
об. оставившим? И аще бы бежащии, || к моего стенам града
кроме звания пришедше, в мое недро не быша были приняты,
прелукавое их дерзодейство моя населницы обличением
быша им отразили? По сих что? Где бе им ко вмещению

место, еже своя им, сюду и сюду преезжающим, главы подклонити разве срам, державному тогда еще сущу во своем устроении и могуща виновным, мню, нанести всяко муку за преимуща от зломысленых терпению, паче же оного к самопрестольному изменное их прослужение, еже такова и толика града всего архиереом || и с людми предательне оставление, 246
яко наручно о нем предательство того сотвориша, противным без страха повергоша и яко праздна, им же не имущим над собою господа, ниже истязани быти от владущаго о сем чаеми? Дивство есть! Чюже бо дело се рабскаго устроения иже страшащих, и законы царских обычаев устав кроме таковое дерзнутие, паче же страшливех младенец нрав бысть по всему, им же прочее не достоит в правление таковая превелие господьствие стран вверяти по предварших деспод наших законо||положению. Они бо иже сотворшая за то об.
сие достойни горцей смерти суть; но мню, онех злобе одоле к великому великаго по сродству имя, правости его и вкупость нераздвоенаго бегства их: без рассужения вся купно в мою на зло пряты быша. Како еже от народ безмолвно им во ограду мою паки внитие бысть, — и от царющаго самого тем непотязаемо безбедство бе.

От народа от поколебания убийства боящися, ве́дящи свое ко злу виновное, помышляюще, чим поне малу бы срама си угонзнути,[m] умыслиша же писаньми в мой град ||
к первым и к нарочитым тщатися; соплетаху же лукования 247
в писаниях не мала, се и се, чающу на ся всенароднаго собрания за оное свое дерзости неподобное. Но ве́дуще моих гражан с начальными безпрекословное, яко к рабом, з гордостию восписуют, своего исправления труд паче, неже бегство, утвержают, сим люди омрачают.[y] Мои же началнии и града вси, аще и ве́дуще от вещи вся подробну тех ложная ими бывшая словеси прикровения о содеяных, но ови за страх, ови же за лицемерство писанием тех, яко истине, ||
повинушася. Правда же бе во льсти крыема, зане моя жителя об.
семя исчадия бяху вси, и не бе крепкаго во Израили,[276]

еже бы поне писаньми обличити тех неподобное; но овчате кротчайши быша и самех рыб безгласнее ко отвещанию, яко безсловесни в лице стати: воспису́ют молебне им еже в мене возвратитися, и велию почесть им приобещаша, якоже благопотребно нечто тем сотворшим, и в сретение лиц их со многопищными потребами от всего града с нарочитыми предпослаша. Они же по мале та, яко залог, вземше, сме-
248 лость с боязнию || смесивше, — но первое второму одоле, — другим путем в мой кров водопутными носилы приидоша. И в слова божия премудрости храм вшедше,[277] верховнейшем и с начальными ту сущими и вселюдцкому собранию обще всем непревратно, ниже покаянно нимало в чем, но[ф] от перваго извета си славлюще, лжу ко лжи сшивающе,[х] первыми своими изветы слабейших великим жерлом прежереченный гордоустец,[278] видя мою чадь слабых сущих и страшивех, кричаньми своими увеща. Разумеша тех ложное, но мою чадь
об. несмельство || тех ради и страшивство объят, и быша како воспитало начне страхом и онемеша,[ц] паче же неразумием своего несогласнаго безчеловечества. Виновнии же злу, о них же зде слово, преобрадовашася, ве́де сердцы[ч] своими в неявленне образе, яко толик много народ и освященнаго самого, неже нарочитых, своими лживыми словесы превратиша, зиянием горла он си един, яко аспида, устраши; сокровено же кождо в себе токмо истиное све́де, но страх в народе прежде одоле. Просто рещи, яве бывшую измену ||
249 свою в людцком сонме, словесы покрыв, украсиша, по писанию, яко словеса украшают дела; деянми же истыми вещь от словес своих паче обнажиша и на свет пред народы изнесоша, аще они умолкоша и отъидоша в домы своя самооправдани, мняхуся ничему познатися в людцком множестве от прикровения словес от словес их лжетворному. И начаша обще творити о граде промышление со угождением людем, яко же обыкоша по согрешениох новоповиннии о всем
об. з боязнию творити донележе в первые устребятся; || в промышляемых тем тщание бе, вельми же не совершено смельство

и немнозе всему злу виновны. Михалко же[ш, 279] в сети своея
ему злобы, еже преди уготова си и соплет неким лщением,
себе же уловль, якоже речеся: „в сети своей увязи греш-
ник“, — убьен бысть, якоже преди речеся. А иже вправду
от дел звание приемый, вданный ми ся от бога ратоборец
на плотныя враги моя, хотящих разорити мой град, бого-
личный толку князь Михайло Васильевичь свободився оного
многоплетенных сетей, — не нареку оного || Михаила: Васи- 250
лиска же обаче во змиях, неже Михаила. Аще же и соиме-
нен[щ] бе первому лучшему оному, но той всяко от сего разнь-
ствова якоже свет от нощи, сице сей оному не сходен бе
по всему, ниже во нравех сроден, якоже впреди слово
скажет.

[3]. О князе Михаиле же Шуйском

Стратигу плотску внутрь мене храбру сущу, богоданну
обретщуся еже о мне в заступаема, божие лицо по толку
глаголемо имя его, к сему же и княжеродия получения пре-
славна || корене отрасль, яко юнец младорог по всему, врящею об.
своея совозрастаемыя в нем и цветущия юности крепостию
сопротивных роги яко гнилые лозья.[а] Аще и юн сы телом,
но многолетну стяжа ума крепость и не убо точию се велие,
но и все Росийское господство, самую всех градов матере, —
от рук воздвигшихся на ню язык ко еже уже той пáстися
близ, обстоянием объяте ими, яко удавою некако удавити ю
пришедшем, — он стремлением си ускори и собою заступив,
той избаву дав || и пáстися не попусти; зверообразно на объем- 251
ших ю вся волки тыя напад, грозне разпудив и от стада
божия отгнах, без вести сотвори, явься яко непобедим,
враги одолев. Вышняго промысл в нем своя судьбы действова
к того славе[б]. Вмале же от сродных си, о добрых взавиден
быв, смертным уязвен ядом; угашению жизни его, сказуют
нецыи, носяй венец стрый его виновен бе.[280] Ничто же бо
во время зависти, егда она царствава, сродство обоих поль-

зова; дерзаго же паче на суде, осудив, посрамит, зане убие-
об. ный || убившему искрено послужи, он же ему се ненависть
преложи, якоже Саул иногда Давидови, о похвалах устрелен
завистию, яко елень в ребра, сего ради и сотрясен бысть
поражением от духа нечиста. Но кто от земных мощен бе
подвиг дельма доброхвальнаго главу венчати, разве не иже ли
крепость тому подавый? Его же в самом царствия недре
земнороднии со младенцы вси при гробе его небоязнено
перводесподским почтоша плачем, не внемлюще отнюдь вла-
252 дущаго страху, но яко свободителя своего оплакоша, || над-
гробное ему рыдание жалостне со умилными воспеша гласы,
исходную с провожденми песнь и честь по всему, яко долг
некак, отдаша за безгодное время смерти паче. И яко же
Израилича Иосифа Египтяне некогда,[281] ради препитания
от глада, умертие многими поплакаша деньми и Моисея
самого послежде весь Израиль есть,[282] сице и сего новый
Израиль наш за освобождение его, яко к сим сего народи
вси желательне сравниша. И аще выше что подобы чту́щим
об. се возмнится || в похваляемых, святым десным бо от сего
никое умнение бысть, и кто весть, аще сей не сопричастен
сый же от зависти умершим Авелю и прочим?

Таков бо народу всему любезен бе, яко во время обстоя-
ния граду, в нуждах их в продолжении, того прихода к ним
всех очесем исчезати чаянием его, прелагающем прелыгатаем
приход его день дне, но обыкоша убо челове́цы вси тогда
воспоминати спасающаго, егда от бед великих их избавит.
253 И что дивно: их же царь избавити || не возможе, он же се
ими и царя самого, яко ис клетцы парящую, изят. И аще
сего наветницы не быша ускорили у всех украсти жизнь его,
ве́де от слуха, готови независтне бяху о нем в тайнодвижении
сердец по числу всех родов родове ко еже поставитися свято-
помазания рогу на главе его диадимою венчаваему и вручении
державна скипетра, негли яко же возлюбленаго богом Давида
внезапу древле кротости ради Самуил повелен облияти вос-
об. кипевшим || от рога маслом к совершению царьства.[283] И не

чюдо! Яко же пророче тогда о взыскании отрока, тако и
ныне людий всех подвигшаяся о нем сердца к согласному
хотению о нем всех в руце божии бяху. В местех пишет неких,
яко от враг свидетельство вся верно; о сем бо, о нем же
зде похвала вписася, и богоборнии Латынови, от их же он
уст нас исхити и своего рама пращею разгна, — нам тезо-
вернии сказаша, ото онех се слово приемше, иже с ними
в содружестве на ны || бывшеи, — яко противнии некогда 254
негде глаголаше им: аще возможно бы, яко да им всеми
таковый юноша кральствует достоин, реша, их же от дел
познася, самим им зрителем в наставших бывшем сего побед-
ному одолению юношескаго на сих наскакания строением
ратей. Но саможелатели царствия, иже сего злосроднии
сродницы, сами отломишася естественыя маслины, желаннаго
ни онем даша, ниже нам того завистне оставиша. Увы! вмале
и сами, по писанию, || „ниизложени быша со престолы“ и во об.
власяных худерубищах чюжеверных страну всеродно насле-
довашa, за далняя пленени, и яко под землю, оплакани
прежде будущаго суда, тамо заидоша, зависти своея с про-
чими зол жатвы рукояти прияша.

[4]. О пещи и ходех со кресты

Великотаинственая же вся святодействия кафолическия
церкве || изрядныя красоты, иже искони по апостолех святых 255
седмостолпными соборы[284] к божией славе церкви преданая,
бывающая святители всеми непревратно доднесь, во устав-
ная чюдес времена обновляемы, обыкоша преходными бы-
вати леты, — от нечестивых днесь вся упразднишася в нас и не
действени всяко быша и престаша, стезя бо их непотлачны.
Первое доселе благолепно бысть и велико, страшно же и грозно
образование, яко начертанием божья воплощения || челове- об.
ческа ради спасения, иже ангелово[в] от небес ужасное схож-
дение в пещь, им же тричислеными бысть много уготованнаго
мучителем пламене во опаление разжения на росопреложение.[285]

Потом — два освященья водам, о них же пребольше иже генваревы луны, в неже свыше нам тройческое все открыся таинство, иже самому богу плотию освятившу водам составы, о нем же в служении трепеташа Крестителева рука; по сем же августа 1-го тожде действием.[286]

256 По сих — во святый град на спасеную Христа || бога страсть яждением вход его и еже на тайней его вечери четвертка странное учеником послужение — от пречистых рук умывание всекрасных ног, благовествующих мир;[287] та же всего о нас совершения тайны же и бога плотию за ны вся ко кресту пригвождение в пяточнем дни седмыя седмицы поста, в онь же святых бываше мощей обмовение.[288] Не яко прежде свободно бе тех преношение от храма в храм чрез стогну града, но сокровене и тайнокрыемо внутри близ сущих празех
об. храмов и немнозем || ступлением между церковных дверей утеснене служимыя сообращахуся в песнех без вознoшения гласов, о всех бывающу затворену входу.

Сицевым образом источника нашему воскресению, еже живоноснаго Христова гроба, постановения на уготованнем ему месте и окрест храма обношение тогожде в заутра благословеныя суботы, такожде утаився доньдеже чюжеверным, якоже иногда стражем при господне страсти, спящим.[289]

По прочих же — летопровожение и наставшему кругу
257 обновление и потом будущаго || суда назнаменаньми воображение; к сим же округ града во освящение святителево соборне крестоисходное икон обношение, еще же и всегодищно бываемая в неделях посполитое града священноодежных сонмов[г] соборная совокупления с святоношеньми в матере церквам и отценачалнику вкупное тех к молбам снитие.

Таже и во святыя обители, лавры же и места честная и иже соборных храмов в празницех молебных нареченых дней исхождение, и паче инех нужднее се по древних иже яко на
об. ново богопребывалище и || церкве место святое, идеже самоизволное вселение животворивыя иконы божия матере с во-

площщимся в ню божиим словом чюднаго знамения, иже водружен бе ту от некогда на веки всеградно людий многою и тепле тогда верою, за еже древле от противных нашествия весь град мой преславно тоя образом належащих навет невредно избавися.[90]

Сицевыми же по первых, иже нами глаголаных, и ко еже
всего града храмом дней праздничных прилученьми, коегождо
святаго имене || дом его, на место, идеже бе, всеградное 258
тогда благословне стечение техжде с народы множествы,
иже творимо от древних почести ради празднуемым святым;
прикладно звездам бываше сотворяемое зримо в земных
служением словесныя твари дароприношение, свещ блистанием во дне просвещаем воздух. Непщевах бо, яко и богу
сия в нас бывающая тогда любезне назирающу с высоты;
яко же Ноевы с прочими[91] древле угодне обоневающу ему
жертвы, сице и о нас смиреных милостивно, смотряя || овче- об.
подобное наше вследование усердно в кротости и простоте,
не егда согрешихом.

И яко оттуду дозде[д] предиреченныя вся не отлагаема
таковая обыкшая взаконения, но тщанна[е] творима бываху,
ныне же вся в нас умолкоша и не действуемы отнюдь зряху:
ово ради инославных мерзости и нечестия, купно же и повреждения ради святынь наруганьми и насмеянья с помизанми,
бесчестия же и в конец разорения и в положение опустенья
и крайняго оскудения и отнюднаго всех лишения, к сим же
и за страх; овы же в нуждных || и святонастольнаго с про- 259
чими нерадения и разленения своей слабости, немужества же
и бесчеловечества. И в наводимых нетерпеливства извет
о всем полагающем варварско насилие нужд, — и вправду, —
а о возможных что имуть рещи?

Но по всему яко во озлоблении времене явихомся есмо неудобни к ношению, пророческо от бога не помышляющем речение, еже „не стерпехом совета его“, еже совеща о нас очищением и в законе его не изволихом ходити и „забыхом бога, спасающаго ны“; к тому же и апостолово не помышляю-

об. щем рекшее: „кто ны разлучит от божия любви, || скорбь ли,
или теснота, гонение, ли раны“, и прочая тамо бо речена,
но ни мечь, ни самая смерть, ниже живот и во другом: „еда
неправеден бог наносяй гнев?“ Но яко гневавшемся нам на
создателя своего, забывшем всех благодеяниих его и чюдес
его, их же яви нам и претерпе о нас леты многими, бого-
почтеннаго сыновства делы отвергохомся, любодеищное паче
изволихом; аще и словесни сущи, но бессловесных и нечюв-
ственых зданий[ж] хужши явихомся. Скот бо не прекословит
водящему, ниже вяжущему, яко и до самого заколения со-
противитися не совѣсть; млатобияния же всяка вещь, аще
260 и тмами зиждай ю во огнь искушения вмещет, обаче зодчаго
воли повинуется непрекословне, — обоя же бо к нашему нака-
занию бываема, мы же о гресех ни мало очищения благодарне
приемлем, но сопротивне извет сотворяем се или оно; обы-
кохом бо в жизни всей не возстязаеми бывати ни от бога,
ниже от человек, но никогда себе творим о своих беззако-
ниих повиннех. Ни ли леть богу во своих сотворити? Вѣде,
яко сотвореное сотворшим умучится.

об. **[5]. О воровском бежании с Хутыни[292] и о приходе их**

Внезапное же иже стужающих ми належанием их бежание,
да не реку отступление, от града сице преславно и чюдно
бысть. В 11 день генваревы луны в преподобии дву памят-
ных, Феодосия началника общежительным, и Михаила сал-
лоса,[293] иже на Клопске, сугубаго сих празднества, с места,
рекомаго Футыня, от иже на кождо день они прихождаху
261 ратью досаждати моему градовному, тогда наставшая || нощ
тмы делателей и змиев, ту гнездящихся, яко буря некая,
силно ветрена, воздвигшися на ня, от места святаго изрину,
и всячески и вскоре быша оттуду разсеяни; тма времене
плотную тму отогна. Обстоимыя же, — возвестися им некими
оттуду пришедшими, — пребываху замкмени обыкшаго ради
тех страха, чающем наутрее тех, яко и прежде, на ся ко

граду прихождения, святым тогда на ня ко изриновению их купно молитвами к богу сподвигшимся невидимым сподвижением, их же „брань не бе к плоти и крови“, по апостолу; || Варламу же,[294] в преподобии премногому, яко в сих старей- об.
шинствующу[з] о изгнании, не терпящу ему во обители его мерзостнаго тех пребывания на долзе, сего должае: сотвориша бо ту студодейнии от прихождения своего до изгнания их множае и двоелуннаго изменения время. Посту бо Христова рожества начинающу,[295] на место то приход их бе. Яко многомутныя нечистоты воды от скверных мест, на мя собранием истекоша, удобно си таково к присному исхождению избраша место, еже вседневно стужати насилием граду близо||сти ради умыслиша, правоверных от града восхи- 262
щающе, яко керасты, и в разселины земные отвлачаху. С ними же быша лжехристияне и отметницы, точию едино кротких имя имуще, сразорители и нечестивым споборницы мнозии нарочитии имены; еще же и два куртеса чином бяху в них,[296] делы же оба — яко с василиском аспида. Вверенная же от царя градоначальства им воинска повергоша, грады своего вручения со изообильствы всеми небрегомы за свою плещу оставиша и яко готовы отверсты разорителем в разхищение повергоша, еже и сотворися: ов || Орешек град, ов же з гра- об.
дом землю Корельскую, ин Ладогу с пределы их;[297] сами же приложишася к сонму царевых враг, многи бо вослед себе и воины соотвлекоша к ним.

Егда же они вси отсюду бегством отторгошася, божиим гонимы страхом, первое их отзде устремление бе, яко Содомску морю мертву[298] нечистая[и] спримесися вода, еже пребыша они в темномрачное ополчение богоборных Латын, иже тогда собравшихся обстоянием же у главы всего царствия, и окружиша объятием, яко велий змий хоботом.

Они же своея прелести покосно время обретше, || внутрь 263
града вшедше, самой матере градом всеродно остригоша главу, в конец до всех изнурив и всяческих доброт обнажив,

оставшая же[к] з домы огню подложиша. Начальный же бе тогда промыслитель затвореным во граде иже по святопервом первый Михаил, яко победе князь; он убо нам тогда богом поставися страж, яко же ангел его языку жидовску;[299] о нем же наше и тогда спасение бысть. Вожди же и наставницы быша толику злу предипомянутыя гады два, василиск и аспида;[300] еще же сказуют и превзошед сих некий и явися
об. злобою козмик некто || от мельчайших,[301] своеименен, зельством яко и яйцо василисково; с ними же и ины нецыи таемницы, их же всех последний день объявит. По всему бо бяше таково предание их: яко же некогда Тройское царствие прелагатае два некая опровергоша,[302] сице и наше преславное.

[6]. О княжь Михаилове к Москве из Новагорода походе

Егда же юнорогому Михаилу княжати во обстоянии затвора градовна належащих нужд безстудства стужающих с нами
264 всеми, яко уз неких, ему || свобожьшуся, тогда ко главе градом всего царствия быстрее отсюду он свое шествие протязая, — елики от сущих зде пятичастных пятореч[303] успеша во время оно собратися воя в скорости слова, — спешне на обстоятеля, иже тамо нападши, дошед, хотя от бед изяти матере град, иже хохлы имущими на главах тогда бяше той обстоим; на тыя же им наятыя Еллины сводящи, мня, инем путем отсюду преди себе пустив, в споможение царю на сопротивныя нам тамо быти их увещав, во еже им купно
об. с ним сошедшемся от предипомянутых стужения || свободити град. И егда ему с сими о сем слово утвержшу и варяти им себе повелевшу, абие он от мене исходит с силами всеми, по себе добре управив о граде, владущая в нем оставль. Бе же отсюду исход его 117-го круга лету к седьми тысящам во время весны,[304] маия каланд двадесят пятых, сугубо же бе празднество прилучением: по животворных[в] страстех,

погребении же и воскресении самый шастаго четвертка день спасенного вознесения,[305] настоящего же по числу дня предтеча обретение третие главе его.[306] И о нем же бе слово зде,
вся во мне чадь тогда || живущая, яко и жены со отроки, 265
во исхождении до вне града и вдале с хлебопровожденьми почтоша и победное тому налагаху имя, яко свободителя его себе от враг нашедших наричюще; первое егова лишения ради отсюднаго удаления, второе же не мала людем всем тогда належаше печаль, и моляху бога о сем — даровати ему еже царствию в помощь безбеден путь гонити ускорением, яко да ему не пропнут своея сети противни ощутивши отсюду исход его, еже и бысть вмале от попущения[л] божия.
Многа же и бедна || быша сему с теми по градом сражения, об.
одолеваше бо и одолеваем бываше; о них же, иже тамо бывших, мы зде затворении ясне подробну к сказанию не довлени, потонку же вся сведят с ним же бывшая в прилучшихся,[н] нам же и нуждная вписавшем, елика вмале от слуха приемшим. Бываху же ему, иже о нем сказуют, и удержания от супостатных не мала на местех, насилием и коварне всяко забраняюще путь ему, не дающем к преславну месту приближением ему приступити избавы ради, но всячески ему
отвсюду вся прележащая || стезя пресецаху. Он же, время 266
обрет, протяжения тех сети вся преторже, свыше приим помощ, устремився, достиг самый град царствия, затворену ту цареви самому с народы от насильных дав свободу. О сих явлене в прочих скажется местех.

[7]. О патриархе Ермогене[307] об.

Егда убо всем одержателная градом, идеже венченоснии мои присно водворяхуся, конечне тех обезглави за безмерие безгрешное от главы царя и до ногу по вселенней, в того ото обстояний всяцех теснот вкупоименныя Латыном и сосожительныя им Литвы страхом смерти и нуждами, яко

удавою некоею, вся люди удавиша в ней, по сих обстоянием вся
267 тамо держимыя и самого верха освященнаго || всему Росийску
жребию Ермогена, глаголю, верховнаго в преподобии главу всесветлую, патриарха православного, мужа апостолаобразного, надо всеми честь крайняя, по Павлу же, носило херувимское плотное и уста, иже добре огненосного ревнителя, — ревностию за христову веру противлением любви он паче огня разжизаяся, — многовременно не послабляя, противу Латыне доблыствовавшаго, онем же яко же антихристовех способников, иже от християн в тожде с'ынославными про-
об. тивление претворшемся, — он на сих || крепце храбрствова,
языком единем токмо со усты, яко мечем, противныя немилостивне посекая и падати тех без ответы пред ногама си сотворяя; богоотступных же, яко идолов бездушных, возгнушався отвращаяся, не повинувшихся того поучению и наказанию многому, ниже восхотевших благословением, но самоизвольне того удальшемся.

С сим же и первие с первейшим, и синглит весь, иже по чином несчисляемое число различия вся разньствия порога
268 царска, величествия его достойная || и довленая, и числом
необъятое люди множество — Латыни и соприобщающися им, паче же на всю злолютную злобу тех направляющему по имяном ересиархов Михалка Салтыкова и Федку Андронова[308] и прочая по имяном сих соглаголники и совещатели злу всему, их же имена от дел в своих хартиях беси вписаша, — яве бе по всему яко свету тма сопротивна, сице благочестию нечестие, — новоблагоотступницы преже ласканьми, потом же прещеньми к воли своей неволею привлекоша, во еже к тех
об. повинутию на иже || Росийския вся скипетры изветом Жиги-
монта Латыном краля сыну его Владиславу[309] вдатися. Сие же крестоклятвено обоямо мнети утвердиша и никому же зла безчисленому стаду христову сотворити обещашеся, последнее злолютство в своем крестопреступлении льсти крыюще, иже по клятве нам всем и везде всяко зло сотвориша.

[8]. Летописец вкратце тех же предипомянутых царств 269
и о великом Новеграде, иже бысть во дни коегождо царства их

Яко же сущии поселяня, ко оружию ратным мыслию 270
невнятни о положении тех когождо пособства мест, егда
воини к брани тыя на себе налагают, токмо на препоясание
едино просте взирают, умом же твердо ко оружению не
внемлют, како и где на оружеконцех каяждо утварь пола-
гаема бе, непщующе си, якоже прилучися, убо положению
тех всяко спроста бывати, а не иже по разуму; но солга-
шеся несмыслени; не весть бо се тако, но всяко что любо
от вещей кождо свою подобу имать, где чему потреба пола-
гатися бе; егда же невеждам самем будет негде прулучения ||
время в таковыя же им некако облежчися броня, шлем убо об.
на колену налогают, щит же на бедру повешают с прочими
орудии нелепотне, понеже не свойствено им сицево дело бе.
Сице и самоученое кое же действо всяко, такожде яко же
иже писательства слову добре не обученых о положении
писаний к начинанию вещи, подобне, увы, и яко же мною
творимо днесь последняго неразумия знамения и детем игра-
лище, всячески же купно поношения достойно. Но скудства
ради сущих и времене належащих людем нужд от инославных
затвора градовна || аще довленых на се по премногу и не 271
удостоися, но веде, яко по нужди вчинися сие.

Иже земношествий на сусе и по водах паче тщимыя[о]
различие мнози многажды в сложении своего им непщева-
нием смысла, егда от мест жителных в далняя доити спешне
нудятся ради ких ими созидания вещей излишества, не кос-
нят на[п] долзе в прочее, ниже о пошествии препускают туне
благодати время, но сице и хотят, не возмогают же, с ско-
ростию слова вземшеся, внезапно преплути многу || и неудобь- об.
проходну широты пучину нетребныя ими стези великого моря

на иже приемшееся ими в мысли пришествия место. Всегда
о таковых, якоже слышим, не напрасным же они устремле-
нием быстрящеся и кроме еже о пути испрашания в водо-
носила входят, да не скоростию наченше которую от желае-
мых си погубят доброту; обаче испытне от бывающих
известуеми всяко, аще и кормчия на се искусни имут, толик
сведущих пути о пристанищах и брегох, устранения ради
272 внезапства бури; || гладости же пути и стропотства иже
в водах сокровеных волнами кораблю претыканиих потонку
испытуют яже о них, да не от ведения, водам вдавшеся,
вельми яко во что, на крилу многих вод носими, в против-
ствох некако постражут зло, аще и не вся по ряду возмогут
минути, но да поне от великих сохранени будут; бывает же
от прилучшихся тем сретениих всяческих неудобств[р] и на
едином за бурнаго пристанища месте много коснети время,
ожидающу плавателю[с] к своему от затишия исходу небурно-
об. шествие || и покосен час. А иже инако и спешне, борзяся без
разума, вещь сицеву начинающеи всяко беды подъемлют,
корабль убо сокрушают, и вместящая в нем соборне пото-
пляется ими, и едва по редку[т] от всеизгубления спасаются;
о недоброначатии же много творят свое раскаяние и окаян-
нех себе наричют.

Колика же паче сих должно наченшу вещь преити удобь
без прилог словес море ? Не иже ли убегнути произволения
вторых, предъизбирати же и ревновати первых безбедному
273 шествию, || еже по испрашании к пути коробля приличная
состояти, ветрила убо подобная простирати и гребла со
орудии прочими такожде, и егда по чину вся устроятся,
тогда благочинно плавание начинати ? И якоже корабль по
водах пред главою вдается пути, сим и виновное слова свое
начало прия, якоже се.

Егда убо глава венчается, всем удом телесным слава и
радость о ней бывает, есть же сему подобие в неких и ма-
терь о чадех веселящуся; смиряет же ся всяко от прегре-

шений славное, якоже Христова уста в Павле[310] глаголаша: „еда стражет || един уд, сострадуют с ним вси уди"; а иже об.
главнаго начальства чювство кое болезнует, яве прочая части тела причастием по всему готовы суть тому в сострадание.

Се и зде наченшей вине образ, иже великия всеа Росия преславное во благих царствие всех земель его з грады иже приседанием соседством злобожнии языцы древлим господ их нань зломыслием ныне все разорително то опровергоша, со обоюдных пришедше стран, иже от Северных в Росии градов,[311] и иже от запада, и от инудь ин. С ними же совокуплено твердою всего студа || любовию сияшася Росийския 274
всеа державы доморoccidental злотворцы, рабы своих им различных господ; быша они самостечни на зло и всю купно православных землю, усты меча и разновидными муками умучивше, погубиша и лестию всячески ю сокрушиша и всеродно на части развлекоша. Но зде ныне о сем толика; к сему о сем всяка вещь даст время и место кождо в прочее, поелику о себе во ответ слово, о оном и яже по нем.

Великодержавныи же, яже искони быша своеземная || и об.
особь владычества и самогосподствия, — в них же суть иже и не бывшая верою от двора сего пресильныя Агарянска царствия, и за лета многа владыки и самодержавными[у] нашими беша обладани,[312] купно же оттогда совокупишася с нами под единовластноправление скипетродержавства благочестия тогожде, токмо они дотуду веры ради и многоземства долготы земля иже и разширением мест бяху от преславнаго царствия нашего отстоимы, абие по бозе нашими предержатели вся жилища тех Измаильтов,[313] от нечестия пременьшеся, благочестия же верою яко нов сад богови насаждени || быша, — и убо от тех обладаемых град к потребе 275
нам[ф] глаголати нужда от мног о единем, иже иногда и нас предваряя в вере, иже бе существом яко Рим[314] другий превеликий и старобытный паче положенаго ему имене богона-

реченный Новград, иже не человеческа, ниже вещию коею,
но от бога наречения си прият имя, его же от здания под
солнцем честно во устах имяху вси концы земныя, на его же
от века землю отынудь варварска не сме наступити нога,
самодержавных возбраняеми страхом. Увы! Днесь теми, яко
об. в вечно наследие, лжеусвоением || объят быв с пределы всеми,
яже о нем, шестолетно же бысть без мала одержим всяко
погано туждих руками, яве ими приснодневно попираем
и пожираем бываше, се по предивышеписанному образу, аки
уд некий своему телеси, сострадуя во всем всего царствия
главе, еже преславному во всех градови Москве, яже та
многими, ве́де, образы подъя от Латын неисповедное зло.
Онамо же и зде зловерныя изобретше си предводителе,
богоотступники православныя веры, во свое им хотение,
могущая всю волю онех исполнити, они бо тем на всяко
зло указующе путь.[315] ||
276 Чювством же оны предипомянутыя великия оба грады
с пределы всеми, яже ми, друг друга между себе бывших им
от противных самовкусных ими язв приятием болезни́ бяху
несведни; аще и зело быша злослышны, но кождо тех зельств
горесть особь терпением неизвещанно внутрь себе ощущаху.
По слову же сих не бе кто исчести за множество и суще-
ства злости чювством сказати потонку; но елико возможе
мой пустый ум и медленоглагольный язык со усты изрещи, —
разве стень тех, неже самыя беды споведати, — уму же ||
об. и языку всих спослужи, купно коснодвижная мною трость,
в насобных всяко стесняему и от градцкого затвора паче
прочих ми бываемых нужд; не чювствена бо образа отвеща-
нием, яко чювством некако, начало вообразися в словесех
дольних иже по сих.

Егда великий восхощет от послушных си заповедания
некая кому о больших деяниих положити, не отлагая, обаче же
не обрет в прилучшемся месте удобь достойных на та, абие
и недостойным вручает таковая, елико по нужди, аще не

отложити изволит свое || совещание в мысли, понеже, ули- *277*
шився сущих, и в хужщих довлится всяко, аще не стяжит
лучших за настоящее обдержание о всех скудости время, —
яко же ныне, еже нами рещися хотяше, иже в предипомяну-
того града недре иже святонастольнаго ко[х] отцем началь-
ника великаго и ту сущим пастыря общаго, его же в соимен-
ных бе снеговиден верх, в сточных же тех онамо первствуя
он в четырех един, его же зде к нам слово бысть. Внегда
убо х концу грядяше время лет, иже от нечестивых нам
на долзе || во множестве бед ими деемая вражда,[316] и аще *об.*
ожидахом градови сему всичаемыя свободы, еже благочести-
ваго царя нашего, от бед наших истоваго изятеля и свобо-
дителя нам от горкия работы яко фараонитски, боголичнаго
царя Михаила,[317] посланными его на месте некоем совещанием
с нечистыми о соглашении мирне[ч] тогда во един от дни ото
освятованного во святилище самоя божия премудрости
слова,[318] в час богоспасеныя о мире возношения жертвы,
святительнаго Исидора[319] слово, яко от божиих уст, изыде
ми || того повеление; его же от места бе, яко изо облака, *278*
глас, им же призван и близ к нему приступити повелен есм.
Издрече бо ми, преклонся уединене и малогласне, святодей-
ственною си десницею осенив мя крестообразно, и ко еже
писаньми начати принуди иже богонаказательных в Рустей
земли вещей, о нас сотворшихся пред времяны сими, поне
малу часть некую от них споведати, елика имут писателеви
взыти на память, яже видена и яже слышана быша зде, аще
и не зело совершене, за иже бывшем нам всем многодневно
купно пленоградным || затвором объятем всяко в нуждах, *об.*
множае убо за страх, особне же ми от всех за моего недо-
вольство смысла. Он же о сих на мнозе моего отрицания
глаголом быти не попусти, аще и ненаучение мое о сих лицу
его предлагах, но рече ми: да не убо в продолжении лет
глубина нераденья таковая помрачит и от небрежения заб-
вится потреба сицева дела. Прочих же паче тщати ми ся
повеле о преславновелицем Новеграде сем, иже понесшем

в себе многолетно от Еллин нестерпимых язв различья
279 болезней, || от дней последних царей, ли вмале яже пред сими. Аз же преслушания бояхся, повинухся великаго словеси, коснухся обаче поне начатку делу, не убо своей немощи и безсилию притворно надеяся. И о сем кто похвалится, не буди то, но елико Параклит настави, отверзая им уста немых и языки младенцем творяя сыны, и о сих моляся, яко да достовернии, идеже аще явльшеся обрящутся, яко в нас да исправят иже сия.

Зачало

В последняя убо мира сего мимошедших времен лета,
об. яже по древних || грядущаго века к седми тысящам[a] осмаго,[320] быша Велеросийска всего скифетра и патриархия самодержавнии и земнообладатели царствующеи на мя, их же зде вмале и имена скажются яве, от них же не о мнозех днесь ради вещи начало вписася краткословне, им же еще самовидцы раби суть в жизни доныне, елико что могут памятствовати о них, якоже се.

По первых убо господьствова в Русии божиими новаго Израиля[321] людьми иже благочестию твердый рачитель изя-
280 щен || Иван Всегрозный,[322] сын великаго князя Василия,[323] иже временное царствие в конец жизни си един по едином, вторый по первом, иночеством измениша обои. Благодати же соименный во дни своя велицей Росии всей первый царь бысть; от времене прияти пресильных Агарянских царств мног по отцы отвсюдный вторособратель всеа Руския земля, державных самодержавнее, крепок во бранех и мудроумен зело о всех, во всем роде своем изряден быв премудростию, и в силах могутства яко необорим, к варваром в спротив-
об. ствах земных непреклонен бывая, и в неправдах || их мститель неумолим, его же имя и страх со славою обоюду в слухи всех язык возгреме даже до восток и запад. Потресением же

меча его и прещением нашествия окрестныя его вси ужасаеми бываху врази, Александрови бо, иже Македоном и вселенней царю, той причаствуя в лучших. Глаголаху же нецыи, яко прежде времени той, яростнаго ради зельства, от своих раб подъя угашение своея жизни, яко же и чадом его по нем они сотвориша тожде. Смерти же его во странах языческих, яко о празднице светле, много сотворися[б] радость, и весело
во||сплескаша руками; успением бо его наветницы стран- 281
стии в чаянии брани зело почиша, не туне бо мечь своея десница в гнева ярости своея выспрь на ня возводя, ниже с воздуха тщетно сводя.

И по нем сын его, благожизненый Феодор Ивановичь,[324] государь всеа Росия, отечества си престол святолепне наследова, истинолюбно бо и достойно царствова незлобием, в кротости Давидове, некроволюбно по всему своя пасяще люди, всю же свою препровожая жизнь к богу в постех и молитвах выну, день и нощь неусыпне, велик предстатель
о мире || и святоцарь бывая. О церковнем же вселепотнем об.
благочинии и украшении священных име желание присно и попечение несытно, мнихолюбец и нищелюбец, многоподатлив зело, и воздержник в подвизе явлен от извну кипящих в нем люблением дел иночества, свыше же багряницы светлостию прикровен, его же дому изволению жития супружество не возбрани, ниже самого царствия высота; неправды бо всякия изимая и огребаяся, по Иову,[325] ниже усты даде безумие богу, богомолитвена си языка мерскими словесы ||
во всей жизни своей не оскверни никакоже, но весь всем 282
благочестием купно объят быв и всецел, мнети, богови предста, яко един от всех первообразное соблюд, и в своея всеа державы дни достояние отечества ненаветно от враг молитвами снабде, свене меча. Не токмо же той людьми, но и над страсми царствова; мню, не убо кто согрешит, аще и в молитвах того призовет.

Своих же вечноотечьных царств, еще в животе сы, весь о людех правления жезл, начало власти Борисови[326] попусти,

его же по мале он и престол вселукавне[б] восхити; в насле-
об. дие же || благочестивый сей Феодор царь благородныя си отрасли по себе мирови не остави, но все благочестия семя внутрь себе согнете, умертвив, богови тако и о нас прозревшу в прочее, запечатле бо в конец рода своего существа богоугодныя своея державы благим царствием. Увы, и толик по отцы, яко свеща всемирная нам возженая, ли звезда пресветлая оставшая, в борзости от сего жития угасена богопустно несеньми вражиих прилог ветры, бывшая от благодати
283 светле в роды его царствию вечно возженая! || Тезоименен бо бе он богозрителю Иеремиови[327] по имени, иже освященном преже пелен во чреве, произвед во дни своя от царских си чресл дщерь едину, жизнию же непребытну;[328] но обаче и о сея рождении тогда в людех премнога сотворися радость, и яко в наследие место сию вменя любве ради отча, за иже рабския к нему приязни.

Соиме же и самобратнаго си, единоотечна по плоти, двоематерня же по имени и естеству;[329] но злый раб, иже от врага властолюбием[г] устрелен быв,[330] возрастом устрабити отроку не даде и яко летарасли прозябшей от корения[д] ||
об. благоплодна на высоту тому взыти не попусти иродуубийствено, яко несозрел толик господеск клас, серпом смерти среза;[331] сим убийца издалеча своему хотению предуготовляя путь.

Увы, яко сих двобратных кончиною прерван купно род, по смерти Росийских деспод весь благородия корень! По сих же от синглитских чинов срабне на царствия верх возводити начаша, но различне, — ов сице, ов же инако, в них же первый Борис и потом Рострига[332] и иже по сих, их же бе дерзость по всему безстудна и воцарение[е] странно;[333] сих
284 ради и земля, не стерпеваема, селико лет || даже доселе о цари смущаема, колебашеся неуставно, о них же подробну на се довлеными в подобных местех скажется ясно, не иже нами.

По сих же некий, иже землею всею не утверженый царь,[334]

Росийския мняшеся яко содержа скифетры, не самогосподственно же, обаче и не яко иже его предваршая, обладаем бо бываше, а не обладая за грехи мира, понеже без воли всеа земля не со множеми, но гордоустым единем неким,[335] могущим же обаче, на се наострен и в скорости без замедления и кроме разсмотренья || спешне на превосходная председ, иже об.
вмале предбывшими его наскакателех не теми же образы малех к себе примилив. Сего ради и возненавиден бысть от людий, им же вся не восхоте земля надолзе царствуема и обладаема быти, но яростною бранью воздвижеся нань, ратью пришедше под самый церствия град, в нем же всеродно своим обстоянием они того затвориша и отъемше и, яко пернатую в клетце. И по всей земли яко огнь ненависти скоро возжеся о нем, и грады многи егова крестопреступна повеления || и отписашася имени и повеления, и начаша по 285
местах многи, яко елико град, студныя и лжеименные возницати цари от мельчайших и безъименных людий, паче же от последних страднические четы, градцкою в безумие шуме бяху поставляеми чадию земли всей, и законным досаждающе царем; сими всеа земли и развращаху люди, взирающе на иже пред ними бывшая наскакателе.

[9]. О крестном целовании королевичю Владиславу[336] ||

Сицево в преятие мое самое, спленши мя Еллины х кре- об.
стоклятвеному их утверженню единем неким самописчием извергом же пред малем борзоприятельством трости руки его в хартиях начертанием вписася, ему же о сих в мале и внезапне часе святительным и синглитиком первым вручение действа припаде повеление, по ему же Еллином списанию клятися крепце к моим, согласящимся прежде. Нецы же о сем тождедейственицы, иже властолюбца два,[337] их же имя не от дел жития их познашася, враг моих скории слагатаи и стаинники, взави||девше начертание то, и, стрывша, отри- 286
нуша в конец и без вести сотвориша, яко не бывша; истни-

ша е, разсмотревше в нем, яко не бе им во всех таковое написание к полезному при клятве их, но сопротивно все воли их, единем точию нам токмо в належащих нуждах потребно бысть. Они же по своему о мне злоумию то первое самохотне на ино претворше и свое ново другое вместа сего составиша во угождение по всему варваром. И кацем они вещем неискусни суть, сим сия два мои превратницы быша
об. наставницы || и учители и вожди ко всем необыкшим вещем; в них приязнь нелестну своего варваром слугования и теплоту всего злосердия к ним и з душами своими издавшем всю, своего приобретения дельма множае, их же ради и доныне, утвержени без изменения и всяко непременяеми, со враги моими купно во всех мною згосподствуют, паче рещи корчемствуют, не возбраняеми; ничим же мнее онем сповелевают, равне во всем и свободне такожде по всему, яко же
287 мои обладатели, во всех, во их же || хотят, ником возбраняеми, на свое им угождение, яко же на некий превелий залог к противным надеявшеся.

Таковое же в самый пленения моего час написание в хартиях вписася к инославных о нас клятвам неким, ему же имя благодати, самописеньми же по чину послужением руки его от беловиднаго и преосвещенна верха и первым по нем на се повелен, его же врази за неугодное им писательство се возненавидевше, за своя плеща завергше, забвением помра-
об. чиша е; вместо же сего приразившаяся || шептанием тайнотворца два и аще ко Еллином моя глаголю изменшая на первосоставльшаго и сия завистне сподвигшеся. Писательное его, ельма и благословно бе, своим они превращением пременьше, угодное же сотворше по онех хотению все свое угождение ради многих от сих себе тленных благ получения.

Сие же писание за любление х клятве не сбыстьсяж по них, но превратницы мои предателе и скории чюжим примеритилие, оно претворше, к воли их ино другое составиша по себе.

[10]. О вдовстве Московского государства 288

До избрания же новоцарения богом воздвиженнаго в наследие царска от рода в роды государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии и до возвращения от Литвы паки на Русь такожь богом даннаго онаго управителя, благаго его государева по плоти отца, великого государя святейшего патриарха Филарета Никитича Московского и всеа Русии,[338] тогда бяше такова земля наша по притчама двема, яко вдове нецей, иже по муже остаеме уподобляема[в] и своеземными || рабы разорительно обладаема *об.*
и разтакаема и яко по жребиом разделяема, тем бо от бога смотрительно наказуема, еже и бысть. О ней же подобне и притча сия предложися зде, и другая по той, вправду же обои.

Притча

Егда вдова некая уединена, без чад отъинудь, по мужи остает, аще и преславна супружества бывше подруга, егда и мужа имущи человека царя власти всяко и силы же, но безглавен по нем свой имущи дом, и к разорению удобен бе, преисполнен же бысть видимых благ всячески, токмо единаго господина || дому не бяше, а всему бывшу: идеже 289
бо владыце дому не сущу — яко тело недвижимо кроме душа, „аще и многи уды, по писанию, имать“, но „мертво есть без духа“. Не име же о себе предиглаголанная она благи помощники, ниже заступителе на обиду ей деющих, прежде бо всех всюду обладаема бяше и разоряема домовозрастными служебне мужеви ея злорабы, якоже суть обыкоша нравы их досаждати своим господем при животе и по смерти паче, егда они госпожу оставшу мужа сира узрят, видят же ю безплодну и безсродну и беспромыслену всяко, не имущу ||
отвсюду в супружестве рода и соплеменства, презрене же *об.*
други и соседы и знаемыми; и ниже рабов верных имяше та

на послужение си, и сего ради бывшея друзи мужеви ея
являются к ней скории добру забытницы. Тогда вся супрузи
рабов чина им своего рабского устроения претворяются
скоро на непослушныя обычая и законы и своеволное слу-
гование: легающе преже времене рано и заутра воставающе
позде, и спят довольно и паче иже до дне озарения; первое
начинают к ней в повелеваемых от нея им делех и слове-
290 сех || едва и косно послушни бывати, таже во всем преко-
словии; исходящая со властию от госпожа их к ним словеса
отвращаемы ими и презираемы,[и] заповеданая же им тво-
рити вся недействена оставляющи ея повеления: общераб-
ския же сообращения вся в срабных им во одеждах и в снед-
ных пременяема. И сопротив к госпожи многа сугубая непо-
слушне отвещания биваху им неистовы,[к] и во очию ея
нелепыя они своя глаголы, яко камение, метают пред лице
тоя; уязвляют же сердце ея рабская их со языки уста
об. невежествием многословия || и вменяются той от них яко
стрелы пущаемы от лука. О имениях же своих владык и
пред лицем госпожа бывают неверии, нерадиви же и небрежливи;
стяжаниям их всем своих господ растакатели зли, крадуще
и усвояюще и своя руки господскими добротами всяко
наполняющеся, и объядающеся и упивающе присно, и пир-
шества многоззывна возлежащих иродорачительне вседневно
сотворяюще радостотворно господску смерть и всеа земля
291 разорение яко празник си светел вменяху. Еще же || и ризами
красяхуся, не у еще всемирну плачю днем уставления от-
шедшим, во всех же несвойственейших им потребах изооби-
лующе; о вданней им и уреченней в повседневную потребу
пищи и о отлученней одежди ропотницы являются
неблагодарни, вданная им вся охуждаху; в срабных си
с равноточными им крамоляхуся, сущая же под ними руко-
биением даже до крове ураняху и инако друг друга сокру-
шаху; дом же своево си владыки от нестроения не огра-
об. жен и врата дому || день и нощь не затворены имяху, прис-
ную пролазу волком и прочим зверем внутрь им творяху.

Своим же они о безгосподстве всегдашнем веселием вящщую болезнь госпожи день дне различне з досадами приношаху, купно они, рабы, своя своего им общерабского свобождения четыредесятаго дне прихождением распущения си ожидаху; еще же и ины они злотворные же рабы, подобны себе, отвне двора владыческа, странны и госпожею незнаемы некия, в дом ея с собою тех, в пиршества своего им веселия, сопривождаху || купносрастощевати владычняя имения 292
к болшому своея им госпожа безмужному досаждению.

Едино же тоя к тем многотерпеливое безооружне обранение, еже к богу молитв коленопреклонения з главоударении в частых воздыханиих, богоматерию о ней теплыя оноя в горести приносим[л] слезы, прежде же помолив скоропослушную в бедах християном помошницу мольбами в ходатайство к нему подвизающи, явеобещную вдовам ото обидящих заступницу, до иже егда устрояй || свое достояние воз- об.
ставит подобно царьствия могущаго добре всю землю управити главу в людех; ускоряет бо милостивно иже везде сый преклоняти богопослушная своя ушеса к матере своея молитвеным ея о мире словесем, не терпит же болезнию от бед к нему вопиющих, ниже надолзе прошения его без болезни. И аще овдовевшая имела бы не точию воздоеное, ельма и младя роженое, ли поне во утробе ей остало бы зачатое, и егда же то усыреное времены своими произшед от чрева, иже мужеск пол, аще бы тогда чаянием о нем ||
возраста его мати его благопожданне бы того ожидала на- 293
деянием: егда устрабится в державе владычески, тогда того поносившей еговым возрастом вся бывшая забвилися[м] быша печали; аще ли ни, то уже от сицева их первоглагольнаго корене дозде прозябение бысть и прочее к тому преста.

Но обаче всего строитель мира промыслом своего смотреливна суда не закоснит на мнозе неустроением тацем, еже выше речеся, колебатися о главе толику яко всемирну дому, бывшу премногу всеми; но[н] воздвиг несведоме, || яко об.
от сокровищ неких, и произвед, якова восхоте, по иже от

небытия обыче вся приводити в бытие своим всесилным словом, воставив отъинюдь инаго инако, ими же он судбами весть. Аще и не самый естеством благословна кореня плод, но соплеменным вмале причастием к сущему царску плоду некако прозяб от лозы, яко лист масличен истову винограду усвоением приближен, по друзей крови, паче же благоволением избрания, яко же Исаак обещанием, он дов-
294 лен в наследие державных, тожде помазан быв || и укреплься тверде, готов бяше по прочих земли устроених виновным обиде мщати: первее злотворным рабом, иже разоршим, неже снабдевшим господоотечества дом, таже на еговая нашедшим врагом. У владычествующаго всеми испросив с помощию время, купно бо предиреченным сложившемся нань о зле обоим он бо, яко владыка своя изыскати грядый работныя ему вся, нечаянием о нем дремлющих обрет, господска в конец отчаявшемся пришествия, по гласу рекшаго,
об. от них же он всяко расточения || домовна истязательне изыщет и злых зле погубить[о] может. Иже вместо радостных, о их же они господовосхителных ими вещех богатящеся, пирующе, веселяхуся забытне, по богатаго притчи,[339] и различными саны препоясаны несвойственне, — тогда тех, сего чиновства лишив и санов обнажив, якоже и не имущаго одеяния брачна, иже: по возлежении царь, повелев, от чертога изринет и вечен тем вдаст плачь[340] и прочая, якоже тогда и самим глаголати к себе, рекущим сице: яко во сне убо доселе питахомся, отныне же истинною мучитися начахом,[п] якоже пишет, иже: „червь их не уснет и огнь[р] их не
295 угаснет“; псаломник же, о таковых словеса || своя утвержая, сугубит, яко не быти им.[341]

И яко же зде о овдовевшей госпожи вписашася с рабы и прочими вышереченная яко притчею словеса, — не сице ли, по образу овдовевшия, и нашея земля сиротство бе? К ней же не таково ли рабское непослушание з досаженьми о всем и их же со языки о тоя разорении вкупное сложение к запустению, еже убо во очию всех нас и сотворися, и бысть, и

еще доднесь бывает, якоже бо огнь еще не купно всюду погасе, но инамо убо угасая, инде же разгараяся воспалаем? И вещественный невещественным || удобь погашает, аще тажде об.
роса днесь и сего погасит пламене, иже от небес древле в пещь Халдейску сошедшея;[342] но сию росу в таково погашение обыкоша от свыше сводити долу наша многопролитныя воды, врящая из глубины сердец исходных очесы, иже течением быстрящася по ланитома и растворени достойна поста в частых молитвах с теплыми воздыханьми; сия, вѐде, владыку всех умолити могут иже о сих толик угасити пламень.

Притча 2-я, о том же

И дом аще коего сильножителя, елик || убо не без при- 296
клада, довлится плачем единех уставных дней о нем, егда без чад и всекоренно лишаем бывая от жития отшедша своего господа, но обаче и по нем приятелем и другом его, или рабом истинным прилогается другими дни много и незабытен к плачю плачь его ради, паче же егда видят того ризы зримы лежаща оставшая, или ино что, помышляющем в себе оного предбывшее от много лет благое жительство, како во очию их то стяжавый, толико время преходя, добре жизньствова. И потом зрится ими же вдовство || того супруж- об.
ныя безглавное, плачевное же и беспомощное, и облачение в ризы черныя ей же, презрение о всем мужедружнее, безгосподство рабское, истощение сокровищ, добротное стяжанием развлечение от нестроения и запустения домовнаго и достоянием его, к госпожи непослушание з досажденьми рабское, их же сложение со враги его совещанием на зло о нем, домочадным обида от всех последняя, и всем о всех житие неутешное бысть, иже нерадение рабов отнюдь всяко беспоболенное даже и до небрежения || о вере, и в конец 297
земленое разорением запустение, и прочая вся.

Кольми же паче оного дому приемлется, ли изрещи словом возможет кто о самодержавных державе всей, иже

Велеросийскаго царствия, объемшаго в себе благочестие
все, его же о благостоянии слава протече во вся конца все-
мирныя? Несть же часть вселенныя, еже и о безславии его
бывшее не уведеся, иже богом попущением не долзе сотво-
риша ему врази его многообразно и нестерпимо зло не-
об. прикладнаго огорчения пред времяны || сими. И его же бо
дому радость сугуба бысть, того и печаль и премнога; и
колико нами сокрушение его зрится, толико о нем болез-
ньми серце наше язвится. Сего ради в начале дом плача
к царствию самого указанию зде о нем с сущими сположися,
не оплачет бо ся, ниже обрыдает и многими леты таковое.

И яко же нерадением драхму царску,[343] даную в на-
следие мирови, некогда погубихом, за нея же земля сму-
щаема и до ныне трясашеся неуставно, понеже яко второе
298 оскуде князь от Июды;[344] || но по днех вместо оноя ину
новоподобну тоя обретохом, боголичного, глаголю, Михаила,
воздвижена богом по благонравнем царе Феодоре, „зван бо
не от человек, ни человеки“, по Павлу.[345] Зане и мы при-
жихом вторую двоицу тако же благородных, сим подобнех,
яко же Феодору с сыном древле получиша Греки,[346] сице
таковы и мы другия, и должни быхом, по притчи, созы-
вати к веселию своя соседы и другиня[с] с ними о новыя
обретении драгмы, о них же мы вси добре паки первое
своего жития ныне по малу утвержение начинати при-
емлем.

об. Давшаго же ся от бога нашему царствию во главу людем
произведшая его во свет сей родителие сего мира еще путь
живота си проходят малжена во образе мнишескаго устрое-
ния особ и различне кождо:[347] он в земли чюждых, правды
ради стесняем, страдателно леты многими в нуждах с про-
чими подвижется о всем мире нашем, ова[т] же во царствии
яко второспрестольствует своему ея сынови, о всех купно спо-
велевая с ним. Вина же заведению отзде тамо оного сицева
299 бысть: егда пред сими || временно пообладани быхом есмо
Латыны, он в первосвятительне чине всемирно по нужди

умолен быв соборне же, прежде произбрания на царство
сыновня, сподвигнутися ему с прочими, доити в смежнозем-
ных нам Латын землю, инославных же верою, ради оттуду
испрошания сына господа их нам всем в десподство же.[348]
Совет о сем с нами они многими клятвами утвердиша пре-
жде ко еже тому ими датися нам на то некоснено; они же
о сем вселукавне обещание свое превратиша, клятвы же си
отвергошася, просимаго нами от них дати не восхотеша;
просителех же з запленеными во своих удержаша, || с плен- *об.*
ники тамо бедно созатвориша и в нуждах, им же воспять
к нам оттуду возвратитися[у] всяко не бе воля. Рождьшая
рожшемуся от нею и доныне спреобладает ему от воцаре-
ния его; аще и странно бысть образом, но зане яко мати бо.

Мужественныя же крепости не бе в нас отдавна, яко ни
о коем бо смеяхом тайномыслии когда иже многолюднаго бы
собрания лик составити к возбранению на неугодно некая
богови и человеком, иже что нововводна и чрез законы бываемо
обладателех наших повеления, еже неподобная начинания ||
их нам мощи возразити бы; сонмоначальником хотящаго *300*
составитися на все вселюдскаго собора о сих на ся се не-
пщующем, извну сонма неких чаянием боящихся, да не
како совет их ко владущим внезапно удобь прелагатаи[ф]
в клеветах своих явне изнесут, понеже в велице сонме людий
о таемых вещей совета по страсти некако неудержанно
бывает слабых и произносно всяко, яко на аер, на страну
слово и к державным паче; много же мнози и отвне то
ощущают всяко, даже и до сего стаят, яко же и на то
снемшемуся всему || разстлитися собору клеветивых претвор- *об.*
ным языковредием.[х]

Таковое бо за страх невозможное совокупление в нас
новообладателе наша, верныя же и нечестивыя, ясно издавна
узреша ко еже их пользе и к хотимому удобь веществие-

составлению, яко убо кому ни начала когда о таковых начинаниих нам сположити смети, аще и в мале дружине, неже во мнозе сущеи: яко малое убо совокупление невозможно к спротивству на возбранение, многочисленое же людосо-
301 брание зело неудержанно к совету. Сице малех советом || суперное не возбранится, во мнозех же, аще и крыемо, не утаится, еже и при нас бываше некогда во временах прешедших в среде самого царствия вселукавнаго обладанья Борисова и Розстригина, и по сих вселением во царство насилования главохохленых, и во стране земля Новоградския от немотующих Фриг таковожде.

Толик в нас от слабости страхования несогласного нашего разгласия и небратолюбнаго разстояния вогнездился недуг: яко же град от града отстоим, или места некая многими
об. между себе поприщи разни, тако и мы || друг друзе любовным союзом растояхомся, к себе кождо нас хрепты обращахомся, овии к востоку зрят, овии же к западу. Но сия наша разность многу на ны врагом нашим подаде крепость. Идеже бо присно неразстоятелно единомыслием совокупление, ту неразсторжено бывает тех собрание; таковое бо и нечестивых пределы утвержает крепце, еже и бысть в них доныне, яко же и мы бывающе прежде, дондеже нас греховная слабость не соодоле. И аще близ любовию братски,
302 елико по писанию быти достоит, не совоку||пимся, врази наши в прочее наветовати нам и одолевати нас не престанут убо; и овцы, при ограде собираеми купно, пожирающими и зверьми растакаеми неудобь, егда во своем снятии неразлучно усердием будут сострадуеми тепле. И аще братско совокупление не богоугодно бы, ниже человекопотребно по всему было бы, то не бы Давид возопил: „что добро и что красно, но еже жити братии вкупе“;[349] подобне же и апостол: „аще возможно, рече, со всеми мир имейте“;[350] той же паки: „время нам, глаголет, уже от сна востати“;
об. Богослов же[351] паче всего || любовь утвержает в нас; в них же и первый сим подобне: „довлеет нам, глаголаше, мимошед-

шее время волю язычну творити",[352] и ина, якоже благословцы сказаша. Не убо вси языцы не искрь себе к себе сами вражду имут бранию, но ко внешним; ниже завидят и ревнуют во своей кривости не сущей си вере, но согласного их своего разноверья; но о прочих землях крамолятся потребах, елико о еже в нас видят, и вси всяко купную зависть на ны подвижют; яко же волцы гладнии, агнцы зряще, алчют, сице они разорити желают в нас || землю нашу и 303
попрати истинную и непорочную веру христову и нас пожрети. Оно же предиреченное наше разньствие на вкупное сложение нам во всем мире нашем на противные и доныне[353] добросоставления тверда не имать, понеже неблагословных есмо одолени страхом, в велицех вещех и до малех деяниом сопротивных, а не благим к ним же храбрени словом стати можем, неже делом. Которое же таковое ино к противным и ратующих нас на возбранение довлеет,[ц] аще не вкупно наше тезоверных соединение на ны || и единомуд- об.
реное и всеродное совокупление, яко и прежде? Аще ли они в прочее, не уже к тому живем, но о всекупно погибели земных пред богом в будущем безответни[ч] обрящемся ответницы; не чюждии земли нашей разоритили, но мы есмы сами той потребители.

Дозде убо о Московстем господствии, яже на нем бывших зол, нашего слышания, иже в плену затвореных, бяше слово, понеже в Новеграде Велицем в тожде междоусобие земное всеградно Еллини заплене||ни быхом,[354] со убегшими 304
же оттуду во иже всего царствия в матере градов угонзнути не возмогохом, богу хотимое нами не соблаговолящу, потом же, мало препуская время, в протчих градех пребывание[а] наше на уреченных службах царским по бозе повелениом бысть,[355] — и идеже елико слышахом, толико и писмены вместивше издахом.

О протчих же, яже содеяшася о царствии, иже нань
нашедших многообразно богопусных ран, Египетцких казней
об. подобою, Иерусалима самого, || иже быша при Тите,[356] якоже
по прочих и о нас сотворися послежде презелно зло, егда
Росийска владычества корень поколеньства царей прервася
и скифетр царствия древняго благородия преторжеся, угаше-
нием благия жизни приснопамятнаго и святым сопричаснаго
великого государя царя и великого князя Феодора Ивано-
вича всеа Русии богоугодная держава его прекратися, к цар-
ствующему всеми позван[б] бе и в небеснем со святыми содво-
рятися чертозе той тому быть благоизволи, — от дел его
305 сице || быти непщевахом, — рода бо своего земное царствие
оставль безчадно, святою си смертью запечатле, яко же
благодати Предтеча Иоан всем пророком печать бысть; и
содержавны его супруги свенечныя во мнишестве шестолетне
воздержателное по всему жития исправление, горлицы чисто-
тою подобное, скорое на небеса к свенечному ея возведе-
ние, вкупное тамошняго пребывания вечнаго веселия,[357] и
како иже по блаженнем государе царе Феодоре Ивановиче
об. всеа Русии кийждо царь || в мире сим жизнь свою управляше
добре или сопротивне, — но ныне, иныя преминув, первое
по единому кто подробну рек бы?

Како Василию[в] цареви на престол царствия возведение,
и колеблемое его царевание, и со престола безчестное сведе-
ние во иночестем невольне облечении, и в Латыниных землю
заведение, идеже бе того и скончание, и сожительницы его
зде плачевное пребывание надолзе;[358] таже по временах
во лжеименнаго образе, иже несвойствено имене царска,
306 приседящей[г] к нам соседством || Литвы к царствию под-
шествие,[359] их же бяше отвне града внутрьюду того вселе-
нием пребывание много, и тяжественое всеми во царствии
обладание главы и до ног, и порабощение наше от главо-
хохленые и слатынныя Литвы; поборательство же во обдер-
жании по благочестии и в доброй ревности благую дерзость
и подвизание до смерти второсвятейшего по первем патри-

арха Гермагена Московского и всеа Русии, еже наскакание его словеси и храбрость на Латын, купно же с ними и на богоотступники и бого||борцы, разорителе Руския, слагатае *об.* и единомысленники с Латынники на всяко зло, — кто испишет, их же ради той вскоре хотя от бога венчан быть, исповедничю тем мзду получая?

Потом же[д] како, внезапную и неизреченную милость божию получивше, работы онех избавльшеся малеми останцы людий,[е,360] оболкшихся вооружением в тристатную крепость древняго ратоборства, иже о фараоне,[361] и яко змиев, гнездящихся и сипящих на ны гневом, отвнутрьюду царствия || божие *307* мановение чрез надежду внезапу всекоренно изрину, человеколюбно же и заступительно паче же, яко от мертвых второе паки оживотворив, сооживлятися повеле и благостройно заповеда в первую лепоту и красоту облещися, яко в ризу, предуготовляя слузе своему достояние, великому государю царю и великому князю Михаилу Феодоровичю всеа Русии, Давидов глагол во псалме исполняя, идеже речеся: „вознесох избранного от людий моих"; и яко же Адаму прежде егова сотворенья вся, яже под небесем, || предустрои, сице *об.* и нашему владыце и благодателю Михаилу цареви Велеросийское царствие, предварив, вседержавну вручи; такожде и рождьших и, иже предъизбранную православия и благородия двоицу, великих государей, отца, глаголю, и матере, сущих ему по естеству, хотяй купно устроити бог присного пребывания во своем достоянии неразлучны от сына, воздвиже благочестию любителя и красоту церковную, трисвятейшаго Филарета Никитича, патриарха Московского и всеа великия Росия, по смотрению божию избраннаго || на *308* святительный превысокий престол[362] Росийску жребию всему в вящее утвержение людем и справу земную; боговосхитно, яко на облаце владычице, с рабы вмале пренесену бывшу ему во своя от запленения Латын, и устрои того бог сынови своему сопрестольна: скифетр царствия подтвержает, сирых и беспомощных избавляют бед, отечески сынови

о мире собеседуя, и купно соуказуя, и соблаговоляя, и на
лучшая соусердствуя, и наставляя, и сподвизая; подвизания же
об. его и страдьбы и многую || ревность, якоже Ильину[363] о бозе,
в теснотах лютыя скорби, яже посреде Латын бывшая, яко
между волков, в земли не своей, не убоявся туждих страха
и прещения смертна, со многеми ими един он безооружна,
словесы токмо, боряся и препирая благочестия истинною
богоборных лжю и соперная их словеса посрамляя, — про-
чая же его неисписаныя подвиги, яже онамо христоподобно
подъя, по числу кто исповесть? Сих ради нетленну си ону
мзду на небеси предуготова!

309 Ему же прежде подвигшуся многолюдно, || умолену сущу
землею, с ним же и от чиновств, шедшу тамо по кралевску
со своими ему в клятвах обещанию льстивну сопривести
с собою к нам оттуду, испросив, сына кралева господства-
вати нами, — они же убо, преступив клятву, солгаша, испро-
шателех же всех со святейшим пленообразно во своей
земли, различие по градом разведше, осмь лет удержаша
всяко в нуждах. Своя же они противницы советы, их же
помыслиша, составити не возмогоша, смотрения бо око быти
об. тому возбрани, || таковы советы разсыпа и в дело нечистиво
произыти не попусти; но помазанному на престол, его же
избра, боголичному Михаилу цареви такову державу про-
уготова, о нем же преди пространнее рехом; сим же образом
и отца его, государя нашего, первосвятителя великого в патри-
арсех Филарета Никитича Московского и всеа великия
Росия, паствити люди своя воздвиже. Матере же сий царь
в велице лавре сущу зде мнихожительну име,[364] о иноких
310 и мирских испрашательницу о всех велику о молимых || к сы-
нови благополучну, ему же и святителеви в богоугодных
о мире согласуя; и яко же они, государи, трие во своих
неразличны державах, сице и в милостех к рабом едино-
нравне.

Между же первобывшими такожде сотворшееся, яко и
прочая вся, иже кралевска сына з главохохлеными множе-

ствы второе наступление на землю нашу,[365] наглость их со устремлением к царствию, и приражение к градовным стенам[366] к приятию их, и паки божие невидимое нам пособие, видимое же побеждение на ня, и обидимым заступление || и помощь, сопротивным же от царствия отражения и отри- об.
новение, и невольное тех невозвратное с срамом от града отступление, и коим образом обоюдных ратей в кроволитиих от браней престатью конец, и посолных о мире утвержение с писаньми на лета,[367] — та вся, яже о царствии быша, иже по градом всей неисчетне чади различны разорения и муки, тогда идеже прилучшися ведцы[ж] по местах, самовидны же и слышателе и иже к написанию довлени, подробну да испишут, понеже наши ужи кратки суть глубочайших разу||мений 311
к сложению не досяжут, и не вем бывших: кое что было[з] коего попреди, ли послежде; и поносно бо есть писателю, не ясно вéдуще, сущая вещи описывать, извет полагая постиженьми, и бывшая деяньми неиспытне воображати, предняя последи писати, последняя же напреди, ниже подробну.

Сего ради таковая многая и великая, ниже удобь постижная, могущим оставихом навершити, яко да нашея грубости и невежествих недостатки, молюся, своим они кождо изообильством || разума исправят и удобрят испытно и непо- об.
грешно, нас же неведения ради бывших, срама, купно же и страха царска, пременят. Мы бо, по притчи, иже[и] во Евангелии[368] лежимей, в винограде господа своего не точию от перваго часа подвигшихся и похваляемых чести не сподобихомся, но и умедливших иже от единаго десятаго часа делавших человеколюбнаго дара владычня улишихомся, деланию время состаревшеся и средовечие недеянне препустихом, егда деланию бяше время, а не отложенью, ни празности, неже || старости; и по друзей притчи в данных сребром при- 312
купа владыце не сотворихом, благи надежды отпадохом и мзду погубихом.[369] И аще речет кто, яко господеск рабом вписася равен дар обоим, но понеже премилостивое свое

простирая, яко и недостойныя к себе привлечет, не уже к трудолюбных чести ленивым сравнение мздою сочетанно, но опоздевших всяко явитца замедление укорно.

От бога же исцеление удобно, к нему же и возбнути достойно, яко да буди всем получити благодать его и человеколюбие в бесконечныя веки. Аминь.

ПЕРЕВОД

ОГЛАВЛЕНИЕ ЭТОЙ КНИГИ, НАЗЫВАЕМОЙ ВРЕМЕННИК, (ОПИСЫВАЮЩЕЙ) ПОСЛЕ СЕМИ ТЫСЯЧ ЛЕТ ОТ СОТВОРЕНИЯ МИРА ПЕРВЫЕ ГОДЫ ВОСЬМОЙ (ТЫСЯЧИ)

и о том, как при царе и великом князе Феодоре Ивановиче и при нем — Борисе — льстецы строили церкви во имя их ангела.

В той же главе:

[1]. О крестном целовании царю Борису Федоровичу.

[2]. Об утверждении его имени подписями.

[3]. О том же Борисе.

[IV]. Богом допущенное на Московское государство беззаконное царствование Расстриги.

[1] Притча о сыне Римского царя, который постригся (в монахи) и потом, расстригшись, иноческое звание унизил — пожелал сочетаться браком.

[V]. Царствование царя и великого князя Василия Ивановича Шуйского.

[1]. О (том же) царе Василии Ивановиче и о таборах.

[2]. О князе Михаиле Ивановиче Скопине-Шуйском.

[3]. О (том же) князе Михаиле.

[4]. О „пещном действе" и о крестных ходах.

[5]. О бегстве воров (врагов) из Хутынского монастыря и о приходе их (в Москву).

[6]. О походе князя Михаила из Новгорода к Москве.

[7]. О патриархе Ермогене.

[8]. Летописец вкратце тех же вышеупомянутых царствований и о великом Новгороде, как он жил во дни каждого из этих царствований.

[9]. О крестном целовании королевичу Владиславу.

[10]. Две притчи о вдовстве Московского государства.

По достоинству самодержавные царствования благочестивых (царей), которые царствовали над новым Израилем[1] — великой Россией — по милости (божией) при нашем поколении, имея превосходство над всеми

[I]. ЦАРСТВОВАНИЕ ГОСУДАРЯ ЦАРЯ И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА, САМОДЕРЖЦА ВСЕЙ РУСИ,[2]

воистину превосходнейшего и славнейшего всех, (ранее) бывших; он был славим от края небес до края их, и (слава) о нем распространилась до таких мест, до каких возможно было во вселенной доходить слуху, потому что он имел на это обладающих (властью) сродников, как некогда царствовавший над вселенною (Александр) Македонский.[3] А го-

воря о нем по родству, — (он имел предком) бывшего „инорогом“[4] в битвах, а лучше в благочестивых делах превосходящего всех пресветлых, государя великого князя Ивана III.[5] В России после своих предков, присоединив их уделы, был он (Иван IV) по крещении данным новым царем, (происходя) от сына (Ивана III), обладающего всей великою Россией, государя Василия Ивановича,[6] великого князя и царя. (Как имеющий) власть по прямому родству и муж крепкий по своему происхождению от прародителей, он был помазан на царство, на его (Василия Ивановича) престол, и (этот род) не погиб до нынешних лет и не окончится от поколения в поколение. Постоянное благородство у него было от отца, он был как посланный неувядающий цветок, как от солнца восходящая утренняя заря. Ибо не только от Рюрика и благодаря ему они начали властвовать, но от самого Римского кесаря Августа,[7] обладателя вселенной, тянулись их поколения до этого дня. Больше чем по родству, он (должен быть) причислен к прежде его бывшим благородным (князьям) по благочестию; благочестивейшие от благочестивых, сыновья от отцов, — они происходили законно и „святолепно“ до нынешнего дня. Таков был издавна род самодержавных моих, они даже и бога до конца не прогневали; их владения, утвердившиеся на все четыре стороны света, доныне остаются непоколебимыми.

Итак, о твердости их царств довольно этих кратких слов, об управлении же державой того, имеющего благодатное имя царя (Ивана Грозного), о годах его юности и о приближении его наполовину к старости я скажу кратко ради того, что и следующее о нем слово будет кратко. Течение его жизни не было ровным; в юности он находился более чем часто в гневе и чрезмерной ярости, без милосердия поднимающихся в нем против нас за наши грехи, так как он был удобоподвижен к злобе как по природе, так вместе и из-за гнева. Больше к единоверцам, которые находились в его руках, под его властью, к близким ему людям — великим и малым, — нежели к врагам, он оказывался суровым и непри-

ступным, а к которым ему таким быть следовало, к тем он был не таким от поднимающегося в нем на своих людей пламенного гнева.

[1]. Об опричнине[8]

От замысла, (исполненного) чрезмерной ярости на своих рабов, он сделался таким, что возненавидел все города земли своей и в гневе своем разделил единый народ на две половины, сделав как бы двоеверным, — одних приближая, а других отстраняя, оттолкнув их как чужих, (так что) из-за его запрещения многие города не смели совсем и именем его называться; всю землю своей державы он, как топором, рассек на две половины. Этим он всех людей привел в смятение и пред лицом своим вместо себя, минуя единокровного сына, на время поставил из татар[9] другого некоего верного царя,[10] а себя, подобно рабу, смирил и, оставив себе небольшую часть владения из (своего) достояния, чрез малое время опять всем завладел, — играя так людьми божьими. А многих вельмож своего царства, расположенных к нему, перебил, а других изгнал от себя в страны иной веры и вместо них возлюбил приезжающих к нему из окрестных стран, осыпав их большими милостями; некоторых из них посвятил и в свои тайные мысли; другие полюбились ему знанием врачебного искусства и тем, что ложно обещали принести ему здоровье, используя свои знания, — а они, говоря правду, принесли душе его вред, а телу большее нездоровье, а вместе с этим внушили ему и ненависть к своим людям. Вот чему мы много дивимся: и людям со средним умом можно бы понять, что не следует вовеки доверять своим врагам, — а он, настолько мудрый, был побежден не чем иным, как только слабостью своей совести, так что своею волею вложил свою голову в уста аспида.[11] Всем противным ему врагам, пришедшим из (других) стран, невозможно было бы и многими силами одолеть его, если бы он сам не отдал себя в их руки. Увы! все его тайны были в руках варваров, и что они хотели,

то с ним и творили; о большем не говорю — он сам себе был изменником. Этим он произвел в своей земле великий раскол, так что все в своих мыслях недоумевали о происходящем; думаю, что он и бога самого премилостивого ярость против себя разжег этим разделением, как бы предсказывая (прообразуя) теперешнее во всей земле разногласие, с того времени (начавшееся) и сейчас (происходящее); он тогда сам без благословения наложил руку на нее, и она и доныне, колеблемая грехом, остается неутвержденной, и нет ныне из людей ни единого, могущего ее (землю) утвердить, — по слову Христа: „всякое царство, разделившееся в самом себе, не может устоять“ и прочее.

Как волков от овец, отделил он любезных ему от ненавидимых им, дав избранным воинам (опричникам) подобные тьме знаки: всех их он от головы до ног облек в черное одеяние и повелел каждому иметь у себя таких же, как и одежды, коней; всех своих воинов он во всем уподобил бесоподобным слугам. Куда они посылались с поручением произвести казнь, там они по виду казались темной ночью и неудержимо быстро носились, свирепствуя: одни не смели не исполнить воли повелителя, а другие работали своей охотой по своей жестокости, суетно обогащаясь, — одним видом они больше, чем страхом смерти, пугали людей. Читающие это от изображения вещи поймут и свойство ее.

[2]. О пленении Новгорода[12] и о том, как царь в яростном гневе пролил кровь на святой город острием меча

Сильнее всей земли, всех ненавидимых царем, он (царь) некогда излил ярость своего гнева на моих[13] людей. Это нашествие его на меня было по всему подобно нашествию нечестивых, потому что он был внимательным слушателем ложных доносчиков и руководился одним непроверенным мнением. От чужих и неверных не предполагал я получить столько зла и страданий, сколько я принял труда от моего

владыки, от его рук, из-за наговоров на меня лживых доносчиков, ибо он всю землю мою напоил кровью, подвергая всех моих людей различным мучениям; не только землю (кровью) покрыл, но и воду ею сгустил, и один только бог знает, кто виноват, — тот или они. Всякое место от рук убивающих до того наполнилось телами мертвых, что не было возможности пожрать их трупы всяческим животным, по земле рыскающим, и в водах плавающим, и по воздуху летающим, так как они сыты были выше меры; а для многих тел, которые из-за страха не оберегались и сгнивали, то место было и гробом их. Кто и где был свидетелем сему? Небо со светилами и вместе земля с теми, кто (живет) на ней. А все имение моих людей царь равно разделил по жребию между рабами.

Подробного описания обрушившегося на меня царского гнева невозможно и поместить на этой убогой хартии, и никому из земных не исчислить количества погубленных людей, — их число объявится лишь в день суда божия, в его пришествие. Во время царского на меня гнева шел 78 год по седьмой тысяче лет.[14] Скудость моего недостаточного понимания всего этого может дополнить словами сила псалма, имеющего то же самое число, а следующего за ним 79-го[15] наполнит эти слова крепостью.

А те мои градограбители, или, лучше, убийцы, которые, омрачившись кровью, думали получить корысть, тогда вместе с собой внесли неразумно в царствующий город как бы некоторую полную искр головню, раздуваемую ветром, — так что не обогатились тогда на долгое время и не доставили этим присвоением и другим всем избытка и излишества.

По неведению внеся с собою в город как бы вспыхнувшие горящие огнем, могущие поджечь, угли, они сами этим как бы подожгли столицу. И как будто на другой день, в лето после этого 79-е текущего круга[16] (в 1571 г.) Измаильский народ, потомок Агари,[18] по попущению божьему придя с востока, гнездо всего царства[17] и место всегдашнего пре-

бывания и жительства самого царя с находящимися там всеми богатствами все предал огню и испепелил. О таких сказано: кто желает чужого, тот в скором времени заплачет и сам, лишившись всего; и еще: кто присваивает не свое, тому явно бывает зло. Число же людей тогда, в нем (в Москве) погубленных, было ничем не меньше, чем в древности, во время нашествия Тита на земной Сион[19] (Иерусалим); ясно, что и здесь (все это случилось) из-за уклонения на грех главы всех — самого царя, как некогда и Давид за грехи принял возвещенное ему богом (наказание); он сам выбрал себе из трех одну казнь — поражение рукою ангела[20] множества людей. И как тогда тот, избрав казнь, терпеливо переносил ее, так и этот случившуюся невзгоду переносил кротко и молчаливо, — так, как когда неправедных постигает праведный божий суд. А всевидящий промыслитель бог скоро наказал насилующих отмщением, — язву мести — незабываемую с годами и не заглушаемую никакой радостью беспримерную скорбь — углубил в сердце самого царя — миро- и рабогубителя — и сделал его неизлечимо больным.

Ныне не все по порядку как обо мне, так и о самом царстве было рассказано, но по потребности описываемого времени, — что из слышанного пришло на память, то и было написано и приведено здесь для полноты других слов. Подробное описание всех скорбей того несчастия я кратко изложил в этих словах, сократив не из-за недостатка места, но от забвения по причине многих прошедших лет; все это я пропустил и оставил множеству тех (людей), которые тогда жили и сейчас еще не окончили жизнь и которые имеют здравый ум и могут обо всем подробно рассказать. А мы, по немощи природы, уставшие от работы на этом словесном пути и как бы в тихой пристани, пользуясь недолгим отдыхом, остановившиеся после сказанного, позаботимся, устремившись на прямой путь, (рассказать) о делах ранее бывших, чтобы, как бы выполняя некий долг, придать рассказу целость.

Некоторые говорят, что приближенные погасили жизнь грозного царя прежде времени, чтобы сократить его ярость: Борис, который после был царем в России,[21] соединился в тайном намерении убить его с двумя,[22] — с тем, кто в то время был приближенным царским любимцем, по имени Богданом Бельским.[23] Бог предусмотрительно допустил, чтобы это совершилось, провидя то, что должно было целиком исполниться в будущее время. Все государства, соседние с его владениями, державы, которые касались границ его земли, не только враги и близко живущие, но и далекие мнимые друзья его, смерти его весьма обрадовались, (считая) потерю его как бы некоторым для них великим приобретением, так как, когда жил, он был им часто неприятен, отнимая у них города и присоединяя их к своему царству; меч в его правой руке не напрасно падал вниз на противников и не переставал ощущаться (ими). И что удивительного, если смерти его коварно радовались посторонние? Ведь и рабы его, все вельможи, страдавшие от его злобы, и они опечалились при прекращении его жизни не истинною печалью, но ложной, тайно прикрытою. Вспоминая лютость его гнева, они содрогались, так как боялись поверить, что он умер, а думали, что это приснилось им во сне. И когда, как бы пробудившись от сна и придя в себя, поняли, что это не во сне, а действительно случилось, чрез малое время многие из первых благородных вельмож,[24] чьи пути были сомнительны, помазав благоухающим миром свои седины, с гордостью оделись великолепно и, как молодые, начали поступать по своей воле. Как орлы, они с этим обновлением и временной переменой вновь переживали свою юность и, пренебрегая оставшимся после царя сыном Феодором,[25] считали, как будто и нет его, того, кого бог восхотел смирить; а вскоре все эти „силентиары“[26] (вельможи), побежденные тем же рабом — Борисом, один за другим все погибли, а что было после этого — об этом пространно дальнейшее слово изъяснит.

Осмелиться описывать подробно год за годом ле́та цар-

ствования превеликого князя Ивана, как и когда царствовал он в течение всей жизни своей, — дело не моей худости и дерзости, потому что я не могу и не хочу (этого делать) из-за особого величия его сана, особенно же из-за благочестия его. Он правую веру в Христа, именно поклонение троице в единстве и единству в троице, после своих предков до самой смерти, как пастырь, сохранил непоколебимой и незыблемой. И что удивительно! Он так был всем страшен, что если бы захотел показать слабость веры в других, устрашая их, как мать (стращает) детей, мог бы страхом своей власти обличить нестойкость бежащих, хотя бы на время кое в чем отступая, употребив для этого изменение или убавление истины. Известно, что и между духовными[27] нашлись бы такие, которые не смогли бы не побояться застращиваний и запретить это нездоровое (лукавое) искушение веры, если бы нашлись хотя немногие из других людей, которые первыми показали бы ему двоедушие. Это я говорю не затем, чтобы показать, что царь как бы играл церковью, но затем, чтобы сделать известною его собственную твердость в вере, а еще больше затем, чтобы показать бегство нестойких и слабость их веры. Его, царя нашего, такого верного слугу (церкви), державшего людей в совершенном страхе и, что удивительно, в противоположность этому изменившего крепость своей природы на слабость, за непоколебимое, подобное столпу стояние за веру и утверждение (в ней) прочих, (следует) увенчать, ибо он хорошо знаком был с книжным учением философов об истине[28] и кроме того отличался внешнею скромностью. Ради этого не следует низшим людям много говорить о царствующих и (без) стыда сообщать, если в них что было и порочно; ибо лучше неблагообразие царского поведения покрывать молчанием, как одеждою; — известно о Ное, праотце нашем, что его срамота была покрыта его благоразумными детьми,[29] а как тот, упившийся вином, так и этот осрамил себя грехом, которому все причастны.

А о времени его юности и о вступлении в брак, и о том, что было до рождения у них детей, я сообщил здесь в следующих словах, не смешивая этого с другими его делами; я знаю, что об этом надо бы рассказать раньше, но что пришло на память, то и написал там, где мы это находим, не выбирая и не по порядку располагая каждое (сведение) в подобающем ему месте. Случается ведь, при раздроблении членов, голове лежать отдельно от прочих частей тела и после их, — но не обе ноги пригибаются (к голове), а голова (к ногам), — где бы они ни были.

Разве между собирающими в поросших лесом местах грибы или растущие на полях, употребляемые в пищу плоды, бывает такой особенный собиратель, который бы по порядку клал в сосуд (плоды) по их возрасту и величине, не смешивая большие со средними и мелкими? У них (собирателей) все старание направляется не на то, чтобы собрать сначала большие, потом мелкие, а на то, чтобы скорее, чем другие собирающие, наполнить свою корзину и сделать это раньше своих товарищей; чтобы при собирании не отстать от них, особенно же, чтобы не быть ими покинутыми, не быть застигнутыми ночью и не остаться вдали от своего дома или быть измоченными дождем, если они останутся (в лесу) дольше, чем нужно; а когда они придут домой, тогда уже и разбирают то, что принесли, на крупные и мелкие, как хотят.

И о сказанном здесь благоразумнее судить так, что это я написал так не потому, что не знал порядка событий и не ради красоты, а из-за поспешности. Подобно этому и в других местах моего повествования, если кто усомнится, почему написано (о чем-либо) не в своем месте и не по порядку, — мы молим не выносить нам осуждения, но каждому убивать в самом себе эту страсть к осуждению; относительно же порядка (изложения) держаться такой мысли, что если кто что сократит или захочет изложить (события) в своем порядке, особенно (если захочет) расположить все по своему желанию, за это пусть его не осуждают. И я не отрицаю, что (мне

надо) научиться лучшему; я знаю, что мои записки далеко не достигли во всем книжного разумения, но это случилось не из-за пренебрежения; если что-либо, прежде бывшее, по неведению из-за многих уже прошедших лет, вписалось после, то существу дела это не вредит, тем более, что написано было среди нужды, при рассеянном уме, как бы в темном углу, и не было возможности выбирать сначала по порядку все особенно нуждающееся в украшении; и рассуждающий здраво это поймет, если, читая, находится в таких же затруднительных обстоятельствах, как и мы. Этим мы разъяснили план начатых записок, из-за которого, как мы ожидаем, нас могут осуждать нерассудительные читатели.

[3]. О царице Анастасии Романовне[30] и о детях

Так как жить жизнь — не без жены и не без детей, — он выбрал „свенечницу“ (соучастницу) высоты своего царства, — не из (других) стран, не потребовал, чтобы она была равна ему по благородству, но нашел ее из народа своей земли, избрал дочь из рода боярского, (наделенную) больше других душевными добродетелями и телесною красотою — Анастасию, всю как бы ризами украшенную, — народу русской земли царицу; с нею он венчан был на царство и утвердил ее с собой на престоле. И она, как маслина, оказалась благодаря сожитию с царем очень доброплодною в деторождении, ибо она была матерью пятерых детей, из которых было три сына и две дочери.[31] Каким-то образом случилось, что из них две дочери и брат их Димитрий в младенчестве о господе почили. Все они нами считались наследниками; а один из них после первого, не по плоти только (рожденный), но, как некогда сын Анны Самуил,[32] испрошенный молитвой у созидающего младенцев для продолжения рода, был после отца и брата наследником царства, но недолго оставался им; о нем подробнее дальнейшее повествование расскажет.

[4]. О царевиче Иване Ивановиче[33]

Лучший же этого (Димитрия) брат, получив от бога благодатное имя, подобный отцу по всему — по имени и мудрости, а вместе и храбрости, в добрых качествах ничем не унизил своего рода. Приближаясь уже к совершенному возрасту, достигнув без трех тридцати лет своей жизни, он по воле отца был уже в третьем браке,[34] и такая частая перемена его жен случалась не потому, что они умирали в зрелом возрасте, но из-за гнева на них их свекра, — они им были пострижены; а жизнь свою он окончил на склоне отцовской старости, не получив по жребию земного, но стал жителем будущего царства. Думаю, что он близок был и к страданию, так как некоторые говорят,[35] что жизнь его угасла от удара руки отца за то, что он хотел удержать отца от некоторого неблаговидного поступка. Очи всех потеряли надежду (видеть) в нем наследника царства, — потому, однако, что мы согрешили; лишившись его, вся земля тогда впала в скорбь и дошла совсем до безнадежности, размышляя о старости отца и о малой способности к царствованию его брата. Когда же после многих стонов источники слез у всех в сердце пересохли, все, хромая на ту или другую ногу, заболели недоверием к его брату Федору, который не хотел слышать о царстве. Споткнулся (Иван), а если бы не ранняя его смерть, думаю, что он мог бы при его молодой отваге остановить приближение к своей земле варваров и притупить остроту их вторжения: основанием для этого (была) его явная мудрость и мужественная крепость. После отцов он восстал на неприятелей, как новоявленный молодой инорог,[36] взирая яростным оком на неверующих, которые были соседями его земли с востока и с запада. Пылая кипящею юностью, он, как необъезженный и неподдающийся обузданию жеребец, не подчинялся никому и, свободно обозревая, пас такое стадо верных, а на тех (варваров) злобно дышал огнем своей ярости, бросая на них пламенные искры. Этот инорог по плоти

хотел сам, придя, как овец поразить их, уповая на бога и желая отомстить соседним с его землей варварам за причиненную ими некогда мне обиду. Всеми владычествующий (бог), кто подчиняет намерения царей своим судьбам, привел его под иго своей всемирной власти и не допустил осуществиться его намерениям, но как бы некоторой уздой удержал его пределом смерти, избрав для него лучшее; он позвал его к себе, чтобы на том свете пред его лицом он воевал с врагами невидимыми и видимыми вместе с царем Константином[37] и сродниками своими, двумя братьями Владимировичами (Борисом и Глебом),[38] и с другими такими же, объединяясь на защиту отечества; всемогущий повелел ему вооружиться (на борьбу), передавая в настоящем (веке), вместо будущего, земное царство на несколько лет брату его Федору, что и исполнил чрез некоторое время.

А брат их был по виду ангел, а по толкованию его имени двоематерен[39] (Димитрий), названный так, когда находился еще в чреслах родительских. Когда царь, отец дитяти, по обещанию ради молитвы путешествуя на далекое расстояние[40] от царствующего города, возвращался назад на ладьях к своему отечеству (к Москве) с Бела озера, из лавры святого отца Кирилла,[41] по неведомому совету божию случилось неожиданно отроку из рук няни, погрузившейся в сон, упасть в воду, и тут ангелы взяли душу младенца. Поистине, это было ужасное, достойное слез чудо: тут не случилось никого, что невероятно. Разве мало тут было оберегателей? А это произошло единственно по промыслу (божию), ибо господь всеведущ, он творит судьбу дел рук своих и, как добрый строитель, промышляя о своих творениях, в себе самом скрыл свое неведомое определение.

Не просто было зачатие и рождение и того, названного „благодать",[42] который наследовал имя отца, ибо, как сообщается в записях, и его даровала родителям молитва. После смерти младенца, брата их Димитрия, когда отец их и мать оканчивали ранее описанное путешествие, (направляясь) к царствующему

своему городу и отечеству от пределов города Ярославля,[43] они по повелению царя переменили путь по воде и изволили двигаться к матери всех городов (Москве) по земному хребту. А когда достигли города Переяславля,[44] здесь, в лавре чудотворца Никиты, у его целебоносного гроба, совершили совместное прилежное моление. С горькими рыданиями и громким плачем, жалобно, громкими голосами оба вместе они святому, как живому, возвестили о смерти своего дитяти и о безвременной, совсем не царской его гибели, случившейся по божию смотрению; они, не стыдясь, возложили обличение своих грехов и беспримерную свою печаль и на нас после бога, могущего эту их печаль скоро переменить на радость. Восстав после молитвы, они пришли в святой город,[45] в дом своего царского достояния; утомленные путешествием и успокоившись немного от плача, по просьбе святого у Христа, явно их скорбь облегчающего, там они, заночевав, почили, и царь познал свою жену, как Адам Еву. Святой как-то чудесно явлением в ночи известил царя о зачатии сына, носящего имя благодати,[46] и потом, когда самодержец прибыл в царствующий город, в скором времени по естественному закону родился благолепный младенец, — святой радостию, как губкою, отер пот печали у царствующих. Несправедливо утаивать и следующее: когда в грудном возрасте младенец заболел и когда ради его исцеления со всей их земли были снесены в одно место (многие святыни) для молебного пения, посреди этого собрания бог, как сообщается в написанном житии святого, прославил своего угодника Никиту: вода с вериг святого чудотворца Никиты, освященная в сосуде, когда рука отрока была над нею протянута, тотчас же, среди прочих принесенных туда вод, вскипела. Дивное чудо! Тогда вместе с окроплением водою младенец исцелился, здоровье одолело болезнь, и от того времени до самых последних дней жизни святой во всех обстоятельствах защищал отрока. И по этой причине самодержцы, наполнив всем потребным, расширили (обитель святого) и общежитель-

ством и прочими милостями весьма почтили, — сравнили ее с великими лаврами,[47] хотя ранее она и не была такой, и, не отличая ее от лавры преподобного Сергия,[48] совершали в нее по временам свои путешествия. А отрок, по молитвам преподобного, из года в год укреплялся, приближаясь к совершенному мужеству, как о нем выше было сказано.

И вот из народов, соседних с нашей землей, безбожная Литва [49] узнала о соединившихся в нем горящей юности и силе мужества и о том, что он мог, раздражив неудержимое свое стремление смелостью, нанести ей всякую досаду; так как земного владыки у них тогда не было, — он был выведен из жизни смертью,[50] — они (литовцы) хитро придумали вымолить у его отца, а нашего царя, чтобы он отдал им и земле их его, храброго и мудрого старшего сына, чтобы он господствовал над ними. Но божий суд воспрепятствовал их истинному намерению и тому, кого они просили, определил нескончаемый век и даровал ему не временное и тленное царство, не один лишь угол, а все небесное царство, как пишется: „про́сите и не получаете, потому что про́сите не на добро". Другие же говорят, что просьба тех была о брате того Феодоре.[51] В день же смерти старшего брата вся природа, по повелению божию, соболезновала земнородным, даже самое солнце воздух покрыл мраком, рыдая вместе с множеством людей и, как капли слез, выливая воду из своих недр, при виде царя всех православных,[52] сошедшего в гроб. Ибо тогда угасла великая и пресветлая свеча мира, (муж), на заступление которого можно было надеяться; другого нам такого единорога [53] во плоти после него не оставалось, поэтому и народы соседних земель не менее, чем смерти отца, прекращению его жизни рукоплескали, — они ликовали, как в свой праздник. А нам остался только второй родной брат его, который был для нас после него молитвенной опорой,[54] на которого прежде в стране все мало надеялись, страдая неверием (в него), как я выше говорил, потому

что у него не было „брани против плоти и крови“, — по писанию,[55] но неприятелей своих он одолевал молитвою. И настолько помогала ему сила молитвы, что ею он привлекал на себя милость божию; и нечто даже более чудесное приобрел он в дарах добродетелей, именно — часть дара пророческого, если и не очень явно, но достаточно осведомленные знают; некогда, при его жизни, страшно было осмеливающимся приступить к нему, не очистив совесть, хотя он по-божьи не обличал согрешающих. Если кто, зная это, теперь с верою призовет его в молитвах, — не согрешит, и я первый из всех не поленюсь (это сделать). Ибо во дни его (правления) десница творца мира (бога) лучше всякой человеческой надежды самостоятельно управляла и сохраняла его царство.

[5]. О брате царя Ивана Васильевича, князе Владимире Андреевиче Старицком[56]

Был у него (Ивана Грозного) двоюродный брат по плоти, сидящий на своем отеческом достоянии — уделе; его рабы оклеветали его пред ним (царем) совершенно ложным доносом, — говорили, что он желает царства — великого достояния брата. А он, распаленный на него гневом, поверил клеветникам, утвердившись на мысли, что это действительно так; он не разгадал лукавого совета и, как лев, встретив его где-то на пути, умертвил своего брата, напоив его ядом вместе с женою и сыном,[57] — все они принуждены были выпить горькую чашу смерти по повелению его руки. А он, сделав (это), как бы некий приятный уловив лов, вместе с убийцами радостно крикнул голосом, разнесшимся в воздухе; а всех рабов его дома, кроме доносчиков, предал различным мукам, всячески бесстыдно надругавшись над женским полом. Так как это благочестивым (царям) творить

было несвойственно, то и здесь говорить нельзя о том, что не подобает; поэтому и я не смею дерзкими словами раскрыть весь стыд его венца и рассказал кратко прикрытыми словами. А так как он не только самого своего брата, но и его наследника (сына) предал той же смерти, как бы выкопал из земли и корень и его отросток и выбросил (его вон), оставив род того без наследника, то кровь их, как кровь Авеля на Каина,[58] до вечности будет вопить (на него); а так как отрок принял смерть вместе с родителями, то ясно, что вместе с ними он был и увенчан. А ту часть земли, которая им принадлежала, державный присоединил к своему великокняжескому владению и назвал своим именем. Больше в обличение убийства своего брата, чем в память его рода, одну только дочь, еще младенца,[59] оставил, как наследницу, не имеющую наследства. После он ее, явно ради отца, устроил, обручив с некоторым еллином[60] и выдав замуж за славного короля, — по лживому притворству, как будто за господина, по правде же — за нечестивого и худого, так как не захотел бы за такого выдать свою дочь. А он отсюда (из России) увез ее в землю единоверных с ним. И когда муж ее там скончался, в наставшее для этого время, поборник благочестия, сын того великого царя, после него царствующий, избранный Христом богом Федор, во дни пресветлой своей державы, после смерти ее мужа, найдя ее, из той нечестивой земли призвал в свет своего благочестия, приведя ее с прижитою там ее дочерью опять в свое наследованное отечество, в прежнюю веру. И по ее желанию, постриг ее в монашество и поместил в некоторой общежительной лавре[61] вблизи от своего обычного царского путешествия, снабдив ее из своего достояния, чтобы она жила вместе с инокинями в одном стаде, в ограде словесных овец. Там он наблюдал за нею, часто утешая своим святым посещением, снабжая всем потребным, не забывая родства (с ней) и восполняя этим грехи своего отца до дня своей смерти. А дочь ее вскоре умерла, приняв св. крещение по чину родителей.

[II]. БЛАГОЧЕСТИВОЕ ЦАРСТВОВАНИЕ ПРОСЛАВИВШЕГОСЯ ПОСТОМ ГОСУДАРЯ ЦАРЯ И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ФЕДОРА ИВАНОВИЧА ВСЕЙ РУСИ

После первого брата остались два брата, — одного отца, но однако разных по плоти матерей, — они оба в одно время потеряли отца.[62] Старший из них, по толкованию, получил имя „божьего дара“[63] (Федора) и по данной ему благодати был весьма благочестив, преуспевая как телесным после отцов благородием, так и еще более душевным, потому что сохранил свою первоначальную (чистоту), подражая во всем добродетелям матери. После отца он остался уже в совершенном возрасте и еще при жизни отца сочетался браком с супругою,[64] а после смерти отца стал наследником всех царств родительского престола. После отца он без малого четырнадцать лет царствовал тихо и безмятежно, потому что во дни его правления земля не подвергалась нашествию врагов и пребывала в покое, в изобилии и в мире со всеми окружающими, как (Иудея) во дни Соломона, мирная, не знавшая войн с врагами, кроме внутренних народных волнений. При полном мира жительстве воины шлемы свои „расковали на орала и мечи на серпы“, как пишется. Своими молитвами царь мой сохранил землю невредимой от вражеских козней. Он был по природе кроток, ко всем очень милостив и непорочен, и, подобно Иову,[65] на всех путях своих охранял себя от всякой злой вещи, более всего любя благочестие, церковное благолепие и, после священных иереев, монашеский чин и даже меньших во Христе братьев, ублажаемых в евангелии самим господом. Просто сказать, — он всего себя предал Христу и все время своего святого и преподобного царствования, не любя крови, как инок проводил в посте, в молитвах и мольбах с коленопреклонением — днем и ночью, всю жизнь изнуряя себя духовными подвигами. После предков он явился в благочестии великим и усердным почитателем икон, подражателем благочестивому житию юного царя

Феодосия,[66] ревновал всем, кто управлял царством благочестиво, как второй Иоасаф Индийский:[67] тот в пустыне, а этот на царстве, тот на высоте монашеского подвига показывая венец царства, а этот, тайно внутри себя (в душе) совершая иноческие подвиги, скрытые диадемой. Монашество, соединенное с царством, не разделяясь, взаимно украшали друг друга; он рассуждал, что для будущей (жизни) одно имеет значение не меньше другого, (являясь) нераспрягаемой колесницей, возводящей к небесам. И то и другое было видимо только одним верным, которые были привязаны к нему любовью. Извне все легко могли видеть в нем царя, внутри же подвигами иночества он оказывался монахом; видом он был венценосцем, а своими стремлениями — монах, при чем второе не смешивалось (с первым) и не показывалось явно, и этого доброго стремления и любви к богу не могли остудить ни жизнь с супругою, ни высота самого царского престола, ни великое изобилие благ, связанных с самодержавием.

Одним словом, соединив все вместе, — и земное царство, и все удовольствия мира, — он все это решительно отверг и отряс с себя и всему предпочел бога, ревностно стараясь (подражать) святым, а все обольщение своей власти передал давно завидовавшему ему рабу,[68] который этого ожидал в течение многих лет в тайных движениях сердца, хотя для всех явно. — Насколько кто старается подняться на высоту, настолько и большее падение испытывает; так, все мы можем видеть небесную высоту, но не (все можем) ее достигнуть. Или свет солнечного луча здоровыми глазами мы воспринимаем, насколько кто может, но подняться к нему и взять этот светлый луч невозможно; да и видеть его могут не все, а насколько кому дано. Это также указывает на их горькое падение. Но время все тайное выводит на свет; в последующих словах будет рассказано о падении, которого он (оказался) достоин, — а здесь нужно подобающими словами закончить рассказ о „святопомазанном“ царе Федоре.

У греков первым христианским царем был Константин,[69] а в великой России закончил (ряд законных царей) этот Федор Иванович, поистине благочестивый самодержец; он своею жизнью запечатал весь свой род, подобно тому как Иоанн, сын Захарии,[70] был печатью (т. е. последним) всех пророков. Если это и смело здесь сказано, и к тому не приложимо, но (это сказано) ради его великого благочестия. И если любящие упрекать начнут об этом спорить, во всем прочем мы не будем сопротивляться их воле, так как у писателя об этом не одно слово, но в этом сейчас нет нужды.

Некоторые говорят,[71] что лета жизни этого живущего свято в преподобии и правде царя, положенные ему богом, не достигли еще конечного предела — смерти, когда незлобивая его душа вышла из чистого тела; и не просто это случилось, а каким-то образом своим злым умыслом виновен в его смерти был тот же злой властолюбец и завистник его царства,[72] судя по всем обличающим его делам, та́к как он был убийца и младшего брата этого царя.[73] Это известно не только всем людям, но небу и земле. Бог по своему смотрению попустил это и потерпел предшествующее (убийство), а он рассудил в себе (совершить это второе убийство), надеясь на наше молчание, допущенное из-за страха пред ним при явном убийстве брата того (Федора), царевича Димитрия. Так и случилось. Знал он, знал, что нет мужества ни у кого и что не было тогда, как и теперь, „крепкого во Израиле“ [74] от головы и до ног, от величайших и до простых, так как и благороднейшие тогда все онемели, одинаково допуская его сделать это, и были безгласны, как рыбы, — как говорится: „если кто не остановлен в первом, безбоязненно устремляется и ко второму“, — как он и поступил.

Знатнейших он напугал и сделал несмелыми, менее знатных и ничтожных подкупил, средних между ними не по достоинству наградил многими чинами, как и сам он был не достоин царствования. Думаю, что здесь грешно умол-

чать и о том, что не меньшую тяжесть мук, которые суждены этому цареубийце, понесут в будущем и все, молчавшие пред ним и допустившие его сделать это. Богом это не забывается, хотя он и долготерпелив к нам, если их грехопадение не покроется исправлением и разными видами покаяния. Эти люди и сейчас живут среди нас, как и я — увы! — описывающий это. Хотя я среди всех людей по ничтожности своей все равно, что среди песка одна раздробленная песчинка, все-таки я нигде не могу укрыться от очей божиих и остаться ненаказанным, потому что его руки, живой или мертвый, я не избегну, как и все другие в этом участники. „Вся тварь объявлена и нага пред ним", по писанию, — „создавший око, оком не смотрит ли?" и прочее. Он даже и до волос испытывает прегрешения всех. А сколько и что̀ о том не досказано, то есть об убийстве двух братьев и о царях, — незнающие, чтобы убедиться, пусть прочитают эти книги, а мы опять вернемся к прежде сказанному.

Осененный святостью царь Федор оставил после себя отеческое царство без детей и без наследника, никем не возглавленное и безродное, так как тот убийца (не дал) мере его жизни окончиться самостоятельно, чтобы хотя малое зерно своего семени он оставил нам в наследство. Он за всю свою жизнь прижил одно только дитя — дочь, и ее, еще находящуюся в пеленах, невестой Христа послал прежде себя как молитвенницу в небесное царство, чтобы приготовить там на небе себе жилище. А его, великого, супруга, после него умилительно, как крепко закованная голубка, подобно горлице, разлученной с другом, или как душа, насильно отделившаяся от тела, после многого плача и рыданий, которые достойны были слышания, из царских чертогов ушла в монастырь, удостоившись великого ангельского образа.[75] Проведя после мужа шесть лет подвижнической жизни в посте, соединилась, надеемся, с богом венчанным с ней супругом и с своей благородной и благословенной (дочерью), младенческой отраслью царского святого произрастания; они увидели

ее в недрах Авраама[76] вместе с незлобивыми младенцами, избиенными Иродом за Христа,[77] и все они вечно вместе веселятся в том царстве, где нет зависти.

А другой брат этого благочестивого царя Федора, очень молодой отросток — ему после отца наступил только второй год от рождения, — по смыслу его имени (названный) „двоематерен", так как при наречении получил имя (Димитрия) мироточца Селунского[78] и был ему отчасти сострадалец и совенечник, — еще в пеленах увенчан был от бога быть после его брата царем миру; если и не этого чувственного царства, но был намечен богом стать нам царем. Думаю, что из-за одной этой крови, со времени его смерти, во все эти годы доныне земля Российская потрясается всякими бедами,[79] и (пролитая) кровь одного господина отмщается кровью многих; из-за того, что люди молчаливо под страхом допустили (свершиться) преступлению цареубийства и за прочие, совершенные нами, злодеяния вместе все мы казнимся, принимая суд божий.

Был из синклита один ближний у царя,[80] он имел сестру, а она была женой вышеупомянутого благостного царя Федора; в писании нет толкования имени этого ближнего,[81] — ясно, что из-за богоненавистных его дел оно не было от бога вписано в книгах жизни. Был он злоковарен и лукав, под личиной милости скрывая от всех злобу своих дел; лютостью своей, скрывая свою злобу, он превосходил всех благороднейших его в царстве; он всех обольстил настолько, что впоследствии, благодаря этой многой лести, достиг и высоты царства, о чем следующее слово о нем скажет. Он царскую отрасль, данную богом в наследие миру, из назначенного ей прародительского наследия изгнал, закопав как бы огненную искру в пепле, без милосердия отправил его в некий город в ссылку вместе с матерью его и с родственниками его по матери.[82] Городу тому имя было Углич,[83] от царского города он отстоял менее 200 верст по направлению к северу (и стоял) на берегу Волги. Нашел он и время для своего злого умысла, и тай-

ного себе соумышленника, из злых самого злейшего, некоего Луппа,[84] собрата себе по нраву и делам, имя которого значит волк, — такое имя он получил по делам. Ради получения царства он воспылал из зависти, подобно Ироду,[85] сильной злобой, и когда он решился на убийство младенца, то этот, как непорочный агнец, принесен был в жертву богу, когда возраст его был равен двум четверкам и 8 дням (по словам матери). Восьми лет он, руками согласившихся на злодеяние, был зарезан ножом пред глазами родной его матери.[86] Как не распалась ее утроба из-за случившегося? Одной ей, его родившей, были известны тогда ее страдания. Ибо вышеупомянутый злой раб, лишивший незлобивого (младенца) земного царства, замыслил с тайной лестью его себе присвоить, что и исполнил, думая, что из-за видимого не будет лишен и небесного царствия, и бога так же обманет, как и людей. Но не только от бога, но и от людей не утаилось все задуманное им. Убийцы, дерзнувшие на это,[87] сами не могли никак избегнуть смерти от жителей того города, и в тот же час с невинным младенцем на том же месте многие были убиты, и псы лизали на тех местах кровь грешников, дерзнувших на убийство. А он, не удовлетворившись кровью государя, прибавил к ней и (кровь) рабов, пролив ее путем кровавых мук: горожан, дерзнувших (убить) посланных им убийц государя, со всеми домашними погубил тайно от царствующего над нами благочестивого Федора, — одних за пределом всей земли в ссылке, заточив в темницы, уморил, а большую часть других из них повелел на пути насильно удавить. Родных же и родственников убитого по матери истерзал злейшими муками и также жестоко разослал[88] в ссылку на крайние пределы земли в различные места; и самую мать облек в образ иноческого смирения, в монашество, где, как бы уединяя ее от света, и поселил ее у раба,[89] в месте, где не было никакого утешения и мало покоя; ее с ее рабом Гришка расстрига,[90] придя, оттуда освободил и назвал своей истинной матерью к еще большему соблазну

мира, что действительно и было. А потом, попущением божиим, не только весь род убийц, но и все их племя, хотя некоторые и далеко были, Борис всех тогда нашел, наградил богато имениями и разнообразно (по своему усмотрению) щедро одарил.

А когда такое известие о безвременной смерти брата достигло слуха старшего брата Федора, тогда царь, понуждаемый природой к подвигу сожаления о брате, сильно застонал от скорби и в слезах испустил слова умиления, какие приличны родству их (братьев) и царскому разуму, украшенные премудростью, могущие, дойдя до слуха людей, всех, тут находящихся, подвигнуть к неудержимому плачу, когда все люди услышали, что их господин умер такою горькой и безвременной смертью; но, боясь запрещающего взора убийцы, от слез удержались. Тотчас царь, прекратив плач, приказал немедля произвести внимательное следствие о случившемся. Им посылается один из священных лиц — Сарский митрополит, и с ним из синклита очень знатный вельможа[91] в место, где святая душа царевича, не ведающая зла и не познавшая греха, насильно была отделена от его благоуханного тела, и где излилась кровь нового мученика, как (кровь) другого Авеля и Глеба,[92] убитых из зависти родными братьями, один — из-за жертвы, другой — ради царства; но они были убиты братьями, а этот рабом. Посланным приказано было после следствия спешно возвратиться к пославшему; но, однако, больше, чем царского повеления, посланные устрашились виновника убийства, покорились — несчастные — его воле и, что угодно было убийце, то, возвратившись, и доложили царю, первосвятителю и всем, как под страхом научены были губителем. А к этому не побоялись еще прибавить злую и лукавую ложь на неповинного; не убоявшись бога, при царе и патриархе, при всем синклите и многочисленном собрании тот убийца, желая хотя немного утвердить сочиненную ложь, сам виновный пред царем, патриархом и прочими, посреди собора перенес и воз-

ложил такую вину на самого младенца, сказав, что он сам, играя, закололся.[93] И приписал ему тяжкую болезнь, говоря, что, как некоторые, так и он страдал исступлением ума и впадал в оцепенение телом; он говорил, что тогда наступил у него такой час. К тому же и святитель, и вельможа, возвратившиеся с места убийства и прельстившиеся земными (благами), подтвердили, наученные этому, слова убийцы своим свидетельством; тогда решили, что было так, как он говорил. А после этого, когда пришло время, свидетельствовавший ложь вельможа, думаю, что из-за попущения (нами) той (лжи), был царем всей России.[94]

А выше названный убийца так был силен в управлении царством, что не захотел тогда подчиниться воле над всеми царствующего, чтобы хотя после смерти перенести мощи убитого младенца оттуда, где они были и где он был зарезан, в царствующий город и погребсти их вместе с его прародителями, но, оставив незлобивого младенца там, где он при смерти пролил свою честную кровь, там же (приказал) засыпать землей и предать земле без славы, совершив над ним погребение, как над простолюдином, и не выполнив над ним того, что подобает царю. Даже и после того, как младенец умер, властолюбец-злодей враждовал против праха его, — из этого дела́ и мысли этого убийцы стали известны. Убийца страшился его так же, как Ирод Иоанна,[95] и боялся, чтобы убитый не обличил греха чудесами, когда из ссылки будет перенесена в отечество (Москву) св. гробница с его (царевича) нетленным телом, ради того, чтобы положить его с отцами и сродниками. (Он боялся), не будет ли он пред всеми явно уличен в том, что утвердилось в его мысли, в задуманном им стремлении к царству, и не будет ли от народа какого-нибудь препятствия и запрещения его желанию, если все люди, увидя безгрешную и неповинную кровь, умилятся, и его, злого властолюбца, возненавидят, и то, что он хотел сделать, откроют, и исполниться его злому умыслу не попустят. Из-за этого ему, окаянному, как и Иуде, объятому

сребролюбием,[96] омраченный ум его не дал разуметь, что угодно богу. И если бог захотел бы тогда обличить его дерзость, мог бы на всяком месте задуманному им как-либо помешать и не допустил бы его и начать убийство, но он перенес суд над этим убийцей в будущее, чтобы в день суда, пред ангелами и всей вселенной, обличив его, предать вечным мучениям.[97] Когда же пришло время, — при царе Василии, о котором упоминали раньше, еще прежде этого, — святой ковчег тот одним пришествием своим в царский город совершил двойное действие: первое, — он сам собой обличил Борисову рабскую смертоубийственную дерзость и недостойное Борисово воцарение, второе, — посрамил присвоение Гришкой расстригой его святого имени; одним пришествием своим тогда святой двух лжецарей обличил.[98] (Обличил) и прочих, после этих, на то же дерзающих и, как разбойники, пытающихся вскочить на его отеческий престол, людей, происходивших от весьма неблагословенного корня, не от избранных людей, но от скопища страдников, безымянных, ничтожных и самозванных.[99] Так же, как дикая маслина, они к доброй маслине по происхождению своему никак не могут прилепиться, но пропадут, как дым, рассеявшийся в воздухе; подобных он даже и теперь не переставая обличает. А источающее чудеса и непричастное тлению тело страстотерпца и нового мученика в раке, при гробах отцов, как на светильнике, всем светит и исцеляет и сейчас всякий недуг тех, кто с непоколебимой верою и чистой совестью к нему приходит, и отечество свое сохраняет от нападения врагов, и всех, изменивших ему, обличает своими чудотворениями.[100]

Кто мог предположить, что такой, как и вы все читающие знаете, благочестивый и благословенный богом и святыми его род, укоренившийся и утвердившийся на царстве в течение многих лет и до событий последних лет не страдавший бесплодием, ныне без наследника прекращается и кончается! И такой части вселенной под небом, такому как бы другому Риму, — всему православному царству остаться совсем без наследи-

ков?[101] Ибо никогда в течение долгих лет и доныне отеческие корни не прекращали, по естественным законам, производить (молодые) отрасли, чтобы никогда из отеческих чресл не переводились царские стебли для наследия в таком отечестве; но за первыми следовали другие, как прекрасные и плодоносные, посаженные дома, молодые побеги, не прекращаясь из рода в род; и не доведен бы был до последнего, если бы ради зависти к царству не искоренен был тех род от близко находящихся злых рабов, преступивших крестную (клятву), когда бог попустил это за наши грехи и когда мы из-за робости умолчали и не обличили (их). Ветви рода того (распространились) от моря и до моря и даже далее их, как сказал пророк,[102] а теперь все высохли; „я дал вам царя, сказал бог, во гневе моем и отнял в ярости моей“. Не знаю, есть ли под небом другой такой благочестивый во всем и православием сияющий мир, как этот, на котором солнце видит и всю землю, и море.[103]

От сильного желания, чтобы пребывали законные (цари), и имея в памяти установления высокой царской власти, как бы упившись тогда множеством скорби и силой этого горя, душа у державной (Марии Нагой) была безгласна, и, будучи вне себя, она казалась как бы бездушной (мертвой). И пусть никто в простоте не подумает и не предположит, что это такая же скорбь, как и у нас, худых, когда по естеству (она) проявляется; — нет, она так несравнима мерой — как в печалях, так и в радостях, — как капля дождя (несравнима) со всей великой пучиной моря; такое же имеется различие в том и другом — в скорбях и радостях — у имеющих власть и у подчиненных.

О справедливо царствовавших над нами, прежде бывших царях, — а не о тех, которые были после них и по допущению божию (носили) имена их,[104] — о высоте их сана, а вместе и о жизни их, совсем неудобно никому из людей — ни о словах их, ни о делах, неодобрительно о них отзываясь, — чрез писание распространять дурное, если они в своей жизни что и сделали несовместимое (с их саном) и погрешительное; но

только то, что относится к их славе, к чести и похвале, — только это одно следует объяснять и излагать в писаниях на память будущим ревнителям. Прежние писатели привыкли рассказывать о таких делах тщательно и осторожно и нас (этому) научали. А то, что в них было недостойно, — совмещать с прочим неудобно и не есть дело человеческой силы, потому что таких судить может один бог, который над всеми; тот знает о всех все, не только явное, но и сокровенное, открывая и тайные мысли, и какие в уме были намерения сотворить грех, и все советы сердечные он обнажит в день суда и выведет на свет; ибо он может каждого по его делам или наградить, или предать вечным мучениям; а о других и о тех, которые без благословения и незаконно наскакивали на царство, ясно, что для них будет отдельный от благих суд. Думаю, что и писатели, которые умолчат и не обличат их нечестие, одинаково с ними будут истязаться.

[1]. О смерти государя царевича Димитрия Ивановича в 99 (1591) году и о приходе крымского[105] (хана) под Москву, и как Борис Годунов с боярами, воеводами и войском в обозе[106] стоял против него; и как крымского хана бог победил, и он из-под Москвы побежал; и как Борис, взяв с собой бояр, ходил из обоза в Москву и мешкал в городе три дня, чтобы хан подальше ушел, а все войско дожидалось в обозе; и (как) спустя три дня, взяв все войско из обоза, ходил Борис из Москвы, сказав государю: гнался за царем (ханом) до Серпухова[107] и разбил (его). Тут же о пожаре за Неглинной, (устроенном) Борисовыми поджигателями. Все происходило в одно время, в том же 99 (1591) году, в одни недели и дни

В то время, когда после семи тысяч шел 99 (1591) год[108] в самой благочестивой державе, и когда шел седьмой год от помазания на царство преблаженного Федора Ивановича, государя всей Руси, по попущению божию, три несчастия

тогда вместе случились у нас к нашему искушению. Первое, — как бы убийственною рукою Ирода, неправедное заклание рабом незлобивого отрока царского племени. Второе зло — внезапный пожар от поджога, испепеливший бо́льшую часть всей столицы и дома богатых жителей, обильно наполненные всем необходимым, находящиеся на той стороне реки Неглинной.[109] Кто не знает, как угли всех домов, от страшного огня обратившиеся в пепел, были развеяны по воздуху? Это было задумано тем же (Борисом) и сделано по его повелению: он не побоялся бога сделать это в самый полдень, когда солнечная теплота жгла, как бы свыше помогая неудержимому яростному пламени, показывая (этим) злобу виновника пожара. Знающие рассказывают, что тогда от ярости огня многие рождающие (матери) вместе с младенцами сгорели, потому что это было сделано внезапно, во время полуденного сна, по-мучительски, чтобы из них ни один не спасся; поджигатели, посланные тем повелителем, везде в одно время в разных местах зажигали огонь, так что жившим тут не было возможности куда-либо убежать. Третье зло — татарское нашествие самого пришедшего с востока нечестивого царя,[110] осмелившегося дойти даже до внешних укреплений моего города, так что такой наглости никогда не бывало.

Итак, два бедствия (произошли) от властолюбца Бориса, а третье ниспослано по небесному смотрению, но и первые два (случились) не без промысла (божия). И хотя державный Федор, благочестиво и пресветло над нами царствующий, богател своими добродетелями, но не мог, при случившихся несчастиях, один покрыть своим избытком нашу скудость и недостаток в добрых (делах); таким образом и бывает, что добродетель одного не может покрыть грехи всех людей и „никто не украшается чужими делами“, как сказано в писании, но чьи труды, тех и дары; честь и венцы принадлежат победителям, — в божественных писаниях много подобного сказано для указания (нам). Но так как мы и убиение непо-

винного младенца-царевича, и напрасное истребление огнем всего города, не желая, все перенесли, как бы ничего не зная, покрывшись бессловесным молчанием, — то этим попустили зложелателю до конца стремиться и к дальнейшему, как и теперь в наставших (обстоятельствах) мы, как немые, (смотрим) на случившееся.[111] Об этом довольно.

А приход безбожного татарина[112] и приближение его к царствующему городу было напрасным и для нас совсем безвредным ради явного заступления вседержавной христианам на врагов помощницы, когда сын ее по ее ходатайству исполнил молитву после святых своего угодника, „миропреподобного" государя нашего Федора, истинно верующего царя. Ибо (он) устрашил, я знаю, нечестивого и тех, которые были с ним, ночными чудесами: со всех каменных стен, ограждающих крепость, — громом пушек, разбивающих города, так как их слух не привык к этому — к огненной пальбе и громогласному, ужасному грохоту со многими отголосками, в дыме и сверкающем огне, — убивающим многих и звуком, до основания колеблющим землю и потрясающим небо.[113] Из-за этого пришедшего царя (хана) объял трепет и страх, (пройдя) в его кости и душу, и он ночью со всем войском поспешил бежать назад, гонимый при всем его страхе невидимыми преследователями, так что после бегства в течение той ночи он оказался далеко от города, называемого Серпухов, по ту сторону быстро текущей в своем яростном устремлении славной Оки,[114] которая всегда быстрым и глубоким течением своим, как преградой, препятствует наглому нападению на нас. Она от века премудро положена нашим создателем, как немалая защита от варваров, неудобная для перехода стена; она обтекает с юга, где она простирается, большую часть земли нашей и, опоясывая ее как бы поясом, течет быстро, обнимая отведенную ей меру земли, всячески всегда препятствуя врагам переходом чрез ее ложе (нападать) на нас; для них, кроме других трудностей, не безопасен был и переход чрез нее сюда и туда.

Татар, пришедших пленить нашу землю, мы отогнали от столицы не одним громом огнестрельных орудий, сильно устрашив их; но вместе с этим, в то же время, сотворено было тогда богом и другое чудо, так как в тот же час, когда напал на них страх, бог вложил в мысль одному благочестивому воину, взятому в плен во время их прихода к городу и ими задержанному, обмануть их, когда они с принуждением допрашивали его: „Скажи нам, — говорили они ему, — ради чего видим мы в эту ночь в городе такое подобное молнии блистание из орудий и огненный бой, яростно против нас выпускаемый? Какая столице и затворившемуся в ней царю внезапно вдруг случилась радость? — сообщи нам!". Так они сказали ему и вместе с этим вскоре и мукам его подвергли, хотя и не тяжелым. Он же, будучи благоразумен, зная по закону православия, что ради благочестия не напрасно в мучениях и бо̀льшую претерпеть боль, укрепляемый богом чрез доброго приставленного к нему хранителя ангела, — насколько скоро мог обнять умом то, о чем его спрашивали, — сшил словом разумно нужную для этого времени „грехопростительную" ложь, полезную осажденным в городе для освобождения; уповая на Христа, он сказал врагам в надежде, что они этому поверят: „радость в городе из-за того, что из западных стран, из земель Новгородской и Псковской,[115] согласно ранее посланным царем приказам, на помощь ему, соединившись вместе, быстро вошли в город многочисленные вооруженные войска, которых царь и жители города с нетерпением ожидали". Когда неприятели услышали это от сказавшего и вместе с известием еще более уверились в этом благодаря тому, что̀ ночью видели они своими глазами, — то в ту же ночь, не дождавшись дня, устремились, как сказано ранее, в настоящее бегство. Они исчезли, подобно тому, как обильно вылившиеся из облаков воды, как будто и не было их прихода и ухода. Об этом пленный узник, убежавший с дороги к своим, все подробно, будучи спрошен, нашему царю рассказал; к этому не забыл сообщить

и то, что̀ возможно было ему увидеть и что̀ он понял из слов разговаривающих о делах, за то время, когда он был у врагов.

Наше православное ополчение, все войско земли нашей стояло тогда на некотором месте вблизи внешних укреплений самого великого города, по ту сторону Москвы-реки; оно называлось попросту — обоз, а по древнему названию — „гуляй“.[116] По внешнему виду этот (обоз) был похож на деревянный город, сделанный из тончайших досок и для защиты верных имел устроенное подобно городским стенам ограждение, наподобие щитов. Каждая часть этих ограждений имела в длину меру в три локтя или несколько более, а в высоту — протяжение в одну сажень; эти части были сомкнуты друг с другом, как разные члены животных телесными жилами, а между собою связаны были скреплением железных цепей. А переход этого (обоза) с одного места на другое был устроен (наподобие) пешеходного движения: когда ему нужно было итти — он шел, а когда надо стоять — стоял. А двигался он на колесах; внутри по всей его окружности, как в колесницу, впрягались ослы, и силою их, везущих, (обоз) двигался на то место, на которое слово начальника над войсками и их расположением приказывало двинуться или (где) встать; а все животные в нем были совсем невидимы для глаз вне находящихся. По объему же внутри он имел такую величину, что и большую рать со всем для нее необходимым мог вместить в себе и затворить, и множество оружия, сколько было нужно. А для прямого сопротивления врагам выход на сражение нашим двигающимся в полках силам был свободен с каждой его стороны, потому что, смотря по надобности, когда наступление врагов было соразмерно (нашим силам), — открывалась стена; если же нет, тогда они спешно отступают назад, под его защиту; они могли понемногу двигаться, недалеко отодвигаясь от стен, имея у себя за спиной как бы прилепленную к ней защиту, в то же время они имели возможность выходить и не выходить, по

воле управляющих, в том случае, когда наступит удобное время; а отходят они от ограждения настолько, насколько наблюдающий за всем происходящим по своему разумению времени им укажет. Прочность же его внешнего строения такая: он может задерживать пущенные из лука стрелы, защищая от вреда, приносимого ими, и отлично притупляя их, но только их, а не иные, хотя бы и мелкие огнестрельные снаряды; тем более не может защитить от тяжелых орудий, начиненных сильно взрывчатыми веществами, (выстрелы) которых с многим огнем и клубами дыма подобны грому и страшному громогласному рыканию. Грозного приближения их, невидимо летящих по воздуху и разбивающих стены, сделанные из камня и железа, внешние тонкие стенки его (обоза) совсем не выдерживают, и тем более крупных: тонкую постройку его (обоза) они легко разбивают, как стекло, или, лучше сказать, как построенную из песка. Но если даже это умелое строение было полезно только в определенное время и при одних обстоятельствах, все же оно бывает очень нужно в таких случаях, так как тогда такой щит охраняет от бед.

Непосредственные очевидцы говорят, что мысль о построении этого искусного сооружения в начале принадлежала одному князю, по имени Михаилу, по прозвищу Ивановичу Воротынскому.[117] Им впервые придумано было это хитрое устроение; он был поистине великий советник (член синклита) при царе и властно приказывал сделать то или другое, особенно же в военном снаряжении, на основании слова самодержца, подтвержденного врученным ему на это приказом с печатью. В военном деле он, сказывают, во всем был весьма искусен; он смог премудро сделать такую защиту для охраны православных воинов от вражеских стрел, частое уязвление (которыми), подобное уксусу змеи, приносит болезни; устроитель этот жил и при державе ранее бывших царей.

Во время указанного ранее ополчения против неверных в той ограде были собраны вместе все великие благородием, главные правители всей державы; между ними же был и первый

правитель дел, тот завистник, который с того времени и ранее стремился мыслью к царскому месту: проявление этого его желания видно было и в скрытом образе и познавалось от дел, хотя и не обличалось. Все величайшие от древних времен столпы (князья), которые и без него все, от малого до великого, снаряжение, (необходимое) для настоящего случая, могли бы устроить, бездействовали, еще ранее охваченные страхом перед этим властолюбцем; они возвышались над ним только именем и местом, но не властью, а по существу совсем не имели никакой власти. — Подобно пчелам, когда они бывают около своей матки, они вокруг него (проявляли) чрезмерное прилежание, но он по природе был (подобен) льву, а они подчинялись ему из-за страха. Так один он преобладал над всеми ими, и тогда еще более усилилась над всеми его власть, честь и слава, так что и при самом царе все не боялись и не стыдились хвалить его чрезмерными похвалами, прославляя и возвеличивая его до того, что едва не сравнивали его с царем; от этого он еще больше укреплялся в своем желании. Око державного все это видело и слухом он сам (все это) слышал, потому что божественная душа его не нуждалась для всего этого в свидетеле или обличителе; однако, что думал обо всем этом царь, — был ли он, по словам некоторых, вне плоти или в теле, слушал или не слушал, — ясно узнать об этом или изведать глубину царского сердца простецам невозможно; неузнанное осталось и непостигнутым, — каждый знал только, что благонравие не допустит царя до злобы. Когда же святые уши угодного богу по плоти царя нашего, несомненно молящегося вместе с другими, в душе молящимися о царстве, не привыкшие принимать всякий ложный слух, получили достоверную весть о богопротивном царе, об отступлении его от города и для всех совершенно неожиданном далеком бегстве, — тогда тот любитель сана, с места, окруженного тем построенным вне города укреплением, называемым обозом, вошел не со всеми силами, а только с именитыми и вели-

ними, в город к нашему благочестивому царю. Все эти вельможи, сообщая патриарху и царю[118] о поистине богоподобном отражении нечестивого (хана), приписали все это человеческой славе, имея на языке славословие и умея истину претворять в ложь: они сочинили ложные слова, говоря, что именно тот (Борис) своим распоряжением отогнал нечестивого хана от царства (Москвы); этой лестью они указывали на незлобие царя и робость других, а на остальных не обращали внимания; эти (лжецы) хотели быть в милости у этого любителя славы и получить от него в награду всякие суетные (блага). И когда он, с помощью прислуживающихся льстецов, достиг желаемого, тогда все хранилище царских сокровищ, как обладатель, радостно, как бы играя и скача от веселья, потому что его хвалили, приказал отворить и (сокровища) вынести и, неограниченно награждая всех бывших с ним в укреплении, прежде всего удовлетворил своих словоласкателей, которые поощряли его смелее стремиться к конечному выполнению его желания, а потом наградил по чину и военных ратников настолько, насколько в поспешности успел.

Ради утверждения своей славы и раздачи незаконных наград, он (Борис), после бегства от города нечестивых татар и своего возвращения в город с места ополчения, три дня промедлил в городе. И когда он хорошо узнал, благодаря извещению, что (хан) бежал и не возвратится и что он за эти дни в последнем своем бегстве достиг города по имени Ливны,[119] тогда этот славолюбец, найдя в царствующем городе еще многих, ласкающих его желание и получивших от него награду, замыслил и даже сделал (следующее): приняв напрасную славу от людей, к первой ложной своей славе и новую приложил: (отправился) преследовать того (хана), как ветер, что делают обычно одни неразумные, допустив его уйти вперед из-за своего ненужного и нарочного промедления в городе. Да как бы он и не отпустил его? Против него, он, лживый храбрец, не мог во все время осады встать не огражденным! Он не захотел, не входя

в город, тогда же преследовать его из своего защищенного места, называемого обозом, пока тот еще не убежал далеко, — тогда храбрость преследователя бежавшего была бы очевидна. Он тогда не погнался за тем сразу потому, что видел свою трусость и знал, что если бы убегающий почувствовал преследующего за своими плечами, тогда, возвратившись, разбил бы непременно преследующего. О таких сам господь всех в св. писании сказал: „блюдитесь от псов“, и в другом месте: „да не разорвут вас, возвратившись“.

Но гоняющийся за славой не отложил своего скрытого намерения и, промедлив три дня в городе, ополчился опять и, поспешно собравшись на показ людям, вышел вслед за упомянутым ранее (ханом) и (дошел) до города Серпухова, а тогда едва уже слышно было, где находился тот, кого он преследовал. Таким образом он страхом омрачал (разум) людей; а мы и в этом повиновались ему молчаливо, как и в других (случаях). Возвратившись в царствующий город из этого притворного преследования, он опять начал прославляться похвалами, а правильнее сказать, — омрачаться льстецами: как паутина, плелась ему одежда славолюбия, ложь о победе его над ханом, — будто бы в том преследовании (хан) был побежден им. Но как поистине могло это быть, когда он, преследуя, и не слышал, а не только не видел его, разве только узнал о нем и поверил слуху, что он (хан) действительно ушел туда, откуда пришел, неся в себе непрекращающийся страх от того, что слышал и видел у города, когда стоял у его стен, а не ради „преследующего ветер“?

После возвращения гонящегося за славой из преследования варваров льстецы плели ему хвалу за хвалой, особенно же говорили, что именно он от царствующего города прогнал сыроядцев и, преследуя, преславно победил самого хана. Таким образом, ложную славу на многих хартиях с царскими печатями они разослали по многим городам (Российской) державы, наполняя слух внимающих сочиненными ими лживыми измышлениями, всячески усердно побу-

ждая всех людей к одной мысли: что он желает всех их любить, — чтобы не иное что, а задуманное этим наострителем исполнить и чтобы ему видеть себя не в мечтах только помазанным на престол всей славы. Почти явно и откровенно — словом, в посланиях и речах — это о нем распространяли, чтобы все живущие самостоятельно в тонком прикровении это о нем думали, а в самом царствующем городе всякими словами побуждали людей к тому же одному, указывая им на одни его добрые дела, кроме противоположных, всех склоняя к единодушной любви к нему. А тех воинов, которых прежде своего похода и вышеупомянутого трехдневного в городе пребывания он не успел вместе с прочими в спешке тогда наградить дарами, этих по возвращении еще больше различным образом обогатил, увеличив награды, как бы лаская всех за то, что ими побежден богоборный царь. Ради этого им (роздана) была различная мзда: одни были опоясаны славой сана, другие награждены чинами начальствования, третьи посажены властителями, чтобы повелевать другими, иные (награждены) изобильно золотыми деньгами, иные — множеством серебряных, иные получили сделанные из серебра и позолоченные сосуды, иные — прекрасные и дорогие одежды, иные — богатые имения. И всех, с ним бывших, всячески одарил, так что все одаренные им очень удивлялись такой наглой его щедрости. Смеясь в душе, они говорили: „мы не знаем, ради чего мы даром получили такие большие подарки, каких прежде много раз в службе раненые или даже положившие свои головы в смертных (боях) и даже знаменитые по происхождению не получали, да потом таких (наград) не может и быть, — это явное чудо!“ Правду всего этого все понимали, но скрывали это понимание в себе, не потому, что (получили) это суетное (богатство), но потому, что (видели), ради чего опустошаются царские ризницы: чтобы заранее все, как рабы, были им закуплены и (для получения) желаемого награждены. Так и случилось: если что и неестественное сделанное им увидят, о том беспреко-

словно умолчат; это и было, так как они пред глазами имели, как обличителя, эту обильную предварительную взятку, принятую ими в руки, и от этой мзды онемели их языки и закрылись уста, а все наши чувства главным образом от страха ослабли.

Но честолюбивый (Борис) под видом веры, ради явленного тогда богом истинного чуда, на обозном месте, где стояло православное ополчение всего войска, построил новый каменный храм во имя пресвятой богородицы, по названию Донской,[120] и устроил при нем монастырь, по виду ради богоугодного дела, а по правде — из-за своего безмерного тщеславия, чтобы прославить победой свое имя в (будущих) поколениях. Как в других подобных (поступках) он понят был, так и в этих, потому что на стенах (храма) красками, как в летописи, — что приличествовало лишь святым, изобразил подобие своего образа.[121] В этом его скрытом лукавстве из лести послужили ему в нужное время святители из духовенства: их сокровенные (побуждения) и лесть, и лукавство обнаружились потом наставшими временами. После построения и освящения церкви и после устройства монастыря он назначил в годовом круге определенный день, в который совершилось то победоносное и святое происшествие, и указал первосвятителю установить и узаконить обязательное хождение туда с крестным ходом и с честными хоругвями из года в год, как в настоящее время, так и в следующие года.[122] И во дни жизни повелителя это повеление исполнялось исправно, а что было после — будущее покажет и известит.

[2]. О пострижении Борисом царицы Марии, матери царевича Димитрия, после его смерти и ссылка ее из Углича

Надо сказать, что после убиения святого (царевича), подражатель Ирода Борис не удовлетворился только кровью одного его, но и родительницу неповинно зарезанного отрока

Крестьяне XVII в.

Из „Путешествия“ Олеария.

с ненавистью одел в монашеские одежды и против ее воли поселил в некий монастырь, (находящийся) в удаленных от этого места пределах, в месте пустом, непроходимом и безводном, лишенном всякого телесного утешения; и приказал заточить ее там в бедности, лишив того, что необходимо телу, и не только всего этого самого нужного, но и, по сравнению с рабами, — даже пищи, сосудов и одежд, и прочего, что необходимо было дать. Бывшую соправительницу того мирообладателя (Ивана IV) окружил во всем всевозможными лишениями, как жену простого мужа, совершил как бы второе после сына убийство его матери. Таких нужд не терпит и ничтожнейшая чета рабов, а тем более (вдовы) таких царственных государей. Ту, которую он убийством сына оскорбил, ее же кроме этого и в требуемом ограничил, причинив ей в жизни двойную печаль, (но зато) и себе приготовил муку, гораздо бо̀льшую той. Если бы даже, убив сына, он предоставил ей полный земной покой или если бы он — телесный враг ее — даровал ей все блага земного царства, которые немного ранее все находились в ее руках и были (от нее) неотъемлемы, разве все это могло сравниться с погублением царской души и разве бы тот тленный земной покой мог утолить такую печаль ее о сыне? Здесь ее не могла развеселить никакая радость, тем более присоединение лишней досады к материнской скорби об убийстве. В таких недостатках она прожила там от насильственной смерти сына — его убиения в 99 году до года 113, когда после смерти ее мучителей возведен был на царство Расстрига; потому что им она оттуда с честью опять возвращена была, как бы из Египта в обетованную землю,[123] в царствующий город, когда он, домогаясь царства, злонамеренно назвался ее сыном. Но об этом подробнее будет рассказано в своем месте и порядке.

Где те, которые некогда говорили, что Борис неповинен в убийстве царского дитяти и что он не завидовал ему как наследнику царства? И ужели его повеление о законопре-

ступном убийстве не обнаруживается из того, что его злоба не потерпела тех многих граждан, которые во время убиения подняли свои руки на убийц и не пощадили их? Ибо одних, за такую их дерзость, что они убили убийц царевича после его заклания, он пытал и предал различным мукам; других — после мучений отправил в заточение в западные земли, где солнце, заходя, садится, а иных уморил всякими бедствиями и оковами, когда они тяжелым путем шли туда. И если бы они не против его воли поступили так с убийцами, то и он вместе с ними так же бы поступил с убийцами государя, — он имел полную власть на то, чтобы не только их замучить, но и родственников их справедливо наказать, если бы не было от него повеления с их противниками так поступить. Род и племя убийц царевича, которые исполнили его волю, он не только не предал казни или чем-либо немного наказал, но, найдя всех их, руки их наполнил наградами, имениями и многими дарами. Он тем, и не желая, показал миру свое действительное сожаление об убийцах, когда ради этих самых убийц, родных их, достойных казни, сделал богатыми. Для находящихся в стране были такие законные и справедливые обычаи: ради достойных дел родственники лиц, прославившихся победами и благочестиво умерших, должны были получать подобающие дары; а он, в противность этому, награждал племя, делавшее зло, а тех скорых мстителей из народа, которые не стерпели зрелища убиения своего господина и, (не считая) кровавое мщение злом, отомстили убийцам за неправду, — их по злобе осудил на далекую ссылку.[124] О, какая тьма мрака ослепила его разум, запятнанный убийством, которое он считал скрытым! Как велико было и наше несогласие, происходящее от робости и бесчеловечия, допустившее его до этого! Этим мы сделали его дерзающим и на прочее.

„Господоненавистная“ жестокость повелителя убийства Бориса к убитому им младенцу и после его смерти была такова, что он не совершил достойного и тщательного рас-

следования об убийстве убитого, которое было бы проведено строго, с пытками, и не захотел даже приравнять к тому расследованию, какое было произведено о смерти нечестивых государей, которые некогда, при державе Федора, пришли для служения ему в нашу землю от язычников: с востока — сына татарского царя,[125] а затем с запада — двух сыновей латинских королей,[126] которые здесь умерли от Бориса же причиненною им смертью. В отношении же царства и всякого господства он был так завистлив ко всем окружающим сверстникам своим, особенно же к тем, которые были благороднее его, что ни одному из них, кроме себя, не дозволил (касаться) этого ни делом, ни словом, ни мыслью и ради этого в первые годы своего управления удалял от царя (знатнейших) себя по происхождению и рассылал их в концы земли.

[3]. О Богдане Бельском[127]

Об одном из многих (злодеяний), которое было совершено им в конце его жизни, здесь я немного и кратко расскажу. Был некто, по имени названный Богдан, из всего царского синклита самый близкий и главный советник при глазах преславного царя Ивана, — едва ли в царстве и были многие по благородию славнейшие его; он был больше всех любим царем за угождение: сердце царя всегда к нему жадно стремилось, и глаза свои он неуклонно всегда обращал на него, раненный срамной стрелой тайной любви. В одно время с ним близок был к царю и тот Борис, но первый (Богдан) в славе много превосходил второго (Бориса), хотя он тогда еще и не был увенчан славой высшего служебного звания; а второй потом превзошел первого на ступенях царства, как бы ногами встал на голову первому и, благодаря брачному союзу с (царским) племенем, стал выше его. Прошло время, и цари изменились, и произошла перемена во власти правящих и ниспровержение Борисом первых в царстве, по принятому им обычаю; жизнь того, о ком здесь начата была речь,

продолжилась до того времени, когда Борис воцарился. При великом (царе) Федоре, имея всегда общение с великими по благородию и будучи ничем не ниже по сравнению с прочими, а в иных случаях и превышая их, он от Бориса получил к прежней чести своего имени некоторое немалое приложение, так что немногим чем не достиг в мирской славе высокого чина великих. До этого, после смерти чрезвычайно любившего его царя, он много лет жил вдали от царского города в своих имениях, удалясь от молвы мира ради начавшейся из-за него тогда в царстве смуты.[128] Переезжая из села в село, он там проводил все время с домашними в покое и изобилии, только не видел очей подобного святому царя Федора, не был участником всегдашней славы его и тех, кто вместе с ним управлял, и не получал вместе с ними той же чести. Во время же его пребывания в сельских местах он получал такое содержание от того же Бориса, что все пожелания чего-либо нового из земных (благ), как во сне, в нем утихли и уснули, и всякая молва о нем в городе прекратилась. После смерти первого царя, сын его тогда, как новый царь, укреплялся и утверждался на царстве, а при нем и вельможи, близкие к нему, обновлялись, и все приближенные царя переменились, укрепляя прежде бывшее; ибо из-за царей тогда много было разногласия в земле среди людей. Но возвращусь опять в рассказе к тому, где я оставил слово недоконченным.

Когда же тот (Бельский) тем же Борисом послан был на обычную службу в некоторый город, соименный Борису (Борисов),[129] находящийся на востоке, откуда солнце нам восходит, — оттуда ложным доносом тому (Борису) оклеветали его, приписав ему самое большое — желание царства, когда и у самостоятельно правящего (Бориса) уже было готово такое мнение о нем. Гнев в нем был скрыт так же, как курится дымом скрытый внутри какой-нибудь не разгоревшийся огонь; поэтому он поверил клеветникам, а еще более утвердился в своем мнении и оклеветанного прежде всего лишил долж-

ности, — изгнал бесчестно из среды верховного правительства и вовсе отобрал все его многочисленные приобретения со всем прочим. У того было много дорогих вещей, потому что (известно), какое положение занимал он прежде при царях, это во-первых; (во-вторых), он приумножил их, потому что благополучные годы жизни не без пользы провел при славе царей, — тогда богатство его увеличивалось день ото дня и никогда (не знало ущерба). Когда же он лишен был славы, властвующий назначил ему в наказание позорную казнь,[130] установленную городскими законами, какою по городам казнили злодеев, разбойников и взяточников; и другие бесчестнейшие поругания и срам по воле повелителя ему причинили, и был он послан в заточение в далекие места. Знаю, что, устрашая этим других, то же думающих, он полагал, что, совершая всё прочее, неудобно поступить с ними так же, как с этим, (особенно) с теми, которых он — великий — боялся.

Не один из таких же, как и тот ранее названный, был оклеветан перед ним (Борисом), но и другие к нему были приплетены, (обвинённые) в подобных замыслах,[131] и их также, после пыток, лишив всего имущества, объятый на них яростным гневом за первого, разослал он в (разные) страны. Там, заключенные в темницах, они пробыли много времени, а некоторые из них там же в такой нужде приняли и смерть; для прочих же и для ранее названного (Богдана Бельского) причиной возвращения назад из ссылки были смерть правителя и разрешение того, кто его низложил, а именно — пришедшего на царство Расстриги. А когда этот того (т. е. Бориса), как козел рогами, забодал и с престола свергнул, — о чем в другом месте больше сказано, — те, которые понесли бесчестие и приняли раны вместе с первым пострадавшим, возвратившись опять к себе, от Расстриги получили на земле жизнь лучше прежней: названный первый между пострадавшими получил тогда полную честь — звание высшего сановника,[132] а вместе с ним страдавшие получили и чины и почести, каждый в соответствии с возрастом. Не было бы никакой

нужды здесь с прочими сказаниями это описывать, но (это сделано) ради обнаружения многих злодеяний Бориса. „Воссияет нам, как звезда от Иакова, и восстанет человек от Израиля, который упасет, как новых людей, этого Израиля и сокрушит племя Моавитян“.[133] Эти пророчества сказаны о самом Христе, все они поистине сбылись, и хотя (говорят) о воплотившемся и не приложимы к рабу, (сделавшемуся) царем из-за теперешней нашей зависти, — второму приличествуют они не по существу, а как близкие образы. И пусть никто из прочитавших не смущается мыслью о чрезмерной смелости несравнимого сравнения, потому что после воплощения того (Христа) по его смотрению много (в нем) было свойственного рабам, ибо по плоти он стал доступен всем. Так нам сказали писания,[134] и ко многому (в них сказанному) здесь я присоединяю короткий ответ и пишу не ради тех, которые могут хорошо это обсудить, но ради ненавидящих и мятущихся в мыслях. А если кто начнет мне (говорить) о дерзости, то я, более чем они, имеющие такую же природу, боюсь истязания того, кто вложил мне душу и может вместе с ней и тело погубить в геенне; и если, помня это, рука верно и без страха написала эти слова, то (говорит) здесь во мне духовный голос.

[4]. О перенесении мощей св. царевича Димитрия

Василий, который после других был над нами царем и некогда до своего правления лжесвидетельствовал из-за страха перед убийцей о смерти св. младенца, потом сам же во время своего царствования был виновником обретения его мощей и, (вынув) их из-под земли, из-под земного спуда, из места изгнания перенес в царствующий город, истинное того отечество, — и не так бесславно, как совершилось при мучителе его страдание и погребение, но весьма торжественно и с многою честью, как подобало святым. Первосвятитель Гермоген,[135] великий патриарх всей России,

со всем собором следуя за иконами на встречу нового мученика, а также и царь во всей своей славе, а за ним в порядке и все его вельможи, потом бесчисленное множество народа, обоего пола, старые люди и молодые, мужчины и женщины с младенцами, — такой встречей почтили страстотерпца и нового мученика. Царь с подчиненными, встречая царя, убитого из зависти к царству, как нового Глеба Владимировича,[136] — ибо оба в различном возрасте из-за одной причины, из зависти к царству, приняли горькую смерть, — этот от брата, а тот от раба, — при встрече испускали различные соответствующие возгласы, восклицая: как поневоле, из-за убийцы, мы не удостоились присутствовать при твоем погребении, хотя сердца наши тогда и были снедаемы тайною болью, так теперь все мы свободно и по (своей) воле встречаем тебя; после смерти твоего мучителя ты, по воле благого бога, удостоил нас, чрез перенесение (мощей), своего возвращения к нам и пришел к нам, чтобы мы этой встречей, как следует, дополнили твое, — наш новый страдалец, младенец-мученик, сотворивший дивное чудо в наши дни, — достохвальное погребение. Итак, иди, незлобивый, невинный, принесший себя в жертву богу, не познавший греха! Возвратись, приди к своим, и свои примут тебя, ибо вот мы теперь по желанию с любовью встречаем тебя, радуясь тому, что ты не оставил нас сиротами, и плача о том, что из-за страха перед твоим губителем не удостоились быть очевидцами твоего страдальческого погребения! Тогда мы закованы были как бы в адские узы, а теперь при встрече, опять обратив лица к городу, следуем за твоими мощами! Это вмени нам взамен того, что мы по нужде из-за страха не удостоились быть на твоем погребении, — сегодняшним восполни наши недостатки!

Он же, незлобивый, так как младенцам свойственен незлобивый нрав, как бы послушно и скоро склонившись душою к молитве своих рабов, дойдя до общего, удобного для погребения места, где были положены его предки, (а именно) — храма преславного в чудесах архангела Михаила,[137] где вместе,

в недалеком друг от друга расстоянии расположенные, погребены были тела его бывших правителями сродников, — встал, увенчанный за победу, на богом уготованном для него месте, как утренняя звезда на востоке, от запада пришедшая. И положен был выше земного праха, обагренный своей честной, добропобедной кровью, готовый к суду, той (кровью) обличающий своих врагов: во-первых, самого убийцу, потом тех, которые присвоили себе его святое и несравнимое имя, и всех, вместе с прочими разоривших его царство. Ибо пятнадцать лет прошло со времени его смерти до его возвращения в отечество; после своего страдания он там был в земле, и за такое время тление не смело прикоснуться и к его — святого младенца — одеждам, и к его освященному телу, кроме взятой тлением части его по общему закону, как некогда огонь печи устыдился трех отроков.[138] Что может быть достовернее — для суждения о невинности убитого и о зависти убившего — источаемых им при этом чудес?

Не малым указанием на убийцу (является) и это: мы видим теперь страдальца в гробнице не в погребальных белых одеждах, как (следовало бы) по закону, но в тех, которые были на нем во время убиения святого, обагренных тогда его кровью, в которых он и в земле немало лет пролежал; и при перенесении ни первосвятителю, ни царю святой (Димитрий) не вложил мысли, чтобы переменить их, потому что спешил (явиться) так пред лицо судьи вселенной для обличения своего убийцы и старался в них предстать на суд. Они, обагренные его добропобедной кровью, — безмерно драгоценнее самой царской порфиры; порфира эта не чужая ему, но, как некогда Иосиф, он снял ее и бросил тому властолюбцу, как тот — сластолюбивой египтянке.[139] В гробу число одежд его было такое: одна, которая обычно при жизни его надевалась после первой на сорочку, была подпоясана, затем две, одного качества, сотканные из белой ткани, которые надевались прямо на тело, сорочка и штаники, покрывающие нижние части тела до ступней; сверх них, кроме

этого, сапожки с обувными платками, вид их темнокрасный, а шапка на честной его главе из-за недостатков моего зрения мною забылась, (не знаю), была ли она тут с прочими (вещами), или нет. Замечательно и то, чем занимался он во время его убиения: тогда и прежде не царством он занимался, — чего боялся Борис, чтобы он потом, предупредив, не похитил его, — но занятие его по всему было младенческое: потому что в гробнице, внутри ее, у святой его груди хранились орехи, тогда у него бывшие, обагренные при убийстве его честной кровью, самостоятельно и обычно выросшие, притом дикие, а такая младенческая пища уже по самой природе своей не указывала на зломыслие.[140] Так, уже вещами, перечисленными и бывшими при нем, всем ясно указывалось, что этот святой стебель царского семени и отрасль незлобия ныне в радости святых ликует с такими же незлобивыми, убитыми в Вифлееме Иродом; он в день суда божия ожидает себе большего оправдания. А мы понуждаемся довершить начатое в ранее рассказанных (очерках), начиная с того, где мы остановились.

[III]. О ИЗБРАНИИ БОРИСА НА ЦАРСТВО В НОВОДЕВИЧЬЕМ МОНАСТЫРЕ[141] И ОБ ЕГО ВОЦАРЕНИИ, И КАК РАДИ НЕГО В ЭТОТ МОНАСТЫРЬ ХОДИЛИ С КРЕСТНЫМ ХОДОМ, А ПОСЛЕ СМЕРТИ БОРИСА ПЕРЕСТАЛИ ХОДИТЬ; И О СЕРПУХОВСКОМ ПОХОДЕ БОРИСА В 106 ГОДУ, КАК ХОДИЛ ОН ПРОТИВ ЦАРЯ[142] (ХАНА ТАТАРСКОГО) И О ТОМ, КАК ПРИ ЦАРЕ ФЕДОРЕ ИВАНОВИЧЕ И БОРИСЕ ЛЬСТЕЦЫ СТРОИЛИ ЦЕРКВИ И ПИСАЛИ ИКОНЫ ВО ИМЯ ИХ АНГЕЛА

После этих прежде прошедших событий, в 106 году[143] седьмой тысячи лет от сотворения мира последовала смерть истинно самодержавного государя царя и великого князя Федора Ивановича всея России, окончившего, по примеру Давида, кротко свою жизнь среди совершения добрых дел, умершего прежде времени и насильственно от рук раба, —

ибо многие думают о нем, что преступивший крестную клятву раб ранее положенного ему (Федору) богом предела жизни заставил его почить вечным сном, возложив на царскую главу его свою рабскую скверную руку убийцы, поднеся государю смертный яд и убив (его) хотя и без пролития крови, но смертельно,[144] как ранее и отрока — брата его. Смерти же самого царя он втайне рукоплескал, видя, что все люди из трусости молчат об этом, и, немилосердно палимый своей совестью, скрылся из царствующего города в лавру[145] — (место) пострижения своей сестры, ранее бывшей супругой того упомянутого прежде царя. Это удаление задумано было им с некоторой коварной мыслью и ради трех причин: во-первых, он опасался в сердце своем и хотел лучше узнать, не поднимется ли против него вдруг восстание народа и не поспешит ли он (народ), вкусивший горечь жестокого плача о смерти царя, убить потом из мести и его; во-вторых, если вскоре не вспыхнет в народе пламень (такой) ненависти, он, исполненный надежды, будет действовать без стыда; а в-третьих, он увидит желаемое: весь ли народ и с каким усердием изберет его в правители себе, и с какой любовью согласится итти за ним, и кто кого станет предупреждать об избрании его или пренебрегать этим, чтобы в прочих случаях иметь возможность вносить раздвоение в царствующем городе, — одних за старание любить и награждать, а других — ненавидеть и томить мучениями. Все это он желал узнать обо всех хитростью, чтобы потом, получив великое царство, старающихся для него — возлюбить, а пренебрегающих, гневаясь на них, — замучить. А в городе он оставил для этого вместе с вельможами своих (людей), избранных из его же рода, и с ними многих ему помощников, так что везде среди народа были его слух и око.

После этого лукавого удаления из города в лавру, утром, когда день только начинался и солнце стало освещать своими лучами вселенную, все его наиболее красноречивые почитатели не поленились собраться и, составив льстивую

просьбу, тщательно написанную на бумаге, по времени удобную для подачи ему, а в будущем губительную для душ, желающих всего суетного, поспешили во двор самого архиерея[146] и подняли его и всю поклоняющуюся кресту часть кафолической церкви со всеми прочими и в порядке устроили выход в белых священных облачениях, как бы для совершения всеми вместе святительского молебна. С ними и все люди от старцев до юношей пошли из города со святыми иконами к обители, месту, где льстиво скрывался превозносящийся славою, как в берлоге какой-нибудь дикий зверь, показывая вид нежелания, а (в действительности) сам желая поставиться и быть нам господином, что и исполнилось после недолгого упрашивания: ведь где сильно желание, там принимается и прошение. А день этого прошения был тогда во вторник сырной недели.[147]

И когда пришли все со святыми иконами в лавру, виновник этого вышел также со святыми иконами и там находящимися священными и простыми людьми навстречу общегородской святыне. Когда все вошли в церковь и сотворили там обычное молебное пение, по окончании его все носящие священное имя и великие мирские вельможи вместе с архиереем, а за ними все чины царского великого управления и весьма многочисленный простой народ, малые вместе с великими, начали жалостно с плачем умолять и, (указывая на свою) беду, всячески долго и много понуждать (Бориса), да склонится он к (общему) молению, не оставит их сиротами и да будет царем всему Российскому государству. К этому каждый присоединял свои соответствующие его желанию слова увещания, способные заставить умоляемого согласиться на просимое, думая привлечь его к себе этими словами и стараясь превзойти друг друга рвением. Средние же и все меньшие (люди) непристойно и беспорядочно вопили и много кричали до того, что от этого крика расседалась их утроба и лица их были багровы от усилия, и те, кто слышал этот шум, затыкал свои уши, — такая

была лесть ради человекоугодия. А он, скрывая свое желание, всем вместе отвечал, что он никак не осмелится на это, и так говорил: „Не будет этого!“ и клятвами подтверждал им это слово. А просящие еще сильнее побуждали его словами, присоединяя к просьбе новые многократные просьбы, и понуждали людей усиленно вопить, все вместе покрывая этим желание умоляемого. А он и опять не повиновался им, потому что не хотел быть умоленным скоро, чтобы из-за скорого забвения ими (пролитой) крови не раскрылось дело его желания и все из слов не поняли бы его обмана; ибо от малого обнаружения ясно обличается и обнажается сердечная тайна и всякое скрытое намерение. Он же, видя такое всех усердное его упрашивание, опять скрывая (свое желание) под несогласием и как орел еще более высоко и безмерно возгордясь, обманывал людей новыми являемыми им действиями. Он держал в руках тканый платок, чтобы отирать пот; в прибавление к своим клятвам для далеко стоящего народа, который из-за крика прочих не слышал его слов, он, встав на церковном крыле против входа в западные врата, на высоком месте, так что все могли его видеть, обвернул этот платок вокруг своей шеи, — близ стоящим, которые могли слышать человеческий голос, этим он говорил, а дальним на этом примере давал о себе понять, что он из-за этого принуждения готов удавиться, если они не перестанут умолять его. Показав тогда всему множеству людей такое крайнее притворство в своем несогласии, он этим самым заставил доверчивых вполне поверить ему, но никак не прочих, так как они стояли выше в понимании уловляющих сетей его обмана. Но что принесло это понимание? Хотя и понимали, но не могли предотвратить допускаемого богом, потому что бог по своему усмотрению попустил этому, как и другому, совершиться. О том, что случилось впоследствии, скажем после, а сейчас возьмемся за то, что говорилось выше о ранее упомянутом (Борисе).

После того, как прикладыванием платка он (показал, что

готов) удавиться, он убежал из церкви в мрачные жилые покои монахини-царицы, которая была ему сестрой, как бы сильнее показывая свое несогласие, а зрением точно и твердо уверившись, что умоляющие не уйдут из лавры, не получив от него просимого. А умоляющие, увидев, что умоляемый как будто и вправду непреклонен на их просьбы, двинулись вслед за удалившимся и взошли после просьбы в комнаты пред лицо госпожи, думая там принести и ей усердную мольбу, — чтобы хотя она склонилась к их просьбам и своим повелением заставила брата согласиться на просьбы умоляющих, а вернее на совершение его желания. Кроме того, некий отрок, не знаю кем-то коварно наученный — самим ли хотящим (Борисом) или сторонниками его, — как ложный проповедник, был посажен против келий царицы и живущих там монахинь на зубцах стены, устроенной для защиты храмов монастыря и ради смирения этой инокини; подняв его высоко на те зубцы пред самыми окнами государыни, этому юноше будто бы от лица народа приказали кричать как бы в уши ей. Крик этого отрока согласован был с мольбою просящих и покрывал все голоса народа; затворившейся добровольно в темных кельях он кричал одно и то же: да разрешит она брату ее быть царем, поставленным для управления всем народом; то же самое, не переставая, кричали еще и они. Он кричал так, что этим еще больше обличал желающего (Бориса), потому что многим уже было стыдно слышать такой нелепый и неумолкающий крик. И если бы этот бесчинный и громкий крик юноши вблизи неприступных келий не был приятен и не совершался по воле желающего, то он бы не посмел к этому месту и приблизиться, и смотрящие на него не терпели бы этого так долго, потому что и средние люди не переносят и не дозволяют происходить подобному, тем более не позволили бы ему, если бы они увидели, что происходящее делается без всякого приказания. Вот ко всему прочему еще бо́льшее обличение хотящему (Борису).

Вскоре все просители вышли со многим веселием из палат сестры виновника, как будто (чем) одаренные, получив от обоих, от сестры и от брата, обещание (исполнить) просимое. Хлопая руками от радости, они приказали ударить во все церковные колокола, громким голосом объявляя (об этом) многому собравшемуся для прошения народу; и отпев опять усердно молебен о прибавлении лет жизни желающему поставиться новому царю, когда люди также дали обещание повсеместно совершать молебны о новом царе, поручили поспешно то же совершать во всем царстве (указами) с приложением (печати). После этого давший обещание, много не медля, из лавры опять возвратился в город. А о тех, кто ради угождения говорил возвышающемуся льстивые свои слова в лавре при упрашивании, невозможно рассказать не только из-за их множества, но и из-за стыда, — ибо он, ублажаемый хвалами и ложью, усладил себя и привык утверждаться на них, как на ветре, — о таких сама истина сказала: „горе, когда люди скажут о вас хорошо“ и ублажающие вас льстят вам, и прочая.

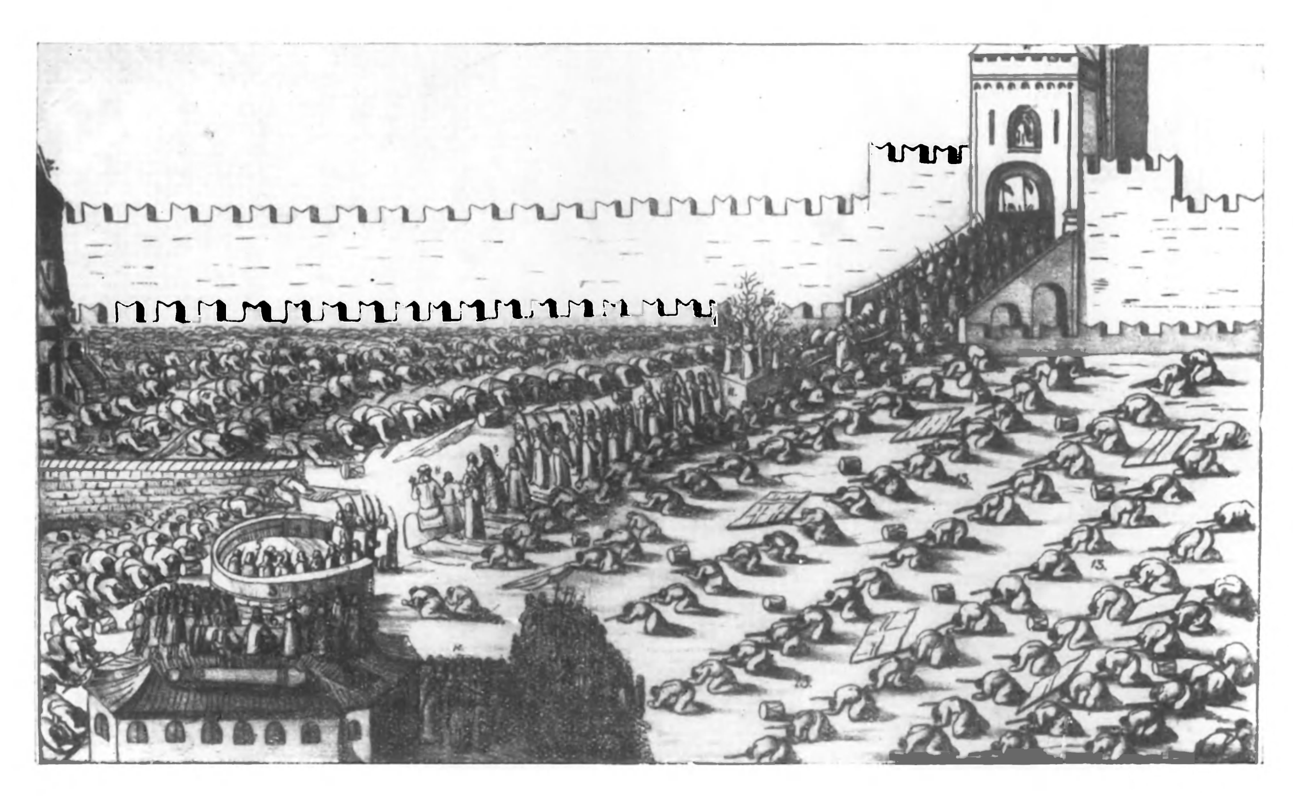
А он презрел силу сказанных богом слов или не знал их, потому что совсем был неискусен в этом, так как от рождения и до смерти не проходил путей буквенного учения. И чудо, — так как впервые у нас был[148] такой неграмотный царь. А о прочих, кроме этих, худых (его делах), бо́льших, чем те опасности, которые испытывают находящиеся в море, пространнее узнается из следующих событий, о которых будет рассказано (и именно о том), как он, обольстив всех, поднялся на самый верх земной части, подобно тому, как бы на небо от земли, и вступил на престол царства одним шагом, сделав своими рабами благороднейших, чем он, занимавший ранее среднее место по роду и чину. И если, будучи рабом, он дерзко совершил этот захват высочайшей власти, сильно согрешив, все же даже и его враг не назовет его безумным, потому что глупым недоступно таким образом на такую высоту подняться и совместить то и другое, если другой

такой (захватчик) и найдется среди людей. И этот „рабо-царь“ был таким, что и другие славнейшие и гордые в мире цари, обладающие державами нечестивых, не гнушались им, как рабом по роду, и не пренебрегали, потому что он имел равное с ними имя владыки;[149] и слыша, что в земных делах он полон справедливости и благоразумия, не избегали братства и содружества с ним, как и с прежде его бывшими — благородными, а может быть даже и больше. И то дивно, что хотя и были у нас после него другие умные цари, но их разум лишь тень по сравнению с его разумом, как это очевидно из всего; ибо каждый как будто перелез чрез некоторую ограду, нашел свой путь к погибели.[150] И пусть никто не ловит меня на этих словах, что (будто) я сочувствую славолюбцу, так как в одних местах я его осуждаю, а в других, где придется, как бы восхваляю; потому что делаю это не везде, но лишь здесь, сравнительно с ними правильно оценивая разум его и прочих, не различая их; в других же (местах), как и в этих, обвиняя, не терплю низложения им путем убийства наших владык и завладения их престолом; кроме же этого, все прочие того дела, добрые и злые, относящиеся к лицам и для нашего рассказа доступные, не скрыты, но не все, — а за исключением некоторых — сокровенных.

Был у него такой обычай выступать против воюющих противников: когда они не выходили на бой, он тогда выступал против них; когда волки не вредили овцам, он, показывая себя как бы храбрым, только свистом призывал их на себя; а когда свирепые бесстыдно начнут на смиренных нападать, он остается и не выходит из каменных стен, как расскажет об этом следующее повествование и как уже прошедшее показало.

После его великого избрания и после собственного его желания быть на высоте царства, не скоро, а осмотрительно тогда садится он на престол, промедлив около года и дождавшись ранее еще самодержавным и блаженным царем Федо-

ром отправленного на восток посла, — ходившего к татарскому хану.[151] Этот, придя из посольства, известил его, что хан не придет на Русь; тогда избранный нами и имеющий быть у нас царь, твердо уверившись, что хан против него не пойдет, собрав большое войско, славно начинает свое выступление. Собрав войско только против имени хана, не намеревавшегося тогда воевать против нас, наш царь, дойдя до города Серпухова, встал на берегу реки Оки и там со всеми своими силами задерживается на целых два месяца на одном месте, не выступая далее. Между тем послы хана, не зная о его (Бориса) выступлении и тут стоянии, пришли за первыми, по принятому обычаю, как и прежде иногда случалось между владыками, послам вместе с послами или, делая наоборот, особо приходить. А он, показывая перед ними вид своей храбрости и свое притворное устремление, в царском блеске при многолюдном собрании говорил, что он готов воевать против их царя, и ради устрашения пришедших татарских послов показывая снаряжение войска и многие огнестрельные, как гром, стреляющие орудия, приводил их этим и прочим в ужас. Тогда же он, для удивления их, показал им и свой походный, искусный, подобный белой льняной ткани и по виду как бы снежный город, далеко в обе стороны простирающийся в длину и ширину; по виду все его устройство подобно было городу и имело много ворот и по стенам башен, величина же площади его (была равна) окружности четырех стен, и, видимый издалека, он был подобен созданному из камней городу,[152] как бы внезапно очутившемуся на пустом месте; некоторые о нем говорили, что он может проходящих мимо его дорогой при первом взгляде испугать неожиданностью, а потом и удивить. Внутри же себя он имел помещающегося там самого царя во всей его красе и водворяющихся с ним всех вельмож и содержал в себе все, что было нужно для его телесных потребностей, со служащими при них. А все войско, около и вокруг его стоящее, украшали цветущие растения, зеле-



„Шествие на осляти“. XVII в.

Из альбома Мейерберга.

неющие и разнообразные по цветам. С этого места повелитель наш отпустил иноверных назад, чтобы они, вернувшись к себе, обо всем виденном ими, рассказали в своем царстве. И, проведя там два месяца, он, как фараон, со множеством колесниц и всадников, возвратился со своей лживой победой в великой славе в царствующий город, (желая) еще более заставить всех, не понимающих его хитрости, полюбить его.

Возвратясь, он промедлил с завершением своего (воцарения) еще два обращения луны, до начала нового года; когда начинался седьмой индиктион, в сентябре 3-х календ,[153] он окончательно был помазан от рога маслом, увенчался величайшей славой среди живущих на земле и с того времени получил действительно имя владыки, приняв наименование царя и вместе князя, как было в обычае у подлинных, принимающих помазание царей, имеющих преимущество в порядке преславного возвышения; тут наступил конец исполнения его скрытых желаний, так как, собрав честь всех царей, он усвоил (это) одному своему имени. (Достигнув) царства, он так возгордился, что потом едва не сравнялся с богом, но, получив такую славу явно по своему собственному желанию, он этим сам поднес к своему сердцу как бы наточенный нож, которым и заколол себя и, упав, был низвержен, о чем пространнее будет рассказано в другом месте.

В память же упрашивания и полученного в лавре согласия церковные священноначальники, без всякой меры угождая великому, который и сам от себя повелевал им, решили в третий день сырной недели непременно каждый год совершать из матери церквей[154] (Успенского собора) и всей столицы крестный ход, установив это (празднование) как бы в честь божьей матери, а на деле тайно ради угождения воцарившемуся, и так, чтобы в этот день никто, ни великий, ни малый мужского и женского пола, не оставался в домах или где-либо, а следовал за тем (крестным ходом). И такое установление в указанный день исполнялось и не прекращалось до тех пор, пока жив был первый повелевающий и

желавший этого. И если в природе, соответственно этому времени года (в этот день), случались морозы и дожди, и бури, и нестерпимые ветры, и другое что, так что невозможно было и из дома выйти, все-таки из страха, не смея отложить приказанное из-за облачного помрачения, все старательно исполняли это. Удивительно, что в этих крестных ходах вместе с народом принимал участие и сам, кому праздновали. Празднуя сам себе, (он делал это) по обычаю тех, которые празднуют богу в тот день, когда бог избавил их от како-либо беды, дабы получившими не забыта была милость его; в подобных случаях это и должно быть, он же радостно праздновал тот день, когда получил себе временную славу.

О, омрачение! О безмерное славоослепление! Ужели еще этою виною не обличается и не обнажается его злоба и умерщвление царей, и жажда царской власти? Что может быть яснее подобного обнаружения того, что и было сокровенной внутренней тайной цареубийцы и, вследствие этого, стало явным? Бог на суде еще лучше это откроет и обнажит. И если кто, напротив, в пользу его скажет, что он не ради себя устроил этот крестный ход, а ради матери господа,[15] тому мы (возразим): если вы так предполагаете, то почему он прежде, до своего избрания, этот день недели обычно пропускал и не праздновал? Пусть тот, кто говорит против, положит на уста руку; а еще более заставит таких замолчать сама истина.

До тех пор, пока он был жив, такие крестохождения совершались, — ясно, что не ради бога; (в таком случае) они никогда бы не прекратились, и смерть не пресекла бы этого. После же его смерти не только при плохой погоде, ради дождей или ветра и иного, священники (соборяне) и народ считали неудобным ходить, но когда и погожее было время — воздух был чист, погода теплая и ясная, день светлый, сияние солнечных лучей обильно, — одинаково и тогда повеление (царя) бывало презираемо и совсем откладывалось и не приводилось в исполнение, и было отменено как ненужное и о нем судили всячески как о неприемлемом.

И подобно тому, как тогда в ненастное время не осмеливались не ходить со святынями из боязни, — так теперь, после его смерти, и в удобные дни не захотели ходить, так же как и в первые, не соглашались на такое дело; и насколько его при его жизни за это постановление славили, настолько и даже более после его смерти (он вызывал) этим ненависть и отвращение. Так же поступили и с другим, ранее описанным всеобщим хождением, — на место обозного стояния, (совершавшимся) по его же повелению, которое прежде из страха, не отлагая, исполняли; теперь, с прекращением страха, все эти дела перестали исполняться, ибо человеческим приказаниям преграду полагает смерть законодателя.

Итак, не обнаружилось ли благодаря этому при его жизни льстивое прислуживание ему первосвятителя [156] и прочих? Точно также (это обнаружилось) и у других, которые при его жизни, лживо угождая ему, как и другим подобно властвующим, во имя их ангелов строили многие богатые, как бы вечные, храмы и украшали их написанными иконами и другую честь им оказывали; а те, кого они прославляли, благодаря этому без меры услаждались честью, сами зная и видя, как это опасно. А после того, как славолюбивые уходили отсюда, храмы эти оставались в запустении и небрежении, а иконы из-за умаления веры презирались и подвергались поруганию и насмешкам, и кем прежде были почитаемы, теми же были и забыты. И бог так же оставит оставляющих, потому что они обесславили не людей, но из-за людей — угодников божиих, которым по своей воле обещались воздавать честь во время всей своей жизни, и обещания своего не выполнили; лучше уже не обещаться, чем, обещавшись, солгать и не исполнить. Как же он, прежде-помянутый, который не мог насытиться земною славою, из этого не научился? Ибо ведь и во время жизни блаженного (царя) Федора были (такие же) временные льстецы, ради прославления имен владык строившие храмы и (созидавшие) иконные изображения, и они разве не при жизни их только

существовали, а по смерти (разве не уничтожались)? Но богом избранный не услаждался, как этот, этими суетными славословиями, ибо он желал и ожидал истинной славы от одного бога, призванный, подобно апостолу Павлу, от бога, а не от человека. Этот же, о котором здесь речь, не обратил тогда внимания на тех, которые перестали возвеличивать иконами Федора после его смерти, (не подумал), не станут ли после и по отношению к нему то же делать, что действительно и случилось, — но тогда его ослепила любовь к славе и, пока он был жив, до тех пор и славили его льстецы.

Не хочу оставить неупомянутым и следующее: имя ангела воцарившегося было одно — первое из двух, празднуемых в 24 день июля,[157] в который совершается пресветлая память добропобедных новоявленных св. мучеников, всероссийских князей, братьев по плоти, Бориса и Глеба, в святом крещении Романа и Давида, по своей воле презревших земное царство и во время исповедания усердно проливших кровь свою за Христа; и тот не разлучил их как во время их жизни на земле, так и после смерти на небе. Святую их пару, не разлученную богом, человекоугодники при написании икон на досках разлучали одного от другого — старшего изображали, как бы считая чтимым, а скорее этим заставляя его гневаться на них, а младшего с братом не соединяли, как бы презираемого изображением, и отделяли его от пребывания вместе с родным ему по плоти. И что особенно тяжко: я знаю, что рисовать на досках красками обоих братьев, как святорожденную чету, не разлучая их друг от друга, мешало не то, что другому не хватило красок для рисования, а умаление веры у созидающих иконы. Указание на это (можно видеть) в притче о живущих на земле: если найдется двое друзей, братьев между собою и приближенных к царю, по взаимной любви всегда имеющих согласие друг с другом и общение по дружбе, и если один из этих двух, нигде и никогда не разлучающихся друг с другом, кем-то третьим будет случайно позван на брак, —

не станет ли непозванный считать это неприглашение за бесчестие, (нанесенное) ему звавшим, и не воспылает ли он на звавшего гневом? В будущем не захочет ли он называться ему не другом, но противником и, найдя время, не сообщит ли царю в жалобах на него о своем уничижении? Разгневается на позвавшего из-за брата и позванный, и неоказание чести брату будет рассматривать как оскорбление себе, поэтому (такое отношение) не дело дружбы, но разделения и своевольной вражды: и не только (родные) братья имеют при этом стремление к мести, но и друзья, не родные друг другу. А у того, о ком ранее говорилось, такое отклонение другого от любви случилось не из-за недостатка угощения на трапезе, а из-за оскудения усердия к дружбе.

А что сказать о заказывавших иконы иконописцам, среди которых одни умны, но не рассудительны и невнимательны к добру и злу из-за своей наглости, другие — люди среднего ума; а третьи (не имеют ума) нимало, но, подражая примерам первых, не слушают поучающих и во всем непослушны и дерзки. Но самое большее горе — обладающему всеми (Борису), который превосходит всех умом и хорошо это знает и видит; ему было приятно только лицо одного на иконах. Тот, кто имеет духовную власть, тоже сопричастен греху, о котором говорилось, ибо, слыша об этом и зная и видя, он молчал, а не поучал и не обличал. Око правды, которое все видит, будет судить их, когда придет день его пришествия. А теперь вновь будем говорить о том, на чем остановились и начало положили, и опять постараемся по порядку описать все бывшее.

Обрадованный удовлетворением своего славолюбия, он не подумал о своей родной сестре и не пожалел ее, госпожи всей России,[158] оскорбив ее такою сильною скорбью и разлучив ее с таким мужем, (умершим) не естественной смертью; ту, ради супружества которой с царем некогда он получил всю честь, так что был подобен царю, — после такой славы он (не постыдился) видеть всегда одетой в монашеские

одежды. Многих девиц, дочерей[159] первых после царя бояр, своих господ, он насильно из зависти постригал, срезывая, как незрелые колосья, ибо на это не было их согласия. Этим он причинил родителям их вечную скорбь и болезнь, так как они не уберегли их, и те, как кроткие овцы, были пострижены; он не открыто это делал, а обманом, но самое дело явно себя показало, — (он боялся), чтобы некоторые не уговорили царя взять одну из них в жены через второй брак, из-за неплодства сестры его;[160] а он тогда станет ничем, — так полагал он в сердце своем, собирая в нем свои беззакония. То, что он сделал чужим детям, то же самое он сделал и сестре; как же он мог оказаться человеколюбивым к чужим? Через некоторое время некто учинил и дочери[161] его такую же перемену одежд, сделав это постыдным образом; если не он, так мы это увидели. А что сказать о жене его и сыне? Их насильно удавили неожиданные враги,[162] — о них более пространный рассказ будет впереди, в своем месте.

Но если было сказано о злобе Бориса, то должно не скрывать и добрых дел его для мира и внести их в повествование, хотя они у него во всем и не искренни были по отношению к людям. Если мы постарались подробно описать все его злые деяния, то не поленимся раскрыть и его добрые дела, пока они не покрылись забвением от течения времени. Что я помню, то и напишу о них, чтобы наш рассказ о нем не показался некоторым злобным и враждебным. Потому что, если бы одно злое о нем было рассказано, а другими сказано о нем доброе, а мы бы (об этом) умолчали, — то явно обнаружилась бы неправда писателя, а когда то и другое без утайки рассказано, то все уста заградятся.

В начале своей жизни он во всем был добродетелен. Во-первых, он делал добрые дела прежде всего для бога, а не для людей: усердный ревнитель о всяком благочестии, он был прилежным охранителем старинных церковных порядков; был щедрым помощником нуждающимся, кротко и внимательно выслушивал всевозможные просьбы народа о всяких вещах;

он был приятен в своих ответах всем, жалующимся на обидящих, и быстро мстил за обидимых и вдов; он много заботился об управлении страной, имел бескорыстную любовь к правосудию, нелицемерно искоренял всякую неправду, даже чрез меру заботился о постройке в городах разных зданий для наполнения царства и снабжения их приличными украшениями; во дни его (управления) домашняя жизнь всех протекала тихо, без обид, даже до самого начала поры безначалия на земле, (которая началась) после него; тех, кто насиловал маломощных, он с гневом немедленно наказывал, разве только не доходил до него слух о таких обидах; он был крепким защитником тех, кого обижали сильные, вообще об утверждении всей земли он заботился без меры, пока не был захвачен властолюбием; он старался наказаниями совсем искоренить привычку к чрезмерному богомерзкому винопитию; всякому взяточничеству сильных было от него объявлено беспощадное уничтожение, ибо это было противно его характеру; всякого зла, противного добру, он был властный и неумолимый искоренитель, а другим за добро искренний воздаятель, но, однако, не всем; во всем этом он всю Россию обманул, так как до уклонения к злым делам, т. е. до покушения его на убийство государей, он следовал благочестию первых самодержцев, а иных и превосходил. Но я знаю, что надо сказать о самой сущности дела — откуда в нем существовали эти добрые качества — от природы ли, или от доброй воли, или из-за (стремления) к мирской славе? Явно, что (причина лежала) в открытом притворстве, которое тайно скрывалось в глубине его сердца, и в долголетнем злоумышлении его — (достигнуть) самой высоты (царской власти). Думаю еще, что немалой причиной было и то, что он научился многому хорошему и от истинно самодержавного Федора, ибо с малых лет часто находился при нем. Ясно, что когда богом ослаблена была сдерживающая его узда и не было около него никого, кто бы остановил его, — как жеребец, отбившийся от стада, он из-за стремления

к власти удалился от бога и царя. Но никто не знает, что̀ в час его смерти в нем возобладало и какая часть его дел — добрая или злая — перетянула весы. Потому что „бог может и в день смерти воздать человеку за его путь жизни“, как пишется. Но что, если кто захочет удивляться его доброй заботе о земле? Тут нет ничего удивительного: ибо что из всего существующего может итти в сравнение с головой царя? Если бы он и всего себя за жизнь отечества какимлибо образом отдал, то ничто и даже весь мир не может сравниться ценой с одним лишь волосом с царской головы, и все мы теперь видим, что это действительно так.

Ради своего доброделания, т. е. ради мнимой заботливости о земле, он в сердце преисполнился гордостью, как некогда гордился делами созидания вавилонский царь Навуходоносор.[163] К этому он прилагает еще некие два дела, о которых здесь вместе с его добрыми делами по порядку не было написано, — он начал совершать их, соединяя с гордостью, а бог, предвидя его гордость и предупредив его решение, не дал ему их окончить и рассыпал.

Первое, самое важное его дело: он принял умом своим твердое решение, (которое) везде стало известно, что весь его подвиг (вся его забота) будет о создании святейшего храма, — он хотел его устроить в своем царстве, так же как в Иерусалиме, подражая во всем самому Соломону, чем явно унижал храм Успения божией матери — древнее создание св. Петра[164]. И то, что необходимо было на постройку и созидание стен, все им приготовлялось. Второе — тоже великое его дело, он хотя и хотел, но не смог его (выполнить): источник самой вечно существующей жизни нашей, гроб единого от состава троицы Христа бога, вместилище его божественной плоти, подобный находящемуся в Иерусалиме мерою и видом, он постарался изобразить, слив его весь из золота и украсив драгоценными камнями и золотой резьбой. Этот гроб уже был близок к завершению устройства; он весь был осыпан, как чечевицей, топазами

и драгоценными камнями и очень искусно украшен разными хитростями, так что такое его устройство не только мне, невежде, и подобным мне было дивно, но и первые из благородных и те, кто следует за ними и живет в царских домах и воспитан во всей славе и красоте, дивились его драгоценности и мудрой хитрости украшений, так что ум приходил в исступление, а глаза от блеска камней и разнообразного сияния их лучей едва могли оставаться в своем месте. А определить в числах действительную его стоимость не было возможности, потому что она превосходила всякое число.

Это я описываю здесь не ради действительного чуда вещи, но ради того, чтобы показать самовозвышение Бориса и его чрезмерную гордость, потому что высокоумие одолело в нем веру, и превозношение его во многом превысило и драгоценные камни с жемчугами и самую природу золота. Всеведение божие поняло гордость его сердца, потому что, превозносясь частым осмотром этих вещей и уничижая этим всех прежде его бывших всероссийских деспотов, он (полагал), что превзошел их премудростью, говоря, что у них не было и столько разума, чтобы до этого додуматься. Постоянно этим гордясь, он и от льстивших ему бояр был подстрекаем притворной хвалой, как бы некоторым поджиганием; много раз повторяя слова тех, кто ему поддакивал, и добавляя к ним свои, которые, как хворост под огонь, под сердце его подкладывали хвалу, он показывал своими словами, что и там, в будущем веке, они так же подожгут его своею лестью. Они же побудили его добиваться царства, присоединившись к его желанию, так что это были как бы две веревки, сплетенные вместе, — его хотение и их лесть, — это была как бы одна соединенная грехом цепь. Как мог он помыслить создавать такие великие сооружения, как постройку такого святого храма и гроба для тела господня, без воли и согласия божия, позабыв, что в древности и богоотец пророк, святой Давид царь, который был угоден богу,

намеревался построить такое здание и не получил (на это согласия)? Но ему было возвещено, что происшедший из его чресл (сын) такое начнет и совершит. О таких самовольно начинающих хорошо было сказано, что они „замыслили советы, которых не могли исполнить“. Ибо все задуманное устройство золотого гроба со всею его многою красотой, лжецарем Расстригою было непристойно разрушено и, взятое на разные домашние потребности, безобразно рассыпалось, и от этого разрушения не удержало (Расстригу) ни хитрое устройство, ни жалость к красоте. Обоих этих дел, созидаемых во славу его (Бориса), бог не благословил совершить, показывая этим всем, что в них вера его была соединена с гордостью; думаю, что присоединилось здесь и то, что собрано это было неправдою, слезами и кровью; это он думал скрыть от создавшего око и устроившего ухо и научающего народы, но не смог. Невозможно угодить богу от неправды, как и прежде нельзя было приносить в жертву богу овцу порочную, слепую и хромую, — ибо сказано: „принеси такую князю твоему, разве он примет“? И чем он надеялся угодить богу, тем его более прогневал. То же самое случилось и с отлитыми им тяжелыми многошумными по звону колоколами, так же неправедно сооруженными. А все материалы, приготовленные для устройства великой церкви, не принятые богом, как ненужные, были царем Василием Шуйским употреблены на другие здания и даже распродавались на простые храмы. Ибо добрые дела по виду все хороши, но различно оцениваются богом по расположению творящих, — так и эти.

[1]. О целовании креста (на верность) Борису

Во время своего воцарения он придумал всех привести страхом (в повиновение) себе, а после себя и своему потомству, приказав народу приносить себе, — рабу, для утверждения своего воцарения крестную клятву тверже, чем это

было при ранее бывших царях. Не встречая сопротивления своей воле, он сделал нечто законопреступное, изменяя правила, положенные первыми царями; эту клятву он приказал приносить с проклятием не в жилых домах, а в божиих храмах; окруженный угождающими его воле, он тайно в мысли своей положил, едва не с богоотступничеством, такими словами всех людей заставить клясться себе и своему имени из рода в род.[165] Это было не для всех болезненно, а только для имеющих разум. И даже до того простерлась его и льстецов его злоба, что если при клятве в каких-либо малых словах кто в чем немного погрешал против клятвенной записи, (составленной) по его воле, он приказывал говорить ее, положив руку на крест Христов, не щадя стольких человеческих душ и забыв, что все они лишаются всякой надежды на бога. И даже, простирая богоотступное слово, (в клятву ввел угрозу), что не будет на всех нас милости сотворившего нас и его святых; наконец, неразумно всех подверг анафеме[166] (проклятию), считая свое мнимое утверждение во временном царствовании выше заповеди божией, не зная, что и одной разумной души не сто́ит весь мир. Но то, чем он надеялся утвердить свое царствование, тем только больше свое укрепление разорил, воспламенив против себя гнев божий, ибо немалую доставил радость врагу — дьяволу погибелью всех душ из-за клятвенного греха. Таким он был слепым вождем стаду: от малых лет до юности он не знал грамматического учения настолько, что даже и простым буквам не был научен.[167] И удивительно, — ибо он первый из правителей не был книжником, хотя в вещах, касающихся мира и любви к нему, многоразумными коварствами далеко превосходил и многокнижных.

Благодаря допущенному (нами) его самовластию, он к прочим (преступлениям) добавил беспрекословно и другое, противное богу повеление, допущенное им самим беззаконие, — архиерея и прочих верховных он сделал наемниками, а не пастырями, так как они из-за страха не возражали против этой

богоненавистной клятвы ему народа, приказав приносить ее в храмах живого бога, забыв, как в древнее время в святилище был наказан проказой за гордость Озия.[168] А здесь, в самой матери церквей, где приносится бескровная Христова жертва о мире во всем мире[169] и где лежат источающие чудеса тела святителей, — в ней грозным предписанием приведя всех принудительно к клятве, он сделал местом клятвы дом божий, разрушивший древнее наше проклятье.[170] Как у нечестивых иногда ревело множество стад бессловесных животных, гонимое в жертву бесам (идолам), так сонмы одаренных словом людей, собравшись вместе в церкви, кричали клятву, пуская в высоту множество голосов, так что прочим приходилось затыкать уши от бесчинного вопля, — и думалось нам, что благодать из святилища ушла из-за беззаконий, подобно тому, как было в Цареграде[171] после отступления от благодати, так что можно было подумать, что от сильного крика распадается церковный верх. Но у Озии за его дерзость знак проказы появился на лбу, а этот, думаю, принял (язву) в душу. И он одержим был таким бесчувствием, что не приказал, чтобы это бесчиние прекращалось во время совершения приводящей в трепет, таинственной службы божией, или умолкало во время чтения евангелия; но этот бесчинный вопль шумом своим заглушал святые слова евангелия, не устыдившись самого царя бога, подателя жизни, чтобы ради приношения его даров заградить гортани (прекратить крик) и с благоговением постыдиться хотя бы на малое время того, кого и херувимы окружают в глубоком молчании, закрывая свои лица; не радели приставники о молчании и во время пения песни богоматери[172] (после возгласа) „изрядне“, короче говоря — тогда нельзя было слышать (в церкви) ни читающих, ни поющих, так что он сделал дом божий домом торговли, бесчинием победив благочиние. Первосвятитель же, стоя на своем месте[173] и будучи безгласен пред тем, чего не следовало допускать, ибо он (Борис) и славного одолел страхом, — по виду слу-

жил богу, а угождал человеку, так что можно сказать, что в тот день из-за шума в матери церквей литургия не была пета. И это происходило несколько дней, пока все бесчисленное множество людей не принесло клятвы, день за днем — в пору жатвы до девятого часа и долее, не выходя и производя шум в церкви, так что и святитель не смел приказать, чтобы заперли храм; настолько слово царя превозмогло, что приставникам не велено было уходить из церкви, если люди были там до вечерни[174] и дольше. Хотя сам царь там телом и не был, не было и изображения его, никто не смел не исполнить его приказания. Мы воистину сущего (бога) считая как бы не существующим, не боимся его и не трепещем, а высшая херувимов мать его с подобающим чином, как раба, предстоит пред ним как сыном и богом в воздержании и с бо́льшим благоговением, нежели лики бесплотных и святые. Чтобы показать наше невнимание, довольно и то напомнить, как собранные во время святых (праздников) мы оказываемся нетерпеливыми в молитвах и вместо того чтобы пробыть, не выходя из церкви, небольшое время, отведенное на молитву, и дождаться отпуска, презирая страх божий и его заповеди, входим и выходим, как бессловесные скоты, без времени и ходим без страха, кто где захотел, надеясь на свою волю, за что от него и будем осуждены; и не так бы еще были мы осуждены, если бы бог волею не искал всем нам спасения. А мы и не стали противиться своему своеволию, не страшась и находящегося в церкви образа владыки, сидящего на престоле, и не только образа, но и самого пресущего (бога), потому что, где церковь и икона Христова, там присутствует и сам он. Мы небесный страх поставили ниже земного и раба почтили больше владыки; конечно, этим мы привлекли на себя все зло, от которого даже и до сих пор не исцелились, за грехи каждого из наших современников.

Вместе с указанным ранее необходимо припомнить и третье недостойное дело того же миролюбца — именно то,

что клятва вызвала у людей губительное для душ соревнование, так как при выполнении клятвы они, как о добре, ревновали о том, чтобы занять первое место. Первым (из первых) был сам святейший верх (патриарх), затем — четыре Российских столпа — митрополиты,[175] а за ними благороднейшие из синклита, разделившись на две группы и повинуясь приказаниям мирообладателя, человекоугодливо стремясь скорее исполнить это перед лицом самого бога и одушевленного кивота — матери слова (Христа); при гробах умерших, прославленных святостью, эти пастыри дерзнули в своем присутствии приводить земнородных к клятве, как к жертве.

Не только в царском городе, но и по другим городам эта клятва совершалась в храмах. Было бы удобнее в церквах разрешать людей от клятвы, а не связывать их клятвенным обещанием. Если бы и не тут (не в храмах) клялись, не ту же ли исполнили бы ему клятву? А мы, которые изза своего безумия связали себя ею, чем можем освободиться от таких уз, по сказанному: „кто клянется церковью, клянется и живущим в ней“ и прочее. Мы сравнялись неразумием с бессловесной „пифицей“.[176] Благодаря попустителям, повелевающий этим сотворил ту дерзость, считая, что будто бы бог ограничен местом. Это они на деле показали людям, ибо сочли, что бог только в церкви пребывает, а не на всяком месте. Такую клятву можно бы приносить в палате или в другом месте, а так как он не захотел этого и так как льстецы, особенно ему угождающие в этом, понудили его к этому, уверив его, что там (в храме) клятва будет крепче, то (следовательно), по их мнению, бог не на всяком месте (присутствует) и не всюду все видит, не вездесущ, не все объемлет и как бы в горсти содержит всю тварь; но они сделали его ограниченным местом, как будто он обнимается только церковью. Его вся тварь не может ни вместить, ни объять, ибо бог сам себе предел и место, — так сказали богословы. Но, господи-всевидец, прости нам слова безумия, как отец (прощает) детям, осмелившимся ле-

петать о твоем предсуществовании и несказанности, потому что неведение, как сказали мудрые, злее греха; ты чрез неве́дение бываешь ведом всем верным, потому что непостижение тебя есть разум. Об этом для обличения нашей слабости можно было бы больше сказать, но нет надобности, а ради краткости для старательных довольно и этого. Богатые разумом сами хорошо и еще лучше это знают от божественного писания и сами нас просветят. Что же до клятв, принесенных в храмах, то нам надо не унывать, но искать покаяния у установившего различные примеры покаяния и ожидающего (его), ибо в его власти разрешать нас от них, как от бесовских ухищрений и хитрых коварств; он, который одним словом связал сатану, — если только умолим его прилежной и теплой молитвой, принеся достойные плоды покаяния, может запретить противнику радоваться (победе) над нами.

А прежде бывшие у нас цари не допускали во время своего царствования клятвы в храмах и были свободны (от такого греха) и даже совсем непричастны к этому законопреступлению. Они приказывали совершать такое (действие) для своего утверждения в жилых домах и без всякого прибавления, гибельного для душ человеческих, что придумал вышеупомянутый Борис, думая этим утвердиться, а бог эту ложную твердость превратил в совершившееся потом отклонение от него людей, ибо вскоре окончилась жизнь его, как пишется: „когда скажете мир и утверждение, тогда найдет на вас пагуба“.

[2]. Об утверждении имени того же (Бориса) письменами

Вместе с первыми того же (Бориса) дерзостями было и такое его бесстыдство и нападение на церковь. В ней был обычай: во всякий день после отпуска, после окончания всего пения в церкви, певчим на клиросах петь многолетие, (возглашая) в нем имена только одних царствующих (особ)

и первопастырей всех православных. А он здесь, вопреки установленному в церкви обычаю, проявил своеволие: приказал повсюду петь ему (многолетие) вместе с женою и детьми, думая этим сделать многое прибавление к своей жизни, однако же этим лишь укоротил ее. Точно так же и в производстве письменных дел, исполняя свою лукавую мысль, надменный в своей гордости, приказал, вопреки правилам первых самодержцев, во всяких бумагах обозначать его имя полным именованием, выписывая его в каждой строке, где имя его хотя бы и кратко будет упомянуто,[177] и приказал отнюдь не погрешать в таком полном наименовании, если в строках оно будет и часто повторяться; а те (писцы), которые в этом погрешали, получали наказание. Он думал этим учащением полного своего именования утвердить свое имя и сделать его памятным в роды и роды, не приняв во внимание слов об этом пророка, что „в одно поколение истребится имя твое"; так действительно и случилось.

Кроме того, не довольствуясь этим частым написанием полного своего имени в бумагах, — на самой верхней главе церковной, которая была выше всех других церквей,[178] к прежней высоте которой он, равняясь с нею гордостью, сделал в начале своего царствования большое прибавление и верх которой позолотил, — она и теперь, блестя, существует и всеми видима, превосходя своею высотою все другие храмы, — на нем (этом церковном верхе) на вызолоченных досках золотыми буквами он обозначил свое имя, положив его как некое чудо на подставке, чтобы всякий мог, смотря в высоту, прочитать крупные буквы, как будто имея их у себя в руках; он забыл слова пророка о таких (гордецах): „если, — говорит он, — вознесешься, как орел, и устроишь гнездо себе среди звезд, и оттуда свергну тебя, — говорит господь"; это (с ним) в скором времени и произошло. Ложный и самозванный царь в темной своей власти, богом на нас напущенный расстрига Гришка, прозвищем Отрепьев, придя, в царствующем городе при всем народе позорно его

низложил, как дикий козел барана рогами забодал, с самого престола поверг на землю и хотя и невидимо, однако же, ругаясь над ним, как бы на голову его встал ногами, издеваясь над его низвержением; но пространнее об этом будет сказано в дальнейшем.

А старания того (Бориса), которыми он хотел утвердить себя на царстве, не имели никакого успеха: ни это ранее упомянутое подобное столбу высокое здание, ни самые золотые слова, прибитые как бы на воздухе, ни частое упоминание его имени в бумагах; но, как паутина, все быстро без следа уничтожилось, ибо когда было низложено тело, погибла и вся его слава, о чем здесь и была речь. Так бог гордым, надеющимся на себя, противится и духовно ломает их рога.

[3]. О Борисе же царе

Тот же придворный и вельможа[179] притворством, а не на самом деле показывая себя кротким, все время своего правления обольщал людей искажением правосудия — из среды низких своих приверженцев, среди которых (ранее) был сам, многих с (занимаемых ими) низших степеней лестью (перевел) в высшие, так что они превзошли высших и более благородных, а потом, когда достиг предела своих желаний, обманул общие надежды. Во главе (приверженцев) он имел некоего наставника и учителя[180] своему злу, искусного во всяких злых кознях, (наставляющего его), как ему перейти от низших (степеней общественного положения) на высшие, от малых на великие, и от меньших на лучшие и одолевать благородных, — древнего мужа, который был приближен к государственным тайнам наших премудрых предшествующих царей, имеющего уже много лет и цветущего глубочайшими сединами старца; без него ни одна правителей тайна, ни одно постановление, связанное с установлением законов по управлению землей, не совершалось, потому что он был очень

опытен в делах среди соименных ему (т. е. дьяков). И среди имеющих высокие чины членов синклита — другого, подобного ему, до дня его смерти и после него до настоящего времени не находилось. Вот какого этот желатель царства нашел себе учителя, подобного себе по злобе и нраву! Помощником первому во всем был его меньший единоутробный брат.[181] Они были начальниками над сословием дьяков,[182] и действительно эта честная пара, эти два брата были достойны своего положения при царе, ради их разума вместе с чином и ради их земного любомудрия, кроме иных многих достоинств. Между обоими ими и тем (Борисом) существовала немалая, на кресте утвержденная клятва, чтобы им троим управлять царством. Кроме этих (двух), еще и иных многих, о том же для него старающихся, этот высокопоставленный „старатель" имел при себе, но не таких, как они. Спустя некоторое время, когда он достиг высокого положения, он нарушил данную двум братьям клятву и хотя не убил, но не убоялся сделать им зло, как и прочим: (именно) обоих их, как некий зверь, обратившись назад, зубами своими укусил, — оставил им жизнь, но изнурил их бесчестным и медленно текущим многолетним существованием и, отняв, лишил их имущества.[183] Так он заставил их проводить жизнь до самого гроба, не поставив ни во что такое их ему служение, так как и на царство он ими был посажен,—(говоря) сравнением, как бы на небо ими был вознесен; он был самому себе душеубийцей, преступившим клятву; как они ему даровали несвойственное, так и он им тем же (несвойственным) отплатил. Каким служением другой кто ему мог угодить? если бы и голову свою за него положил, ничего бы не успел. Что было дороже и выше царства, — а и это, по получении, им было ни во что поставлено. А эти двое, о которых ранее сказано, и головы свои и души за него противоестественно положили, но ничего не получили, напротив, больше себе повредили, — отлучив себя от бога и людей. Из сказанного же читающие, которые в жизни

его не видели и не слышали о нем, узнают нрав этого захватчика.

Когда он (Борис) восходил на верх всей царской высоты, к прочим утверждениям себя (на ней) он придумал прибавить еще и это: для закрепления его избрания пусть все люди, начиная с первосвятителя и всего синклита, даже и до самых знаменитых, напишут с подписями своих правых рук великую заповедь на бумаге, закрепленной (печатями).[184] Кроме этого, он не побоялся дерзнуть и на то, чтобы снять печать с запечатанного гроба и положить эту (хартию) в золотом ковчеге в раку к святым мощам русского первосвятителя, среди святых дивного чудотворца Петра, которую первые благочестивые самодержцы, а лучше (сам) бог от самого ее создания крепко утвердили, так что в течение многих лет ни святители, ни цари, занимавшие самое высокое положение, не осмеливались никогда ее открывать, как и прочие. А он, научаемый своими льстецами, твердыню этого многолетнего почивания дерзко раскрыл и внутрь ее эту полную любви к миру хартию — ненадежное утверждение своего лукавства — без стыда, как к простому мертвому телу, грубо бросил, принудив к этому и святителей, и после поругания этого киота через распечатание, опять в нем того (св. Петра) затворил. Он думал, что, полагая там эту (хартию), через нее получит утверждение, и его царствование будет благополучно и вечно, но в этой своей надежде он всецело обманулся. Простите меня, читатели, если я более, чем следует, смел, и да не опозорится вторично гроб, но досмотреть это следовало бы. Да не будет этого! Но, как некогда на собрании четвертого святого вселенского в Халкидоне собора,[185] еретики для обнародования положили в гроб св. Евфимии неправославное свое писание, и оно оказалось отвергнутым, (лежащим) в ногах ее, так и того писание — святителем Петром, верю, было не принято, потому что было задумано против воли божией, а не как православное, некогда положенное святыми отцами, которое

было хорошо принято св. мученицей и, очевидно, как угодное богу, удержано на груди преподобной, в правой руке ее, и его двое св. отцов, уже умерших, подписали как свидетельство согласия православных.

Таким (как Борис) людям дверь дерзания на подобные (дела) непозволительно открылась уже давно, возможно — от самого (того времени), когда прекратились (истинные) самодержцы. Ранее упомянутый Борис, ради бо̀льшей своей славы, начал к прочим заботам о кажущемся ему (лучшем) устроении земли присоединять (меры) к обновлению царства, начав с изменения чинов, — от первых и до последних. Вследствие таких действий тогда со всеми происходило то, что простые без всякой меры и времени возводились им на места благородных, ради того, что первые наушничали ему на вторых, как об этом подробно рассказано ранее. Этими распоряжениями о водворении низких на места благородных он в сердце благородных вонзил глубоко обдуманную и неугасимую стрелу гнева и ненависти к себе, что потом и нашло свое завершение, — после того, как он нанес им в последующее время вместе с этим и другие оскорбления. Вслед за этим он, а еще более такие же, после него бывшие, превратили в ничто должности начальников, следующих за первыми вельможами, действительных (настоящих) дьяков, которые в этих чинах состояли и почтены были данной властью по избранию и благоволению, без всякой награды отказывая им, а на их место на долгий срок назначили поставленных за взятки. Эти не привыкли (к делам) и не знали совершенно того, что в достаточной мере и самостоятельно постигли наученные долгим опытом изрядные дьяки, опытные в управлении и в постепенном движении текущих дел. Те же едва только немного и несовершенно умели каждый при начертании своего имени пером на бумагах криво, как бы не свою, трясущуюся протащить руку и ничего более. На прочее же, что было свойственно подобным чинам, они были никак не способны, разве

только на явное и тайное совершение зла, на то, что противно добру; и они были очень искусны, и ревностны и пригодны на всякое неизмеримо бесстыдное дело. Они отбросили от себя великий страх, и божий и царский, облеклись самовластно в бесстрашие и имели в себе только одно готовое, укоренившееся от рождения, злое желание и умение — богатство своих господ по-язычески безжалостно, не глядя назад, разорять, а свои ненасытные сундуки бесстыдно, а лучше сказать, бесстрашно наполнять.

Более чем о другом необходимо сказать и о том, что здесь, среди нас, делали такие (люди) в настоящее время. Все, что подчиненные им приготовят в бумагах — нужное или ненужное, — они принимали все всегда без рассуждения, охотно и беспрекословно, как правильное, не понимая, нужны ли (тут) подробные или краткие слова. (Это делали они) не только потому, что слова были изложены красиво, как требовалось временем, но по примеру характера и обычая неразумных свиней: когда кормящие их дают им для питания хорошую или плохую пищу, они не отказываются — солоно ли что, или пресно. И даже если что и смертное (ядовитое) — растворенное и скрытое — принести им, они этого не понимают; то же разумей и о тех, о которых сказано ранее. Пред подчиненными им они бывают немы, так как принимают от них чрезмерные взятки, побуждаемые к этому своею жадностью, что и связывает их уста. Подобно тому, как на трапезах богатых слуги лишаются и тех малых крупиц, (которые падают со стола), они (богатые) и великое и малое, и верблюдов, и комаров, то и другое вместе сами пожирают, не разбирая. И я не понимаю, по каким побуждениям подчиненные им в таких случаях остаются покорными. Чрез них и им и всем вообще близким мне людям было причинено зло, кроме других неисчислимых напастей, и от изнурения, — даже до того, что в этих нуждах многие скончались, и количество их бедствий даже сами случившиеся там зрители не могут передать в словах слушающим и читаю-

щим, которые сами каждого из них не видели. Не стану удлинять слово, но как пишется: не следует слепому вождю вручать (дела) церковные и вверять монастырь расточителям, а неумелому кормчему управлять кораблем, — вредно также к управлению в городе людьми допускать невежд, крохоборцев и мздоимцев, на это только одно время и поставленных, а никак не на добрые (дела), потому что „злое дерево доброго плода не приносит“ и прочее. Го̀ре пастве, в которой пастырь дремлет, и монастырю, который расхищают расточители, и кораблю, которым управляют неопытные, и городу, плохо управляемому мздоимцами. И если первый стал губителем стада, последний явился предателем города: пасомых уже пожрали звери, а монастыри до того опустели, что и основания их уничтожились, опрокинутый корабль погрузился (в воду), хотя и не утонул совсем, — это есть Христова церковь, а самый город весь окончательно разорен был разрушителями до того, как будто его и не было. Итак, как раньше сказано, повсюду многие один за другими, за худыми более худшие стремились к власти, и день за днем и один за другим с злою ревностью устремлялись на злые (дела), чтобы ни один из них, даже и самый худший из всех не остался непричастным этому несвойственному им званию.[186] Совершаемые такими людьми злодеяния были допущены из-за молчания тех, кто стоял у власти и не запрещал им страхом, или из-за бессильной слабости, потому что не истекло еще определенное им время. Они не предполагали, что исполнению их желания способствовало, по попущению (божию), и самое время; к этому надо прибавить, что мы тогда переживали и временное отсутствие управляющей главы,[187] но это только до дня восстановления власти — согласно с притчей, когда владыка дома, придя, захочет тщательно договориться со своими рабами об условиях управления домом.[188]

Ум имеющих свое мнение повергает в смущение и перемена в России мест тех, которые (занимали) должности

первых святительских престолов, — именно переименование их чрез возвышение титулов с низших на высшие.[189] Это произошло при благочестивом царе Федоре, при управлении (царством) того же Бориса, а именно: митрополит переименован был патриархом, архиереи стали митрополитами, а епископы — архиереями. Об этих священных возвышениях я не осмеливался (говорить), присоединяя речь о них к другим делам гордости Борисовой, чтобы не прогневать бога, так как они совершились во дни благочестивого царя. Ныне меня постоянно смущает то, что это происходило при того (Федора) державе и при заведывании делами того же гордеца и так как было началом его гордости и стало неполезно тем из начальствующих, которые этим красовались. Не следует оставлять без расследования, от бога ли это дело, чтобы верные утвердились, а колеблющаяся мысль укрепилась.

Глубокий[190] плач из середины сердца и горькое рыдание от лица святого, великого города (обращенные) к могущему спасти меня богу на того, кто не как добрый правитель, а как мучитель владеет мною; меня называют новым, но на деле я современен древним, такое название определено было мне богом с самого начала[191]

В древности (император) Тит за превысившие меру грехи евреев разрушил Иерусалим, — и не удивительно, потому что он был царь. А меня — новый, подобный Сеннахериму[192] и прочим, после него (царившим) на востоке и разорившим Сион, — хотя скорее дьявол, нежели его слуга, ревнитель зла, своею злобою превосшедший всех бывших и будущих злодеев, Мартинианин по ереси[193]; хотя и бездушный, — однако он лукаво проглотил меня всего, как вепрь, тайно ночью пришедший из дубравы и, как дикий осел, съел меня, а теперь и кости мои оглодал. Не по-божески, а коварно

перелез он стену и, войдя в меня, бо̀льшую часть города обратил в пепел; разорить меня совсем не позволил ему бог мой. Солгав не людям, а богу, и, преступив крестную клятву, все богатства мои он отобрал и, захватив всего меня, привел в совершенное запустение, и жилища моих (жителей) уничтожил, и основания их раскопал, злом врачуя зло и древнею злобою зло, подражая своим отцам. А когда владыка мой ради умножения моих несчастий сделал ему такое послабление, он, вселукавый, на много лет, как в елей, опустил в меня свою ногу и, найдя, как гангрена, жир, разжирел, потолстел и расширился (стал тучным) и, оставаясь безвыходно в берлоге, постоянно дышал против меня огнем ярости, ненасытно отбирая у всех оставшихся (в живых) людей моих — священников, иноков и мирян, последнее серебро; сокрушив их голени, он, подобно псу, уже из сухих костей сосал их мозг. „Пес, где найдет сухую кость, гложет ее“, — так сказал некто премудрый. Так и этот, подобно аду, ни разу не сказал: „Досыта (наелся), довольно мне“, но и пазуху всей земли своей, обремененную всяческими богатствами, наполнил моим добром; кроме того и свою правую руку и (руки) подчиненных ему безмерно оделил наградами, чтобы и оставшееся уничтожить. И доныне он поедает меня окончательно своими все пожирающими зубами, — моя пища каждый день постоянно находится в его устах; он, как змей с лютой злобой, обвив меня своим хоботом от головы до ног, доныне меня удерживает за собой. Даже моих нищих, живущих в лавре монахов того и другого пола, мужчин и женщин, которые когда-то, при нестерпимом рабстве, ели воистину чужой хлеб с сильными, а теперь — с изнуренными, он разыскал и одинаково вместе с прочими подчинил такому же рабству, (заставив платить) подати, — явно более ненасытным сребролюбием; он показал себя во всем беднее самых нищих, ради денег раздробив без милосердия их смиренные ноги батогами. Но и этим еще до конца не удовольствовался, в злобе восстав на самого

бога, питающего скитающихся по миру нищих, которые имеют один только сухой и чужой кусок хлеба; всех их он осудил на изгнание из моего города и, не побоявшись бога, грабежом лишил их за городом даже самых рубищ, всех до конца обнажив. Тьмою своего нечестия он, окаянный, неистово омрачил все, дыша злобой на христиан, забывая, что и нам есть заступник — бог, могущий и ныне, как в древности, в пустыне, манною напитать своих людей[194] и дать им одежду и довольно всего для них необходимого.

Скажи мне, — кто в странах, находящихся кругом их земли, не посмеется его безумию? Последними крохами моих убогих, собранными слезными крупицами, тот, кого не могло удовлетворить все бесчисленное множество моих разнообразных богатств, думал обогатиться! Ужели он старался слезами нищих насытить свою бездонную утробу, которая ненасытнее ада? О, неизлечимое и гибельное его ослепление, напоминающее безмерное сребролюбие Иуды! И неужели не умилосердится надо мной бог, умоленный ходатайством за меня моей вседержавной заступницы и лика святых? Огорчившись за людей моих, ужели она, всех царица, не принесет, ходатайствуя, стоны и воздыхания, и плач их к своему сыну? И ужели не спасет меня она от поглощения пастью и зубами того аспида[195] такими же средствами, какие знает сам мой бог, и совершенно не избавит меня так же, как (бог Израиля), когда услышал он вопль Израиля в Египте и всемогущей силой, взяв (народ) как бы на крылья орла или ветра, безбедно, славно и до конца освободил своих людей от фараонова рабства.[196] Верным доныне не известен конец злодейств, которые после этих будут мне (причинены) этой ядовитой змеей,[197] разве только до тех пор, пока движение сердца названного не услышит ухо божие и пока тот (бог) не разорит все его замыслы, как (сказано): „Замыслили решения, которых не могут исполнить“; и в другом месте: „Я сказал, прежде я“, и после этого: „убью и дам жить, поражу и опять исцелю“. Если „во гневе своем не лишит нас совсем щед-

рот своих", по слову Давидову: — „сказал, ныне начал: это перемена десницы вышнего", и потому что обещал, то силен и исполнить, ибо он с нами и ныне творит чудеса, и есть бог, который в древности избавил от рабства фараонова весь Израиль, если только вопль мой дойдет до слуха господня. Об этом довольно, а все прочее о начале и середине бедствий этого (города) до происходящего (теперь) подробно будет рассказано ниже.

Так и Борис, когда почитался равными ему по чести и за царя хорошо управлял всеми людьми, тогда казался во всем добрым, так как являлся в ответах приятным, кротким, тихим и щедрым и был всеми любим за уничтожение в земле обид и всякой неправды; все думали тогда, что после царя во всем царстве не найдется, кроме него, другого такого справедливого (человека). Ради такого его правосудия все люди земли, с радостью (допустив) его до церковного помазания,[198] обманулись в нем. Когда же он получил столь чудесный и высокий сан и такое совершенно ему несвойственное звание, когда выше природы он окончательно оделся в великолепную порфиру пресветлого царства, тогда он обманул ожидания всего народа, который с надеждою на предполагаемые блага, а вместе и с сердечной верой в него ждал от него лучшего. Получив такую славу, он тотчас же переменился и оказался для всех совершенно нестерпимым, ко всем жестоким и тяжким; сделав людям немного добра, он этим обманул свою державу. Солгав, он приобрел себе великое и обширное царство, но не вечное, так как тотчас же и тем (людям) и себе — как телу, так и душе своей — причинил двойную рану, потому что в этой жизни он насладился тогда многою честью от всех людей. В годы до его царствования, когда он был правителем, та же честь как бы собралась в одно место, и тогда он покойно, как бы на груди Авраама, пользовался счастьем

больше, чем после, по получении царства, потому что во дни царствования никакого счастья у него не было, а были только в членах его трепет и боязнь всех из-за величия и наименования сана; а к этому прибавилась еще неизлечимая болезнь и скорбь из-за телесного недуга, а также его злость и недоверие к людям, потому что прежде получения (царского) сана он сам с собою не рассудил и не подумал о своем бесстыдном дерзновении на несравнимое величие сана; „он красил и гроба праведников“ книжно, по-фарисейски,[199] как писано в (Евангелии); думается, что (он делал это) из гордости, потому что это явно показал их (фарисеев) конец. Тот, кто приказывал слить их (гроба праведников), сам на себя произнес евангельский приговор, так как пришедшие в нашу землю народы[200] все их (гробы) разбили, а другие на мелкие части раздробили, многие переделали в серебряные деньги, а остальные (употребили) на разные свои потребности; (из этого) ясно, что они не для бога, а ради тщеславия были сделаны, поэтому и не приняты были ни богом, ни его святыми, и не утвердилось это деяние на вечные времена, по (словам) книги апостола:[201] „дело каждого обнаружится, — ибо день покажет; оно в огне открывается, и огонь испытает дело каждого, каково оно есть. У кого дело, которое он строил, устоит, тот получит награду, а у кого дело сгорит, тот потерпит урон“. И если это сказано апостолом об испытании человеческих дел в последний день, то ведь и нашествие язычников на нашу землю и наведение их на нас — от господа же было, ибо и прежде последнего дня еще здесь этим делам приключилось уничтожение, подобно тому, как в последний день они были бы подвергнуты испытанию огнем. И если бы угодно было и приятно богу дело того (Бориса), то оно пребывало бы вечно, а все, что он созидал из гордости, было разорено богом. Всякий, любящий показать себя, называется тщеславным, и все, что делается для показа, создает плод не для будущего века, а рассыпается (в человеческой по-

хвале). По писанию, богом принимается только то, что (делается) без гордости, кто тайно творит благо, что ясно показал и Христос в Евангелии: „пусть не знает левая рука, что творит правая“, — такому совершению добрых дел втайне он научил нас.

А наш договор о заключении мира с поляками тогда не достиг еще и середины, потому что они причинили нам зла больше, чем другие народы; не было хотя бы некоторого согласия, чтобы начать совещание, какой вид примет этот с ними договор, (каково) будет его начало и как он завершится.[202] Ибо если и много раз в разные годы многие народы воевали и, не переставая, наступали на нашу землю, но никогда так, как теперь, не одолевали (нас) и никогда не делали ей со всех сторон такого вреда, как ныне.[203] Тогда, без союза с ними наших людей, они, сражаясь, лишь ломали свои копья и сокрушали щиты, и в своем сопротивлении очень осрамились ложной победой, так как им не было облегчения и помощи от перешедших на их сторону наших изменников. Если бы не вышли от нас теперь по своей воле эти богоотступники и изменники благочестия, скорые предатели христиан, новые глубокие нарушители нашей веры, самовольно оторвавшиеся от единства с телом Христовой церкви! Они своим соединением с неверными, после обоюдного с ними соглашения против нас, и своими совместными с ними действиями опять заново навострили их оружие и мечи их сделали обоюдоострыми и всем нашим дали полную возможность выступать против своих же, изменяя родине; из-за них иноземцы одолевают нас и, как видно по всему, мы будем окончательно ими побеждены. Из этого вот что ясно: если бы наши не соединились с ними против нас, одни они (враги) таких побед над нами никогда бы не могли одержать, хотя ранее и многие у нас с ними были сражения.

[IV]. ДОПУЩЕННОЕ НА НАС БОГОМ БЕЗЗАКОННОЕ ЦАРСТВО РАССТРИГИ

После этого (воцарения Бориса) восстал из своего логовища лютый молодой лев, подлинно враг, не столько человек — наделенное даром слова существо, сколько воплотившийся антихрист,[204] и как темное облако, поднявшись из глубокой тьмы, неожиданно, почти внезапно, напал на нас; испуганный слухом о нем, царствующий над нами Борис, гордый с низшими, ужаснувшись его устремления, низвергся с высокого царского престола. Примерно он (самозванец), как комар, не дойдя, поразил льва, как пишется. Но не тот, а своя совесть его низложила, так как он знал все, что сам некогда (делал). А этот происходил из худого рода и родители его были из весьма низкого сословия, — потому что его изрыгнул город Галич.[205] По всему, детище законопреступного Юлиана[206] и его беззаконное порождение — Гришка, по прозванию Отрепьев,[207] послан был не столько на нас, сколько для того, чтобы поразить страхом того властолюбца, придя предать его — неправедного — праведному суду; до этого времени праведный гнев терпел Борисову дерзость. Присвоив себе подобие царского сына и славное имя Димитрия Ивановича всея Руси, (сына) прежде упомянутого великого между царями победителя, он назвался сыном его, во всем ему чужого, кроме разве того, что он был одним из бесчисленного, как песок, множества рабов его и таким же, как и прочие, его рабом. Как море в своих глубинах не знает каждого из живущих в нем мелких животных, так и при царстве того не был известен тому (царю Ивану) ни род, ни имя этого, — а он осмелился назваться сыном его, этим приближением (к нему) как бы пристроившись к богу. Так как бог это терпел и допускал, он пришел от севера[208] в мать городов русских, в город Москву, соединившись с многими силами безбожной Литвы и с перешедшими к нему и изменившими (родине) всеми благородными началь-

никами войск Российского государства, — с воеводами бранных сил,[209] которые были русскими людьми и были поставлены держащим тогда скипетр Борисом на защиту против того (самозванца) в пределах всей Северской земли. Но они, (уклонившись) справа налево и (изменив) преступно крестной клятве, подчинились воле обманщика, — одни, соблазнившись лукавой его лестью, а другие, немало прельстившиеся его хитростями, думали иное, считая, что он вправду царь, каким-то образом спасшийся в том изгнании, куда был выслан Борисом, действительный царевич Димитрий Иванович. Еще когда он находился вне пределов Русской земли, все добровольно подчинились ему и поклонились, как царю, в действительности же идолу, — страх ожидания смерти от острия меча одолел их. Вместе с этим всем надоело и Борисово притеснительное, при (внешней) лести, кровожадное царство, и не из-за тяготы наложенных на них податей, а из-за пролития крови многих неповинных; ложно надеялись при нем (Расстриге) отдохнуть и получить хотя малый покой. Но в своих надеждах и ожиданиях все обманулись; хуже нечестивых, которые прежде никогда не назывались православными, он хотел нанести всем окончательное зло, злейшее и бо̀льшее всякого зла: после его смерти от его приближенных узнали, что он, окаянный, хотел, по злому замыслу врага, совершенно уничтожить из памяти Христову веру, вечно цветущую православием, если бы господь не прекратил дней его жизни.

Каково начало, таков и конец его, потому что он был так жесток, нагл и вместе дерзок, как Иуда, который имел смелость (присутствовать) на тайной вечере.[210] Так и этот в своем злом умысле, прежде чем получил царство, дерзнул одеться в монашеское одеяние, но и этим, окаянный, не удовольствовался, а к этому прибавил еще и другое: не постыдившись, вскочил как бы в огонь — принял на себя и священнодиаконство у великого[211] и солгал по умыслу противного (дьявола); он сам знал, что, выполняя свои замыслы,

он своим отречением может обесчестить священство и монашество, что вскоре и случилось, когда пришло установленное для этого богом время. Самовольно отрекшись от того и другого звания вместе, от священства, говорю, и монашества, с ними отрекся также, окаянный, и от обещаний, данных при святом крещении, что узнано было от достоверных свидетелей, а еще лучше из его дел. Явившись вполне сатаной и антихристом во плоти, он самого себя принес в жертву бесам. Еще когда был он среди латынян, — ясно, что (туда) он богом был изгнан из земли верных, — там дал обещание ради скверного брака и совокупления с его дочерью сделаться зятем одного неправославного, противящегося духу еретика,[212] который мог (помочь) ему выполнить весь его злой замысел, получить совершенное исполнение его желания: коснуться некасаемого, т. е. получения царского звания, что и случилось. Тех, которые хотели обличить его, он одних явно, других тайно убивал, а иных ссылал в изгнание, прочих же всех, которые осмеливались делать то же, устрашал, так как имел при себе много прихлебателей и угождающих ему друзей, которые друг с другом тщательно соревновались.

После смерти царя Бориса осталась супруга его,[213] как вдовствующая горлица, имеющая при себе только две отрасли: именно сына, называемого даром божиим,[214] обладающего правом (носить) скипетр управления державою и уже при крестной клятве избранного на царство и твердо принявшего в свое подданство всех людей отеческой державы; одного только тогда недоставало — он не был еще помазан, и это отложено было на малое время из-за того, что препятствовала подготовка войска к войне; и дочь, девицу, жившую в тереме,[215] вполне уже созревшую для брака, по смыслу имени ее — странницу (гостью). К ней, по воле отца, когда отец еще был жив, привезен был из другой земли жених, сын одного дружественного ему короля,[216] но брак не состоялся: бог не соблаговолил исполниться намерению

людей. А в скором времени поспешил приблизиться к городу ранее упомянутый похититель царства. Он эту мать, уже вдову, родившую раньше этих обоих детей, вместе с ее сыном, ту и другого — как-то бессмысленно и насильственно решил убить и прежде своего вступления в город победителем, послав пред собою некоторых из своих приближенных в их наследственный дом, увы! предал тайно смерти. Думаю, что этот отрок, чистый телом, предстал Христу, так как греху родителя был непричастен. А бдительно охраняемую девицу, он, после своего вступления в город, как рабу, без всякого царского чина, с ласковым принуждением вывел из царского дворца и в частном доме угождавшего ему и приближенного к нему нового вельможи, без ее согласия, срезал, как недозрелый колос, — одел в монашеские одежды. И было бы удивительно, если не было ей чего-либо тайнооскорбительного от отступника.[217]

Прежде, на высоте твердыни царства, при ее родителях, ее, находящуюся в тереме, едва и солнце в щель когда видело, так как „слава дочери царя внутри“, по писанию; а тогда ее, не оберегаемую, осматривали глаза и многих самых низких людей. И от того времени еще (долгие) годы к большему бесчестию продолжилась ее жизнь даже до четвертого после ее отца царя, так как часто переменялись тогда правители; она перенесла (много) переселений с места на место и из лавры в лавру, и ее жизнь продолжалась до такого бесславия, что в то время, когда весь царский город окружен был неприятелями и находился в осаде, она, заключенная в нем вместе с прочими, пережила всякое бесчестие, нужду и недостатки, даже до того, что и руки иноплеменников, врагов отца ее, пренебрежительно ее осязали. О прочем я помолчу. Насколько кто достиг в царстве захваченной высоты, настолько больше (получит) бесчестия среди нижайших. Явно, что за грехи родителей ее и всех ее родных она одна за всех перенесла всякое бесчестие. И пусть никто на основании здесь сказанного не предпола-

гает чего-либо оскорбительного для ее невинности, будто бы это (случилось) по ее воле. Да не будет этого! Разве только после многого насилия — за прежние грехи ее родителей это допущено, а она была неповинна. Ибо она не знала и не понимала ранее, что такое плотский грех, потому что не слышала об этом со времени ее рождения, кормления и воспитания ни от старших, ни от низших, среди которых никогда не произносится никакое гнилое слово, а преимуществует только все особенно честнейшее и в делах, и в словах. И откуда можно было научиться ей другому, если не только она, но и ее служанки, от имеющих чины до самых последних, привыкли только к хорошему, а тем более дочь царя? Это все знают. Господи, сподоби ее за это бесчестие получить будущую вечную честь таким образом, как покупают вечную жизнь и праведники.

Обратимся опять к ранее сказанному.

Он (Лжедимитрий), отступник бога, нашел себе и патриарха, не имеющего священного сана, по имени Игнатия,[218] и посадил его на преосвященном великом престоле вместо существующего православного патриарха Иова, первого в России; сменив, он осудил его (Иова) на изгнание[219] в один город. В скором времени привозится в царствующий город и сквернавица,[220] обещанная этому сквернителю и нашему за грехи наши обладателю, посланным за ней одним из сановников, соучастником его, Афанасием Власовым,[221] который человекоугодливо ради гнилой чести от души и сердца служил ему. Богопротивно, однако в украшениях, в царских нарядах, она, как царица, подобно фараону на колесницах,[222] со своим отцом привезена была в царствующий город; дыша еще в пути огнеподобной яростью ереси, она шла на христиан не как царица, а как человекоподобная змея, уподобляясь тем женам, о которых сказано в Откровении (Иоанна) Богослова:[223] „одна другую, нечестивая благочестивую, желала потопить водой из своих уст". Но эта ехидна если и не водой, как та, но в крови пото-

пила всю Россию, весь мир наш, — кто этого не знает? А привезший ее, участник в тайных делах его, Афанасий не по достоинству и несправедливо принял от пославшего его некоторый сан и двойное к имени прибавление чести: он поставил его выше всех, хранителем и распорядителем всех находящихся в кладовых царских украшений и вручил ему всю царскую казну. Его же, как видели некоторые, он (самозванец) назначил впоследствии и предшествующим себе, (дав ему) чин второго боярина, идущего с прочими пред лицом лжецаря; достойные высшего звания тайно и злобно завидовали чрезмерному, постоянно оказываемому ему (возвышению).

Вскоре после того, как нечестивая его супруга прибыла в царский город, злой участник ее скверностей, созвав собор православных, прельщает их лестью и, делая вид как бы справедливого совещания, лживо советуется с ними о крещении своей подруги. Он спрашивает: следует ли ей второй раз креститься? Этим обманом он, окаянный, вменяет ей латинское богопротивное крещение в истинное христианское рождение через купель, говоря: зачем ей второй раз креститься? Ясно, что он не хотел привести ее к истинному просвещению. Потом, когда, по соборным правилам, для суждения об этом пред лицом лжецаря в помещении его дворца сошлись все священные судьи, одни — немногие — из отцов справедливо не соглашались, чтобы она — непросвещенная — взошла с ним в церковь, — прочие же по слабости человекоугодия, сильно желая мирской славы, поддались ему, хромая, как больные, на обе ноги, не по-пастырски, а по-наемнически прельстились и вместе побоялись и, повинуясь, допустили исполниться его воле. Видя это, и первые умолкли, так что слова беззаконных пересилили, и все перед ним отступили; а не имеющий священства патриарх готов был весь ему (отдаться), так что и другие за ним соблазнились. А он, хищный волк, видя всеобщее бегство и нетвердое разумение, — они дали ему поступить по его воле,

захватить царство, — (понимая), что они не запретят ему также и в церковь войти с прочими нечестивыми, что и совершилось, — решает задуманное им вскоре привести в исполнение; он пренебрегает не только человеческим стыдом, но не ужасается, окаянный, и страха божия и в уме о нем не помышляет, думая, что бог как бы не существует, „потому что безумный сказал в сердце своем: нет бога". Как будто в простой дом, в (храм) вседержавной нашей надежды и всемирной заступницы (он) вскочил, как пес с всескверною сукой, с множеством латынян и еретиков и дерзко воссел наверху царского престола. Тогда весь храм видимо наполнился подобными волкам еретиками, а невидимо — мрачным облаком тьмы — бесами, радующимися и обнимающими их. Думаю, что благодать божия отступила тогда, чтобы исполнилось сказанное: „увидите мерзость запустения, стоящую на святом месте"; читающий да разумеет. И видящим его тогда (он представлялся) ничем не меньше самого антихриста, недостойно сидящего на престоле, а не царем. Эта скверная дерзость преступления закона (совершилась) в день праздника перенесения честных мощей великого во святых архиерея Николая Мирликийского,[224] который не праздновался. Тогда совершались там беззакония большие, чем на празднике Ирода:[225] воюя против бога, (он) осквернил святыню, еретическими ногами попрал царское помазание и брак, так как его помазывали и венчали невидимо по своей воле бесы при отсутствии благодати. О, твое долготерпение, владыка! Почему не раскрыла своих уст земля, как в древности при Дафане и Авироне?[226] Куда тогда отошло твое долготерпение, где находилось незлобие и величие того, кого не может вместить вся сотворенная им тварь? Поистине ты, пресвятый господи, есть сам себе предел и место, по (словам) богословов. Знаю, что долготерпение твое определило дать ему (самозванцу) выполнить всю злобу его желания, чтобы за это он сам себе устроил жесточайшую муку.

А он, развращенный, прожил незаконченный и прерванный срок своей жизни, предаваясь греху, во всяком блуде и беззаконии, как раб, и уподобляясь во всем скоту; как был он рабом, так и остался, потому что, пребывая во плоти, как в гробе, и всячески наслаждаясь, он и тени не показал образа царской жизни тех, которые до него справедливо царствовали. Свое существо он обнаружил своими делами с подобными ему в нравах советниками, обнаружившими свой младенческий ум в делах, а не в годах; некоторые, преодолевая при нем из любви к временной славе свою глубокую старость, получив чрезмерные богатства и несоответствующие их природе чины, (проводили время) среди всяких мерзостей и музыки. Со своими приближенными, участниками во всех его делах, он жил мертвою жизнью, как богатый из притчи, каждый день веселясь великолепно и полагая, что жизнь его будет долгой. Он — недостойный — ради гнусных дел не по достоинству раздавал царские чины недостойным, не (согласуясь) с происхождением и возрастом, не по родству и не ради заслуг по службе, но (ради заслуг) весьма постыдных. Это было подобно тому, как пес, когда как-то случайно где-нибудь похитит не то, что свойственно его природе, а пищу царскую, бежит съесть ее в тайном месте, а другие псы, увидев эту похищенную им пищу, отнимают ее у первого и все вместе наслаждаются тем, что не соответствует их природе и, как несвойственное им, пожирают, разрывая на куски и кое-как, вырывая и отнимая один у другого и много теряя, причем один захватывает много, другой мало, так как известно, что всем им это не свое, — а за это прочие, обиженные, их грызут. Такое же толкование (можно приложить) и к сказанному, по (словам) премудрого:[227] „как многоценные серьги у свиней в ноздрях“, так и чины у недостойных; каков дающий, таковы и принимающие: ни дающий не понимает, что дает, ни принимающий не знает, а если бы оба понимали причину этого, не присваивали бы им несвойственного. И Борис в таких

делах немногим отличался от этого; но закончим опять слово о первом. Хранилища всех ранее собранных царских сокровищ, даже до золотых и серебряных монет, увы, все он опустошил без порядка и рассмотрения не в меру расточительно, все считая за глину, а не за серебро, и раздавая драгоценности: ясно было, что он над ними не трудился; а их число невозможно выразить и многими десятками тысяч; думаю, что их количество превысит и множество песка. Этим он обогатил и землю богопротивных, а вместе и латынствующую Литву, оставив в казнохранилищах лишь малый остаток, и остановила его в этом только его смерть.

Но, однако, царствующий над всеми не допустил ему целый год осквернять престол благочестивых, и величие гнева божия прежде вечного суда не стерпело множества его нечестия; хотя он и ушел тогда в царские (палаты), все-таки не избежал гнева от нелицеприятного суда христова и вскоре неожиданно уничтожен был с теми, которые были им возлюблены, но не со всеми. Когда весь народ, воздвигнутый богом, воспламенился, как огонь в Иакове,[228] и поднялась против него (расстриги) очень сильная буря, взята была от жизни неживая жизнь его и тех, которые были с ним, и „память его с шумом погибла", как сказано. И чудо! Так как бог крепко удержал многих и (оставил) непроизнесенной весть, предупреждающую его (самозванца) о смерти, он — преокаянный — не мог узнать, что находится в мыслях у сговорившихся,[229] а если бы даже хотя какая-либо малая часть известия об этом не осталась тайной, был бы великий вред делу и возникли бы препятствия. Но человек не может воспрепятствовать божию совету, так как никто не может перемудрить его, когда сказанное должно исполниться. Такой замысел был скрыт и от него, и от любящих его, и стража его, ратники, заведенные им и поставленные около его опочивальни с блестящим военным оружием, чтобы охранять его жизнь и оказывать ему помощь, не смогли одолеть христиан, и многие из них побросали к ногам пра-

вославных свое оружие, не употребляли его в дело, поняв, что на него изливается гнев божий. Кроме этого, с ним вместе погибла и противящаяся богу Литва, посадившая его на царский престол, и войско, пришедшее с ним в наш царский город, среди которого было много благородных, лучших людей; как олово в воде, среди царского города все они сразу потонули, и ни один из них не спасся; как в древности случилось с фараоном, так и среди нас теперь тот же бог чудодействовал. Такой конец бывает со всеми, кто неправедно восстает на землю православных, как и пророк сказал: „составили замыслы, которых не могли выполнить", и прочее. Так (будет) и теперь с некоторыми тайными замыслами неверующих против нас — когда всеведающий определит время, он не замедлит уничтожить их намерения, потому что он может (это сделать), если укротит ярость гнева своего против нас. Теперь же закончим ранее сказанное.

А мы тогда, думая отомстить злочестивым за свою гибель, увы, бо̀льший вред причинили этим Русской земле, так как бог, очищая наши прегрешения, сохранил более лютый, чем они, гнев свой на нас за наши грехи: сами мы этим всю землю их против себя привели в движение.[230] И если тогда на малое время мы порадовались их погибели, то с того времени и доныне много и неутешно плачем: мы воспламенили сильный огонь и подвигнули их даже до того, что вскоре они пришли с многочисленным войском и пограничные наши города уничтожили и дошли до самой матери городов (Москвы), и все ее входы и выходы, устроив осаду, закрыли и надолго так оставили, и жилища себе около стен города на долгое время устроили, так как никто не мог оказать сопротивления их быстрому нашествию. Самого же царя, который вновь незадолго до этого самовольно, хищнически, бесстыдно из боярского сословия вскочил на царство, — думаю, ясно, что не по божественному промыслу, как показал всем небесный суд в конце дел его, — ибо он царствовал нечестиво и мало времени, — его, князя Василия

Шуйского,[231] со всеми его воинами, как в худой клетке, в городе безвыходно заключили. А потом (они) разбежались, как звери, и города и селения всей России не только мечом опустошили, но, предав различным видам смерти, до конца уничтожили весь народ; вообще говоря, не было места, где бы горы и холмы не поливались кровью правоверных, и долины, и леса все (ею) наполнились, и вода, окрасившись ею, сгустилась, и полевые звери и птицы телами верных насытились, и где бы множество (тел) ими не было истреблено; а все оставшиеся, смешавшись с землей, истлели до всеобщего воскресения. Но меч гнева еще и доныне, перескакивая с места на место, отыскивает земные остатки, где что есть, и, не переставая, все уничтожает.[232] Часть верных, соединившись вместе с злочестивыми и с тем, кто вскочил без (божия) усмотрения, по разбойнически, на царство, давала злые советы во всем этом зле, о чем будет речь впереди. „Поставили себе князя, не спросив меня“, — сказал бог: „ты согрешил, — умолкни“.

Поищем у себя и все усердно постараемся, прежде всего, уяснить то, за какие грехи, не бессловесного ли ради молчания наказана наша земля, славе которой многие славные злобно завидовали, так как много лет она явно изобиловала всякими благами; ибо согрешили (все) от головы и до ног, от великих до малых, т. е. от святителя и царя, от иноков и святых. И если кто захочет (описать) по порядку все злодеяния — как эти, так и те, которые могли разжечь против нее неизменное божие определение, — поставлен будет в затруднение, — какое из них могло раньше других возбудить ярость гнева у судии: от одного ли какого-то неистового греха, как от многоголового змея, могущего своею тяжестью заполнить место всех зол, или от всех зол в совокупности, собранных в одно место, произошло все наше наказание? И если кто и начнет по именам их (злодеяния) исчислять

или прочитывать и прочее, то, обессилев, бросит писательскую трость, не перечисливши по порядку всего множества злодеяний. Ибо многие (пороки) привыкли рождать подобных себе; таких было великое (число), но я здесь упомяну кратко только о самых важных, которые в настоящее (время) пришли мне на память.

Прежде всего назову необдуманную дерзость клятвопреступления при клятвах. О ней пророк, предвидя, сказал: „велика казнь огненного серпа для того, кто солгал в клятве"; затем — богомерзкую и окаянную, безумную гордость, которую издревле бог возненавидел: породивший ее денница (дьявол) был свергнут и упал вниз; затем — уклонение и отступление от истинного упорства и вместо него обращение к (упорству) лицемерному с его великой неправдой, соединяемой с наградами; еще — потерю между собой общего любовного союза; к этому — безмерное употребление вина и обжорство, и порождаемое ими пагубное невоздержание блуда, и их жало — содомское гнусное дело,[233] о котором стыдно говорить и писать, и слышать; особенно же — злопамятность по отношению к близким. К этому присоединю ненасытное сребролюбие и никогда не удовлетворяющие прибылью барыши, и карманы, не закрываемые для наград, не поддающихся исчислению; и самолюбивую ненависть к братьям, и охоту к похищению чужого имущества, и чрезмерное, безобразное хвастовство одеждою, и (приобретение) множества, больше чем нужно, различных вещей, по одному премудрому изречению, — что всякая гордость увеличивается при изобилии вещей, так как при этом свойственно бывает стремление присоединить к этим и все остальные, т. е. безмерное желание к первым (присоединить) средние, а к средним ненасытное старание (прибавить) последние и все прочее; читающий да разумеет. И еще осталось последнее нетерпимое зло — самовольное оскорбление каждым при ссорах лица ближнего, именно — зловонное произношение языком и устами матерных скверных слов,

ибо этим они не укоряемому досаждали, а родную (мать) оскверняли своими ругательствами. Земля, не терпящая (такого) зла, стонет из-за этого; а крепкая помощница в наших бедах, сильно гневаясь, оскорбляется и отвращает (от нас) лицо свое: когда о чем в молитвах воззовем, отходим от нея неуслышанными и всего лишенными, так как (она) от таких (как мы) затворяет двери своего милосердия и не ходатайствует о них перед рожденным от нее, — так тяжел этот грех. И так как не все и неодинаково с начальствующими совершали все эти преступления, — то и суд получат за них различный: одни — за то, что не наставляли подчиненных, а другие — за то, что не слушали наставления начальствующих, так как случайно делающим добро не обещали наград, а поступающих противоположно не устрашали муками. Но мы (в злых делах) сравнялись с неверующими язычниками и (даже) превзошли их; в одном только мы являемся лучше их, — в том, что имеем у себя чествование и поклонение иконам и что не дозволяем себе нарушать с ними установленных у нас постов, но и это не все мы точно, как следует, (исполняем).

Думаю, что все ранее указанные пороки (появились) у нас от (потери) страха божия, от потери сознания своих грехов, оттого что сердце наше окаменело и мы не ожидаем над нами суда. Ради этого на нас, как знающих его (бога) волю и не исполняющих ее, прежде всех народов пало гневное определение божие, и он наказаниями, как рулем, обращает нас к себе от уклонения с пути его. И действительно, если бы мы не смолчали, (предоставив) Борису всячески губить благороднейших после царей, подлинных великих столпов (бояр), которыми утверждалась вся наша земля, и не дозволили постепенно различными и всевозможными средствами всем понемногу овладевать, как евреи в Египте дозволили фараону убивать младенцев, а при Христе — Ироду избивать их в Вифлееме, то едва ли бы вышеназванный (Борис) осмелился на второе убийство, — т. е. (на убий-

ство) нового мученика царевича Димитрия и на сожжение в это время поджигателями лучшей части всего царства (Москвы), чтобы все погоревшие среди своего плача забыли восстать на него за эту смерть, так думал он. Как некогда Ирод в Иерусалиме погубил всех вельмож земли[234] и сделал так, чтобы они не радовались его смерти, так же (поступил) и этот, соревнуясь с ним во зле. И если бы мы не допустили ему (сделать) ранее сказанное, не осмелился бы он и на третье, а именно: прекратить жизнь самого незлобивого царя Федора; и если бы этому неистовству его было оказано препятствие, он не простер бы безболезненно и бесстрашно своего желания до того, чтобы без стыда приступить к царству. Злодейство, совершенное над древними младенцами, не может быть сравниваемо с его бесстыдством; тем более (нельзя сравнивать) его с теми, что смерть тех незлобивых была дозволена убийцам ради выявления величия божьих дел, а теперь рассказанное нами (совершилось) не ради таких чудес: здесь эти события произошли ради предусмотренного (богом) суда обоих — как дерзнувшего, так и попустивших ему. Именно из этого мы едва, — и то не все, — теперь узнаем, что бог нас наказывает за все это настоящими бедствиями, по слову премудрого: „угроза“ — сказал — „сокрушает сердце мудрого, безумный же, и будучи наказываем, не чувствует ран“, — так надо нам самим понимать это наше бесчувствие.

И если бы сначала нашим молчанием не делалось уступок ранее помянутому (Борису), то он не уничтожил бы на земле всех благородных и все благословенные семена, малые и великие, без остатка, от головы даже до ноги; и тогда бы злой „львенок“ и священно- и монахоругатель Гришка Расстрига, после него (Бориса), видя общую всем нам слабость и трусость, так же как сделал сначала и тот, бессовестно не вскочил бы на престол богом помазанных (царей), и никто бы прежде него с такой смелостью не занял бы высшего места. Первый был учителем для второго, дав ему

пример своим похищением, а второй для третьего и для всех тех безымянных скотов, а не царей, которые были после них. Каждая злоба является матерью второй, потому что первый второму подает пример и в добрых и в злых (делах). И если бы Расстрига не осквернил святынь, то и прочие не осмелились бы на дерзость первых, и многие бы бессмысленно, подобно скотам, не подражали бы этому; и если бы все ранее упомянутые не осмелились с бесстыдством занимать все царские должности, то и другим не указали бы путь к этому, и многие невежды не осмелились бы так же по городам и иным местам присваивать себе имена господ: вместо чистой и зрелой пшеницы на этой земле они как бы хотели вырастить ненасеянное терние и этим пустым и богохульным посевом старались подавить говорящие о боге семена. И если бы не было таких, то не присоединились бы к ним, ради скверной прибыли, и служащие им их соучастники из знатных, чтобы вместе с ними опустошать землю и получать от них на время различные чины.

И если бы этого не было, то иностранцы все вместе так бы не радовались у себя несчастному разделению нашей земли; и если бы этого не было, то мы не призвали бы ранее этого еллинов (шведов) — врагов своих, исполненных козней и старой злобы, чтобы оборонять Русскую землю от таких же противников, как и они. Кто так безумен, как мы? От века не слыхано, — волков от овец волками отгонять; известно, что они по природе такие же и (пришли) в землю нашу не оборонять нас от прочих (врагов), щадя овец, но чтобы самим больше тех насытиться овцами, что и было. И если бы этого не было, то враги не вступили бы в нашу землю, как было прежде при истинных самодержцах; и если бы этого не было, то вся земля Российская не была бы окончательно разорена, будучи в плену у иноверных; и если бы этого не было, то еще ранее находящаяся в союзе с католиками Литва не окружила бы и не измучила бы долгой осадой голову и сердце всего царства, город

Москву, придя и (взяв) ее руками как орлиное гнездо. И если бы этого не было, то эти злодеи не поселились бы внутри этого великого города, обольстив всех клятвой, и не овладели бы нами на долгое время, до тех пор, пока не собрались из наших же (различных) мест, куда их ранее повсюду разогнали волки, малые остатки людей, которых бог чудесно, как кропило, собрал вместе и, ободрив, направил на тех[235] и, напугав ими гнездившихся внутри города змей, заставил их уползти неизвестно куда; тогда освобождавшие вступили во владение городом и достойно, хотя и опустевший, приняли его.

И если бы не было всего сказанного, то начальник всех отцов не умер бы в изгнании насильственно;[236] его душа не вынесла множества несчастий, и этому не помешала храбрость оставшихся; о нем немного было сказано ранее, выше, в первых (рассказах), он достоин похвалы не от людей, а от бога. И если бы не это, то не уничтожил бы огонь, по приказанию поджигателя, весь царствующий город; и если бы этого не было, то наполненные сокровищами казнохранилища царей, собираемые от поколения в поколение, не были бы лишены совсем всех царских драгоценностей, которые были перевезены в землю одолевших; и если бы не это, то мы не искали бы себе со смирением еще и помощи у (других) стран. И если они сейчас и кажутся людям умиротворителями,[237] то в действительности радуются нашей гибели вместе с нашими врагами и смиряют врагов наших не даром, но хотят взять с нас за это немалую плату. С пленившими нашу землю они во всем одинаковы и в злобе нисколько не меньше тех: как те (враги) разорением, так эти усмирители вымоганием платы за мир — каждый из них одинаково — разодрали ее (нашу землю) на части. Но что удивляться чужим, если и одинаково с нами верующие, но ненавидящие мир вместе с этими радуются нашим несчастиям; ввиду скорого окончания их теперешнего полного благополучия, они отговаривали их (врагов) от заключе-

ния мира; уверившись, что вскоре их жизнь переменится от добра ко злу, они думали продлить приятную для них жизнь отклонением мира. Возвратимся к ранее сказанному.

Так называемые „миротворцы“ пришли сюда не примирять нас с нашими врагами, но под видом мира тайно совещаться о (причинении) нам зла; распуская, как дым, по воздуху ложный слух о мире, они слова свои о нас распространяль по другим странам, но это была неправда, потому что мы не были обмануты надеждой на них. Благодаря им мы надеялись получить некоторое облегчение от налагаемых на нас тягот, но неожиданно, подняв голову и едва осмотревшись, мы по отношению к ним проснулись, а позже узнали из поступков и их обман. С их приходом сюда владевшие нами причинили нам больше зла, чем было прежде до них. Даже и церковные колокола, от которых распространялись звучные святые призывы, созывающие православный народ на пение и возвещающие людям в церквах божьи слова, как будто с того берега Иордана, называемого рекой Волховом,[238] — у всех церквей подряд с устроенных для них мест (колоколен) были спущены вниз для того, чтобы они, как безгласные трубы, совсем не давали звука. Немного ранее того, когда их здесь не стало, и слитые из меди невыносимо тяжелые стволы стенобитных машин с прочими к ним прибавлениями (были отобраны); ранее помянутые следом за этими, те и другие орудия — и церковные и городские — отосланы были ими в свою землю. Увы! Плач! Тяжесть одних подняли корабли, другие были (увезены) на санях по гладкому зимнему пути, когда никто им в этом не препятствовал. Оставшийся же во мне простой народ, всех рабочих людей, окончательно обратили в рабство невыносимым увеличением работы и так жестоко с ними поступали, что сокрушали палками их голени. Одинаково с этими и честные священники и начальники над монахами в великих лаврах, которые после архиерея занимают первые места, ради денег бесчестно подвергались болезненным ударам, более чем их

послушники, так что долгое время они не могли встать на обычную для них молитву. Слыша об их беде, а иных и видя, честный митрополит, как отец о детях, разгорелся соболезнованием и нестерпимо страдал, постоянно видя пред глазами своих детей, так немилосердно подвергаемых ударам от волков и псов. Многие иноки и миряне, не перенеся тяжких мук, в этих муках и умерли. А поедающие — от кого кормились, тех и пожирали, питаясь как бы от кротких овец молоком и согреваясь их шерстью, однако ради этого их не щадили. При этом некий самозванец, новый отступник от бога и правой веры, который получил себе имя и природный нрав от лающих и кусающих людей (собак), приняв название в соответствии с поступками,[239] так как дела его не различались от прозвища, — в согласии с пожирающими моих словесных овец, яростно напал (на них) и более других показал себя всем как одного из ревнителей зла; но в то время как они угрызают тайно, он — явно и безумно; он и они в злых делах немногим чем отличались злобою от самих бесов.

Многие же из нас, как теперь слышно, так рассуждают о бывших и совершаемых нами грехах: они считают во всем виновным божий суд и не смотрят на свою греховную слабость, говоря, что если бы не было воли божией на все случившееся с нами, то как бы нам можно было сделать то или это? Они забывают сказанное, что бог действительно все может, но хочет, чтобы мы делали (только) доброе и благое, и что „он не искушает злом, и никого не искушает“. Если бы всякое преступление, как они думают, (совершалось) по божьей воле, тогда бог не давал бы закона о добрых (делах) и не запрещал бы злых; тогда не был бы осужден Ирод за убийство Ивана (крестителя), но он обличен был и за то, что непристойно клялся; в безумии они самого законодателя называют разорителем его же закона. И если мы самих себя считаем неповинными в этих (грехах), то за что же столько уже лет и доныне, не отдыхая, поражает

нас меч гнева божия? Забывшим, кто из нас и как виновен пред богом, лучше прекратить такие хульные слова на бога и со многими слезами просить прощения, чтобы ради нашего греховного бесчувствия он, кроме этих наказаний, не послал еще каменный дождь и на нас, как на Содом с другими около него бывшими городами.

[1]. Притча о царском сыне, который постригся и опять расстригся и захотел жениться[240]

В городе Риме был у царя сын, он заболел, и так как болезнь его продолжалась много времени, все тело его вдруг окаменело, только язык был ему оставлен для покаяния; и пришло ему желание облечься в иноческий образ, что он и совершил. Потом он опять получает прежнюю крепость своего тела, становится здоровым, каким был и прежде, и желает жить в одном из монастырей в том же городе Риме около своего отца. Но, не вынеся скорбей, которые (соединены) с пребыванием у иноков, и вспоминая великолепие прежней своей славы, и желая постоянного пребывания в царских палатах и пиров, и всего, что свойственно царскому величию, — пренебрегая иноческими подвигами, он часто приходит к царю своему отцу, чтобы беспрепятственно ради родственного союза видеть красоту временной славы; многие из ближних царя порицали его, указывая, что неприлично это делать, находясь в монашестве. А он впал в обольщение и, не перенеся обличения, снял с себя все монашеские одежды, оделся опять в мирские и, торопясь возвратиться в прежнее достоинство, продолжал приходить к своему отцу — царю, чтобы пользоваться благами; советники царя и весь народ еще более порицали его как не сохранившего обета, как преступника веры и оскорбителя ангельского образа. Он же, исполненный стыда, обличаемый, не мог долгое время быть посмешищем, удаляется из отечества и прибывает в другую страну к некоторому вель-

може, скрывает от него свое благородное происхождение и обет — пребывать в ангельском образе, и приняв вид раба, как бы одного из сирот, поступает на работу. А вышеуказанный вельможа, видя его привлекательность, за красоту лица и гордую осанку поручает ему в своем доме все, как верному хранителю, и делает его управителем всего своего имения и рабов. Когда же в скором времени господин его умер, жена господина хочет выйти замуж за этого отрока, что и делается. Но был обычай — ходить новобрачным в баню для омовения тела, и тот упомянутый выше отрок после совокупления вместе с своей госпожей и женой вошел в баню. Но здесь страх, здесь трепет! Дивное чудо сотворилось тогда, когда отрок вошел в баню: он внезапно возопил страшным голосом — сила божия двигала его языком — и невольно открыл все им сделанное, род и отечество, и несохранение своего обещания, и преступление заповеди, и унижение ангельского образа, и отказ от иночества, — все подробно обличил, (думая), не вменит ли ему благоутробный этого в покаяние. И много народа стеклось на это чудо, так что всем оно было видимо и все были объяты страхом, но место это для народа было не доступно, охраняемое какою-то силою. Вскоре страшный крик отрока изменился и с криком он начал отходить (умирать). Люди, издалека смотря на него раскрытыми глазами, увидели этого отрока сначала сидящим без головы, — узрели один только бездушный труп, а через некоторое время и все его тело глазам всех сделалось невидимым, растаяло, как воск от огня, и исчезло неизвестно куда, предуказывая там бесконечное мучение. И слышен был всем голос: он мирское имя покрыл иночеством, а иночество женитьбой.

Это для всех нас является примером: и так воспрянем мы, находящиеся в отчаянии и не сохранившие своего обещания, да не постигнет и нас ранее будущего суда лютая смерть и лютый ответ не там, а здесь. Но, о долготерпеливый владыка всех, не пролей на нас, согрешивших пред

тобою, вскоре праведного своего наказания, но, презирая все наши согрешения, дай нам время на исправление, какими сам знаешь, своими судьбами. Мы знаем, воистину знаем, что ты можешь всех спасти, если захочешь, потому что (хотя) мы и согрешили, но от тебя не отступили, ибо мы твое творение и веруем в тебя, могущего нас спасти. Аминь.

[V]. ЦАРСТВО ЦАРЯ ВАСИЛИЯ ИВАНОВИЧА ШУЙСКОГО[241]

В последние годы текущего времени Шуйский, по имени Василий, называемый царем всей Руси, сам себя избрав, сел на престол имевших верховную власть, первых самодержцев, думаю без божия избрания и без его воли, и не по общему из всех городов Руси собранному народному совету, но по своей воле; (это совершилось) с помощью некоего присоединившегося к нему ложного вельможи, совершенно худородного Михаила Татищева,[242] согласного с ним в мыслях, непостоянного в делах и словах, хищного, как волк, который от первого в России царя-раба Бориса за некоторую тайную и богопротивную ему услугу, не по личным качествам и не по достоинству, был возведен в звание члена боярской думы. Когда-то прежде, ради получения сана и чести, угождая любителю власти и своему первому царю Борису, он наносил обиды и даже при всем народе бил этого в начале названного Василия, о котором здесь говорится, и этого же Василия всенародно бесчестил. Теперь он льстиво хотел загладить эту свою прежнюю вину, но однако в этом не успел. Этот вышеупомянутый Василий, без соизволения людей всей земли, случайно и спешно, насколько возможна была в этом деле скорость, людьми, находящимися только тут, в царствующем городе, без всякого его сопротивления, сначала в собственном его дворе был наречен, а потом и поставлен царем всей великой России. Он даже и „первопрестольнейшему“[243] не возвестил о своем наречении, чтобы не было со стороны народа какого-либо возражения, и

таким образом посчитал тогда святителя за простолюдина; только уже после объявил он ему об этом. Почему он мог так бесстыдно поступить по отношению к тому? Потому что никто не осмелился помешать ему или противоречить в таком великом деле. Но (зато) более поспешным и вдвое бесчестнейшим было низвержение этого „самовенечника“ с высоты престола, — об этом после, в другом месте, еще и пространнее будет речь. В этом для имеющих ум — рыдание, а не смех; для неразумных же и для неукрощенных врагов земли Русской это было (поводом) к великому смеху.

Не говорю о прочем, — как беззаконно, будучи всячески нечестив и скотоподобен, он царствовал в блуде и в пьянстве и пролитии неповинной крови, а также в богомерзких гаданиях, которыми думал утвердиться на царстве, а вернее ради этого царствование его и было кратковременным. Хотя и был он сродни „перводержавнейшим“, но родство с ними ничем не помогло ему в утверждении на царстве, так как он жил неблагочестиво, оставив бога и прибегая к бесам. Он тайно устроил для постоянного пребывания гадателей в царских покоях особенные помещения ради непрестанного ночью и днем с ними колдовства и совершения волшебных дел, которые несвойственны христианам, а тем более — царю. А прежде, когда он был в высшем правительстве, среди прочих своих сверстников и стоящих с ним в одном чине он был выдающимся первым советником и первым указателем в собрании всего синклита о всех, подлежащих управлению, мирских делах; когда же неразумно привязался к плотским страстям, тогда и умом развратился. Кто не посмеется его последнему безумию? Когда земля всей России взволновалась ненавистью к нему потому, что он воцарился без согласия всех городов, — незадолго до приближения к престольному великому царствующему городу врагов, которые (должны были), окружив, подвергнуть его осаде, — он тогда собрался совершить свое несвоевременное дело, т. е. заключить брачный союз, что и сделал. Не следовало

ли тогда прежде всего успокоить всю землю от волнения и непоколебимо утвердить себя, восшедшего на такую высоту, и такой город — корень всего царства и главу всех — со всеми в нем (живущими) и себя не дать в осаду врагам и от ожидаемых осаждающих его освободить, а потом уже заботиться о женитьбе и совершить ее прилично, живя в тишине и почивая в полном покое, без какого-либо сопротивления, а не в страхе? — Страх после и был. А за много лет собранные, — дивные и превосходные драгоценные царские вещи всех прежних российских государей, царствование (которых) поистине достойно было удивления за их славу, — все эти сокровища он расточил и истребил с теми, кого возлюбил. Ради этого поистине его нельзя назвать и царем, потому что он управлял по-мучительски, а не по-царски. Боже, суди его за дела его! Над его безумием и неверующие смеялись и смеются, но в последний день (день суда) думаю, пред всеми неверующими больше всех бог посмеется ему; „срубит головы грешников“ не чувственным мечом, но приложением мучений, по писанию. Он, растленный умом, царь по собственному умыслу, до верха наполненные сокровищницы прежних царей так опустошил, что при его скотской жизни их ему уже было недостаточно, и он, нечестивец, не постыдился перелить в деньги на потребности своего распутства (отобранные) в соборах и святых монастырях по всем городам своего царства священные сосуды, которые даны были прежними царями и их родными на вечное поминовение в память их душ, допустив обман, что будто бы (это) он сделал ради выдачи воинам годового их жалованья, так как все действительное их жалованье, назначенное для этого прежними царями, все деньги он ранее прожил с блудницами. А о бесчестном низвержении этого „венценосца“ подробно будет сообщено потом.

Вышеупомянутого же Мишку, который способствовал этому Василию (достигнуть) царской власти, после своего воцарения он (Василий) в действительности осудил в изгна-

ние в мои пределы (в Новгород) и лестью поручил ему здесь управлять мною, дав ему звание второго начальника военных сил, хотя тот и не хотел этого. Итак, этот возводитель к помазанию на царство не получил никаких ожидаемых благ от возведенного на неожиданно полученное царство и (ничего) не приобрел, потому что первая (нанесенная) им тому сильная досада превозмогла возведение на высоту престола, как в некоторых смешениях сила горечи преодолевает сладость. Когда прошло немало времени, тот (Михаил) очень старался опять (возвратиться) из изгнания в царствующий город и прежним способом, некоторыми своими злоухищрениями, добиться приближения к царю, достигнуть первой чести или даже высшей, чем эта, и в синклите сравняться с первыми после царя (боярами); из этого его стремления ясно видно, что он был низкого (звания). Думаю, что, возвратившись, он какими-то хитростями старался низложить и самого своего царя, которого посадил (на престол), надеясь на основании прежнего, что как он мог посадить его на престол, так — полагал — он может его и низложить, опираясь на свои хитрости, вспоминая удачу своего тайного заговора, чтобы покончить с Расстригой, и по тому же образу при ближайшем своем участии свершить другое свое подобное же тайное дело. Однако не достиг (этого), и превозносившая себя гордость была посрамлена, так как и первую честь он получил недостойно, не ради действительных заслуг, а потому, что это допустили противники. Прежде, пока ненастоящие цари нами не обладали, от истинно самодержавных и наших природных царей никто, из низкого рода происходящий, такой чести никогда не получал; не по природе дана была первая честь и ему, а благородные, если и видели что-либо не по достоинству (совершаемое), не захотели даже и словом сопротивляться царской воле, между ними не нашлось ни одного мужественного. Но если бы они были и не так боязливы и малодушны, — истинные наши цари прежде их знали, какому сословию и какую честь и

ради чего давать, а не людям низкого происхождения. А чего он теперь надеялся достигнуть, того не получил, а достиг того, чего и не ожидал: потому что, по повелению одного неожидаемого им придворного, царского племянника,[244] незадолго до этого присланного тогда царем в мои пределы, в кровавом убийстве, совершенном руками многих из моего народа, он внезапно и ужасно насильственно изверг свою душу, и все члены тела его вместе с одеждами и оружием были раздроблены на части. Вину его вслух всем людям объявил сам великий (Скопин-Шуйский), и весь народ громко воскликнул: да извергнется такой от земли и нет ему, говорили, части и удела в нашем владении. Они без милосердия сбросили его в воды быстро текущей реки на съедение бессловесным рыбам, так что он не удостоен был тогда и погребения. Было ли ему, незадолго до этого, при торопливой исповеди у отца духовного, от имеющего власть что-либо отпущено из сделанных им грехов и принял ли он как-либо „святыню“ (причастие), — об этом, действительно ли так было, хорошо знают, кроме нас, те, которые тут находились. Однако смерть ему внезапно и сразу приключилась, как рабу, подобно Расстриге, за какое-то сверхъестественное его зло и по вине богопротивной свирепой злобы его, которая была больше всех известна одному его повелителю, поэтому и бог допустил ему (повелителю) совершить над ним здесь (это) страшное дело (убийство). Все награбленное им имущество, собранное в моих пределах ради суетного обогащения, как прах, было развеяно по воздуху, и не только (это), но и схороненное где-либо в различных местах; да и то, которое в царствующем городе в тайных местах было положено, не утаилось от царя благодаря посланным отсюда сообщениям. Такова кончина высокоумных и имеющих о себе высокое мнение гордецов: явно, что тем, которые надеются на себя, а не на бога, праведный суд (божий) не допускает делать то, что ими задумано, и его недремлющее око предупреждает задуманное, по писанию: „то, что готовит сердце

его, слышит ухо божие"; у гордых нравом, которые замышляют нечто богопротивное, как и прежде, бог ломает рога величания и всячески препятствует самонадеянным в их коварстве.

Некто дьяк („самописчий"),[245] который тому вселукавому был некогда в делах непременным лукавым собеседником и (который был) подобен ему во всем, — он же, (этот дьяк), прикрывая свою лесть, искренно и тщательно постарался против него у имеющего власть и был немалым советником и подстрекателем на его убийство. Об этом (все) быстро узнали перед многими свидетелями, от самого повелителя убийства в тот же час, после возвращения великого (М. Скопина-Шуйского) с народом от (места) кровопролития, где-то в притворе церковном, который был домом его жительства. — Тайную его пищу тот (Скопин) явно при всех бросил (?) ему в лицо, когда (он, как) имеющий власть, быстро сообщил отсюда царю в срочных письмах через гонцов о смерти убитого. Очевидцы этого и сейчас еще не все умерли, хотя и находятся не в одном месте. И если он (дьяк Телепнев) и не убил того руками, то тайно (убил) его ложными доносами „великому" и движением языка и уст, ибо он был злонравен и злопамятен, хитер и самолюбив; по мнению некоторых, он и к убийству того (Скопина) был причастен.

Я не могу указать место, которое занимала рать противников и где близ царского города при осаде находились их станы; не имею возможности рассказать и о том, как случилось, что язычники оттуда без труда вошли в самую мать городов (Москву), которую они сначала, несмотря на многие труды и хитрости, долго не могли занять, и о том, как там внутри находящиеся и одинаково с нами верующие заключили с этими инославными общенародный договор об управлении землей. У всячески оскорбляющих крест какая другая клятва, помимо этого, в клятвенных делах может дать утверждение? Не может (никакая). Кроме этого, еще и о низведении с высоты престола в ничтожество главы всего царства, самого царя, и о достойном жалости, скором,

бесчестном и полном, подобном (разлуке) горлиц, расторжении его супружеской жизни, как бы смертью расколотой надвое, и после вольного царства о его невольном монашестве, и вместе с этим о внезапном лишении всей верховной чести, и об уводе его (Шуйского) в плен, и о нанесении ему там крайнего бесчестия и срама и, увы, о возложении всего этого срама на царский венец, — обо всем этом мы, запертые здесь в плену, как среди стен во мраке, были не осведомлены; только немногое что, не всегда правильные и несогласные слухи доходили до нас, как бы по воздуху через стену, и то если случайно до наших ушей долетит какое-либо слово, так как запоры были крепко заперты; поэтому и не было нам никакой воли. Мы просим, чтобы читающие это не подвергли нас строгому допросу за сочинение об этом повествований, по поводу справедливости описания каждого отдельного события, как и за прочее, где мы окажемся недостаточно способными, чтобы подробно изложить события и раскрыть их правильными словами; за это мы тоже просим прощения и разрешения, потому что по природе страдаем недостатком понимания. И хотя мы и не способны на то, чтобы подробно рассказать словами в письме о совершавшихся событиях, но я не могу их миновать, не оплакав разнообразно, равно как и их изменение от славы в бесчестие, которое если и не ясным слогом (рассказано), но унизительно по всему.

Но что оплачу сначала? Самого ли царя или его царство? Необходимо разделить поровну плач между обоими: царем и его местом, но не оплакивать одно без другого, ибо как душе нельзя содержаться в видимом (мире) без тела, так и тело без души не в состоянии двигаться. Увы! Царь, носивший венец всего Российского богу любезного за благочестие царства, наделенный всецело по образу божию властью и почтением, богом поставленный на всю жизнь для нашего общего управления и утверждения, вся наша сила, наш руководитель и опора полной для всех защиты! Если что-либо бесчестное о нем в этом сочинении мы где-

нибудь и сказали, что допущено было им в делах его непристойного, то там указано действительно неподобающее, ему одному свойственное, здесь же истинно следует сказать о нем и сочувственное (слово). Но если он чем и виновен в совершении грехов, — престол (царского) места не заслуживает за это осуждения, так как это место чисто от грехов; наказание следует одному лишь соблазняющемуся, который на святом престоле сидит не как до̀лжно. И эта речь ведется здесь не ради чести только одного этого, теперь воцарившегося, но и ради предшествовавших ему подлинных царей, занимавших это место на престоле достойно и умерших, о чем ранее здесь рассказано, — и ради самого этого престола, как одушевленного, ради оказания ему чести, так как он был для всех и прежде него бывших царей таким же заслуживающим высокой чести „первоседалищем". Об этом достаточно. Дальнейшую же речь закончим с сердечным сокрушением, как будто осуждаемый находится здесь лично. Как не иссохли предавшие царя руки, осмелившиеся по бессмысленной дерзости безрассудно коснуться твоей высоты? Как не постыдились глаза дерзких священной чести твоей славы? Ибо тебя, как бога, вся тварь после бога почитает со страхом и молчанием и, как ему, покорно служит, не смея ослушаться повелений создателя; к венцу твоему ради данной тебе богом чести патриархи и все верховные святители приступают со страхом и благоговением, будучи сами совершенно недосягаемы. Но что? И равные тебе (цари), оказывая тебе честь, приносили тебе через послов дары, как восточные волхвы Христу; и все, приглашаемые отовсюду, от конца небес до конца их, приходя в нашу державу не по своему желанию, а посылаемые богом, оказывали вам в течение многих лет честь, согласную с божьими повелениями, ибо честь их превзошла славою всех на земле. Если царь по своей природе и человек, то по достоинству власти приближается к богу, который над всеми, потому что высших себя на земле не имеет.

О том же царе Василии Ивановиче[246]

Рабов же, которые дерзнули коснуться того, чего нельзя было касаться, пусть судит (бог) в день суда над ними. А все те, которые тогда тут случились, кто по божьей воле считал себя великими столпами, а также и весь смотревший на это народ, — какой дадут в будущем ответ за то, что допустили дерзким невеждам причинить эту досаду чтимому богом венцу и месту? Хотя сами они и не были вовсе ни соучастниками низвергающих его, ни одобряющими этих низложителей владыки, но все же они были очевидцами и зрителями этого бесчестного низведения, не говорю — извержения, и могли остановить осмелившихся на такое предприятие, но не остановили, даже и сочувствовали им, придумывая ему вину в его грехах. Но если он, царствуя, некогда проводил и грешную жизнь, честному венцу что до этого? И святителями неоднократно иные грехи совершаются, но церковь от этого не делается виновной, как и они, ибо она от человеческих страстей не темнеет, но всегда пребывает в свойственной ей светлой чистоте и молодеет; то же самое слово относится также и к носящему царский венец и к царскому престолу. Зачем с тем (с Шуйским) обвиняли и непорочное, зачем бесчестно соединили с виновным неповинное? Лучше бы было недостойное восполнить от весьма достойного, как кое-где мудрые ради души щадят тело, и подобное этому, — нежели достойное из-за недостойного так лишать всякой чести. Когда он поставлялся для нас царем, все о всех знающий и его всевидящее око не были неосведомлены о нем и о его делах прежде его намерения совершить их; и лучше бы нам все это отослать на суд его (бога), чем мстить самим за себя. Если он это допустил, то может и окончательно угасить все наше бесчестие, которое чрез людей распространилось в языческих странах от востока и даже до запада. Известно, что это бесчестие и слух о том, на что мы дерзнули, разгорелся к нашему унижению и

стыду там среди многих племен неугасимо, подобно великому пламени. Один только повелевающий ангелами, тот, кто мановением приводит к жизни всю тварь и, если нужно, утишает ветры, кто разносит по воздуху облака, кто погасил неугасимый пламень вавилонской печи и (творил чудеса) еще более удивительные, — может, если захочет, погасить этот огонь. Готовый к полезной перемене, он, обновляющий образ Адама,[247] может лишенное славы опять привести к первой и даже большей славе.

Праотцы наши, первые супруги Адам с Евою,[248] в древности были сотворены рукою божией, он — из земли, а она — из его ребра. Тем же (богом) из всех существующих он был поставлен самовластным царем всей твари; ему и птицы, и звери, и все гады повиновались с покорностью и страхом как и своему творцу, владыке всех и господу. И до тех пор, пока первосозданный не был соблазнен губителем, всех врагом к нарушению первой заповеди, все бессловесные, даже те, которые теперь страшны нам, трепетали повелений того созданного. Когда же змея нашептала в уши Еве соблазн, и эта, ею наученная, прельстила и мужа своего, тотчас после этого сам новосозданный царь всего мира начал тех животных страшиться. И от того времени и доныне мы все из-за их непослушания стали причастны падению.

А как Адаму до преступления все дикие животные были во всем послушны, так, подобно этому, в последнее время и наши самодержцы в своих державах обладали всеми нами, исконными своими рабами, пока сами они держались данных богом повелений, пока не до конца еще пред ним согрешили. Мы им в течение многих веков и доселе не прекословили, — как по писанию следует рабам быть послушными своим господам. Во всех службах не только до крови, но и до самой смерти мы были им послушны; как скот не умеет сопротивляться тому, кто ведет его на заклание, так и

мы были перед ними безответны, как безгласные рыбы, со всяческим тщанием кротко носили иго рабства, повинуясь им с таким страхом, что из-за страха оказывали им честь, едва не равную с богом. Если бы мы так боялись бога, не лучше ли бы было, если бы это было так?

Когда же годы шли к концу,[249] и поскольку наши властители начали переменять древние законные, переданные отцами благоустановления и изменять добрые обычаи на новые, противные, постольку и в повинующихся рабах естественный страх повиновения владыкам начал оскудевать, умаляясь так же, как и земля теперь своим плодородием во многом несравнима с прежним урожаем семян. Всякое излишество и скудость добра и зла бывают хорошо познаваемы от дел, а не от „темных недр“ (неясных внутренних причин), как и в других (случаях). Властители захотели охотно склонять свои уши к лживым словам наушников, как в ветхом (завете) прабабка всех Ева со вниманием склонила свой слух к змею-соблазнителю, из-за чего вскоре и огорчение получила, ибо тотчас же муж и жена осуждены были на общее бесчестное из рая изгнание, — и недуг лжи и горький плевел терния, распространяясь среди всего царства, умножался, перерастая колосья истинной пшеницы. Ибо люди своими языками, как мечами, убивали, потому что они, (пользуясь) любовью тех, кто их слушал, весьма возносились над правдою в своих туманных похвалах, а (власть) имевшие никак этого не понимали, пока не пожали плод этого зла и не связали в снопы, чтобы положить их в принадлежащие им житницы, — тогда только они хорошо поняли их вкус. А после, в наставшее время, то же и у других стало матерью всякого зла: многие рабски послушные стали малодушными и боязливыми по своей природе, на каждый час изменчивыми, очень неустойчивыми в словах, ни в чем твердо не убежденными, непостоянными в делах и словах, во всем вертелись, как колесо, друг другом защищаясь от случайностей.

А многие иностранные послы и купцы, приходящие в страну наших владык из (других) стран, прилежно рассматривая постепенно увеличивающееся („ползучее“) изменение нашего природного характера, приведшее нас от древней крепости к слабости, и увидав, что наша боязнь из-за ранее упомянутой слабости больше, чем та, о которой писали им в послании, почему они (к нам) и пришли, (узнали) всю нашу слабость, всячески проявляемую в царстве, сравнивая со своей неизменной и сейчас твердостью и с требованиями времени, и вполне ясно и твердо поняли, что ни в одном из нас нет совсем никакого мужества, потому что из-за греха мы приобрели склонную на всякое искушение нестойкость; это и привело нас потом к совершенному падению и погибельному предкновению в самозванцах, которые они нам устроили. Поняв нас, они ту же слабость приписали и всей земле нашей.

Мы все совершенно потеряли прежнюю крепость: старые между нами сделались младоумными и, вместо ума, имели только одну седину и длинную бороду, ее выставляли напоказ людям и ею гордились, как мудрые; а достигшие средних лет стали миролюбивы и славолюбивы, как и предыдущие; и те и другие, побуждаемые своим (рвением) о неправдах, всегда очень рано приходили к властям, и у них „в указанные им дни коварства не время ли своей жизни выкупали“, как пишется; и подлинно, насколько выкупят, столько и поживут; а юные у взрослых и доныне учатся тем же порокам. Как сказано, что „нет ни пророка, ни вождя“, и поэтому невозможно найти того, кто бы в жизни исправлял свои пути, как подобает человеку, по заповедям, как должно, ибо все от младенцев до старцев согрешили, и из-за бесчисленности грехов прежняя наша крепость от всех отнята. Из-за этого и народы, напав на нас, разорили всю нашу землю даже более, чем хотели. А все это произошло из-за малого уклонения имеющих власть, как и Адамовым склонением ко греху, и из-за многого прегрешения нас рабов, — вообще же из-за неисполнения теми и другими обязанностей к богу.

Все у всех начало совершаться против установленных прежними царями законов; малые стали одолевать великих, юные — старых, бесчестные — честных и рабы — своих владык. И вообще все честное всячески переменяется на бесчестное, а бесчестное, наоборот, — как в несвойственную и противоестественную ему ризу, в честное оделось. И как видимая в ноздрях свиньи дорогая серьга, так же должна рассматриваться и находящаяся в недостойных руках власть начальствования, и тот, кто ими (недостойными) прежде повелевал, теперь, напротив, стал подчиненным и господин стал стоять перед рабом подобно тому, как если бы нога была увенчана, а голова смирилась, и нижнее было бы (поднято) вверх, как на престол, а верхнее (высшее) оказалось внизу, ибо первые (правители) возводились (на престол) богом данными царями, а нынешние — богомерзкими врагами. Да будет понятно имеющим ум, что серебро, небрежно валяющееся под ногами, не смешивается с нечистотой, и золото, зарытое в навоз, не утрачивает своего свойства в тине, а пыль на лице не может назваться многоценным бисером, если даже и примет на короткое время незаслуженную честь.

Когда во время невзгоды многие рабы досадят владыке дома, он, после ряда дней, получив избавление от бед, тотчас же предаст их жестокой смерти, вспоминая прежние их досаждения, если не боится никакого навета или нашествия на него внешних врагов, или если заключил с ними крепкий договор о мире. Если же нет, то, стесненный горем и побежденный тернием, поневоле нанесенную прежде рабами досаду отлагает на достаточное время, чтобы варвары, кругом его живущие, прознав, что людей у него стало меньше, чем прежде, придя, совсем не пленили всю его землю и, захватив самого господина со всем (его) домом, не сделали пленником и со всем народом не отвели в свою землю.

В подобное время всяческое бывает: ибо (есть) время одолевать и время — быть побежденным. Немалая вина в запустении нашей земли лежит на многих наших купцах, которые в торговле были обременены большим имуществом. Они ради своих сбережений и увеличения прибылей часто вступали в союз (сделку) с овладевшими нами чужеземцами и с теми, которые посажены были от них властителями, и с „языковредными лжевоинами“.[250] Явно, а более тайно сходясь, заседая с этими и советуясь, они заключали многие соглашения об истощении земли православных, — как бы и когда, и какими прибылями им каждый день и час обогатиться.

Все наши, нисколько не боясь ни бога, ни царя и не стыдясь людей, добровольно наполняя руки врагов всякими советами, а также и свои пазухи обогащая господским именем, своим содружеством с теми свою, родную и одинаково с ними верующих землю окончательно и без остатка опустошали, и прилагая к злу всякое зло, соглашались на всяческие измены и различные советы, на полное со злобою творимое изнурение земли, чтобы торговцы с ложно называемыми воинами при их злобе в целости сохранили свои приобретения от иноверных, а злые начальники еще сильнее утвердились в начальствовании, благодаря тому же поданному им совету на зло; чтобы все они вместе со своими богатствами остались невредимыми, — что и было, ибо они свою корысть поставили выше веры. Но здесь речь об этих (людях) краткая, в другом же месте („инде“) подробно сказано о них.

[1]. О царе же Василии Ивановиче

В годы, когда прекратился со смертью предел жизни царствующего над нами Бориса со всем его родом и когда поражен был гневом ярости господней и убит рукою народа в царском (городе) богом попущенный нам Расстрига за то, что вместе с именем (Димитрия) так недостойно наследовал

такое место, — после них тотчас же зависть к царствованию возникла также и у царя Василия, и, как стрелою подстреленный властолюбием первых, он поступил еще более дерзко, чем те двое: весьма неосмотрительно и спешно сел на престол, так как не был искусен в этом. Он создал себе дом и не углубил его в землю, но основал его только на песке, как это показал конец его, по слову самой истины:[251] „разлились реки и подули ветры, здание сильно заколебалось и житель его пал“. Он поднялся внезапно и по собственному побуждению и без согласия всей земли сам поставил себя царем, и все люди были смущены этим скорым его помазанием (на царство); этим он возбудил к себе ненависть всех городов своего государства. Отсюда, после первых (захватчиков), началось все зло на Руси и стали происходить в земле многие нестроения; именно — по всей земле нашей (началось) непослушание и самовластие рабов[252] и осада городов, так что свои, одной с нами веры рабы, придя войском к матери городов (Москве), этим своим приближением к стенам города изменнически оказывали презрение самой главе царства, а нововоцарившийся (Василий Шуйский) со всем своим родом был ими заперт и затворен, как птица в клетке. Там тогда находился и я,[253] „мухоподобный“, среди многих тысяч людей, в звании подобных мне и носящих то же имя (дьяков), поставленный тогда охранять некоторые повеления царской воли. Когда же натиск осаждающих город немного ослабел, тогда угодно стало царю, а вернее богу, чудесно промышляющему о своих творениях, — как о том (царе), так и о всех прочих, — по своему желанию, а не по моей воле, милуя, послать меня в город, который в царских титулах, читаемых в официальных бумагах, (стоит) на третьем месте, повелевая (мне) начальствовать вместе с первым (начальником), раньше меня туда прибывшим, управляя вместе с ним городскими делами.

Когда происходили эти, наступившие тогда, события, когда приближалось неведомое время исполнения неизменяе-

мого людьми совета божия о нас, исполненного гнева господня, и вместе с этим готовился суд его над нами, — тогда начали происходить в нашей земле еще большие нестроения: неожиданно пришли из своей земли под мать городов — Москву „богопротивные“ люди, все латины, и осадили всех находящихся вместе с царем в городе жителей, как некогда в древности при Ное вода потопа внезапно пришла и затопила (землю).[254] По всем городам умножились злые начальники и самовластие; из-за неустойчивости власти царя люди беспорядочно неистовствовали, и море житейское неукротимо волновалось; тогда среди людей пылал разжигаемый яростью лютый пламень гнева. Поистине, как огонь, пылая многие годы, он обратил все в пепел, как об этом многословно было рассказано в полном сочинении. А мое возвращение отсюда назад в славный город (Москву), откуда раньше я сюда приехал, задержалось здесь и надолго замедлилось из-за скудости имеющихся у меня необходимых для выезда средств, — так что я дождался того (времени), когда великий город (Новгород) был взят и порабощен еллинами (шведами). Таким образом из-за нашего общего рабства и работы на них увязла там, как в сети, моя нога, и выйти из города вон раньше, вместе с другими, я не имел возможности по указанной выше причине. Эта преграда к нашему освобождению обвилась вокруг всех, как некоторая железная цепь вокруг шеи, по сказанному: „сеть мешала ногам моим и на пути моем положили мне соблазны“. Но возвратимся опять к прежде сказанному.

Когда же зло в земле начало понемногу прекращаться, и в великом городе безбожники все свои злодеяния уже совершили: святые церкви разорили и все великие и малые обители иноческие растащили до основания, а их сокровища, которые принадлежали городу, и все имущество его жителей беспощадно похитили, а их (жителей) голени ради денег истолкли ударами палок, а множество больших орудий, которые во время войны охраняют и обороняют город и при

выстрелах тяжелыми ядрами разрушают стены противников, со всеми (необходимыми) для них принадлежностями отослали в свою страну и увезли с собой, — я после этого общего разорения всего города впал в огорчение и, видя и слыша кое-что о таком же повсеместном несравнимом запустении, опечалился, размышляя сам с собой: как (могло случиться), что так недавно существовавшая невыразимая словами красота такого города и всего, что было в нем, о которой мы думали, что она будет пребывать вечно, до того времени как все стихии растают (от огня), — как будто в один час разрушилась и теперь кажется нам как бы совсем не бывшей и не существовавшей? В течение многих дней постоянно не переставал я размышлять в уме своем о таком разорении города, не откладывая (этой мысли) и сохраняя в себе, и ходил как умалишенный. А что сказать о самой главе царства и всей земли? Часто приходила мне и волновала меня обольщением мысль, всем подобная облаку, скоро и высоко летящая, как птица по воздуху, своим колебанием приводя в смущение непостоянство моего ума и, собираясь в природной его клетке (в мозгу), не давала ему даже часа успокоиться от соблазна. Она, как пальцем, тыкала меня в ребра, принуждая меня, недостойного, и подучивая не на полезное, — на то, чтобы я позаботился хотя немногое что отчасти написать о нынешних божьих наказаниях, которые совершились в нашей земле; она постоянно побуждала меня к этому и неотступно напоминала, так что при моей слабости не мог я отогнать ее беспощадную докуку. Много раз, как бы споря с ней, я выставлял перед ней все невежество моего малого учения, а к этому и засилие неправославных, которое, благодаря осаде города, причиняло всем пленным неизбежную нужду. Кроме того, я напоминал ей и о подозрениях единоверных, и об удерживающих (меня) замечаниях многих из них; ибо я знал таких, которые, как бы по природе, привыкли неудержимо позорить других, явно (затем), чтобы из своего к ним презрения найти вину в чужих грехах, вместо

того, чтобы думать о своих недостатках, считая себя как бы бесплотными и во всем непорочными. Да не положу, — говорил я ей, — преткновения для соблазна брата и не буду причиной прегрешения его; и опять я указывал ей на мелкость моего ума, чтобы не исполнилось и на мне сказанное: „вот человек начал созидать и не мог совершить“. А она не принимала моего отказа, и насколько я ее отгонял, настолько она беспощадно на меня наступала. Я указал на неудобство моего одиночества, я говорил ей всячески, что нашел только на словах сочувствующих мне в деле писания, а не в работе руки: чтобы написать тайно обдуманное, когда обмакивается перо и трудолюбиво движется по бумаге, — в этом не было мне ни одного помогающего, но, как пишут: „жатва настала многая, а работников мало“; и я молился господину жатвы, чтобы он послал работника на жатву, но, однако, услышан не был, таких сотрудников в деле моем творец и податель слова дать мне не захотел, и я вспомнил сказанное: „про́сите и не получаете, потому что зло просите“. — Но она (мысль) рассудила еще такими же (словами) приложить к ранее сказанному притчу о простых естественных делах, говоря: Когда кто, имея какую-либо нужду, хочет дойти до какого-нибудь города или от себя (из своей земли) в другую страну, то ищет себе спутников и нуждается в таких (людях), которые показали бы ему дорогу, если сам не знает ее хорошо, чтобы, идя по ней, не быть растерзанным разбойниками или зверями или, сбившись, не потерять верный путь; и когда найдет таких, с ними совершает путь; если же не найдет, то случившихся на этом пути жителей или встречных расспрашивает, как бы правильно и не сбиваясь дойти ему понемногу до назначенного места и, после того, как спросит, один понуждает себя совершать путь, не откладывая, чтобы промедлением не погубить своего дела; ни на дожди, ни на морозы, ни на другие препятствия в пути он не обращает внимания, всем этим пренебрегая, и держит в мыслях одно только еще небольшое утешение, не найдет ли он на пути или с правой,

или с левой стороны подошедших случайных попутчиков или спутников ему; если же не случится ему найти таких, то, одинокий в пути, пусть он, не сомневаясь и не откладывая, пройдет остальное расстояние до назначенного места, надеясь на бога, при (содействии) направляющего его невещественного тайного его руководителя и хранителя, святого ангела, указывающего ему безопасный и добрый путь. Полагаю, что это приложимо и к нашему одиночеству и отсутствию спутника на пути словесного сочинения.

И как каждому другому естественно и обычно при неустойчивости своего нрава делать уступки греху, так, подобно этому и я, оставив как бы за плечами после приведения притчи весь стыд пред хотящими судить обо мне, не удержался и подчинил желание своей воли моей пытливой мысли, покорился ей по слабости смысла и отдал ей себя в рабство. И как бы плавая по водам и желая удержаться чужими руками, чтобы как-нибудь во время бури не погрузиться в глубину множества писаний, а они имеют обычно малый смысл, и как бы сев в чужой корабль и думая в нем проехать долгий путь и скоро оказаться на другом берегу, я, не зная, что во время путешествия внезапно возникнет буря, посреди пучины испугался; боясь, чтобы посадившие меня (в корабль) не выбросили меня и не утопили, — презрев свою слабую силу, я без корабля сам бросился в непроходимую быстроту такой глубокой широты. Не только об этом великом городе (Новгороде), но и о матери городов и всей земли (Москве), о дошедшей сюда до слуха нашего болезни ее как главы (государства) мысль моя понуждала меня напомнить хотя бы немногое вместе с другими рассказами, чтобы с течением многих лет не забылось воспоминание о тех, чья едва ли не вскоре и жизнь померкнет. И если труд был велик, а польза от него мала, я не пожелал быть, как читается (в Евангелии), рабом у своего владыки или (числиться) в звании наемников, которые трудятся — один из страха, а другой ради платы, но хотел полного сохранения отеческой

любви, как сын, вспоминая писание, что знающий себя никогда не будет поносим, если что и выше своих способностей начнет делать, и размышляя о сказанном у пророка: „как по реке пройдут ногами“; а слово, имеющее в самом себе жизнь, сказало: „маловерный, зачем усомнился?“ Хотя эти слова были сказаны и верховному среди апостолов, но также изнемогающему от маловерия.[255] Того же (слово) и в другом (месте): „если не усомнитесь, не только так, как со смоковницей сотворите, но и горе́ той скажете: двинься и упади в море, и будет, если кто скажет“, и другое подобное. И если это сказано действительно к апостолам, то учитель говорил им еще: „а то, что вам говорю, всем говорю“. Так говорил обращающий море в сушу; на него я и надеялся, отложив великий страх перед ним за (мою) дерзость в этих (делах) и стыд перед людьми, пока не передам (этот труд) богатым разумом, чтобы они его хорошо исправили. А где найдется повествование об этих (событиях) лучше и совершеннее моего, составленное тем, кто опередил меня́, тому наше (повествование) уступит место и кротко отступит; о прочем мы не только помолчим, но и правую руку ему дадим, потому что по истине худшее всегда побеждается лучшим и меньшее дает место большему, ночь уступает наставшему дню, и луна при солнце теряет свой свет. То же рассуждение должно прилагаться и к писателям, но не верю, чтобы было возможно кому-нибудь из носящих плоть с самого начала глубоко до последней мелочи (рассказать) о всей полноте (событий), подобно луне, какой она становится, когда достигает полной окружности, — разве только тому, кто богоподобен.

Составленное моим скудным умом описание не было объединено, но представляло собой совершенно отдельные друг от друга (отрывки), как бы имеющие плоть, собранные вместе различные части бумажных членов или как только что скроенная некая одежда, не сшитая вместе или разорвавшаяся от ветхости; эти части тогда из-за страха не полу-

чили исправления и соединения в стройное сочетание по порядку, потому что я находился и жил в городе как пленный и потому, что наше пребывание (там) было несвободно и под страхом, а также от недостатка и оскудения в осаде как бумаги, так и (необходимого) для телесных потребностей. Но так же, как из бессловесных (животных) вол, запертый и от всех скрытый, выйдя из заключения и найдя малое пастбище, голодный, срывает, не разбирая, траву, только бы как-нибудь наполнить свою утробу, озираясь в страхе во все стороны, чтобы не быть увиденным и чтобы не было это известно хозяевам его, — так понимай и о моем „тайнописании", когда я находился среди иноплеменников, в неволе, потому что я тщательно скрывал его и хранил в безлюдных, уединенных (местах), часто перенося с места на место из страха перед врагами и ожидания смерти, и даже самых этих темных, безмолвных мест, в которых те (мои рукописи) прятал, — боялся, как живых, способных говорить, и думал, не заговорили бы они и не рассказали кому об этих писаниях, которые (могут быть использованы) против меня. Я (боялся) не только тех, которые, как змеи, враждебно держали город в своих зубах, но страшился и множества тех единоверных, которые имели вражду ко мне и принимают участие вместе с еллинами в тайных кознях против нас, ибо они, как лев в ограде (для скота), ловят и убивают и днем и ночью неповинные души и тела христиан.

А теперь, когда господь бог и царь наш, чьими рабами мы все от вечности являемся, освободил нас оттуда (из плена), при помощи божией, в будущем, если будем живы и будем иметь возможность, начнем для исправления прежних своих писаний искать путей премудрых и стучать в дверь опытных, как сказал мудрец. А потом когда-либо увидим исполнение пророческого слова и о том, что „не затворил меня в руках врагов и поставил на широкий путь ноги мои", и нога плененных опять крепко встанет на свой правый путь свободной жизни и прежнего нашего изобилия;

тогда с Давидом скажу: „сеть сокрушилась, и мы были избавлены; помощь наша — во имя господа, сотворившего небо и землю“, — (скажу), если будет возможность, и если не будет какого-либо нового препятствия, и если не споткнутся в чем-либо наши стопы.

Как некогда в древности евреи были выведены Моисеем из Египта и с Иисусом (Навином) вошли в обетованную землю, так теперь божественным воцарением мы избавились из плена, были выведены в свои места и, как в день самого Христова воскресенья, освободились от ада. И если кто скажет, что мы столько времени терпели мучения на своем месте и в земле одинаково с нами верующих, то мы ответим им: но рабство то (было) чужое: ведь находящиеся в свете не разумеют тех, кто во тьме, и не видят (их).

Находящиеся в плену не все были во всем одинаковы, ибо одни, нищенствуя, голодают, а другие, излишествуя в богатстве, упиваются, и такой плен для них был лучше всякого свободного жития, ибо это делало им жизнь богатой радостями; а для прочих продление дней плена приносило скорбь на скорбь, из-за недостатка в необходимом. Не одинакова была и жизнь тех и других, потому что расстояние и разница между ними были большие; продолжение плена первым приносило прибавление богатства, а вторым — увеличение печалей. И разбогатевшие из-за своего благоденствия радуются не спокойствию в земле нашей, а вражде, и если бы все годы продолжалась у нас такая злоба, они об этом и не поскорбели бы. Они всячески старались творить раскол в добрых намерениях: обманщики, рассудив, очевидно поставили выше всего мира свою жизнь. Они своим служением, будто бы оказываемым и тем и другим, льстиво лукавствовали и с одинаково с ними верующими, и с врагами, хромая на обе ноги и переменяясь; души у них разжигались и сердца горели

желанием присоединиться к еллинам, и их они почитали больше своей веры и издавна у нас существующих владык, и думается, что они, как жидовствующие, тайно отступили с ними (от веры) ради скорого суетного обогащения и ради получения от них для себя чести. Но румянец благоденствующих богатых и печальный вид и бледный от недоедания цвет лица тех, кто долгое время бедствовал и обнищал, и действительная бедность их одежд дадут более правильное понятие очам видящих те и другие лица, нежели смущающие слова о них, которые раздражают слух слушающих.

О таборах

Когда внезапно, пораженный гневом ярости господней, преданный руками народа телесной смерти среди самых царских чертогов, а потом выброшенный из них на площадь посреди самой столицы, пал, как бы пораженный громом, львенок, аспид или, лучше, яйцо василиска, — Гришка Расстрига, по прозвищу Отрепьев, — он был как бы сыном по своему злобному обещанию Литовскому королю Сигизмунду;[257] не являясь по обету (выполнителем) его желаний, но составляя (с ним) злой совет о нас, он, как бы наполненный ядом скорпиона, был выпущен на нас из его пазухи, потому что король увидел для себя благоприятное время; тогда метались, неустойчиво колеблясь из-за царей, люди всей русской земли, а города наши, находясь в несогласии между собой, самовластно поднимали на свободных и соплеменников свою голову и каждый различно и в особицу заключали союзы с другими народами, иногда понапрасну враждуя между собой из-за грехов, кипящих в них, ради совершения здешней (земной) мести, но чаще наступали разбойническою ратью на престольный город — главу всего царства, и на другие города. Тогда король Сигизмунд дерзко ополчился на все то доброе, что в нас с помощью божией спело и умножалось, и прежде всего на благочестивую и поистине первую

в сиянии и пресветлую веру, а потом на изобилие всяких земных благ; как когда-то фараон на возлюбленный (богом) народ еврейский, так и этот давно умышлял с землей своей зло на землю нашу, соединив свое злоумие по отношению к нам с несвященным лжепапою, оскверняющим Рим,[258] потому что они были согласны в своей неистинной вере. Если он и не сам, ополчившись, двинулся и пришел на нас, то отпустил к городу — главе всего нашего царства — всех своих хорошо вооруженных людей с приказанием прельстить и вторично некоторого (тушинского вора) облечь, как в одежду, в несвойственное имя — и прочее, чему их обоих научил учитель их — враг. И те наши города, которые им случилось разорить, они стерли все до конца и сделали пустыми, и подойдя к матери городов и остановившись в нескольких верстах с целью осады, близ внешних стен города создали укрепления, которые могли охватить, окружая, всю их рать. Нашего царя, срамодействующего Василия, со всем родом и с теми, кто был с ним в городе, напугав, заперли, как птицу в клетке, и заставили его оставаться тут безвыходно.

Имя Расстриги, вновь ожившее после его достоверного убиения, пришло вместе с прочими и начало служить коварным замыслам нового второго поругателя истинного имени,[259] который ложно называл себя настоящим государем царевичем Димитрием, прельщая нас, что он нами царствует, и сочиняя ложь, говорил, что он как-то сохранился и бегством спасся от смерти. Этой ложью он неразумных уловлял в свою волю. Горькая желчь этой лжи разлилась среди слабейших по всей земле. Что же это за неразумие, подобное неразумию скота, у тех, кто поверил ему? Не несмысленнее ли они всякого скота? Многие из них самого Расстригу (видели) своими собственными глазами, а не в видѐнии и не по слуху; многих и руки во время его убиения, спутавшись, касались его ненавистного богу злосмрадного тела, как я говорил выше, — но они, переменившись, последовали за вра-

гами — иноверным народом, и, соединившись с ними, если и были верны, как и мы, поверили их словам больше, чем своим глазам и своему необманывающему чувству осязания, и по своей слабости повиновались им самовольно и без страха, Думаю, что они не (принадлежат) к существам, имеющим дар слова, а являются несмысленнее бессловесных. Если найдутся среди них такие, которые скажут, что все это делали по неведению, то (на деле) это происходило ради получения в скором времени какого-нибудь славного сана или легко добываемого, но скоро проходящего и гибнущего богатства, потому что истинно добрыми делами им было невозможно легко достигнуть этого в течение всей их жизни. Они знали, что многие неправдой быстро достигают высокого положения, а вместе и душу губят, но о душевном вреде при этом они не думали.

Это зло и доныне у нас совершается у всех на глазах— хотят как можно скорее славы и богатства и обогащаются с помощью всякой неправды без рассуждения. Если что получают через слезы и кровь, не раскаиваются и не смотрят на это. Только на то смотрят в божьем (мире), как бы им получить желаемое. Зная, что это грешно, они совсем не чувствуют от этого страха или ужаса, и никто не стыдится больше своих седин, а к одному стремится — как бы все свои сокровищницы изобильно наполнить похищенным.

Не все достигают своей цели. Куда девалось собранное тех, кто был прежде их и во всем гораздо лучше их? Не развеялось ли по воздуху, как дым? А больше всего надо бы к тому привыкнуть, что то многое, что они имеют в своих руках с помощью похищения у чужих, может опять от них отняться и передаться другим, — все, что собрали — все (может) и притти к ним, и уйти от них. Они считают для себя ложью сказанные богом слова о том, что „собирающий не знает, кому собирает". Такие (людям) в писании имеются и другие подобные этим укоризны. О тех же, кто еще не достиг старости, но находится в том же ослеплении, что и

говорить? Непросвещенный ум никто не может исцелить, тем более если он не образован и в старости; „горько стареться возрастом, а умом быть равным младенцу“, говорит Иоанн Богослов.[260] Но не об одних только этих временных славолюбцах, которые там были, все это было сказано, но и о тех (это сказано), кто по городам (появлялся) каждый в свое время, — о лишенных разума и не желающих добра. Пора исполнить начатое, положенное в начале этого рассказа.

Восстали наши друг на друга — разделились злым разделением, примыкая к сонму иноплеменников, соединяясь с (чужими) народами, привыкая к делам их, и, как где-то сказано, — отошли от нас, но не (являлись) существующими; потому что лица свои в местностях, занятых иноплеменниками, обращали на близких по вере с враждою и не свои полки, а войско наших противников пополняли собой, отдавая всю свою телесную силу против нас вместе с теми, кто враждовал с нами еще в старину.[261] Знаю, что они вместе и душу свою погубили: с теми, с кем им полюбилось здесь умереть, с теми же и в будущем захотели принять общую участь, по сказанному: „кто откажется от меня перед людьми...“ и все, что за этим. Среди отступников, соединившихся с чужими силами, хотя и вместе с ними пришедших, но воинов нашей земли „малых и великих“, как говорит писание, помогающих и дозволяющих мудровать против нас нашим противникам и присоединившихся нераздельно к их злому совету и делу, — а именно как бы им самим, омраченным, омрачить всю православную землю многой лестью, — среди них были не только одни мелкие наши воины, но немало было и из вельмож и других, близких к царю сановников. Вместе с ними каждый из тех, которые по чину принадлежали к царскому двору, — переезжал вон из города в стан противников, прельстившись неподтвержденным обманом и соблазняя прочих, показывая всем образец своей слабости и немужества, как будто можно было всех людей

привести в подобную им погибель. И эти так делали, и другие, из соседних городов, которые клялись телесному врагу (самозванцу) крестной клятвой, пачкая ложью не столько уста, сколько души свои, — одни, не любя царя, в городе, другие — из-за недостатка необходимого для жизни, так как в городе тогда был сильный голод. Коротко говоря, не столько осталось людей в городе с царем, сколько было перебежчиков, которые перешли к ложному царю.

Если даже перебежавшие туда и знали, что он ложный царь, поклонялись ему, как кумиру, представленному в телесном образе, досаждая таким образом настоящему царю, который находился в городе, и городу, как чужому, вместе с врагами все время творя всякие пакости, — как сказал пророк: „весь день ополчались на брань“. У них было одно стремление: взять город и низложить в нем царя и всех, с ним находящихся. Друг перед другом они ревновали и в мыслях и в делах только о том, чтобы им разрушить город, убивая родных и единоверцев, потому что враги разжигали и ожесточали их сердца, как железо в закалке. Хуже неверных — родивший рожденного и наоборот, и брат брата, и дальние и чужие по роду — никак друг друга не щадили, но как иноверные убивали друг друга, без милосердия, в лютой злобе, не считаясь в уме ни с верой, ни с родством, так что даже сами враги, которые пришли на нас, видя злость тех к своим родным, удивлялись.[261] Они восстали на свою веру и на свой народ, не внимая жалости и благочестию, для того чтобы такое величайшее и сияющее всякими добротами, украшенное богом царство, которое казалось солнцем под солнцем, разорить, — об этом они думали и не ужасались, колебля такой созданный из золота ковчег, как дом божией матери, в котором изволил жить сам бог с рабами своими, достойными его милости. Они, богоборцы, помышляли разбить его, как негодный сосуд, приравняв его к Троянскому государству,[262] которое хотя и находилось во тьме язычества и было наполнено жителями — греками, — но

его несвоевременное разрушение и до настоящего времени читатели оплакивают, (сожалея) о падении такого безграничного величия; о моем же (городе), который, как солнце светлее всех и больше всех, — если бы рука, держащая весь свет, и допустила бы врагам разрушить его хоть немного,— об нем не как о Троянском царстве, — но до конца веков не перестали бы рыдать царства всей вселенной. Известно, что и теперь окрестные государства не хотят слышать о его запустении и окончательном падении, и колеблющие его ветры, которые ненавидит весь мир, стараются мирно укротить, изъявляя нам дружбу, ожидая и у себя современем такого же нашествия, — если только не ложно заключают с нами мир и не радуются нашему злу, — это бог знает. А если попущением божьего смотрения в самом царстве, во всей этой земле, что-нибудь и совершено врагами к наказанию нашему, — то не до конца, и попустивший это опять легко может все восполнить, потому что наши враги наше достояние не захватили себе, и в этом великое благо нам от бога. Только я (Новгород), говорящий это, захвачен еллинами (шведами) и не могу из себя их изгнать до тех пор, пока тот, кто ввел их в меня, не сжалится надо мною и не изгонит их вон. И опять возвратим речь нашу туда, где мы в начатом остановились.

Те, кто из верущих стали нашими противниками, насколько они были теплыми и усердными в вере, настолько же, скоро совратившись, против нее (веры) враждебно боролись, как когда-то бесы, по своей воле отпавшие от божией славы и ангелов, от света в тьму, хотя и не являлись по естеству своему тьмою. Иноверные считали их более жестокими, чем плотоядных зверей, но однако и сами враги — супостаты многих из них — каждого, кто убивал отцов и братьев, — в ответ также немилостиво губили; тем, кто проливал родительскую кровь, убивая без промедления, мстили чужие, отсылая убийц, не откладывая, в будущее, потому что их жестокости и суровости к родителям эти чужие люди не

могли терпеть. И по всем местам этой земли свои своим творили то же, потому что враг, равно везде, во все сердца верующих из-за оскудения в нас добродетелей рассеял только один плевел. Выше описанным образом и варвары, продолжая свое стояние, ежечасно творили гражданам всякие гадости, а так как их осада продолжалась долгое время, они всячески теснили граждан и, выходя на бой каждый день, пожинали их серпом смерти, как колосья по́ля, покрытого злаками, а те, напротив, — едва лишь некоторую их часть. И так прочно варвары утвердились на этом месте, что многие и жилища себе устроили по образу городского как бы постоянного пребывания до тех пор, пока превосходный полководец (Скопин-Шуйский), вскоре придя от моих (Новгорода) пределов с нанятыми шведами, не сломал всю их остроту, как молодой бык рогами, не поверг ее на землю и от стада божия их не отогнал, — но о нем в другом месте пространнее сказано.

Они же, незадолго перед этим, от утвержденного ими для осады города места в концы земли всего нашего царства, во все другие города, различными походами, как саранча, расходились безбоязненно, как бы в земле своего отечества, не находя нигде сопротивляющихся им, а наоборот, (находя) способствующих им, единомышленников на зло: все города и села с их окрестностями даже до пределов моря направо и налево они, низложив, пленили, жителей и верных подвергая мукам и конечной смерти, а имения их расхищая. И невозможно кому-нибудь счесть и рассказать словами или описать многочисленные беды русского народа, которые он принял от врагов, если бы даже чьи-нибудь глаза или слух сами побывали бы везде с убивающими. О бедах, которые там совершились, — если кто подробно захочет их описать, — может составиться особая книга для каждого места. А собрав воедино все бывшие и совершающиеся повсеместно напасти, если даже по одному из каждого места взять, вместе обо всех сказать невозможно, разве

только кто найдется умеющий среди риторов, способный к красноречию и краткости.

Наши противники все, чем они отовсюду покорыстовались, как в общую сокровищницу сносили в тот город, где находилось „всесмрадное“ лицо (Лжедимитрий II), почитаемое ими; а если что лучшее — как рыбы что-нибудь вещественное по морской пучине, — разнесли по широкому миру во все концы земли в другие места, потому что их нельзя было собрать в одно место и сосчитать; мы знаем, что эти сокровища были больше египетских[263] и со всей земли такой длины и ширины не могли они быть снесены в одно (место). А многие люди стекались от всей земли к лжецарю, больше по своей воле, чем по нужде; „ведущиеся велись“, как на жертву к присяге, — по писанию.

[2]. О князе Михаиле Васильевиче Скопине-Шуйском,[264] как он в то время был в Новгороде великом, и о его побеге из Новгорода

Когда стало исполняться то, что назначено было для нас устроителем богом — все города, находящиеся под скипетром Российской державы, (начали) в большом числе отлагаться от матери городов (Москвы), всем народом изменнически отказываться (от единения) и уклоняться от повиновения царю, — каждый город особо, там где он был, а находящийся в них многочисленный простой народ, посоветовавшись обо всем, замыслил неблагоразумное, — везде принял такое решение, чтобы князь Василий Шуйский не был у них царем. И не только одно это, но тем более не хотели они повиноваться и покоряться находящимся (в городах), поставленным от бога царем властям, но, желая жить без всякого начальства и устроения, по разбойнически, самовластно, и (желая) во всем поступать по своему безумному хотению, задумали управляться сами собой, как бессловесные овцы, не имеющие палки, поставленной им пастырем ради страха. Лишенная

разума чернь, уподобляясь скоту, утвердила в своем уме весьма безрассудное решение и даже склонилась на то, чтобы погубить начальников и избранных лучших мужей, а особо знаменитых (по сравнению) с собой, после мучений предать всех смерти, а их имения захватить себе; это и совершилось, но не осталось так навсегда; однако иные при этом и погибли, поступив по (своему) желанию, как (погибли) в древности некоторые в пустыне: еще пища находилась в устах их, но там же пали и кости их; так (случилось) и с этими, у которых даже и до сих пор нога не встала на правый путь.

Но кто подробно опишет те преступные нарушения закона, которые там ими творились? Нам известна только малейшая их часть, и то по слуху. (Появился) рожденный от терновника, помазанный смрадной нечистотой,— говорю о Пскове и о прочем,[265] что (слышал) о нем,— неизвестный по имени, даже не настоящий лжецарь,[266] они к нему приписались и дали на кресте клятву, как настоящему, а не как ложному; когда они в короткое время сделали это, то показали собой пример зла, потому что подстрекнули многие города и даже погубили их, и они (города) не могут до сих пор стать такими, какими были, думаю, самовластно взирая на то, что после смерти истинных царей такое зло впервые начало совершаться в царствующем городе и в прочих, даже самых перед ними мелких.

Незадолго до того времени, когда началось отделение этих городов, чтобы обладать мною (Новгородом), заботиться обо мне и быть моим правителем, державшим тогда власть был послан от места своего жительства, из царского города, где находился высокий (царский) престол,— стебель царского рода — подлинный воевода князь Михаил Васильевич Шуйский, и ему богом повелено было оборонять меня от супостатов и сердечно заботиться обо всем городском устроении. А он, как верный раб, умноживший талант, повинуясь воле своего господина, утроил то, что ему было велено,— ибо он, не требуя многих приказаний от царя, был для себя сам

примером в добрых делах и, имея в руках данное ему богом кормило правления, справедливо обращал его туда и сюда, куда хотел и насколько мог. Он был не как другие следующие за ним начальники, любившие мзду; если они и были членами того же синклита, то он превосходил всех попечением о тех, кто нуждался в защите и в мире, и мы все должны были, как достойные рабы, стараться ему служить за его прекрасную и храбрую оборону нас от врагов, как о подвигах его будет сказано в дальнейших словах.

А когда в Пскове и прочих (городах), которые были с ним, загорелся огонь соблазна самовластия и дошел до здешнего (места) и до слуха тех, которые (жили) в сем великом (Новгороде),— не знаю, какими обольстительными словами увлек его, как волк незлобивого агнца, и отнес на плече в лес третий из здешних с ним начальников, который следовал за ним и носил то же имя, что и он, но без княжеского звания;[267] он был весьма лукав и коварен и ранее был низкого происхождения. Однако великий подчинился совету глупого; как в древности змей Еве, он пошептал ему в уши и убедил его бежать из города. Сочувствует и способствует этому совету и некто из второго разряда, дьяк,[268] который был подобен тому коварному в злых обычаях, был ему собеседником и особенно близок был ему по лукавству. Дни его жизни у царя были тогда светлыми (он пользовался расположением царя) по причине тайной, законопреступной заслуги и из-за временного приближения (к царю) его родственников; честью он малым чем отличался от того коварного, потому что тайно наушничал царю. Когда оба они сговорились, то, подняв как на крылья на свои льстивые слова тот царский стебель, вынесли этого юношу из города. Некто премудрый где-то сказал, что „незлобивый верует всякому слову“. А они оба, боясь и опасаясь за свои дела, напрасно сделали того своим соучастником и этим привлечением наложили на великого крайнее бесчестие, как бы некоторую проказу на лицо руками. Не таков стыд малым

и всяким худородным за дела, каков великим и благородным за слова. Они боялись того, чтобы за их глупый совет множество людей из их народа не убило (их) или не отвело бы их связанными во Псков к объявившемуся там тогда мучителю-лжецарю;[269] не того (Скопина) честь они спасали, а себя всячески оберегали. То, что у них было тогда стремление к бегству, стало явным и известным, потому что когда, побуждаемые своей совестью, они после бегства опять возвратились в мои пределы (в Новгород), один из них как-то рассказал об их злом замысле своему другу в прикрытых как бы паутиною словах.

А когда они вместе со всеми находящимися с ними воинами поспешно отправились в бегство,— тогда был праздничный день пречистой божией матери, честного ее рождения;[270] не торною тропою и положенным путем, а как воры, перелезши где-то в ином месте стену, они бежали чрез мельничную плотину и, взяв с собой много серебряных денег из моего хранилища, внезапно со своей трусостью оказались вне города, в трех верстах от его (Новгорода) стен. Никем не гонимые, а только побуждаемые своею совестью, эти трусы забыли в страхе бегства отслужить молебен в (храме) премудрости слова божия и не пожелали (взять) благословения у моего архиерея,[271] но скрылись от него и не известили об этом знатных жителей города, как было в обычае поступать истинно храбрым; а так как они и днем ходили, как ночью, то споткнулись и скрыли от всех причину своего тайного отъезда. В городе остались только двое,— второй после него член синклита и с ним другой, не имеющие славы тех и унижаемые людьми; тогда владело городом и правило всеми само живое слово божией премудрости, охраняя и промышляя и управляя городом. А они с того места, которое находилось вне города, прислали за начальствующими и знатными города, льстиво скрывая причину своего бегства под ложными словами и объясняя ее необходимым отъездом: они сказали ложно, что такое „ста-

рание“ (внезапный отъезд) произошло из-за поспешности. Они говорят, что идут в крайний город этой земли, названный человеческим именем,— у него было имя благодати,[272] нанять еллинов (шведов) для помощи против врагов, разоряющих Российскую землю, и показывают у себя письмо от ранее посланного в этот город за тем же, приводя ложные слова и присоединяя ложь ко лжи, что если только сами они не пойдут теперь в этот город, чтобы скорее нанять ратников, то от еллинского народа сюда помощь не придет. Так они говорили и этим обманом убили как свои души, так и тела, омраченные гордостью; когда они возвратились назад в город, они то же велели сообщить и первосвятителю, и всему городу.

Устремившись в свой путь, они бежали там, где сами не знали, а путь этот был очень труден для них и по всему вреден, „на этом пути они не нашли города для своего пребывания“, по пророку; об этом некоторые из них, возвратившись назад, сами рассказывали. Все они очень ошиблись, (рассчитывая) войти в город, о котором обманно говорили, что спешат в него, чтобы нанять там ратников, потому что город, как и Псков, узнав, что они бегут к нему, крепко затворился со всеми находящимися в нем людьми, так как (жители этого города) совсем не желали подчиняться в чем-либо владычествующему тогда в России (Шуйскому), и город этот (объявил), что он совершенно не признает его. А обман замысла тех, о которых ведется рассказ, окончательно обнаружился, потому что они, не дойдя еще многих поприщ до города, принуждены были с ведущей к нему дороги повернуть в сторону, куда им не хотелось, и тащиться днем и ночью, блуждая по непроходным крутизнам и пропастям. Многие из них, видя свое заблуждение, возвратились с дороги назад в мой город с теми моими деньгами, которые были у них; и не только мои, у меня воспитывавшиеся воины, но возвратились и многие из рабов ранее поименованного и рассказали моим жителям о считающих себя умными

и о том, что случилось с ними на пути. Все это достойно смеха, поношения и крайнего стыда. От стыда они едва не убежали во вражескую землю. Когда что-то незначительное им в этом воспрепятствовало, они, вернувшись, прибежали в город, (находящийся) на окраинах моей земли, по имени „Орех“,[273] а воеводе этого города о их бегстве было сообщено специальным посланием из моих пределов, (посланным) теми, которые остались и распоряжались (здесь). А они приняли немалое бесчестие от воеводы того города;[274] осуждая сделанное ими и насмехаясь над ними, он хотел, заковав в узы, послать их к „державному“ (Шуйскому), если бы только тот,— тезка этому,— виновник всего этого срама,[275] как родственник, не уговорил воеводу этого города.

Когда оставшиеся в городе начальники вернулись от них назад в город, они рассказали о безмерной совершенной теми дерзости: от этого сообщения народ заволновался беспорядочным волнением. Одни, возмущенные их бегством, говорили: „из-за чего город со стороны моих (начальников) оказался в пренебрежении и они оставили его пустым“? Другие рассказывали то, что происходило вблизи — во Пскове, но одни (говорили) так, другие иначе. А остальные советовали послать вслед за убежавшими просьбу и умолять их возвратиться; иные хотели противоположного и, безумно крича, ратовали за безначалие и вопили, что надо гнаться за ними; а другие с такими же воплями голосили что-то иное. А те избранные, которые имели богатые сокровищницы, произносили тихо, но чтобы слышал народ, немногие кроткие и мирные слова, лицемеря в ту и другую сторону, чтобы не быть растерзанными народной толпой за произнесение речей, неприятных миру, если ими будет внушаться что-нибудь неугодное толпе, и чтобы им с обеих сторон быть невредимыми. И говорившие, и молчавшие, так как они больше всего боялись своего разногласия с миром, не осмеливались ни говорить, ни молчать, так как они с той и другой стороны были объяты трепетом,— у них и теперь наблюдается тот же

страх малодушия, ибо они, всячески лицемеря пред высшими, прикрываясь лестью, хромают (на ту и другую ногу), чтобы начальствующие их не возненавидели,— из-за этого они тогда перед миром, как на суде, утаили свои слова; а еще более удерживало их от этого богатство и ненасытная любовь к его изобилию, а отсюда и (боязнь), чтобы их богатства не достались в наследство врагам. Народное голосование не пришло тогда на собрании к согласию и единству, так как и у первосвятителя с собором, и у градоправителей, без воли того, кто владеет временем, не оказалось такой силы, чтобы успокоить вопли народных голосов, потому что и они со всеми вместе, как бы в дремоте, хромали человекоугодием. После того как, по милости божией, великое собрание, разволновавшееся как житейское море, успокоилось и наступила тишина,— с помощью того, кто движением (руки), повелевая чувственному морю и ветрам, укрощал их,— было установлено единогласно: послать от города со значительными (людьми) просьбу с письмами от архиерея и начальников города к тем, которые, никем не гонимые, бежали, как бы (несомые) ветром и своей совестью; это и было исполнено. С нашим желанием было согласно и решение тех, кого мы просили (вернуться) и которые сами хотели возвращения,— так бог соединил намерение тех и других. Придя в себя и поняв из всего случившегося свою слабость, они послали навстречу нам посла (с известием) о своем возвращении назад, в мои пределы.

Что было бы, если бы в то время, как они, убежав, блуждали и бродили, скитаясь, как изверги, по лесам, восставшие зачинщики вражды, хитро напав на нас из Пскова или придя из других стран, взяли этот великий город и завладели им, так как для защиты в городе совсем не было ратников и не осталось даже одного гроша из денег на городские потребности? И если бы бежавшие без приглашения пришли к стенам моего города и не были приняты в моих пределах, а мои жители, обличая дерзкий их посту-

пок, прогнали бы их,— что бы после этого было? Где было бы им место для поселения, в котором они, переезжающие то туда, то сюда, (могли бы) приклонить свои головы без стыда? Ибо царь тогда еще был в полной власти и мог бы, думаю, виновных всячески наказать за то, что претерпел от злоумышляющих поставленный выше других (его племянник), а еще более за их измену служению сидящему на престоле, за то, что они так предательски оставили такой город с архиереем и с людьми; совершив по отношению к нему такое предательство, они, как пустой, отдали его без страха врагам, как будто они не имели над собой господина и не ожидали, что будут за это наказаны от владычествующего. Это удивительно! Ибо такое дело несвойственно рабской натуре тех, которые (обязаны) бояться, и такая дерзость не соответствует установлениям царских законов и обычаев; а еще более удивительно потому, что их нрав по всему (напоминал нрав) боязливых младенцев, и им по законоположению наших прежних владык, конечно, не следует вверять управление областями, имеющими такие обширные владения. Они, совершившие это, достойны лютой смерти; но думаю, что сделанное ими зло было побеждено именем великого родственника царя, его справедливостью и их совместным неразлучным бегством; поэтому они все без различия были приняты мною на беду мне. Как случилось, что народ безмолвно принял их возвращение в свою ограду и как сам царь оставил (это) без следствия и наказания?

Боясь убийства от взволнованного народа, зная свою злую вину и придумывая, чем бы хотя немного избежать стыда, решили (они) обратиться с письмом в мой город к первым и знатнейшим; в письмах же, ожидая себе от всенародного собрания (взыскания) за свою неприличную дерзость, сочинили не мало неправды, писали и то и другое. Но, зная беспрекословное (повиновение) моих граждан начальникам, пишут с гордостью, как рабам, говорят больше о важности своего дела, чем о бегстве, и этим обманывают людей. Мои же

начальники и все (жители) города хотя из дела и знали подробно, что прикрытые словами объяснения сделанного ими все ложны, но одни — из страха, другие — притворно признав их писания справедливыми, подчинились им. Правда была скрыта ложью, потому что все мои жители были бесовским семенем, и не было в Израиле крепкого,[276] который хотя бы в письмах обличил их недостойное поведение, но все были при ответах более кротки, чем овцы, и более безгласны, чем рыбы, и сделались как бы бессловесными лицами: пишут им просительно, чтобы они ко мне возвратились, и обещают им великую почесть, как будто они сделали нечто весьма нужное, и навстречу этим лицам от всего города послали знатных (людей) с обилием необходимой пищи. Они же вскоре, взяв ее как залог, смешали смелость с боязнью,— впрочем, первое пересилило второе,— и другим путем — водою на лодках вернулись под мой кров. И, войдя в храм премудрости слова божия,[277] где находились верховнейшие, начальствующие и всенародное собрание, они перед всеми вместе, ничего не изменяя и нисколько ни в чем не каясь, славили себя за первый обман и сшивали ложь с ложью; прежде названный гордословец,[278] видя мой простой народ слабым и боязливым, убедил криком своей широкой глотки ослабевших перед первыми его коварствами. Все понимали их ложь, но моими простыми людьми овладели перед ними робость и страх, и они онемели, как воспитанные с самого начала под страхом, а еще более от своей несогласованности и отсутствия человеческого разумения. Известно, что виновники зла, о которых здесь речь, обрадовались в своем сердце, наружно скрывая это, что они своими лживыми словами изменили мысли и у такого множества народа, и у самого святителя, а не только у избранных; один тот ревом своего горла, как аспид, (всех) устрашил; каждый только про себя тайно понимал истину, но страх, (бывший) прежде в народе, одолел. Говоря просто, они в народном собрании свою явную измену, прикрыв словами, украсили, по писанию (где

сказано), что „слова украшают дела“; сущность же своих дел они своими словами еще более обнаружили и вывели на свет пред народом, хотя они, умолкнув, и ушли в свои дома самооправданными и думали, что людская толпа ничего не поняла из скрытых слов и из их лживых словесных измышлений. Они начали все вместе заботиться о городе и угождать людям, как недавно провинившиеся после проступков стараются все делать осторожно, пока не придут к прежнему состоянию. У распоряжающихся было усердие к этому, особенно же к тем, кто был не совсем смел и мало виноват во всем этом зле. А Михалко[279] сам себя уловил в сеть своей злобы, которую раньше некоторым обольщением себе приготовил и сплел, как сказано: „в сети своей увяз грешник“,— он был убит, как рассказано ранее. А тот, который поистине от дел получил имя, от бога данный мне против плотских моих врагов, хотевших разорить мой город, воитель, по толкованию — пред лицем божиим стоящий, князь Михаил Васильевич, освободился от многоплетенных сетей того — не скажу Михаила, а лучше — василиска среди змей, нежели Михаила. Хотя он и имел одно имя с тем первым, лучшим, но тот во всем от этого отличался; как свет (отличается) от тьмы, так тот (Скопин-Шуйский) не был сходен с этим во всем и не сроден в привычках, как покажет следующее повествование.

[3]. Еще о князе Михаиле Шуйском

В моих стенах (в Новгороде) находился человек — храбрый полководец, данный мне богом в защиту. Имя его толкуется „божие лицо“ (Михаил), к тому же он был отраслью преславного корня, так как принадлежал к княжескому роду. Всем напоминая молодого быка, крепостью своей цветущей и развивающейся юности он (ломал) рога противников, как гнилые лозы. Хотя он и был юн телом, но ум его достиг многолетней зрелости, поэтому не только эту большую

(область), но и все Русское государство, самую мать всех городов, он, устремившись поспешно, защитил от рук поднявшихся против нее народов, принеся ей избавление и не допустив ее пасть тогда, когда она, осажденная врагами, пришедшими удавить ее, как петлей, уже готова была пасть. Он, как зверь, напал на этих осадивших ее волков и, грозно разметав их, отогнал от стада божия и, одолев врагов, пропавших без вести, оказался непобедимым. Промысл всевышняго через него строил свои судьбы к его славе. Но вскоре он был своими родными, которые позавидовали его добру, отравлен смертоносным ядом. Некоторые говорят, что виновником угашения его жизни был его дядя,[280] носивший венец. В это время, когда царствовала зависть, не помогло и родство их обоих, но тем более это посрамит на суде и осудит дерзнувшего, потому что убитый служил убившему искренно, а тот ему на это ответил ненавистью, как когда-то Давиду Саул, раненый, как олень в ребра, завистью из-за похвал, за что и был потрясен поражением от нечистого духа. Но кто из живущих на земле мог бы увенчать голову доброхвального за (его) подвиги? Только тот, кто дал ему крепость. Все люди в самом сердце царства вместе с младенцами без боязни почтили его при гробе таким плачем, как бы о царе, совсем не боясь стоящего у власти; они оплакали его, как своего освободителя, жалобно воспевая ему умильными голосами надгробное рыдание и прощальную отходную песню, и отдали ему эту честь, как бы некоторый долг,— особенно по случаю безвременной его смерти. И как когда-то египтяне много дней оплакивали смерть Иосифа, сына Израилева,[281] потому что он накормил их во время голода, а потом и весь Израиль оплакивал самого Моисея,— так и этого — наш новый Израиль за свое освобождение,[282] так как весь народ охотно сравнивал его с тем (Моисеем). И если почитающим его вздумается сделать что-нибудь еще большее в похвалу его,— от этого даже подлинным святым не будет унижения; и, кто знает, не получил ли

он одинаковую часть с Авелем и другими, умершими от зависти?

Он был так любезен всему народу, что во время осады города, при продолжающейся нужде, все, ожидая его приезда к ним, проглядели глаза, так как разведчики перекладывали его приезд со дня на день; но все люди привыкли тогда вспоминать его, как своего спасителя, ожидая, когда он избавит их от великих бед. И что удивительно! Тех, кого царь не мог избавить, он же их, а с ними и самого царя — выпустил, как птицу из клетки. И если бы клеветники не поспешили украсть у всех его жизнь, знаю по слухам, что все бесчисленные роды родов готовы были без зависти в тайном движении своих сердец возложить на его голову рог святопомазания, венчать его диадемой и вручить державный скипетр, как когда-то было приказано Самуилу возлюбленного богом Давида, ради его кротости, неожиданно полить вскипевшим в роге маслом для вступления на царство.[283] И не удивительно! Как тогда у пророка, нашедшего юношу, так и теперь сердца у всех людей, которые пришли к согласному о нем желанию, были в руке божией. Где-то написано, что все то, о чем свидетельствуют враги, верно. Об этом же, которому здесь мы написали похвалу, и богоборные латыняне, из чьей пасти он нас выхватил и которых пращей своего плеча разогнал, и люди, достойные доверия, от которых мы и приняли это слово и которые в содружестве с ними шли против нас, нам сказали, что наши противники когда-то, где-то говорили: если бы это было возможно, то подобный юноша был бы достоин королевствовать над ними, так как он стал известен им своими делами; они в последнее время сами были зрителями одержанной им победы, его юношеского на них нападения стройной ратью. Но те, кто сам хотел царствовать, злые его родственники, сами отломились от родственной им маслины, ни им (полякам) не дав желаемого, ни нам из зависти его не оставив. Увы! Вскоре они и сами, по писанию, „низложены были с престола“ и во

власянице и в худых рубищах всем родом отправлены в страну чужеверных, в далекий плен, и там сошли как-бы под землю, оплаканные прежде будущего суда, получив сноп жатвы своей зависти и других своих зол.

[4]. О „пещном действе" и о крестных ходах

Все великотаинственные и прекрасные священнодействия кафолической церкви, которые издавна после святых апостолов были нам переданы к божией славе церкви семью соборами[284] и до последнего времени сохранялись неизменно всеми святителями, возобновляемые в положенное для этих чудес время, и совершавшиеся в обычные дни преходящих лет,— теперь все упразднены у нас нечестивыми; они перестали совершаться в действиях, так как путь для этого стал неудобен.

И первое, что до настоящего времени было великолепным, страшным и грозным зрелищем, — это прообраз божия воплощения ради спасения людей: ужасное схождение с небес в печь ангела, который превратил в росу огромное пламя, приготовленное для трех отроков и разожженное для их сожжения.[285]

Затем два водоосвящения, из них — более важное — в январе месяце, когда нам свыше было открыто все таинство троицы; тогда сам бог, на котором во время служения трепетала рука Крестителя, плотию освятил состав воды. То же действие (совершалось) потом и 1 августа.[286]

После этого въезд Христа бога в святой город (Иерусалим) на спасительные страдания и таинственное служение его ученикам на тайной вечере: умывание его пречистыми руками их преславных ног, „благовествующих мир";[287] и в пятый день седьмой недели поста, когда совершилась тайна и пригвождение бога плотию за всех нас ко кресту, — в этот день бывало омовение святых мощей.[288] Но теперь их перенесение из храма в храм происходило не как прежде, свободно через площади города, а скрыто и тайно, только

внутри, около самых церковных порогов; служение совершалось небольшим выходом в тесноте между церковных дверей, с пением без возвышения голоса, и вход для всех был закрыт.

Точно так же и установление на приготовленном ему месте источника нашего воскресения — живоносного христова гроба и обношение его вокруг храма утром в день благословенной субботы совершались таким же образом тайно, пока чужестранцы, как когда-то стража у господня гроба, спали.[289].

А за этим и проводы старого года, и обновление наставшего (нового) круга, а также изображение в знамениях будущего суда, — с этой целью святителем и всем собором совершался крестный ход с обношением икон вокруг города для его освящения. Так же ежегодно бывали в разные недели объединенные собрания всего городского духовенства, (приходившего) с крестным ходом в соборную церковь к отцу начальнику (митрополиту) и совершавшего вместе соборные моления.

Подобно этому бывали и выходы в святые обители, лавры и другие честные места и в соборные храмы в их праздники и назначенные молебные дни; и чаще всего издавна установленный выход в новое божественное местопребывание — святую церковь, где изволила поселиться сама животворная икона чудного знамения божией матери с воплотившимся от нее словом божиим; эта церковь была создана тут когда-то на вечные времена многою и теплою верой людей за то, что в старые годы (богоматерь) преславно избавила этим своим образом от нашествия наступающих врагов весь мой город.[290]

Такие же как и эти первые, о которых мы сказали, собрания (духовенства) со стечением множества народа бывали и во всех других городских храмах, по случаю праздничных дней того или иного святого, во имя которого построен его дом (храм), на том месте, где он находился; это совершалось по древнему преданию, ради почитания празднуемых

святых. Это видимое и совершаемое на земле служение и приношение даров похоже было на звезды, и днем воздух освещался сиянием свеч. Думаю, что и бог наблюдал с высоты все то, что происходило у нас; как в древности он охотно принимал угодные ему жертвы Ноя и прочих,[291] так же милостиво смотрел он и на подобное овцам, в кротости и простоте, усердное следование нас смиренных, пока мы не согрешили.

Так с тех пор и доныне все вышеупомянутые привычные установления не откладывались, но тщательно выполнялись. Теперь же все в нас умолкло и мы выглядим совсем бездейственными, — или из-за мерзости и нечестия иностранцев, а вместе и из-за повреждения святынь поруганиями и насмешками с подмигиванием, а также из-за бесчестия, полного разорения и опустошения и из-за крайнего нашего оскудения и совершенного лишения всего, к тому же и из-за страха; или из-за нерадения к этому в трудных обстоятельствах святителя вместе с прочими (представителями духовенства), их ленивой слабости, немужества и бесчеловечия. И среди того, что переживается нами, во всех нуждах, налагаемых на нас насилием варваров, мы изъявляем нетерпение, — и справедливо, — но что могут сказать о возможных нуждах?

Видно по всему, что в это время озлобления мы явились неспособными вынести (испытание), так как не вспоминаем пророческих слов бога, который заботится о нашем очищении, что „не стерпели совета его“, и в законе его не хотим ходить и „забыли бога, спасающего нас“. Также не вспоминаем и слов апостола: „кто нас разлучит от божией любви, — скорбь или гонение, или раны“, и прочее, там сказанное: „ни меч, ни самая смерть, ни даже жизнь“. И в другом месте: „разве неправеден бог, когда гневается?“. Но мы как бы сердимся на создателя своего, забыв все его благодеяния и чудеса, которые он нам явил, и то, что он терпел за нас в течение долгих лет. Мы отвергли дело сыновнего

богопочитания, а больше склоняемся делать то, что нам любо. Хотя мы и наделенные даром слова существа, но мы явились хуже бессловесных и бесчувственных созданий. Скот не прекословит водящему или вяжущему его, и даже не смеет противиться самому закланию; всякая вещь, которую бьют молотом, если создающий и многократно бросает ее в огонь, испытывая ее, повинуется воле (кующего зодчего) беспрекословно, — и оба служат нам назиданием; мы же не только не принимаем с благодарностью очищение от грехов, но, сопротивляясь так или иначе, отрекаемся, потому что привыкли, что за время жизни с нас никто не спрашивает — ни бог, ни человек, и никогда не считаем себя виновными в своих прегрешениях. Разве нельзя богу делать это со своим творением? Известно, что все сотворенное творцом умучится.

[5]. О бегстве воров с Хутыни[292] и приходе их (в Москву)

Внезапное бегство — не говорю — отступление от города тех, кто мне досаждал своей осадой, было преславно и чудесно и совершилось так.

В 11 день месяца января в память двух преподобных — Феодосия, начальника монахов, и Михаила Юродивого Клопского,[293] в их двойной праздник наставшая ночь, как некая буря с сильным ветром, воздвигшись на них, изгнала из святого места, называемого Хутынь, гнездившихся там змиев и делателей тьмы, откуда они ежедневно приходили ратью досаждать моим гражданам, и они вскоре и совершенно были оттуда рассеяны. Так тьма времени разогнала тьму плотскую. Осажденные же, которым это было возвещено некиими пришедшими оттуда, оставались запертыми, потому что привыкли тех бояться и думали, что утром те, как и прежде, на них придут к городу, в то время как святые тогда вместе подвизались невидимым подвигом — молитвами

к богу — и изгнали их, но их „борьба не была борьбой с плотью и кровью“, как говорит апостол. Преподобный Варлаам[294] был старейшим (среди них), старающихся об изгнании врагов, потому что не терпел в своей обители их мерзостного пребывания на долгое время и еще больше этого времени: от прихода до изгнания этих срамотворцев прошло больше чем два месяца. Они пришли в начале поста перед Рождеством Христовым.[295] Как многомутная и нечистая вода, собирающаяся и истекающая на меня от скверного места, — они избрали себе для постоянных вылазок такое удобное по его близости место, для того, чтобы ежедневно досаждать насилиями городу, похищая оттуда православных; как змеи ехидны, они уводили их в земные пещеры. С ними были и лжехристиане — изменники, разорители и помощники нечестивых, которые носили только имена кротких христиан, — среди них были многие известные люди. Были с ними и два придворных,[296] делами — как василиск и аспид. Они бросили вверенное им царем начальство над городом и войском, оставили за спиной врученные им города со всем их изобилием и, никем не хранимые, как бы готовые к сдаче и открытые, отдали разорителям на расхищение, что и случилось: один (отдал) город Орешек, другой землю Карельскую с городом, иной Ладогу с ее пределами.[297] Сами же они примкнули к собранию царских врагов, увлекая вслед за собою и многих воинов.

Когда же они, гонимые божьим страхом, все отсюда побежали, то устремились прежде всего в темномрачное ополчение богоборных латынян, которые тогда собрались для осады у главы всего царства (Москвы), окружив ее со всех сторон, как великий змей хоботом, и смешались с ними, как нечистая вода с Содомским мертвым морем.[298]

Найдя удобное время для своей хитрости, они вошли внутрь города и все вместе самой матери городов остригли голову, изнурив ее до конца и лишив всякого добра, а то, что осталось, вместе с домами предали огню. Первым попе-

чителем об осажденных в городе был тогда — первый после первого святого — Михаил, князь победы.[299] Он нам был от бога тогда поставлен стражем, как ангел его еврейскому народу — в нем было тогда наше спасение. Вождями же и наставниками такому злу были преждеупомянутые два гада — василиск и аспид,[300] еще же, говорят, превзошел их злобою некий купец из самых мелких, носивший свое имя, злобой — как яйцо василисково,[301] а с ними и другие некоторые — неизвестные соумышленники, которые все в последний день объявятся. Их предательство всем было подобно тому, как некогда два предателя ниспровергли Троянское царство,[302] — так (случилось) и с нашим православным.

[6]. О походе из Новгорода к Москве князя Михаила

Когда юный князь Михаил, как от некоторых уз, освободился из осажденного города и от тяжелых испытаний, которые он терпел со всеми нами, тогда в скорости направился отсюда к столице всего царства и тех воинов, которые успели в то время по скорому слову собраться от бывших здесь пятерых пятин,[303] спешно повел на осаждающих, напавших там, желая освободить от бед мать городов, осажденную имеющими на головах хохлы (поляками). На то же (дело) он решил повести и нанятых им (шведов) еллинов, пустив их иным путем впереди себя и увещевая их оказать там помощь царю против наших противников и, сойдясь с ним вместе, освободить город от осады. И когда он сговорился с ними, то, повелев ждать себя, тотчас же вышел из меня (Новгорода) со всеми силами, хорошо распорядившись о городе и оставя в нем начальника.

Выступление его было 117 годового круга к семи тысячам, весной, 25 мая,[304] и пришлось в большой праздник — после животворящих страстей, погребения и воскресения в самый день шестого четверга, в день вознесения спасителя,[305] а по числу данного дня—в день третьего обретения

главы Предтечи.[306] И того, о ком здесь говорится, почтили все во мне живущие люди, даже и женщины и дети, провожая далеко за город с хлебом, давая ему имя победителя и называя его освободителем своим от нашедших на нас врагов. (Это делалось), во-первых, потому, что с его удалением отсюда мы его лишались, а, во-вторых, все люди тогда испытывали печаль и молили бога о том, чтобы он даровал ему скоро и без беды пройти путь на помощь царству, чтобы враги, узнав об его выходе отсюда, не прорвали его сети, что и случилось вскоре, попущением божиим. По городам у него были с ними многие и тяжелые сражения, он побеждал и сам бывал побеждаем; об этом (расскажет) тот, кто был там; мы же, заключенные здесь, к более подробному и ясному сказанию не способны; углубленно же всё знают те, кто был с ним во время этих событий. Мы же вписали по нужде то немногое, что слышали. Бывало, как о нем говорят, что враги не раз и задерживали их на местах силою и коварством, всячески закрывая ему путь, не давая ему приблизиться к славному месту, приступить к нему для его избавления, но всячески отовсюду перехватывали все возможные для него дороги. Но он, найдя время, всю раскинутую ими сеть разорвал, получив помощь свыше, и, устремившись вперед, достиг самого царствующего города и заключенному в нем самому царю и народу даровал свободу от насильников. Об этом яснее будет сказано в других местах.

[7]. О патриархе Гермогене[307]

Когда обладающая всеми городами (Москва), где всегда пребывали мои цари, окончательно лишилась их за безмерные грехи всей земли, от главы ее — царя и до ног, — в то время все люди в ней, (терпя) осаду и всяческую тесноту от латынян и вместе с ними живущей Литвы, как какой-нибудь петлей, были задавлены нуждой и страхом смерти.

Вместе с теми, кто содержался там в осаде, (держали) и самого святителя всего российского народа — Гермогена; я говорю о верховном среди преподобных и всесветлой главе — православном патриархе, — муже, подобном апостолам, который имел над всеми высшую власть, потому что, как сказал апостол Павел, являлся воплощением и устами херувимов; доблестный огненосный ревнитель, он, побуждаемый любовью, больше огня разжигаясь ревностью о христовой вере и не ослабевая, многократно боролся против латынян. А с теми из христиан, кто, как антихристовы пособники, оказали вместе с инославными такое же сопротивление, он мужественно сражался только своим языком и устами, как мечом, немилосердно посекая противников и заставляя их падать к своим ногам без ответа. Он гнушался богоотступников, как бездушных идолов, и отворачивался от тех, кто не повиновался его многократным поучениям и наставлениям и кто, не захотев его благословения, самовольно от этого удалился.

С ним, первейшим, вместе (терпели осаду) и весь синклит, который чинами своими являет неисчислимые различия и разницу (по отношению) к царскому порогу, — достойные и достигающие его величества и необъятное множество людей. (Он боролся) против латынян и соединяющихся с ними, а больше всего направлял (свое слово) против лютой злобы тех ересиархов, кого звали Михалка Салтыков и Федька Андронов,[308] и других по именам их единомышленников и составителей всего зла, чьи имена за их дела бесы вписали в свои списки; было по всему ясно, что как тьма противится свету, так и нечестие благочестию. Новые отступники от добра сперва ласками, а потом угрозами неволею привлекали его к своей воле — к тому, чтобы, повинуясь врагам, изменнически отдать российский скипетр сыну короля латынского Сигизмунда — Владиславу.[309] Они хотели утвердить это взаимной клятвой на кресте и обещались никому из бесчисленного Христова стада не делать зла,

они скрывали в нарушение клятвы последнее зло — обман: после клятвы они нам всем и везде творили всякое зло.

[8]. Летописец вкратце тех же преждеупомянутых царств и о великом Новгороде и о том, что было во время каждого их царствования

Крестьяне не понимают, на какое место полагается каждый вид ратного оружия, когда воины перед сражением надевают его на себя, а просто только смотрят на одевание, не вникая как следует умом, как и куда на вооруженных всадников надевается каждая часть этого вооружения; они считают, когда случится (видеть это), что все это делается просто, а не с рассудком. Но — неразумные — они ошибаются, так как не знают того, что каждая вещь имеет свое назначение там, где ей полагается быть. Когда же этим невеждам самим где-нибудь придет время облачиться в такую же броню, они шлем налагают на колено, щит безобразно вешают на бедро вместе с другим оружием, потому что это дело им не свойственно. Так и во всяком деле, которому сам научишься; так же (происходит) и в словесном писательстве, если кто хорошо не обучится, ка́к положено начинать описание событий, подобно, увы! тому, что мной здесь совершается и является знамением моего крайнего неразумения, детской игрушкой и вместе с тем всячески достойно поношения. Но если я и не удостоился (сравниться) с хорошо умеющими, — я знаю, что сделалось это по необходимости, — из-за скудости и наставшего времени, когда люди терпят нужду, потому что иноземцы захватили город.

Те многие, которые от недостатка у них разума стремятся путешествовать различным образом по суше и особенно по воде, когда они должны от места своего жительства быстро добраться в далекие (страны) ради приобрете

ния себе излишнего, не задерживаются надолго, чтобы не пропустить напрасно благоприятного для путешествия времени, а именно этого хотят; но (они) не могут, собравшись со скоростью слова, внезапно переплыть огромную и трудно проходимую широту пучины великого моря неизвестным им путем на то место, которое им пришло в голову. Всегда в таких (случаях), как мы слышим, они не устремляются понапрасну и не спешат, и не прежде входят в корабль, чем расспросят, чтобы, начав (с излишней) скоростью, не погубить желаемого ими добра; наоборот, как следует и всесторонне оповещенные знающими, приглашают для этого еще и искусных кормчих, таких, которые знают пути, пристани и берега, чтобы обезопасить себя от внезапной бури. Они внимательно изучают гладкость пути и те опасности, которые грозят кораблю в водах в виде скрытых волнами препятствий, чтобы, отдавшись водной стихии, носимые как бы на крыльях волнами, не пострадали они как-нибудь очень тяжело от неведомого; если они и не всех (этих опасностей) целиком смогут (при этом) миновать, то хотя от больших будут сохранены. Приходится им и на одном месте, в спасающем от бурь пристанище, где плаватели ожидают хорошей погоды и спокойного часа для своего выхода из гавани, оставаться долгое время, если случатся или встретятся им в пути какие-нибудь неудобства. А если иначе и спешно, торопясь, без разума начинают такое дело, переживают всяческие беды, разбивают корабль и всё, что в нем есть, всё вместе потопляется ими; очень редко они спасаются от общей гибели, а в том, что начали дело не добром, много раскаиваются и называют себя окаянными.

Насколько же больше нужно предварительных приготовлений для того, чтобы без трудностей перейти словесное море? Не следует ли избегать произвола вторых, а, заранее избрав, следовать безбедному путешествию первых, т. е. после того, как расспросят о пути, строить хорошие корабли, натягивать такие же паруса и (готовить) так же весла с дру-

гими орудиями, и когда устроят все как следует, тогда начинать хорошо подготовленное плавание? И как корабль по воде плывет головою вперед, отсюда же и слово берет свое начало.

Когда голова венчается, всем членам вместе с ней бывает слава и радость; подобно этому иногда и мать о детях веселится. Но от прегрешений всё, даже славное, себя смиряет; так, Христос говорит через Павла:[310] „когда страдает один член, страдают с ним и другие члены; и если одно из главных начальствующих чувств страдает, естественно и все прочие части тела, близкие ему во всем, готовы сострадать ему“.

Это — образ начавшегося здесь: всю землю царства великой России, самого славного среди всех добрых, со всеми его городами теперь разорили и ниспровергли близ сидящие соседние безбожные народы, выполняя злой на него умысел своих прежних государей. Они пришли со всех сторон — и от северных городов России,[311] и с запада, и от других мест; а в единстве с ними сияли твердою к ним любовью, (достойной) всякого стыда, доморощенные злодеи Российской державы, рабы своих различных господ; они сами были склонны к злу и всю землю православных замучили, погубили острием меча и различными муками и сокрушили ее всякой лестью, и все вместе разорвали на части. Но здесь об этом довольно. К тому же всякая вещь в будущем в любом месте даст время сказать в ответ о себе слово, — как о том, так и другом, что следует за ним.

Стоящие же у власти искони происходили из своей земли, но владели и другими, особо стоящими владычествами и самостоятельными государствами. Среди них есть и не принадлежащие по вере к „этому“ двору (религии) — сильные восточные (татарские) царства,[312] которыми много лет обладали наши владыки — самодержцы, от того времени, когда они соединились вместе с нами под единою властью благочестивого

скипетродержавства; до этого они только из-за веры и из-за обширных пространств земли, а также и из-за дальности расстояния были отделены от нашего царства. Тотчас же с помощью божией наши правители избавили от нечестия все жилища этих измаильтян[313] и насадили (здесь) веру и благочестие, как новый сад богу. Из всех этих многих городов, которыми они обладали, нам нужно говорить об одном, который когда-то шел впереди нас в вопросах веры, который был по существу как бы другой превеликий и древний Рим,[314] за исключением положенного ему имени: он был наречен Новгород и принял это имя не от человека, и не от какой-нибудь вещи, а назван так богом. Это имя с честью произносили от самого его создания все концы земли под солнцем, на его землю от века никогда не смела наступить варварская нога, потому что этому мешал страх перед самодержцем. Увы! Теперь он со всеми его пределами взят обманом этими (врагами) как бы в вечное наследие, и шесть лет без малого оставался в чужих иноверных руках, всячески и явно каждый день ими попираемый и пожираемый. Это было так, как писалось ранее, — как некий член своему телу, сострадал он (Новгород) главе всего царства, славной среди всех городов Москве, которая, как известно, приняла различным образом от латынян несказанное зло. Как там, так и здесь зловерные по своему желанию нашли себе предводителей, богоотступников от православной веры, которые могли исполнить всю их волю, потому что они им указывали путь на всякое зло.[315]

Но эти два преждеупомянутые великие города со всеми своими областями непосредственно не были осведомлены между собой о причиненных им врагами болезненных язвах, которые каждый принял и самостоятельно вкусил. Хотя (оба) и очень много слышали о зле, но каждый горе этого зла переживал внутри себя особо, с терпением, не рассказывая о нем. По их словам, не было таких, кто мог бы счесть и показать множество и существо этого зла и обстоятельно и выразительно рассказать о нем. Сколько сможет мой пустой

ум и медленно говорящий язык с устами рассказать, а вместе и перо, которое плохо движется у меня, всячески стесняемого в необходимом, а особенно — более чем прочими нуждами — пленением в городе; хотя бы только тень тех бед, а не самые беды я поведаю здесь, чтобы послужить уму и языку всех. Начало отражения нечувственного образа, как бы нечто чувственное, отобразилось в низких словах, которые за этим следуют.

Когда великий захочет поручить кому-нибудь из послушных ему, не откладывая, какое-нибудь большое дело, но не найдет в том месте, где находится, достойных на это, тогда хотя и по нужде, поручает его и недостаточно (умеющим), если не вздумает отложить свое решение. Поскольку лишился подлинных (исполнителей), он должен удовлетвориться и худшими, если в наставшее время плена и всякой нужды не добудет лучших. Так произошло и теперь, — о чем нам хочется сказать. В том городе, о котором мы упоминали, великий начальник (духовных) отцов и всем тут находящимся общий пастырь, занимающий святой престол, — тот, кто отличается от подобных ему своей снеговидной шапкой и кто первенствует среди равных ему четверых, — обратился здесь к нам со словом. Когда приближались к концу те годы, во время которых вражда нечестивых приносила нам множество бед,[316] и когда мы ожидали для города желанной всеми свободы, потому что посланные боголикого и благочестивого царя нашего Михаила,[317] — избавителя и освободителя нас от бед наших и от тяжелой работы, (подобной работе евреев) на фараона, — в некоем месте совещались с нечестивыми о заключении мира, — тогда в один день в церкви премудрости слова божия,[318] в час приношения богоспасающей о мире жертвы (литургии) от уст святителя Исидора,[319] как бы от уст божиих, мне было дано повеление; с его места, как из облака, послышался голос, которым я был призван и который приказал мне приблизиться к нему. Склонившись ко мне в уединенном

(месте) и осенив меня крестом своей святодейственной десницы, он тихим голосом принудил меня начать писать о наказании божием, о происшедших в русской земле событиях, и о всем, совершившемся с нами за последнее время, чтобы хотя какую-нибудь малую часть о них поведать, что писателю придет на память, что он здесь видел и слышал, — пусть даже и не очень совершенно из-за того, что мы все вместе были в плену и осаде, в нужде, еще больше из-за страха, а особенно из-за недостатка моего, по сравнению с другими, разума. Он не допустил меня много говорить об этом и отказываться, хотя я и указывал ему на то, что я недостаточно научен для этого дела, но сказал мне: (это следует делать), чтобы в течение ряда лет глубина нерадения не помрачила (памяти) и чтобы от небрежения не забылась необходимость этого дела. Больше же всего повелел он мне стараться (написать) о православном и великом этом Новгороде, перенесшем на себе от еллинов, — начиная с дней последних царей или немного ранее этого, многолетние нестерпимые язвы и различные болезни. Я же, боясь ослушаться, повиновался великому слову, но коснулся только начала дела, не надеясь и притворно на свою немощь и бессилие. И пусть не будет того, чтобы кто похвалился этим, — но как наставит божественный дух, открывающий уста немых и язык младенцев, делая (их) сыновьями. Молюсь о том, чтобы хорошо знающие, когда они найдутся, исправили то, что нами (написано).

Начало

После прошедших ранее семи тысяч лет существования этого мира, в последние годы мимошедшего времени — наступающего восьмого века,[320] были (у нас) самодержцы и обладатели земли всего Российского царства и патриархии, которые царствовали надо мной. Их имена вскоре будут названы здесь явно; о немногих из них, о тех, чьи рабы-

свидетели живы еще до настоящего времени и кое-что могут помнить о них, теперь для начала написано в кратких словах, например, вот это.

После первых (царей) правил в России людьми божиими нового Израиля[321] твердый поборник благочестия, просвещенный Иван Всегрозный,[322] сын великого князя Василия;[323] оба они под конец жизни — один за другим, второй за первым — временное царствование заменили иночеством. Тот, чье имя благодать (Иван), в свое время, после победы над сильными татарскими царствами, был первым царем всей великой России. Он был после своего отца вторым великим собирателем отовсюду всей Русской земли, — самодержцем над державными, крепким в войне и очень мудрым во всем, (так что) среди всего своего рода выделялся премудростью; необоримый в силе (своей) мощи, он к варварам враждебных земель был непреклонен и неумолимо мстил им за неправды. Слух о его имени и грозе, и славе гремел среди всех народов в обе стороны, даже до востока и до запада. Все соседние враги ужасались движения его меча и запрещения нападения, потому что он был похож в своих лучших чертах на Александра, царя Македонии и всей вселенной. Некоторые говорят, что из-за его яростного гнева жизнь его была погашена прежде времени его рабами, так же, как они поступили тогда и с его детьми. В иноверных странах много радовались его смерти, как светлому празднику, весело рукоплеская; с его смертью иностраннные клеветники перестали ждать войны, — потому что он не напрасно возводил на них меч своей десницей и не напрасно низводил его с воздуха.

За ним сын его, добродетельно живший Федор Иванович,[324] государь всероссийский, наследовал престол своих предков в прекрасной святости, потому что царствовал, любя истину, незлобно и достойно; (подражая) кротостью Давиду, (он) пас своих людей, не любя крови; всю свою жизнь он проводил в посте и молитвах к богу, непрестанно и неусыпно день и ночь являясь великим предстателем (перед богом) о мире

и святым царем. Имея постоянное стремление к церковному великолепию и благочинию и непрестанную заботу об украшении святынь, он любил монахов и нищих и очень много им подавал. Он явно нес подвиг воздержания, потому что кипел в душе своей любовью к делам иночества, хотя был покрыт светлостью багряницы. Его желанию так жить у себя в доме не помешали ни супружество, ни высота самого царства. Он боролся со всякой неправдой, чуждался ее, и, как Иов,[325] „даже устами не роптал на бога“; он за всю свою жизнь ни разу не осквернил мерзкими словами своего богомольного языка, но весь постоянно был охвачен всяческим благочестием; таким же незапятнанным, думается, и предстал он перед богом, потому что один из всех сохранил первообраз и в дни своего царствования охранял от вражеских наветов достояние своих предков. Он царствовал не только над людьми, но и над страстями; думаю, что тот не согрешит, кто его и в молитвах призовет.

Жезл правления над людьми своего от века наследственного царства и всю верховную власть еще при своей жизни он отдал Борису,[326] который вскоре со всем лукавством похитил и престол его; этот же благочестивый царь Федор не оставил после себя миру благородного наследника — потомка, но благочестивые семена, сжав внутри себя, умертвил, потому что так было о нас суждено богом. Добрым царствованием богоугодного своего правления он окончил и запечатал существование своего рода. Увы, он был таков после своего отца, как всемирная свеча, зажженная для нас, или последняя пресветлая звезда, вскоре по божьему попущению погашенная в этой жизни нанесенными вражеским старанием ветрами, — она была благодатью светло зажжена для его царства во время его жизни и навеки. Он был тезкой по имени богозрителю Иеремии,[327] который был освящен еще во чреве до того как был спеленан, — он (Федор) произвел в дни своей жизни от своих чресл одну дочь, не оставшуюся в живых,[328] но однако тогда по поводу ее рождения

у людей была большая радость, и ради любви к отцу и приязни к нему его подданных ее стали считать наследницей.

Имел он у себя и брата от одного отца по плоти, по имени же и по естеству — от другой матери,[329] но злой раб, которого враг (дьявол) ранил властолюбием,[330] не дал мальчику войти в возраст. Он, как поросли, выросшей из корня, не допустил ему подняться в высоту и дать добрый плод, и срезал серпом смерти, как несозрелый и высокородный колос,[331] подражая Ироду; этим убийца издалека готовил путь к выполнению своего желания.

Увы! Общей кончиной этих двух братьев после их смерти был прерван род и весь благородный корень российских властителей! После же этих начали возводить на верх царства рабов — людей из среды бояр (членов синклита), но по-разному, одного так, другого — иначе: среди них первый — Борис, потом Расстрига[332] и те, кто за ними, чья дерзость была совсем бесстыдна и воцарение странно;[333] из-за них и земля, не терпя (этого), столько лет даже до настоящего времени смущаемая из-за царя, колеблется неустанно, о чем подробно и ясно будет рассказано в подобающих местах (людьми), способными на это, а не нами.

После них некто, не утвержденный всею землею царь,[334] думал, что держит Российский скипетр. Хотя он стал обладателем (царем) и не самостоятельно и не так, как его предшественники, но за грехи мира он не имел власти, потому что не по воле всей земли, не многими, а одним некиим гордецом,[335] однако имеющим силу, был подговорен на это и скоро, без замедления, и спешно — без рассмотрения воссел на высочайшее место (престол царя); он не так, как бывшие перед ним захватчики, склонял к себе меньших (людей). Ради этого и возненавидели его люди, и вся земля не захотела, чтобы он ею долго обладал и царствовал над нею, но воздвиглась на него яростной войной, придя войском под самую столицу царства, в которой его и весь род его заключили в осаде и отделили, как птицу в клетке. И по всей

земле из-за него вспыхнул огонь ненависти, и многие города, принадлежавшие его крестопреступной власти, отписались от его имени и его власти, и в разных местах по отдельным городам начали возникать многие срамные и лживые цари из мельчайших и безымянных людей; больше же всего они ставились из среды последних страдников в безумном шуме городской чернью всей земли, досаждая этим законным царям; глядя на этих появившихся перед нами захватчиков, развращались и люди всей земли.

[9]. О целовании креста королевичу Владиславу[336]

В самое время моего (Новгорода) пленения, когда захватили меня еллины, чтобы я утвердил с ними крестную клятву, некий бывший незадолго перед этим изверг дьяк, рука которого хорошо владела пером, написал на хартии то, что ему об этом повелели в короткий и внезапный час, поручая ему это дело, святитель и первый вельможа; по этому писанию еллины (должны были) крепко клясться моим (людям), как согласились (с ними) прежде. Но некие два властолюбца, чьи имена познаются не от дел их жизни, скоро (ставшие) союзниками и поверенными моих врагов, сделали то же, позавидовав тому написанию и, сократив, совсем отбросили его, и оно стало неизвестным, как будто его и не было; они уничтожили его, рассмотрев в нем, что такое написание не было им во всем полезно при их клятве, противоречило их воле и было нужно нам одним в постигшей нас нужде.[337] В своей злобе на меня они то первое самовольно переделали на другое, составив вместо того свое, иное, новое, чтобы угодить во всем варварам. И в чем они (враги) были неискусны — во всех необычных для них вещах, — эти двое моих переделывателей были их наставниками и учителями, и вождями. Этим они показали всю искренность своего служения варварам и теплоту к ним всего своего злого сердца и своей души, — (все это) главным образом ради того,

чтобы побольше себе приобрести; для этого же и до настоящего времени, утвержденные без перемен и несменяемые, они вместе с моими врагами во всем господствуют надо мной, а лучше сказать — корчемствуют, так как не встречают сопротивления; они ничем не меньше — равно во всем и во всем так же свободно повелевают мною, как и те (враги), захватившие меня, так как никто им не мешает: они угождают себе во всем, в чем хотят, и надеются на врагов, как на некий великий залог.

Подобное же написание в самый час моего пленения было написано на хартии для клятвы нашей с иноверными некиим, чье имя „благодать“ (Иоанн), дьяком по чину, рукою своею служившим святителю (Исидору), имеющему белый верх (клобук); ему повелел это (сделать) первый после него (митрополита). Его враги возненавидели это его неугодное им писательство, бросив его за свои плечи и предав забвению; вместо же этого два тайнописателя, которые пристроились как наушники к врагам-еллинам и изменникам, восстали из зависти на того, кто первый составил клятву. То, что им было написано, хотя оно и было хорошо составлено, они изменили своими переделками сделав то, что было угодно тем (врагам), и угождая себе (в желании) получить от них многие тленные блага.

Это писание из-за любви к клятве не было использовано после них, но мои предатели и изменники и скорые помощники чужим, переделав его, составили свое иное по их воле.

[10]. О вдовстве московского государства

До избрания и нововоцарения воздвигнутого богом от рода в род наследника царского, государя царя и великого князя Михаила Федоровича всея Руси, и до возвращения опять на Русь из Литвы того, также богом данного, правителя — доброго государева по плоти отца, великого государя

святейшего патриарха Филарета Никитича Московского и всея Руси,[338] — в то время земля наша может уподобиться — по двум притчам — некоей оставшейся после мужа вдове, которая находится во власти своих же собственных рабов, разоряется, разрывается и как бы по жребиям разделяется, наказанная этим по божию усмотрению. Так в действительности и было. О ней здесь в сравнение и предлагается эта притча, а за ней другая — и обе правдивы.

Притча 1

Когда некая одинокая и бездетная вдова остается после мужа, — если даже она в супружестве и была прекрасной ему подругой, или ее мужем был царь — человек властный и сильный, после него она имеет дом без главы, удобный к разорению, хотя и преисполненный всяких видимых благ, — только одного господина дома нет, а все (остальное) есть. Где владыки дома нет, — там дом, как тело без души: „если и многие члены — по писанию — имеет", но „мертво без духа". Вышеупомянутая вдова не имеет у себя добрых помощников, ни заступников от наносимых ей обид. Поэтому она становится прежде всего во всем зависимой и разоряемой выросшими в доме на службе ее мужу злыми рабами, так как в нравах своих они привыкли досаждать своим господам при их жизни и еще больше после смерти, когда они увидят госпожу оставленной мужем, сиротой, увидят ее бездетной и безродной, и совсем беспомощной, не имеющей ни рода, ни племени и презренной друзьями, соседями и знакомыми. Даже и верных рабов она не имеет себе на услужение, а поэтому и бывшие друзья ее мужа скоро забывают ее добро. Тогда все ее рабы изменяют порядок своего рабского положения, скоро становятся непослушными, вводят свои обычаи и законы и служат, как захотят: ложатся прежде времени рано, наутро встают поздно и спят довольно, дольше, чем до начала дня; сперва они едва и кое-как начинают

выполнять то, что она им повелевает, в словах и делах, и потом — во всем прекословить. Приказания госпожи ими отвергаются и презираются, а то, что им приказано делать, ее повеления оставляются неисполненными. Они сменяют имеющие обращение среди рабов одежду и еду, свойственные всем рабам. Противясь госпоже, они многократно отвечают ей неистово, и, бросая ей в глаза свои нелепые речи, как бы камни мечут ей в лицо; они ранят ей сердце невежественным многословием своих рабских уст и языка, что воспринимается ею как стрелы, пущенные ими из лука. И по отношению к имению своих владык перед лицом своей госпожи они бывают неверны, нерадивы и небережливы; они являются стяжателями и злыми разорителями своих господ, у которых крадут и присваивают, и всеми способами наполняют господским добром свои руки; и объедаются, и упиваются постоянно, и ежедневно устраивают — подобно Ироду — многолюдные пиршества с приглашенными, — смерть господина и разорение всей земли радостно считая светлым праздником. Не прошли еще установленные дни общего плача по отшедшем, а они уже украшаются одеждами, пользуясь в изобилии всем тем, что их потребностям несвойственно. Та пища, что им дается и установлена на ежедневное пользование, и отпущенная одежда вызывает у них — неблагодарных — ропот, — все им данное они осуждают; с такими же, как и сами они, рабами они заводят крамолы, а тех, кто им подчинен, избивают, раня даже до крови, или иначе друг друга сокрушают. А дом их собственного владыки не огражден от нестроения, и ворота в доме день и ночь не затворяются, что дает постоянную возможность пролезть внутрь волкам и другим зверям.

Своей постоянной радостью о том, что нет господина, они каждый день доставляют своей госпоже вместе с другими огорчениями большое страдание; кроме того, они — рабы — с приходом 40-го дня ожидают общего своего освобождения и роспуска. Эти же зло творящие рабы приводят

с собою в дом на свои веселые пиршества из других дворов еще и других некоторых подобных себе, — чужих и неизвестных госпоже, чтобы вместе с ними расточать имение своего господина еще к большей досаде своей, потерявшей мужа, госпожи.

Одна у нее против них (осталась) многотерпеливая безоружная защита — коленопреклоненная молитва к богу, с ударами головой, с частыми воздыханиями, (а также) теплые слезы богоматери, в горести приносимые о ней, если прежде молитвами подвигнет скоропослушную в бедах христианам помощницу, явно обещанную вдовам от обидящих заступницу на ходатайство к нему до тех пор, пока устраивающий свое достояние (бог) не поставит, подобно тому как в царстве, главу людям, (человека), который мог бы хорошо управлять всею землею, и пока вездесущий не поспешит богомилостиво приклонить свои богопослушные уши к молитвенным словам своей матери, (молящейся) о мире. Он не терпит, если кто, страдая от бед, к нему вопиет, и не (оставляет) надолго (без ответа) его болезненное прошение. Если бы наша овдовевшая имела не только вскормленное, хотя и малое дитя, но лишь зачатое осталось бы в ее утробе, — с течением времени оно вышло бы из чрева, и если бы это был мальчик, уповая на его зрелый возраст, мать его с доброю надеждою ждала бы этого, предполагая, что когда он утвердится в правлении как владыка, тогда ей, выносившей его, с его возрастом забылись бы все бывшие печали. Если же этого нет, то, значит, таков оказался конец развития их ранее указанного корня, — а потому и все прочее вместе с тем приостановилось.

Но, однако, строитель всего мира промыслом своего рассмотрительного суда не задержит надолго такое неустройство, какое описано выше, (не позволит) колебаться из-за отсутствия главы такому, как бы всемирному дому, бывшему бóльшим над всеми, но воздвигнет неизвестно откуда, как бы от какой-нибудь сокровищницы, и произве-

дет, кого захочет (в наследники), потому что привык приводить все от небытия к бытию своим всесильным словом, — восставит откуда-нибудь иного и иначе, какими сам он знает судьбами. Если плод и не того же самого по породе благословенного корня, но хоть немного родственный настоящему царскому плоду, который вырос на лозе настоящего винограда, как масличный лист, он приближается к нему свойством по другой крови, а более того избранием по доброй воле; как Исаак, он по обещанию был определен наследником царям и тогда же был помазан и укрепился твердо. Он был готов после других дел по устройству земли, испросив у владычествующего всеми (бога) время и помощь, отомстить виновным за обиды и, в первую очередь, творившим зло рабам, которые разоряли, а не снабжали дом своего отечества, а также и напавшим на его (землю) врагам. Испросив время у владычествующего всеми, так как те и другие, о которых выше сказано, сложились вместе против него, желая зла, он шел, как владыка, найти то, что ему принадлежало, и всех тех, кто ему работал, нашел дремлющими: они его не ждали, окончательно отчаявшись, что владыка придет, — по слову сказавшего; с них он всячески с истязаниями взыщет за расхищение дома и может жестоко погубить злых. За те радости, которыми они (наслаждались), разбогатев с помощью расхищенных ими господских вещей, самовольно пируя и веселясь, как богатый в притче,[339] и присвоив себе различные несвойственные им должности, царь, лишив их этих чинов, и сняв с них, как с неимеющих брачного одеяния для возлежания, несвойственный им сан, повелит изгнать их из чертога и обречет их на вечный плач и прочее,[340] так что они и сами скажут себе, говоря так: „не во сне ли мы до этого питались, а теперь на самом деле начали мучиться?“ — как об этом пишется, что червь их не уснет, и огонь их не угаснет. Псаломник,[341] утверждая сказанное о таких (злых рабах), трижды повторяет, что не быть им.

А то, что здесь было рассказано об овдовевшей госпоже и рабах и прочее изложенное выше в словах притчи, — не есть ли образ сиротства и нашей земли? И не такое ли было и в ней непослушание рабов, досаждавших ей во всем и заключивших взаимное соглашение с врагами о ее разорении и запустении, что на глазах всех нас и совершилось, и было. И еще до сего дня это совершается, и огонь еще не везде погас, но, местами погасая, в других местах разгорается и пылает. Этот вещественный огонь хорошо угашается невещественным; та же роса сегодня погасит и этот пламень, которая в древности сошла в халдейскую печь.[342] Но такую росу для такого погашения привыкли сводить свыше вниз многие наши слезы, исходящие из глубины сердца, выливающиеся, как обильная вода, через очи и текущие быстро по щекам, растворенные в достаточной мере постом и частой молитвой с постоянными воздыханиями. Только они могут умолить владыку всех угасить такой пламень.

Притча 2 о том же

Если, для примера, какой-нибудь дом некоторого высокопоставленного лица и удовлетворяется только положенными днями плача в том случае, если лишается своего господина, ушедшего из жизни и оставшегося бездетным, однако, приятели и друзья его или истинные рабы прилагают к этому его ради непрекращающийся плач к плачу и во многие другие дни. Особенно же тогда, когда они видят лежащие, оставшиеся после него одежды или что-нибудь иное, думая про себя о его прошлой многолетней прекрасной жизни, о том, как на их глазах наживший это, столько времени провел, живя благополучно. Потом они видят и безглавное, плачевное и беспомощное вдовство его жены, и облачение ее в черные одежды, презрение ее всеми друзьями мужа, безначалие среди рабов, расхищение сокровищ, растаскивание всего имущества путем воровства из-за нестроения и запу-

стения в доме, и досадное непослушание рабов госпоже, их содружество с врагами дома их господина и союз с ними ему на зло; и последние обиды от всех, и безутешную во всем жизнь всех его домочадцев, и нерадение рабов, полное совершенного безразличия, (доходящее даже до пренебрежения) вопросами веры, и окончательное разорение и запустение земли, и все прочее.

Насколько же больше, чем этого дома, принимаются (к сердцу) и не могут быть выражены словами (несчастия) всей державы наших самодержцев, — всероссийского царства, которое воплотило в себе все благочестие, о благосостоянии которого протекла слава во все концы мира? Нет части вселенной, где бы не известно было и бывшее его недолгое бесславие, многообразное и нестерпимое зло беспримерного огорчения, которое божиим попущением сотворили ему его враги незадолго перед этим. В каком доме была очень большая радость, в том (бывает) и премногая печаль, и какое мы видим в нем сокрушение, так и страдает о нем и болит сердце наше. Вот почему сначала здесь с царством сравнивается и на него указывает дом плача с находящимися в нем, потому что такое не оплакать и не обрыдать и в долгие годы.

Так как царскую драхму,[343] данную в наследство миру, мы некогда по нерадению погубили, — смущенная этим земля и до настоящего времени неустанно трясется, потому что во второй раз „оскудел князь от Иуды.[344] Но через некоторое время вместо утерянной нашли иную, новую, подобную той, — говорю о боголичном Михаиле, которого бог воздвиг после благонравного царя Федора. Он призван не от людей и не людьми, — как говорит Павел.[345] Поэтому мы и нажили вторую „двоицу“, таких же благородных и подобных тем — Федору с сыном, которых в старину получили греки,[346] так и мы таких же (получили) других, и должны были бы, по притче, созвать веселиться соседей и с ними подруг по случаю находки новой драхмы. С их помощью мы все опять

понемногу возвращаемся теперь к прежней своей доброй жизни и начинаем (в ней) утверждаться.

Родители, произведшие на этот свет данного от бога нашему царству руководителя людям, проходят еще путь жизни в этом мире, муж и жена, в монашеском образе, но каждый из них устроен особо и различно[347] — один в чужой земле много лет страдает за правду, терпит вместе с прочими нужду, подвизаясь за весь наш народ, — другая в царстве является как бы соправительницей своему сыну. Причина же того, что первого отвели отсюда туда (в чужую страну), была следующая: когда незадолго перед этим мы были во власти латынян, общий собор умолил его принять чин первосвятителя. Еще до избрания на царство его сына он согласился вместе с другими пойти в землю соседних с нами латынян, отличных (от нас) верою, для того, чтобы просить оттуда сына их господина нам всем в цари.[348] Этот совет еще раньше они утвердили с тем, чтобы они отдали его нам незамедлительно. Но они лукаво изменили своему обещанию, отказались от клятвы и того, что мы у них просили, дать не захотели, а просителей удержали у себя как пленных и там вместе с пленниками их затворили и держали в бедности и нужде, всячески не разрешая им возвратиться оттуда к нам назад.

Родительница же соцарствует рожденному от нее со времени его воцарения; хотя это и кажется странным, но (она соцарствует), потому что она мать.

Уже давно не было в нас мужественной крепости, поэтому мы не смеем думать ни о какой тайне, или (о том, чтобы) составить какое-нибудь многолюдное собрание для возражения против чего-нибудь, неугодного богу или людям, или чего-либо нововводимого нашими владыками, что ими повелевалось не по закону. Против их неподобных начинаний мы могли бы возразить. Но начальники такого хотящего составиться вселенского собора не шли на это, потому что боялись некоторых в среде собрания, думая, как бы они,

умелые передатчики, внезапно и явно не донесли о совете их владыкам, оклеветав их, потому что в большом собрании людей слова о тайных вещах, о которых советуются, из-за страха не удерживаются слабыми и произносятся ими, как бы по воздуху разносясь по сторонам, и особенно (в сторону) державных; очень многие и со стороны это разными способами могут узнать, и даже до того доходит, что из-за пагубного злословия клеветников распадается весь собравшийся собор. Поэтому такое собрание (объединение) у нас из-за страха невозможно.

Новые правители наши, и верные и нечестивые, ясно издавна увидели к своей же пользе, что если кому и начинать стремиться к желанному и действительно удобному объединению, то (не нам): нам о таких начинаниях нельзя сметь и подумать. Малое содружество не способно к сопротивлению и возражению, а многочисленное собрание людей очень не сдержанно для участия в совете. Малым советом нельзя запретить нежелаемое, а среди многих сокровенное не утаится, как и при нас бывало некогда, в прошедшие времена, в годы самого вселукавого царствования Бориса и Расстриги, а после этих — во время насильственного вселения в (наше) царство (поляков) с хохлами на головах и такого же — немцев-фрягов в страну земли Новгородской.

Такой недуг укрепился в нас от слабости страха и от нашего разногласия и небратолюбивого расхождения: как отстоит город от города или какие-нибудь местности, разделенные между собой многими верстами, так и мы друг от друга отстоим в любовном союзе, и каждый из нас обращается к другому хребтом, — одни глядят к востоку, другие к западу. Но это наше разногласие придало ныне нашим врагам многую крепость, потому что где объединившиеся всегда в единомыслии и близки друг к другу, тут и собрание бывает неразрывно; подобное (единение) крепко утверждает и пределы иноверных, что у них есть и доныне; так и у нас бывало прежде, до тех пор, пока

нас не одолела греховная слабость. И до тех пор, пока не совокупимся в братской любви, как достойно быть по писанию, — враги наши и далее не перестанут вредить нам и одолевать нас. И овцы, собранные вместе в ограде, не легко расхищаются и пожираются зверями, когда находятся в своем соединении неразлучно и усердно пасутся в общем теплом стаде. Если бы братское совокупление не было угодно богу и не нужно было бы людям во всех отношениях, не возопил бы Давид — „что добро и что красно, как не жить братии вместе“.[349] Также и апостол сказал: „если возможно, — со всеми мир имейте“. Он же опять говорит: „время нам от сна восстать“.[350] Богослов[351] же в любви утверждает нас, в ней же, подобно этим, и первый (апостол Петр): „следует нам — говорит — некоторое время творить волю язычников“[352] и другое, как сказали богословы. Не все ли народы не сами к себе имеют вражду, но к внешним врагам; завидуют и ревнуют в своей неправде не истинной вере, но своему свойственному им разноверию; они ссорятся из-за того, что находят для себя потребное в других землях, что видят у нас, и все вместе всячески нам завидуют. Как голодные волки, видя овец, хотят есть, так и они разорить хотят у нас нашу землю, попрать истинную и непорочную христову веру и нас пожрать. Та же наша неспособность к совместному объединению, о котором говорилось выше, и доныне[353] во всем нашем народе не допускает твердого и доброго содружества, потому что мы поражены страхом перед неблагонадежными, сопротивляющимися как в великих вещах, так и в малых деяниях, и не можем храбро стать против них ни добрым словом, ни делом. Что же иное подобное нужно, чтобы запретить противникам и борющимся против нас, если не общее объединение и всеобщее единомысленное собрание всех нас, одинаково верующих, как (бывало) и прежде?

Если же окажется иное, то мы уже не живем, а являемся безответными ответчиками в будущем за всеобщую погибель

земли. Не чужие нашей земли разорители, а мы сами ее погубители.

До этого наше слово было о Московском царстве и о постигших его несчастьях, о том, что мы слышали, заключенные в плену, потому что в это время междоусобий, происходящих во всех городах земли, были затворены[354] в Новгороде Великом. Уйти же с бежавшими оттуда в мать городов всего царства не смогли, потому что бог не захотел желаемого нами. Потом, через некоторое время по божию повелению мы пребывали в других городах на назначенных нам царских службах.[355] И где что слышали, столько, изложив письменно, и дали.

О всем прочем, что сделалось в царстве, о всех многообразных нашедших на него божьим попущением страданиях, подобных Египетским казням или (страданиям) самого Иерусалима, бывшим при Тите,[356] — о том, как, подобно тем, и у нас после них совершилось страшное зло, теперь, оставив иное, кто подробно смог бы рассказать?.. Как корень российских владык прервался и скипетр царства и древнего благородия сломался с угасшей доброй жизнью вечно памятного и близкого к святым великого государя и великого князя Федора Ивановича всей Руси; как богоугодное царствование его закончилось, когда он был позван к царствующему всеми, и тот ему разрешил водвориться в чертоге со святыми — мы думаем, что так было по делам его, потому что земное царство своего рода он оставил без наследника и святою своей смертью запечатал его, как предтеча Иоанн был печатью всем пророкам; и о том, как царствующая с ним его супруга — вместе с ним венчанная царица, в течение шести лет проводила жизнь в монашестве во всяческом воздержании, подобно горлице чистотою; и о скором ее возведении на небеса к мужу для пребывания там вместе с ним в вечном веселии,[357] и как после блаженного государя царя Федора Ивановича всей Руси каждый царь в этом мире жизнь свою

строил — хорошо или, наоборот, (плохо); о том, как Василий царь был возведен на престол царства и как неустойчиво было его правление и как его бесчестно свергли с престола, неволею постригли в иночество и отправили в Латинскую землю, где он и скончался; и о долгом и плачевном здесь пребывании его жены,[358] а также и о том, как после некоторого времени в образе ложноназванного, кому несвойственно было царское имя, соседняя с нами Литва пришла в наше царство[359] и оставалась долго как вне города, так и внутри его, и тяжко владела всеми в царстве от головы и до ног; и порабощение наше главохохленной и латинствующей Литвой, и борьбу, и благочестивую и ревностную дерзость и подвиг даже до смерти второго по первом святейшего патриарха Гермогена Московского и всея Руси, находящегося в осаде, и храброе его нападение словами на латынян и вместе с ними на богоотступников и богоборцев, разорителей Русской земли, союзников и единомышленников с латынянами на всякое зло, — кто (все это) опишет? А ради этого он вскоре был увенчан от бога, получив в награду название исповедника.

Далее о том, как мы получили внезапную и неизреченную милость божию, избавившись от этого рабства с помощью небольшого остатка людей,[360] вооружившихся и облекшихся в трехкратную крепость древнего ратоборства против фараона;[361] как гнездящиеся в нашей земле и шипящие на нас гневом змеи внезапно были искоренены и изгнаны из всех мест царства божиим мановением, а еще больше его человеколюбивым заступничеством, (на что и была наша) надежда, и внезапно были выброшены со всеми корнями, — (причем) мы как будто из мертвых второй раз были приведены к жизни; и как нам повелел (бог) опять ожить и заповедал благостройно облечься, как в ризу, в прежнее великолепие и красоту, готовя достояние слуге своему — великому государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всея Руси и исполняя слова Давидова псалма, где говорится: „вознес избранного

от людей моих". И как Адаму прежде его сотворения, все, что находилось под небом, устроил, так и нашему государю Михаилу царю великое русское царство, предуготовав, отдал в полную власть; также и родителей его — ранее избранную православную и благородную пару великих государей — говорю об отце и матери его по естеству — пожелал бог устроить, чтобы они пребывали в своих владениях всегда вместе, неразлучно с сыном; он возвысил любителя благочестия и красоты церковной — трижды святейшего Филарета Никитича, патриарха Московского и всей великой Руси, избранного по смотрению божию на превысочайший святительский престол [362] — всему Русскому народу на утверждение и на земное управление людьми. Восхищенный богом, как на облаке владычица, он из латинского плена был перенесен вместе с рабами в свою землю, и бог сделал его соправителем его сыну: он утверждает скипетр царства, избавляет от бед бедных и беспомощных, как отец, беседуя с сыном о людях и вместе направляя, соглашаясь, заботясь о лучшем, наставляя и поддерживая. О его страданиях в утеснении и лютой скорби и многой ревности о боге, подобной ревности Илии,[363] о его подвигах, которые он совершил, живя не в своей земле среди латынян, как среди волков, не убоявшись ни запугиваний, ни запрещений врагов, и о том, как он с ними — многими — один, безоружный, только словами боролся, побеждая истиною ложь богоборцев и посрамляя их возражения и прочие его неописанные подвиги, которые он подобно Христу совершил, о них по порядку кто расскажет? За них он себе приготовил нетленную награду на небе.

Еще прежде он поехал (туда) вместе с другими многими, по просьбе всей земли, а с ним и некоторые из высших чинов; он отправился туда со своими по льстивому обещанию, данному ему королем, чтобы, упросив, привести с собой к нам оттуда сына короля, который правил бы нами. Но они, нарушив клятву, солгали, а послов всех вместе со свя-

тейшим (Филаретом) взяли в плен, развели по разным городам своей земли и восемь лет держали во всяческих лишениях. Свой — этих противников — собственный совет, который они надумали, они осуществить не смогли, потому что всевидящее око помешало этому, разрушив этот совет и не допустив произойти этому нечестивому делу; но (бог) уготовил державу избранному им и помазанному на престол, божественному царю Михаилу, о котором мы прежде подробнее говорили. Подобным образом и отца его — государя и нашего первосвятителя, великого в патриархах Филарета Никитича Московского и всей великой России поставил пасти своих людей. А мать этого царя жила, как монахиня, здесь, в великой лавре;[364] о мирских и об иноках — обо всех великая просительница, — она успешно обращается с молениями к сыну, согласуясь с ним и святителем в богоугодных (заботах) о мире. Все они трое — государи — как во власти своей неразлучны, так едины нравом и в милостях к рабам.

Между теми событиями, которые, подобно всему прочему, произошли ранее, — второе наступление на нашу землю королевского сына[365] со множеством имеющих хохлы на головах (поляков), наглость их нападения на царство и приступ к стенам города[366] с целью взять их, и опять невидимая нам помощь божия, а видимая победа — поражение врагов и изгнание их из царства и невольное и невозвратное отступление от города; и каким образом произошел конец войны и прекратились кровопролитные сражения между обеими ратями; и как послы утвердили подписями мир на долгие годы,[367] и все то, что было в царстве, — различные муки и разорение всего бесчисленного народа по городам, — тогда подробно опишут, когда найдутся где на местах знающие — очевидцы и слышавшие, и умеющие писать, потому что наши веревки коротки и не достигнут глубины разумения, нужной для сочинения, да я и не знаю бывшего, — что было впереди чего или после; и стыдно писателю, не зная ясно, описывать то, что случилось, своими домыслами

сочиняя ложь, и без исследования воображать то, что делалось, — первое писать после, а последнее — вперед и не подробно.

Поэтому описание этого множества великих и трудно постигаемых событий мы оставляем тем, кто может довершить; молю, чтобы они недостатки нашей грубости и невежества каждый изобилием своего разума пытливо и непогрешно исправили и улучшили, нас же, ради неведения того, что было, избавили от срама, а вместе и царского страха. Потому что мы, — как в притче, которая находится в Евангелии,[368] в саду своего господина не только от первого часа не работали и не удостоились чести тех, кого хвалили, но лишились и человеколюбивого дара владыки тем, кто замедлил и работал с одиннадцатого часа, так как для времени делания состарились и средний возраст, когда было время (удобное) для труда, а не для откладывания и праздности, и не было старости, провели в безделии. И по другой притче — к данному владыкой серебру мы ему не создали прикупа, потеряли добрую надежду и погубили награду.[369] И если кто скажет, что дар господина был равен обоим, потому что он, простирая свою милость, и недостойных к себе привлечет, — все же не к чести трудолюбивых сравнение их наградой с ленивыми, а замедление опоздавших достойно всякой укоризны.

От бога же и исцеление удобно, к нему же и взывать достойно, чтобы всем получить благодать его и человеколюбие в бесконечные веки. Аминь.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В обширной литературе повестей и сказаний, памфлетов и воспоминаний о „великой разрухе Московского государства“ — о крестьянской войне и борьбе с интервентами в начале XVII в. „Временнику“ дьяка Ивана Тимофеева принадлежит одно из наиболее значительных мест.

Из какого бы лагеря ни выходили литературные и устные рассказы об ожесточенной борьбе, всколыхнувшей Московское государство в эти годы, — они всегда были остро публицистичны, имели целью убедить читателя в определенной оценке событий, привлечь его на свою сторону. Как действенное орудие классовой борьбы литература разных по своей идеологии направлений испытала различную судьбу. В то время как литературные произведения официозного характера всеми мерами распространялись среди читателей, памятники устной народной поэзии и литература противоправительственного направления подвергались жесткой цензуре. Случайно сохранившаяся литературная обработка подметного письма, вскрывавшего измены и предательства представителей правящего класса („Новая повесть о преславном Российском царстве“), показывает, как осторожно решались авторы пускать в свет такого рода обличительные памфлеты. Ни чем иным, как гонениями со стороны властей, нельзя объяснить и полное исчезновение народных песен, слагавшихся в лагере Болотникова: о них вспоминают современники, но устная традиция не смогла сберечь их тексты.

Учитывая, таким образом, крайнюю ограниченность сохранившегося литературного материала, характеризующего истинное лицо правящего класса, против которого поднял восстание в начале XVII в. трудовой народ (восстание Болотникова), мы должны с особым вниманием отнестись к оценке, данной дьяком Тимофеевым феодально-крепостнической среде.

Написанный частью под непосредственным впечатлением пережитого, „Временник“ заканчивался уже как воспоминание о минувшем. Настоящее и близкое прошлое осмыслялось представлениями автора о событиях и деятелях русской истории XV—XVI вв. В повествовании „Временника“ публицист-теоретик постоянно уступает место бытописателю, наблюдательному и острому, критически оценивающему поведение своих современников и создающему такие их образы, которые противоречат теоретическим рассуждениям автора об идеальных правителях. Горячая защита права боярства, на ведущую роль в управлении государством, сменяется страстным обличением современных Тимофееву представителей правящего класса. Даже о царях, „царюющих вправду“, поведение которых, с точки зрения Тимофеева-теоретика, не подлежит суду людей, он, забывая о своей теории, записывает резкие слова осуждения. Историческая правда о господствующем классе в рассказе Тимофеева стоит рядом с сознательно несправедливой оценкой трудового народа и почти совершенным замалчиванием его роли в развернувшейся классовой борьбе и в защите независимости Русского государства от интервентов.

Но сквозь классовую тенденциозность читатель видит эту подлинную историческую правду, скрыть которую автору не позволяет его искренняя любовь к родине и сочувствие к ее страданиям.

В. П. Адрианова-Перетц.

О. А. Державина

ДЬЯК ИВАН ТИМОФЕЕВ И ЕГО „ВРЕМЕННИК"

I

„Временник" дьяка Ивана Тимофеева дошел до нас в единственной рукописи.[1] Запись на 277-м листе этой рукописи (на полях, внизу) сообщает, что „новгородский митрополит Исидор понуждает бывающая предложити писанию дьяка Ивана Тимофеева". Это и дает исследователям основание предполагать, что автором этого сочинения является дьяк Иван Тимофеев.

Дьяки были видными политическими деятелями, крупными чиновниками древней Руси. Являясь непосредственными помощниками бояр, они вместе с ними „ведали" приказы, вели как внутренние дела государства, так и внешние его сношения с иностранными державами, и имели большое влияние на государственные дела. Об Иване Тимофееве из документов конца XVI в. известно, что он служил дьяком в одном из московских приказов, ведавших внутренние дела государства.

Большинство приказных дьяков XVI в. были из детей боярских.[2] Некоторые важнейшие дьяческие фамилии

---

[1] См. Археографический комментарий.

[2] Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки XVI века. СПб., 1888, стр. 549.

происходили из второстепенных бояр удельных княжеств. Соперничать с коренными боярами думцами дьяки не могли ввиду своей неродовитости, но они стояли очень близко к правящим кругам и благодаря характеру своих занятий вращались в среде родовитого боярства и представителей княжеских фамилий. Это в известной мере определяло их политические взгляды и симпатии.

Дьяки обладали сравнительно высоким уровнем образования. Оно основывалось, как и у прочих книжных людей древней Руси, на чтении книг религиозно-дидактического содержания, а в области светской литературы — на широком знакомстве с летописями, хронографами, историческими повестями. Вся эта литература в значительной степени формировала как религиозно-философские и политические взгляды читателя, так и его художественный вкус, воспитывая его в определенной, выработанной к XV—XVI вв. традиции.

Из сочинения Тимофеева видно, что он был человеком по своему времени образованным и начитанным. Ему хорошо известны летописи, хронографы и другие исторические произведения XVI в., среди которых особенно следует выделить „Русский хронограф" и „Степенную книгу царского родословия". Последняя послужила в некотором отношении образцом и источником для его труда. Хорошо знаком Тимофеев и с произведениями исторической „беллетристики" своего времени: он упоминает в своем „Временнике" Александра Македонского, „Тройское взятие", покорение Иерусалима императором Титом. В его труде не раз встречаются греческие и латинские слова.[1] Наконец, если, как считает С. Ф. Платонов, он и „уступает Авраамию Палицыну в степени богословского образования", все же ему достаточно известны житийная литература[2] и книги так называемого

[1] Таковы слова: „силентияр" (вельможа), „доместик", „куртес" (придворный), „козмик" (купец), „скимен" (львенок).

[2] Тимофеев использует в своем „Временнике" житие Никиты Переяславского.

„священного писания“, которые он часто и охотно, хотя и не совсем точно, цитирует, видимо приводя тексты по памяти.

Современники знали и ценили начитанность дьяка Ивана и его литературные труды. Дьяк Записного приказа Тимофей Кудрявцев, которому в 60-х годах XVII в. царем Алексеем Михайловичем было поручено составить продолжение Степенной книги, пишет:

„Гость Матвей Васильев сказывал мне про дьяка Ивана Тимофеева, — был де он книгочтец и временных книг писец, а жаловал де его за то боярин князь Иван Михайлович Воротынский, и потому Ивановых книг или списка с тех книг у стольника у князя Ивана Алексеевича Воротынского чаят. Да купчина Герасим Дьяков про летописные книги того же дьяка Ивана Тимофеева сказывал мне: чаят де те Ивановы летописные книги остались после боярина князя Алексея Михайловича Львова, в дому ево“.[1]

Когда и как начал служить Иван Тимофеев — неизвестно, В 1598 г. он уже как дьяк подписался на избирательной грамоте царя Бориса Годунова, а затем оставался в Москве до 1607 г., выполняя различные поручения. Так, в „Книге десятен“ Епифани, составленной в 1605 г. во время правления первого самозванца, значится: „Лета 7114 по государеву цареву великого князя Дмитрия Ивановича всеа Русии наказу боярин князь Василий Кардануковичь Черкаской да князь Ондрей Васильевич Хилков да дьяк Иван Тимофеев верстали на Туле Государевым царевым и великого князя Дмитрия Ивановича всеа Русии жалованьем, поместными оклады и деньгами Епифанцев детей боярских и новиков служилых и неслужилых“...[2] Эта книга, где Тимофеев

---

[1] С. А. Белокуров. Из духовной жизни московского общества XVII века. О Записном приказе. М., 1903, стр. 62—63.

[2] Гос. Архив древних актов. Разрядный приказ, ф. № 210, Дела десятен. Епифань, кн. № 223, 7114 (1605) г.

должен был расписаться как дьяк, донесла до нас его личную подпись — автограф.[1]

В 1607 г. царем Василием Шуйским Тимофеев был отправлен в Новгород. Здесь он нес службу до начала 1610 г.; когда пришло время вернуться в Москву, он не мог этого сделать, как он сам говорит, — по недостатку средств, и остался в Новгороде до взятия его шведами. Вместе с новгородцами он переживал в Новгороде период шведской оккупации и имел в это время какое-то отношение к новгородскому митрополиту Исидору, который, зная его начитанность и склонность к литературному труду, и предложил ему в 1616 г. рассказать потомству о происшедших в Новгороде событиях. В это время Тимофеев был уже немолодым человеком. В заключительных строках своего труда, используя евангельскую притчу о виноградарях, он пишет о том, что не только не сподобился с „первого часа" работать в саду своего „господина", но лишился даже того, что получили работавшие с 11-го, потому что пропустил время, удобное для работы, состарившись и проведя в безделии средний период жизни.[2]

После освобождения Новгорода он опять находился на государевой службе в Астрахани, Ярославле и Нижнем Новгороде и только в 1628 г. возвратился в Москву. Тимофеев упоминается как дьяк еще в 1629 г., но затем его имя в документах не встречается, и в Боярскую книгу 1635—1636 гг. он не внесен. Это дает основание заключить, что он умер вскоре после 1629. г.[3]

Таковы внешние факты биографии Тимофеева, частью взятые из его сочинения, частью из документов эпохи. Они мало дают нам для характеристики его как человека и писателя. За нею мы должны обратиться к его труду, где лич-

[1] О ней см. подробнее в Археографическом комментарии.

[2] Временник, л. 311 об., 312.

[3] С. Ф. Платонов. Сказания и повести о Смутном времени, как исторический источник, стр. 163—166.

ность и взгляды дьяка Ивана отпечатлелись достаточно ярко и выразительно.

Изучение „Временника“ прежде всего дает нам возможность представить себе сам процесс его создания. Хронологические даты и косвенные указания в тексте убеждают нас, что некоторые отрывки „Временника“ были написаны Тимофеевым еще до его отъезда в Новгород,[1] а основная часть работы над памятником падает на 1610—1617 гг. После взятия Новгорода шведами, видя разорение древнего и славного города, Тимофеев, по его собственным словам, ходил „яко изступив умом, изгубление таковое граду мысля“. Тогда у него и явилось желание описать не только бедствия Новгорода, но и всей земли, и уяснить и себе и читателю смысл совершающегося. Он борется с этим желанием, как бы спорит с мыслью о работе, говорит о своем невежестве, о неудобстве писать, находясь в плену, в руках врагов, напоминает о „зазирании“ единоверных, перед которыми он представит „ума мелину“ и подаст повод к осуждению и насмешкам. Но все эти доводы оказываются бессильными. Мысль о необходимости описать пережитое не оставляет его: она „отрицанию моему не внимаша“, — говорит Тимофеев, „но елико аз сию отревах, елико она безстудствуя ми належа“.[2]

Эти размышления автора, необычные в древнерусской литературе, убеждают нас, что не внешнее задание, — оно пришло позже, — а внутренняя неотложная потребность продумать, уяснить для себя и других события, потрясавшие родную землю, заставили Тимофеева взяться за перо в тяжелых условиях плена. Эта внутренняя психологическая причина, которая лежит в основе создания „Временника“, наложила заметный отпечаток на все произведение.

---

[1] И. И. Полосин. Иван Тимофеев — русский мыслитель, историк и дьяк XVII века. Уч. зап. Моск. Гос. пед. инст. им. В. И. Ленина, т. 60, вып. 2, М., 1949, стр. 163 и след.

[2] Временник, лл. 213—216.

Работать в условиях плена было нелегко. Тимофеев рассказывает, что писал урывками, пряча написанное от врагов и своих; как „вол затворен и утаився всех, от затвора изшед, пажить малу обрет, во гладе срывает, не избирая, траву, токмо еже бы ему утробу наполнити“, — Тимофеев набрасывает свои очерки, не имея сначала возможности даже собрать их воедино. Он чувствует этот недостаток своего труда и сравнивает плод своего писательства, порожденный, по его убеждению, „скудоумием“, с только скроенным, но не сшитым или распавшимся от ветхости платьем.

Работе мешали и отсутствие бумаги, и физические лишения, которые переживал автор в плену. Опасаясь преследований, он прибегает к иносказаниям, скрывает свой труд, часто перенося его из одного места в другое из страха и перед врагами, которые „ловят и убивают, яко лев во ограде“, и перед новгородскими богачами, державшими руку врагов.

В 1616 г. после разговора с митрополитом Исидором, который, видимо, знал о его трудах, Тимофеев начинает объединять написанное ранее и редактировать свой труд. Он перерабатывает некоторые характеристики, вставляет новые части, но хотя и признает законность хронологического изложения, все же не изменяет в главной части своего труда расположения отдельных очерков, оставив их так, как они были написаны ранее. Эта работа падает на 1616—1617 гг. Но и после Тимофеев продолжает трудиться над своим произведением: как легко убедиться на основании текста „Временника“, некоторые известия записаны автором уже после 1617 г. — года освобождения Новгорода от шведов.[1] Кроме того, в одном из отрывков, заключающих повествование о „смутах“, Тимофеев говорит о себе, что после новгородского плена он был на царской службе в других городах. Это показывает, что еще в течение 1627 —

[1] Так, известия о патриархе Филарете могли быть написаны только в 1619 г., после поставления его на патриарший престол.

1628 г., когда Тимофеев вернулся в Москву, он продолжал работать над „Временником“.

Сам Тимофеев нигде в своем труде не упоминает своего имени, хотя, как мы видели, и рассказывает о себе. Он предупреждает, что напишет так, как сможет его „пустой ум и медленноглагольный язык со усты изрещи, разве стень тех, неже самые беды споведати“. В этом самоумалении нельзя видеть только дань очень распространенной в древней Руси традиции: Тимофеев не мог не сознавать всей трудности и ответственности стоящей перед ним задачи, тем более, что ему приходилось описывать события, причины которых было раскрыть нелегко, а именно эту цель он и ставит перед собой как писатель. Но, сознавая всю важность поручения, его политический смысл, Тимофеев не считает возможным от него отказаться.

II

В дошедшей до нас рукописи „Временник“ Тимофеева состоит из „вступления“, пяти глав и завершающей части, которую, вслед за редактором, ее озаглавившим, принято называть „Летописцем вкратце“.

Как показывают содержание так называемого „вступления“ и палеографические данные рукописи,[1] эти первые восемь листов попали в начало „Временника“ случайно. Они должны стоять значительно ниже, — среди материалов пятой главы или отрывков, вошедших в „Летописец вкратце“.

Из обширного материала, собранного Тимофеевым, ему удалось более или менее отделать и привести в порядок только то, что вошло в первые четыре главы; они являются самостоятельным, вполне законченным композиционно и идейно произведением, составляя как бы 1-ю часть „Временника“. 2-я его часть, рассказывающая о событиях царство-

[1] См. Археографический комментарий.

вания Василия Шуйского, явно не доработана. Что же касается так называемого „Летописца вкратце“, то эта часть, повидимому, была составлена уже после смерти автора из всех тех набросков и черновиков, которые после него остались: здесь — и часть вступления, не вошедшая в основной текст, и наброски характеристик действующих лиц, и размышления о причинах „смуты“, близкие по характеру к ранее стоящим отрывкам, и две притчи, которые должны были бы по смыслу находиться выше, и нечто вроде заключения, которое и завершает книгу.

Таким образом, хотя название труда Тимофеева („Временник“) и уводит нас к летописи (ср. „Се повести временных лет“. . . — „Софийский временник“) или хронографу, но оно не соответствует даже первой законченной части произведения. Это не повествование, построенное по годам, в хронологическом порядке, а ряд самостоятельных очерков на исторические темы и размышлений над событиями родной истории.

Первые четыре главы „Временника“ приурочены к именам лиц, царствовавших в России в конце XVI и начале XVII вв. В каждой из них есть ряд дополнительных очерков, связанных с общим содержанием главы и в то же время совершенно самостоятельных.

Первая глава рассказывает о правлении Ивана Грозного и о судьбе его потомства: гибели первенца, царевича Димитрия, утонувшего по недосмотру кормилицы, и трагической смерти наследника престола Ивана Ивановича; этими событиями, по мысли Тимофеева, было подготовлено прекращение рода московских самодержцев, потомков Ивана Калиты. С целью поднять в глазах читателя образ старшего сына Грозного, Тимофеев вводит в главу рассказ о его необычном рождении и „исцелении“ в детстве от воды с вериг святого Никиты. Это единственный рассказ о „чуде“, который мы находим в произведении Тимофеева.[1]

---

[1] Временник, л. 33.

Вторая глава, посвященная царствованию Федора Ивановича, выясняет причины появления на престоле Московского государства случайных лиц — Бориса Годунова и первого самозванца; здесь Тимофеев уделяет немало места рассказу о смерти последнего сына Грозного — царевича Димитрия Угличского, в его изображении убитого по повелению Бориса Годунова, и о сопутствовавших ей событиях. Ограниченный своей классовой точкой зрения, дьяк Иван в смерти царевича Димитрия и в прекращении династии видит одну из основных причин тех волнений, которые потом пришлось пережить Русской земле. Центральным действующим лицом второй главы является Борис Годунов, так как Тимофеев стремится показать, что уже в царствование Федора Годунов прокладывал себе путь к престолу.

Глава третья посвящена характеристике Бориса Годунова — монарха и человека; она рассказывает о его вступлении на престол и попытках закрепить этот престол за своим родом.

Наконец, глава четвертая рассказывает о царствовании первого самозванца, или, как его называет Тимофеев, — „расстриги“. Она заканчивается ярким описанием состояния страны в эпоху „смуты“ и резким обличением „пороков“ господствующего класса, за которые, по мнению Тимофеева, и наказана тяжелыми испытаниями Русская земля.

О Русской земле Тимофеев всегда говорит с особенным чувством, гордится ее величием, горько оплакивает ее разорение. Русский народ в его изложении — избранный народ, — пользующийся особым покровительством высших сил.[1]

Судьбы страны он связывает, в первую очередь, с вопросом престолонаследия, пытаясь найти ключ к пониманию событий родной истории не в народном движении, а в характерах и поведении лиц, занимавших в его время московский престол.

---

[1] Временник, л. 12.

Стремясь при этом выделить то, что ему кажется особо важным, Тимофеев не считается с хронологической последовательностью при расположении материала внутри каждой главы. Так, в главе первой он сперва говорит о важнейшей реформе, проведенной Грозным, — о создании им опричнины, потом о поразившей современников карательной экспедиции царя в Новгород и только после этого обращается к рассказу о его жене и детях. В главе второй Тимофеев отбирает только те события царствования Федора Ивановича, на которых можно показать, какими путями Борис Годунов шел к престолу; в главе третьей он переходит от рассказа о царствовании Бориса Годунова к более ранним, а потом к более поздним событиям. Так, сказав о царице Ирине, постригшейся в монахини после смерти царя Федора, он вспоминает заговор бояр, собиравшихся во время царствования Федора Ивановича развести его с Ириной, женить на другой жене и тем отстранить Бориса Годунова от правления государством. Тимофеев рассказывает о том, как дочери бояр-заговорщиков были насильно пострижены Борисом, и попутно говорит о горькой судьбе, постигшей впоследствии его дочь Ксению, жену и сына.

Без ясного плана расположен материал в главе пятой „Временника", посвященной царю Василию Шуйскому и значительно менее доработанной, чем первые четыре. Она не имеет ни цельности, ни законченности в композиции. О самом царе Василии Тимофеев говорит только в начале трех посвященных ему очерков. В первом очерке, дав очень нелестную характеристику нового царя, Тимофеев говорит о роли в событиях окольничего Михаила Татищева и о его судьбе; во втором — рассуждает о том, имели ли право русские люди самовольно сводить с престола царя Василия; в третьем — рассказывает о своем отъезде в Новгород и о начале литературной работы. За этим следует несколько отрывков, написанных уже позже, после освобождения Нов-

города от шведов; в них Тимофеев вспоминает тяжелые условия жизни в оккупированном городе.[1] В следующем далее отрывке — „О таборах“ автор дает картину осады Москвы Тушинским вором.

Среди помещенных ниже трех главок о князе Михаиле Скопине-Шуйском вставлены две самостоятельные статьи — „О хождении со кресты“, где автор сетует на то, что во времена „смуты“ нарушены были все обряды и обычаи и перестали совершаться с прежним „благолепием“ церковные праздники, и „О воровском бежании с Хутыни“, где рассказывается об освобождении от врагов монастыря Варлаама Хутынского. Заканчивается глава краткой статьей о патриархе Гермогене.

Отрывки, посвященные М. В. Скопину-Шуйскому, не дают связного рассказа о нем, а лишь дополняют повествование о событиях царствования В. Шуйского. Только второй целиком посвящен Скопину и является панегириком по его адресу. Образ Скопина здесь как бы противопоставлен образу царя Василия, который из зависти погубил племянника, более достойного, чем он сам, по мнению Тимофеева, занять царский престол.

Последняя, заключительная, часть „Временника“ открывается заглавием: „Летописец вкратце тех же предипомянутых царств и о Великом Новеграде, иже бысть во дни коегождо царства их“.

В обширном отступлении в начале „Летописца“ автор говорит о своей неподготовленности к литературному труду и о разговоре с митрополитом Исидором, как о причине, понудившей его писать. Попутно он размышляет о трудности описать страдания Москвы и Новгорода. Далее, после заголовка — „Зачало“, на нескольких листах помещен как бы краткий конспект того, что было рассказано в первых пяти главах памятника; это и заставило редактора рукописи

[1] Временник, лл. 220, 220 об., 222.

назвать всю последнюю часть „Временника“ „Летописец вкратце“. После этого „конспекта“ следует, на первый взгляд малопонятная, глава „О крестном целовании королевичу Владиславу“, но заглавие этой главы не соответствует ее содержанию. Как доказывает П. Васенко,[1] в ней говорится о новгородских событиях. На это, по его мнению, указывает изложение, построенное в первом лице, наименование „еллины“, относящееся к шведам, а не к полякам, и то, что рассказ писался еще во время пленения города, т. е. в 1616 г. Васенко предполагает, что здесь речь идет о грамоте к шведам, которую поручили в 1611 г. написать Тимофееву митрополит Исидор („беловиден верх“ — ср: ниже „снеговиден верх“, по отношению к тому же митрополиту Исидору) и воевода князь Куракин. На то, что это поручение было дано именно ему, Тимофееву, указывает сообщение, что грамоту писал дьяк („самописчий“), „ему же имя благодати“, т. е. Иван. Грамота эта не была принята двумя властолюбцами-новгородцами (видимо, М. Татищевым и Е. Телепневым, управлявшими городом), которые взамен ее составили свою и этим отдали город в полную власть врагам; поэтому положение Тимофеева в Новгороде во время оккупации было так трудно: он был под подозрением, ему не доверяли.

Эти предположения Васенко вполне основательны,[2] и надо думать, что заглавие, которым открывается этот отрывок, или попало сюда случайно, или поставлено умышленно, чтобы замаскировать его подлинное содержание. Сам отрывок — лишь черновой набросок, так как в нем дважды говорится об одном и том же. Тимофеев еще раз возвращается к тем же событиям в отдельном маленьком абзаце, на л. 287 об. Видимо этот факт он считал очень важным и настойчиво искал лучшей формы для рассказа о нем.

---

[1] П. Васенко. Дьяк Иван Тимофеев — автор „Временника“. ЖМНП., март 1908 г.

[2] См. текст главы (Временник, лл. 285 об. — 287 об.)

Следом за указанной главой мы читаем две притчи „О вдовстве Московского государства“, переходящие в заключение, где автор говорит о Михаиле Романове, о его отце — патриархе Филарете Никитиче, о его матери, подводит итог сказанному и частью повторяет все высказанные ранее мысли о причинах „смуты“ и о требованиях, предъявляемых им к писателю-историку.

Таким образом, Тимофеев нигде в своем произведении не стремится к последовательности повествования, — наоборот, от современных событий он переходит к прошлому, от прошлого к современности, нередко разрывает рассказ о событии, возвращается к нему несколько раз и в разной связи (см., например, рассказ о смерти царевича Димитрия). Помимо этого, он вставляет в свое повествование лирические отступления, молитвы, собственные рассуждения и размышления, полемизирует с читателями и приводит притчи, которые поясняют рассказанное.

Лирическим отступлением автора является „Плач“, вставленный в главу третью, посвященную Борису Годунову, и рисующий положение Новгорода во время господства шведов. Этот „Плач“ отрывает конец повествования о Борисе от его начала. Как и рассказ о разорении Новгорода Грозным в первой главе, он написан Тимофеевым в первом лице — от лица захваченного врагами города. К этому приему писатель прибегает всякий раз, когда касается событий, связанных с Новгородом или происходивших там. К Новгороду мы наблюдаем у Тимофеева в продолжение всей его работы особое отношение. Говоря о нем, он всюду называет его „святым и великим“ городом, сравнивает его с древним Римом и едва ли не противопоставляет Москве. Это заставляет задуматься, не был ли Новгород его родным городом?[1] Не этим ли объясняется и тот литературный прием,

[1] В. Георгиевский в описании рукописи „Временника“ высказывает предположение, что его автор был родом из Пскова. Это предположение ничем не аргументировано и никак не подтверждается ни документами,

которым он пользуется, когда говорит о Новгороде в первом лице?

Отступления, размышления, рассуждения и полемика с читателями, которыми Тимофеев постоянно прерывает свое изложение, широко раскрывают мировоззрение автора и помогают читателю понять идейный смысл произведения и ту оценку, которую автор дает здесь историческим лицам и событиям.[1] Той же цели служат и притчи.

Притчи представляют собой рассказы, органически вливающиеся, а иногда механически вставленные в повествование. Механически присоединена в конце первой части „Временника", после рассказа о царствовании Расстриги и обличения „грехов" русского общества, притча „О цареве сыне римском, иже пострижеся и паки разстригся и женитися восхоте". Заимствованная из книжных источников, она своими образами и своей чисто средневековой фантастикой напоминает рассказы „Римских деяний" и „Великого зерцала". Особняком стоит и первая притча — „О вдовстве Москов-

ии текстом „Временника". Больше оснований — считать Тимофеева не псковичом, а новгородцем. Он очень глубоко переживает несчастья, выпавшие на долю Новгорода, он пишет о городе всегда в первом лице, так что город и автор как бы сливаются. Эта гипотеза подтверждается и широкой начитанностью Тимофеева, которую ему легко было приобрести в Новгороде, городе с большой и древней культурой, и его отношением к суду Ивана Грозного над новгородскими властями в 1570 г.

[1] Таково рассуждение о причинах смуты (лл. 1—8); отступления о разнице горя царя и простолюдина (л. 56 об.); о праве подданных судить царя (лл. 57—58); полемика с защитниками Бориса Годунова (лл. 79—81); рассуждение о праве писателя применять нужный ему образ (л. 87); ряд полемических выступлений по поводу мероприятий Бориса Годунова, из которых особенно интересно — о патриаршестве, установленном при Борисе (лл. 103 об., 104; 109, 109 об.; 145, 146); рассуждение о причинах „смуты", помещенное в конце первой части и являющееся своеобразным выражением историко-философской концепции дьяка Ивана; рассуждение о „святости" царского престола (лл. 203 об., 204); отрывки в так называемом „Летописце вкратце" о неподготовленности автора к труду писателя (лл. 270—276, 303 об., 312).

ского государства“, тем более интересная по своему содержанию, что автором ее является, повидимому, сам дьяк Тимофеев.

Еще писатель XVI в. Максим Грек в одном из своих произведений изображал Русское государство в виде „жены, сидящей при дороге“, одетой в траурные одежды и страдающей от обступивших ее со всех сторон врагов. Тот же образ использует и Тимофеев в своих притчах о вдовстве Московского государства. Оно представляется ему несчастной женщиной-вдовой, потерявшей мужа, которая оказалась во власти непослушных „злорабов“. Но картина, нарисованная Тимофеевым, хотя и заключает в себе тот же символ, сама по себе значительно реальнее. Читатель видит перед собой типичный для Руси XVI в. богатый боярский или купеческий дом, так хорошо и обстоятельно показанный в „Домострое“ Сильвестра.

Беспорядок в доме, нарисованный Тимофеевым, иллюстрирует его представление о состоянии русского государства и русского общества в описываемую им эпоху. Именно здесь, в притче, единственный раз упоминает Тимофеев и об основной социальной причине „смуты“ — о стремлении „рабов“ освободиться от своего подневольного положения. Прочие притчи, введенные Тимофеевым в рассказ, менее разработаны и менее интересны по содержанию.[1]

III

И. И. Полосин, анализируя структуру „Временника“ Тимофеева и указывая на сложность его состава и мозаичность изложения, приходит к выводу, что памятник состоит

[1] См. притчу о двух друзьях, из которых лишь один приглашен на брачный пир (гл. III, л. 113 об.; притча приводится по поводу написания иконы Бориса без Глеба), и притчу о спутниках, встречающихся в пути (приведена в доказательство необходимости писания „Временника“, л. 214 об.).

из „64 литературно-самостоятельных произведений“.[1] На основании хронологических дат и косвенных указаний текста И. И. Полосин более или менее точно устанавливает время написания каждого отрывка и доказывает, что они писались в разное время, а затем были подобраны автором по тематическому признаку. „Иной раз автор втискивал листочек в контекст, не слишком педантически заботясь о связи, свободно переходя от темы к теме, от мысли к мысли“.[2]

Нельзя сомневаться в том, что очерки, вошедшие в состав „Временника“, написаны в разное время. Но знакомство с произведением в целом, с его содержанием и построением не дает нам права утверждать, что „Временник“ составлялся как бы механически, из совершенно разрозненных отрывков и отдельных произведений. Отрывки, из которых состоит труд Тимофеева, — особенно его первая часть, имеют между собою более глубокую связь, чем просто тематическую близость, а именно — связь идейную. Пусть в действительности связь между событиями была не та, какую пытается установить наш автор, пусть он рисует эти события со своей узкоклассовой точки зрения, — нельзя сомневаться в том, что самой расстановкой материала его произведение сознательно и стройно проводит определенную идею.

Идейные установки „Временника“ — оценка его автором исторических событий, понимание им отдельных фактов и их взаимосвязи — были обусловлены общественным положением Тимофеева, его классовыми симпатиями и антипатиями, и, наконец, теми теоретическими взглядами, которые были широко распространены среди господствующих классов русского общества конца XVI и начала XVII вв. Поэтому мы находим в его труде ряд знаменательных противоречий. Эти противоречия объясняются далеко не только тем, что „Вре-

[1] И. И. Полосин, ук. соч. (см. табл. структуры „Временника“).
[2] Там же, стр. 156.

менник“ писался в течение нескольких лет, а позднее вновь обрабатывался автором, и в полном своем составе не представляет законченного целого; причина этих противоречий лежит значительно глубже. Тимофеев — яркий представитель своего бурного и противоречивого времени. Его мировоззрение, его политические взгляды отражают то брожение, которое характеризует время конца XVI и начала XVII вв.

Со второй половины XVI в. укрепление централизованного многонационального государства происходило в обстановке ожесточенной классовой и внутриклассовой борьбы. Резкое усиление крепостнической эксплоатации крестьянства, юридическое оформление крепостного права в общегосударственном масштабе создало почву для наиболее значительной из всех крестьянских войн XVII в. — восстания Болотникова. Длительный и острый кризис внутри господствующего класса крепостников-феодалов ослабил основы его власти и облегчил развертывание классовой борьбы угнетенных классов — крестьянства и городских низов.[1] Разобраться в этом сложном клубке противоречивых явлений и устремлений И. Тимофеев не смог: в значительной степени разделяя взгляды и убеждения господствующего класса, он многое оценивал именно с его точки зрения. Как сторонник сильной власти единодержавного правителя, он целиком разделял ту политическую теорию, которая была создана всем ходом истории и получила своеобразное выражение у ряда писателей XVI в. Наиболее яркое и полное оформление эта теория приобрела в сочинениях Ивана Грозного. Но оценки отдельных фактов и явлений в рассказе Тимофеева оказывались иногда в противоречии с его политической теорией.

Согласно этой теории, царь — глава государства, получает свою власть от бога и является хранителем на земле „боже-

---

[1] И. И. Смирнов. Восстание Болотникова (1606—1607 гг.). Л., 1949, стр. 491—492.

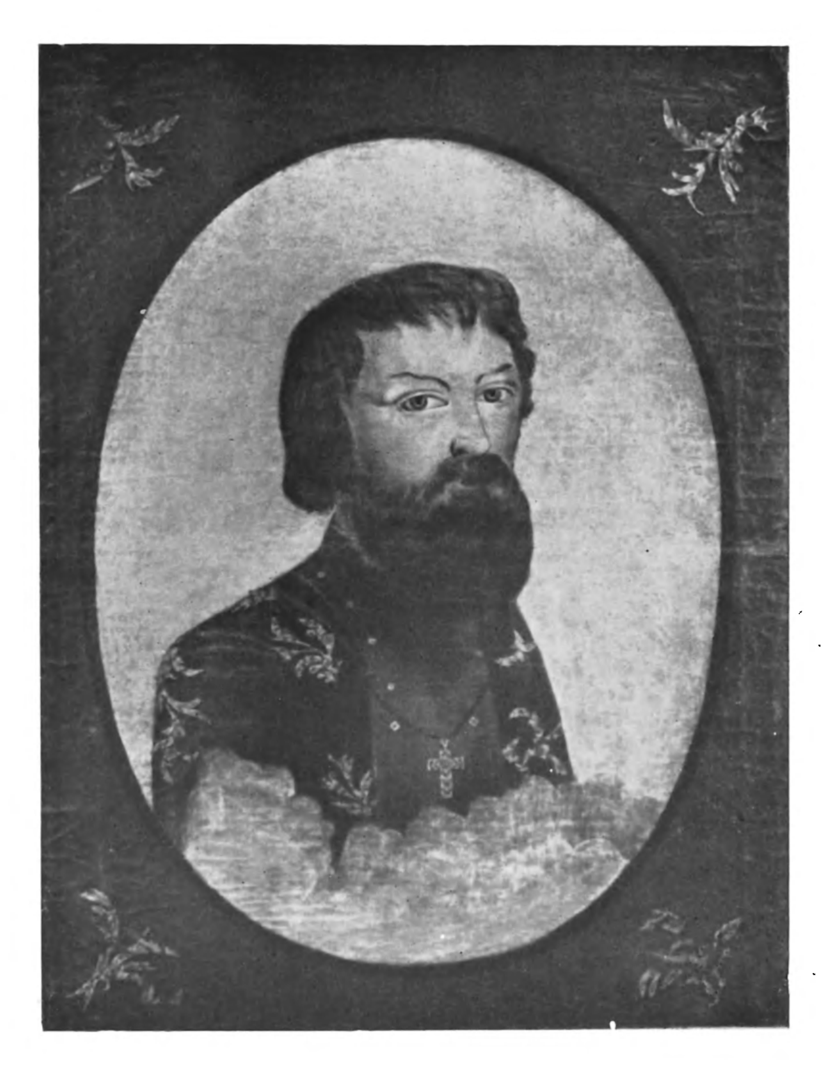
ственных" законов добра и справедливости. Именно поэтому подданные не могут судить его, как наместника божия на земле, а должны лишь „чтить" его священную особу. В XV—XVI вв. к представлениям о верховной власти как носительнице идеи „высшей божественной справедливости" присоединяются и новые понятия: появляется идея о неограниченности власти правителя, о полной его самостоятельности в делах правления и идея „наследственности власти", власти „по старине"; именно такая власть начинает считаться властью, „ниспосланной богом".

Начитанный в политической и исторической литературе своего времени, Тимофеев усвоил эти взгляды и, на основании их, создал себе представление о некоем „идеальном" государственном устройстве, к которому, по его мнению, была близка Русь до того времени, как ее правители начали „превращать" старые порядки. Этот политический „идеал" рисуется ему в следующих формах: во главе государства стоит царь — наместник бога на земле, он не имеет на земле никого выше себя и достоинством власти приравнивается к богу.[1] Его в страхе и молчании почитает вся „тварь"; даже высшее духовенство, начиная с самого патриарха, не смеет ослушаться его повелений. При „истинных царях" — Иване III, Василии III и Иване IV, идеальных носителях самодержавной царской власти, подданные были „безответны, как безгласные рабы, со всяческим тщанием кротко носили иго рабства, повинуясь им с таким страхом, что из-за страха оказывали им честь, едва не равную с богом". Так пишет Тимофеев, замалчивая ожесточенную борьбу феодальной знати с самодержавием.

Царь поставлен богом „во утверждение и управление" людей, он — пастырь вверенного ему народа.[2] Святыня престола не нарушается даже в том случае, если царь в чем-либо согрешит, она делает его личность неприкосно-

[1] Временник, л. 205 об.

[2] Там же, л. 203 об.



Тип дьяка XVII в. Думный дьяк Грамотин, нач. XVII в.

Портрет маслом.

венной для прочих смертных.[1] Тимофеев совсем не сочувствует Шуйскому и дает очень резкую, глубоко отрицательную его характеристику как человека и царя, но в то же время он упрекает своих современников за то, что, свергнув с престола царя Василия, они оскорбили „святыню“: „аще... он и погрешительну жизнь убо, царствуя, проходил, венцу же честному что есть с ним?.. Чего ради со онем и непорочное обругаша и с повинным неповинное сочеташа бесчестне?“[2]

Царь настолько высоко стоит над прочими людьми, что даже обычные человеческие его чувства не могут сравниться с чувствами прочих людей: так, горе царицы Марии Нагой — матери убитого царевича Димитрия Угличского — несравнимо с горем обыкновенного человека, как пучина моря — с каплей дождя.[3] Судить царя может только бог, люди же не должны ни на словах, ни в писаниях „износити неподобная“ о лицах, стоящих у власти, и раскрывать „стыд их венца“.

От царя неотделимо его царство, как душа неотделима от тела.[4] Царь — господин и глава царства, как хозяин — дома. Потеря царя — великое несчастье; царство, потерявшее главу, уподобляется Тимофеевым вдове, потерявшей мужа (см. притчи о вдовстве Московского государства в конце „Временника“, лл. 288 об. и 295 об.). По мысли Тимофеева, царская власть — единственный оплот порядка в государстве, и если бог лишает государство правителя, — это великое наказание. Вот почему Тимофеев так радуется воцарению Романова, расточая ему и его родителям неумеренные похвалы. Избрание на царство Михаила Романова было в глазах Тимофеева залогом того, что бог „простил“ Русскую землю, что пора „беспорядков“ проходит, и государство вступает в нормальное течение жизни.

---

[1] Временник, лл. 204—206 об.

[2] Там же, л. 206, 206 об.

[3] Там же, лл. 56 об., 57.

[4] Там же, л. 203 об.

Политические события конца XVI и начала XVII в. значительно поколебали сложившиеся понятия Тимофеева. Цари вступают на престол не по праву наследования, а в результате избрания, как Борис Годунов. „Хотение" народа начинает учитываться даже и в случаях преемственности власти по наследству. Оправдывая убийство первого самозванца, который выдавал себя за сына Грозного, послы Шуйского говорят в Польше: „Хотя бы был и прямой прирожденный государь царевич Димитрий, но если его на государстве не похотели (разрядка моя, — *О. Д.*), то ему силою нельзя быти на государстве". Шуйский пытается основать свою власть на „избрании народа" и в то же время ссылается на свое родство с великокняжеским родом. В практику входят ограничительные записи, таким образом пересматривается и вопрос о неограниченности царской власти. Теряет свое значение и идея „божественности" власти царя и неприкосновенности его особы. Правителей силой сводят с трона, удаляют из дворца, царя Василия Шуйского отсылают к иноземцам-врагам на явное поругание, Федора Годунова и Лжедимитрия I убивают.

Новые отношения, новые понятия, выдвинутые самой жизнью, находят отражение и в политических взглядах Тимофеева. Исходя из практики жизни, он делит царей на „истинных" и „не истинных". Царь истинный, получивший власть от бога, — это царь, наследующий престол от своих предков и венчанный на царство, согласно древнему обычаю. Если для замещения престола приходится прибегать к избранию царя, то законной и „божественной" его власть будет только в том случае, если в его избрании выразится воля всей земли, всего народа. Тимофеев считает истинными царями Грозного и Федора Ивановича — царей наследственных и венчанных на царство, и Михаила Федоровича Романова — царя, избранного всей землей. Иное дело, по Тимофееву, Борис Годунов, самозванец, Шуйский — „не истинные" цари. Они получили престол не по наследству

и не по избранию всей земли, а по своей воле. Это — люди, „через подобство наскакающие на царство“. Царское венчание, совершенное над самозванцем, Тимофеев не считает действительным, — по его мнению, в нем не было „благодати“, так как „расстригу... венчали бесы“. Более действительным кажется Тимофееву венчание Шуйского, но он оказался „мнимым царем“ потому, что, „выкрикнутый“ несколькими своими сторонниками, не был избран всей землей и не имел достаточно сильной власти.

Таких царей — поучает Тимофеев — писателю следует обличать, чтобы не отвечать вместе с ними за их преступления. Тимофеев отличает суд над царем от суждения о царе. Истинные цари не подлежат суду подданных; следует воздерживаться и от того, чтобы высказывать о них суждение, раскрывая их недостатки. Но о „наскакателях“, которые, как Борис и Лжедимитрий, захватили власть, подданные не только имеют право высказывать свое суждение, они могут и строго судить их.

Вокруг царя должны стоять его помощники, — лучшие, знатнейшие люди, привыкшие к делам правления государства. Этим лучшим, „нарочитым“ людям их высокие посты в государстве принадлежат по праву рождения, они и должны, по мысли Тимофеева, стоять вокруг престола, и никто из нижестоящих на общественной лестнице не должен занимать их места, так как не достоин этого. Тимофеев считает, что в благоустроенном государстве каждый должен занимать свое место, назначенное ему от природы, и не стремиться подняться выше, туда, где ему не надлежит быть. Поэтому его возмущает Годунов, который хитростью и коварством „от низших степеней“ возвысился до первых мест в государстве, оставив позади „высших и благороднейших“. В том, что Грозный, Борис Годунов и первый самозванец, „превращая“ древние обычаи, стали приближать к себе незнатных людей — дворянство, Тимофеев видит одну из основных причин „смуты“ в государстве.[1]

[1] Временник, л. 144 об.

Тимофеев не видит или не хочет видеть их подлинной причины, не слышит требований задавленной эксплоатацией крестьянской массы. Рисуя в своем представлении идеальное государство, Тимофеев совершенно не задумывается над вопросом о положении крестьянства. Эта важнейшая проблема его не интересует. В его представлении народная масса — это толпа, которая, как овцы пастуху, молча и беспрекословно должна повиноваться верховной власти и поставленным этой властью начальникам, т. е. царю, „лучшим людям“ государства — боярам и их помощникам — дьякам. Это не мешает Тимофееву в глухих намеках высказывать осуждение боярской оппозиции верховной власти, тем „вельможам“, „чьи пути были сомнительны“ при Грозном и кто после его смерти „начали поступать по своей воле“; это признание особого значения в жизни государства „подлинных великих столпов, которыми утверждалась вся наша земля“ не помешало ему выступить с резким обличением поведения „благороднейших“ в годы „смуты“.

Тимофеев — сторонник сильной самодержавной власти. Не повинующихся власти царя он называет безумными. Если „безумная чадь“ не захочет повиноваться властям, а вздумает „двизатися“ по своему хотению, „безначально и самовластно“, „разбойнически неистовствуя“, — она уподобится овцам, у которых пастырь „не имеет в страх поставлена им жезла“. Этот „жезл“ — та же „гроза“, о которой говорил в XVI в. дворянский публицист Иван Пересветов, утверждая, что царство без „грозы“, т. е. сильной самодержавной власти, — „что конь без узды“. Иван Тимофеев также убежден, что без сильной власти, которая держала бы народ в страхе и повиновении, в стране разольется „огнь прелести самовластия“, и с ним будет нелегко сладить. Но Тимофеев ни словом не касается вопроса о том, что̀, кроме сильной власти, нужно народу. Он и не мог понять стремления народа к освобождению от гнета феодально-крепостнической эксплоатации.

Выросший в эпоху Грозного, исполнявший обязанности дьяка при царях Федоре и Годунове, Тимофеев не мог не убедиться на фактах жизни в преимуществах сильной власти, необходимой стране в пору укрепления централизованного многонационального государства, его борьбы с остатками феодальной раздробленности и с притязаниями княжат и боярства. Блеск и роскошь двора Ивана Грозного и его преемников давали ему основания для того, чтобы говорить о „величии и сиянии“ царского престола. Эти впечатления жизни подкрепляли его политическую теорию. Но жизнь давала и другие впечатления: Тимофеев как административное лицо не мог не сталкиваться с фактами безудержной эксплоатации и разорения крестьянства родовитыми вотчинниками и новыми владельцами-помещиками, не мог не видеть и не знать народного горя. Однако он не считает нужным говорить об этом. Изображая в аллегорической картине „беспорядки“ в русской земле, он „рабов“, ожидающих освобождения, называет „злорабами“, явно не сочувствуя их стремлениям и считая, что главное достоинство „раба“ — это покорность и беспрекословное исполнение воли господина.[1] Поэтому причины „смуты“ он ищет не там, где следовало их искать, — не в тяжелом положении крестьянства и посадского люда, обострившем классовую борьбу, а в таких событиях своего времени, как „убиение“ царевича Димитрия, прекращение старой династии, возвышение в государстве „незнатных“, „плошайших“ людей. Он принимает внутриклассовую борьбу боярства с дворянством за основной фактор, центральную проблему эпохи, и считает, что полное нарушение всякого, как он его понимает, „нормального и законного“ порядка в государстве произошло в царствование Ивана Грозного, а особенно — Бориса Годунова,

---

[1] Временник, л. 288: Притча I „О вдовстве Московского государства“.

когда они стали приближать к себе новых людей. Это именно, считает Тимофеев, и привело страну к той страшной разрухе, которая едва не погубила ее. В этом нарушении „законного порядка“ виноваты, по его мнению, прежде всего правители, а потом — и весь народ: „все согрешили, — говорит Тимофеев, — от главы и до ноги, от величайших и до простых“, и нельзя и незачем винить кого-то в пережитых несчастьях: „не чужие земли нашей разорители, но мы сами ее погубители“,[1] — убежденно заявляет он.

Как представитель русского средневековья Тимофеев выражает свои политические взгляды в традиционной для своего времени форме: мир управляется высшей божественной силой, без воли которой не может совершиться ни одно событие. Эта божественная воля проявляет себя и в судьбе каждого человека, и в жизни всего народа. Она направляет людей и с целью назидания и исправления посылает им время от времени различные испытания. Эти испытания — путь к „спасению“, поэтому человек обязан покоряться этой воле, исполняя заповеди божества. Невыполнение этих заповедей влечет за собой неминуемое возмездие; непокорность, непослушание, неповиновение божественному закону приводят к гибели как человека, так и целый народ. Исходя из этих понятий, Тимофеев при оценке исторических событий и поступков современных ему людей стремится указать, подчеркнуть в них факты добра и проявления зла — „греха“. Эти этические категории не являются чем-то извне данным, они также отражают классовые взгляды писателя; он видит „добро“ в том, что выражает интересы его класса, и, наоборот, „зло“ — в том, что их нарушает. С этим критерием он и подходит к оценке поступков людей и явлений жизни. Убежденный в том, что всякий „грех“ влечет за собой наказание, посылаемое „свыше“, он ищет среди известных ему событий такие факты, которые, по его представлению, и

[1] Временник, л. 303 об.

являются „наказанием“ за тот или иной проступок исторического лица или всего народа.

Свое повествование Тимофеев начинает с царствования Ивана Грозного, по его представлению — „истинного“ царя, но именно здесь он ищет и находит корень и первопричину того, что произошло в стране несколькими десятками лет позже. Иван Грозный был, по мнению Тимофеева, первый, кто начал „превращать“ древние обычаи, потеряв таким образом доверие народа, его страх и покорность. Свою мысль Тимофеев поясняет сравнением: как Адаму до грехопадения повиновались все звери, даже самые дикие, и он не боялся их, а после грехопадения стали непослушны и страшны, — так и государи московские до тех пор, пока держались „повелений, данных богом“, были сильны и могучи, и подданные чтили их почти наравне с богом,[1] когда же они изменили древним обычаям — все изменилось и даже земля потеряла свое прежнее плодородие.[2]

Тимофеев отдает должное Грозному: он называет его „царюющим вправду, по благодати“, говорит о его благочестии, подобном благочестию его предков, от которых он просиял, „яко утренняя от солнца восходит заря“. Однако эти положительные черты царя Ивана только названы, а не подтверждены фактами.

Так, о военных заслугах Грозного — о покорении Казани и Астрахани, о победах в Ливонии — свидетельствует только его сравнение с Александром Македонским; в его благочестие читатель должен поверить со слов автора. Так же мало сказано и об образованности Грозного: „добре бе он грамотечное о истине по философех научение сведый“, — пишет Тимофеев,[3] — и это все. Гораздо подробнее он показывает отрицательные черты царя, хотя „величество сана“

---

[1] Временник, лл. 1—2.
[2] Там же, л. 2 об.
[3] Там же, л. 24 об.

и непоколебимое благочестие Грозного „не позволяют“ ему рассказать обо всем, что он знает, подробно.

Характеризуя Грозного, Тимофеев явно впадает в противоречие с самим собою: как мы видели, он не считает возможным говорить дурно о „царющих вправду“, описывать их дурные поступки; но в данном случае ему приходится отступить от им самим сформулированного положения. Раскрывая причины „смуты“, он не может умолчать о тех фактах, которые, по его мнению, подготовили ее, поэтому данная им характеристика Ивана Грозного не соответствует тому, что, по мысли самого Тимофеева, следовало бы говорить об „истинном“ царе.

На протяжении всей главы, посвященной царю Ивану, Тимофеев усиленно подчеркивает его жестокость к подданным. Правда, он оговаривается, что эта „презельная ярость“ появилась в царе „от грех иже в нас“, но в то же время замечает, что сам царь „к ярости удобь подвижен бе“.[1] Тимофеева огорчает, что этот гнев „яростивого“ царя направлен был на своих — единоверных ему людей, а не на тех, кто, по его мнению, действительно заслужил его, — на иностранцев, которые сумели завоевать доверие царя. Тимофеев не понимает политики царя Ивана, который, стремясь укрепить военную мощь Руси, приглашал иностранных специалистов. Также не понимает он и подлинных причин, заставивших царя ввести опричнину; он видит причину этого важного мероприятия Грозного только в той же „ярости“ царя, в его гневе на своих „рабов“: он, по словам Тимофеева, так возненавидел города земли своей, что, в гневе своем, единых людей разделил на две половины — одних присвоил, а от других отказался, как от чужих. „Всю землю державы своея яко секирою наполы некако разсече“, — поясняет образом свою мысль Тимофеев.[2] Учреждение опричнины

[1] Временник, л. 14, 14 об.
[2] Там же, лл. 14 об., 15.

и „прогрессивного войска опричников"[1] кажется ему личным капризом царя, и он упрекает Грозного за то, что тот как бы играл „божьими людьми", т. е. русским народом. С глубоким возмущением описывает он царских слуг — опричников: когда царь отделил их от прочих людей, они, одетые в черное платье, на черных конях — „яко нощь темна видением" — рыскали, свирепствуя, подобные бесам, и „взором единем, неже смерти прещением страшаху люди".

В этом описании отражается мнение тех, кто больше всего пострадал от введения опричнины, — крупного боярства, взгляды которого в данном случае разделяет Тимофеев. Сравнение с темной ночью, эпитет „бесоподобные" показывают, что Тимофеев, не вникая в существо проведенной Грозным реформы, видел в опричниках темную и злую силу — и только. Опричнина повлекла за собой, по мысли Тимофеева, два зла: во-первых, приблизив к себе неродовитых людей, царь положил начало тому, что люди, стоящие на нижних ступенях общественной лестницы, начали возвышаться и занимать несвойственное им положение, разрушая этим веками складывавшиеся устои государственной жизни; во-вторых, разделив государство на две половины, царь привел всех людей в смятение и разногласие, что и явилось в представлении писателя причиной последующих бед. Сила государства в единении, говорит Тимофеев, а мы лишились его: „яко же град от града отстоим или места некая многими между себе поприщи разны, тако и мы друг друзе любовным союзом растояхомся, к себе кождо нас хребты обращахомся, — овии к востоку зрят, овии же к западу". Эти разногласия среди русских людей и были использованы врагами Руси: „сия наша разность многу на ны врагам нашим подаде крепость", — с огорчением замечает Тимофеев. Это первый грех, в котором обвиняется Тимофеевым царь Иван Грозный.

---

[1] См: Постановление ЦК ВКП(б) о кинофильме „Большая жизнь", 4 сент. 1946 г. Госполитиздат, 1950, стр. 21.

Вторым его „грехом" Тимофеев считает „разорение" Новгорода. Он имеет в виду карательную экспедицию Ивана Грозного в Новгород в 1570 г., вызванную тем, что новгородские власти в трудной обстановке Ливонской войны составили заговор, намереваясь отложиться от Москвы и передаться Речи Посполитой. Тимофеев знает подлинные причины сурового суда Ивана Грозного над новгородскими изменниками, но явно не сочувствует политике Грозного по отношению к Новгороду. Жестокая расправа его с новгородцами была вызвана, по его мнению, тем, что царь поверил „оболгателем", которых „удобен послушник бысть". „Мнением единем неиспытне водим", т. е. будто бы не проверив того, что ему наговорили (а что именно, Тимофеев не указывает), он „упоил землю Новгорода кровью, а людей его умучил различными муками...".[1] Тимофеев упрекает царя в стремлении присвоить себе „чужое", как бы подчеркивая былую самостоятельность древнего города в то же время признает, что „один только бог знает, кто виноват — тот (т. е. Грозный) или они" (т. е. правящие верхи Новгорода).

Случившееся на следующий год нападение на Москву татар под предводительством хана Девлет-Гирея, во время которого Москва была разорена и сожжена, — Тимофеев изображает „возмездием", ниспосланным „свыше" царю Ивану за „расправу" над Новгородом. Вернувшись в Москву после разорения Новгорода, царь и его слуги, омраченные пролитой кровью, „яко главню некую, искр полну, ветром раздомшую... с собою внутрь нерассудно внесоша" и этим „сами яко подгнету сим царску граду всему сотвориша...". Тимофеев считает, что и сам царь не ушел от высшего суда: бог „язву мести, неприкладну скорбию и незабытну леты, ниже коею радостию одолену в царюющего самого рабоубителя и мирогубителя сердце внутрь углуби и болети неисцельно сотвори",[2] — пишет он.

[1] Временник, л. 20 об.

[2] Там же, л 20 об.

Образ царя Ивана выступает перед нами все более и более мрачным. Он полон „презельной ярости“, он „рабоубитель“ и „мирогубитель“, он насильник, в сердце которого горит неизлечимая „язва мести“; он окружен „бесоподобными“ слугами, он больше доверяет врагам — иноземцам, чем своим подданным... Так под пером Тимофеева образ „истинного“ царя Грозного превращается в образ царя-тирана.

Эти черты царя Тимофеев подтверждает и его отношением к близким ему людям, к своей семье: он насильно постригает трех жен своего старшего сына, Ивана Ивановича; он является причиной его преждевременной смерти; он „разжен быв яростию..., яко лев... порази брата си (кн. Владимира Андреевича Старицкого), напоением смертным купно с женою и сыном“.[1]

Характерно, что кроме этого факта Тимофеев не приводит ни единого случая расправы Грозного с представителями крупной аристократии, ограничиваясь лишь общим упоминанием о „презельной ярости“ царя по отношению к своим „рабам“. В то же время и здесь он не раскрывает подлинных причин казни Грозным своего двоюродного брата. Известно, что Владимир Андреевич Старицкий не раз выявлял себя как глава княжеско-боярской оппозиции. Казнь его и его семьи была вызвана тем, что в 1567 г. был раскрыт заговор, во главе которого стоял князь Владимир Андреевич; бояре-заговорщики хотели выдать Ивана Грозного польскому королю. Об этих фактах Тимофеев умалчивает, изображая казнь семьи Старицких как результат личной, ничем не объяснимой жестокости царя Ивана.

Хотя Тимофеев и заявляет: „дерзнути бо не смею нагло-глаголанием еже обнажити весь студ венца главы его, но вмале рек, в прикровении словес“, однако „прикровение словес“ оказывается очень условным: односторонним освещением

---

[1] Временник, л. 37, 37 об.

фактов Тимофеев создает из Грозного образ царя-мучителя и ярко выявляет перед читателем „стыд его венца". Грозный и умирает, по Тимофееву, как тиран: автор приводит вымышленный рассказ о том, будто бы Грозный был убит Борисом Годуновым и Богданом Бельским, и его смерти порадовались и враги-иноземцы, и свои вельможи, впрочем, не все, а те „чьи пути были сомнительны"; их автор рисует явно иронически: „помазав благоухающим миром свои седины, с гордостью оделись великолепно и, как молодые, начали поступать по своей воле".[1]

Когда Иван Тимофеев еще раз возвращается к Грозному в начале „Летописца вкратце", он уже не упоминает об отрицательных качествах царя, ограничиваясь лишь положительной его характеристикой, но и здесь она лишена конкретности и повторяет ранее сказанное, используя те же образы. Добавлена лишь одна очень важная черта, характеризующая государственную деятельность Грозного: он назван „вторособирателем Русской земли".[2] Видимо, здесь Тимофеев пытается создать более объективную и справедливую характеристику и не считает удобным говорить о недостатках царя Ивана, которые он так ярко показал в первой части „Временника". Из всех этих недостатков он упоминает вскользь только о его „яростном зельстве".

Царствованию Грозного, царя-„мучителя", противопоставлено благочестивое и „от поста просиявшее" царствование его сына Федора Ивановича, который „не токмо людьми, но и страстьми царствова; мню не убо кто согрешит, аще и в молитвах того призовет",[3] — говорит Тимофеев, считая этого царя „святым". Рисуя Федора Ивановича как царя „праведника", Тимофеев идеализирует и его образ, и состояние Русской земли в период его царствования. Федор — „дар божий" по имени, „святопомазанный царь", — если и

[1] Временник, л. 22 об.

[2] Там же, лл. 279 об., 281.

[3] Там же, л. 282 об.

походил на отца „телесным благородием, множае душевным преуспевая“, потому что был „естеством кроток, и мног в милостех ко всем и непорочен“. Напоминая своей жизнью монаха, он заботился о церковном благочинии, об украшении церквей и „священных“ предметов. Сам бог хранил Русскую землю во время царствования Федора, и она пребывала „в тишине“, „мирна и не воеванна“. Увлекшись образом, Тимофеев забывает о войнах, которые происходили в царствование Федора, и еще раз повторяет, что „святой“ царь охранял страну „молитвами к богу“. Уйдя в монашеские подвиги, отказавшись от дел правления — „земное царство и красное мира совершене оплевав“, Федор издавна передал „властолюбцу-рабу“ (т. е. Борису Годунову) все, что было связано с верховной властью, и умер от его руки.

Относя Федора к царям, „царющим вправду“, „по благодати“, Тимофеев в то же время ничего не говорит о нем как о правителе, потому что Федор Иванович и не принимал участия в делах правления страной. Все внимание автора сосредоточено не на внешних фактах, а на личности Федора, на чертах характера этого последнего царя из рода Калиты, завершившего собой этот „славный“ род. Описывая „злодеяния“ Бориса Годунова, Тимофеев также занят не столько фактами, сколько личностью царя Бориса.

Как уже указывалось, Годунова, как и следующего за ним Лжедимитрия I, Тимофеев не считает законными царями; оба они — „рабы“, захватившие то, что им не принадлежало по праву. Видя первопричину этого незаконного захвата во внутренней политике Грозного, он считает главным виновником всех последующих бед продолжателя этой политики Бориса Годунова — убийцу Федора и царевича Димитрия, узурпатора, который своими злодеяниями „перевел“ на Руси „царский корень“.

Выражая, таким образом, взгляд на Бориса боярской партии, Тимофеев все же стремится казаться объективным, показать читателям и положительные черты Годунова, чело-

века и царя, и ему удается это сделать так, как ни одному из современных ему писателей. Годунов прилежно заботится о всей земле, беспощадно борется с мздоимством, с пьянством, — „мерско бо ему за нрав"; он неумолимо искореняет в государстве всякое зло, награждает добро, украшает города прекрасными зданиями.[1] В изображении Тимофеева Борис благочестив и усерден к церкви, добр и щедр, — „требующим даватель неоскуден", „кроток и во ответех всем сладок"; обиженные, беспомощные вдовы находят у него верную защиту, так как он „правосудства любление име безмездно".

Но Тимофеев хочет уверить читателя, что Борис был таким лишь „в начале убо жития си", „преже бо уклонения его ко злейшим иже на господско подражания убивство". Тимофеев задает самому себе вопрос, откуда взялись эти хорошие черты в Борисе? — „Откуда се ему доброе пребысть: от естества ли, ли от произволения, ли за славу мирскую?". Он склонен думать, что все это было только притворством и что Борис скрывал от всех „в милостивне образе" свою злобу,[2] хотя тут же и оговаривается: „мню бо, не мал прилог и от самодержавного вправду Федора многу благу ему навыкнути, от младых бо ногот придержася пят его часто".[3]

Одной из причин уклонения Бориса на путь зла Тимофеев считает его „бескнижие",[4] другой — важнейшей — его гордость, властолюбие. Подогреваемый самомнением и „льстивой хвалою" своих сторонников, которые „яко хврастие подо огонь, хвалу сердцу его подлагаху", Борис вступает на путь преступлений. Список преступлений Годунова в гла-

---

[1] Временник, лл. 117, 118.

[2] Там же, л. 47 об.

[3] Там же, л. 118 об.

[4] „...Грамотичного учения не сведый же до мала от юности, яко ни простым буквам навычен бе.., Первый бо той в России деспод бескнижен бысть" (Временник, л. 125 об.).

зах Тимофеева велик: погубив царя Федора и законного наследника царевича Димитрия, он постригает и ссылает мать убитого царевича царицу Марию; он заставляет посланных в Углич следователей говорить царю ложь; он не разрешает, боясь обличения, похоронить царевича в Москве, где погребены его предки. Он жестоко расправляется с теми из угличан, которые, мстя за смерть царевича, убили его „убийц“. Борис устраивает пожар в Москве. Во время „агарянского нахождения“, т. е. нашествия на Москву татар, он старается представить себя народу опытным полководцем, победителем врагов, которые на самом деле побежали от Москвы, испуганные стрельбой, начавшейся в городе. По вине Бориса гибнут татарский царевич и два сына „латинских кралей“. Борис не щадит и своих друзей и помощников, — так, он губит „нарочитых людей“ — бояр, Богдана Бельского, позднее — дьяков Щелкаловых, которые помогли ему стать царем.

Годунов держит себя гордо и надменно („вмале не сравнитися ему царю“), и все покоряются и льстят ему. Никто не смеет сказать правду в глаза этому „славоловителю“, покупающему славу богатыми наградами воинам, для которых он расхищает царскую казну. Воины же, зная, как было дело, смеются над незаслуженными подарками. Из тщеславия же, в память своей мнимой победы над ханом, Борис начинает строить Донской монастырь.

Выразителен рассказ Тимофеева об избрании Бориса на царство, которым открывается третья глава и который должен показать хитрость и коварство Годунова.

После смерти Федора Борис „восплеска си тайно руками“, но тут же удалился к сестре-инокине в монастырь, где и скрылся, „яко в берлозе дивия некако“, оставив в Москве свои „слух и око“. Народ и духовенство отправляются с иконами и крестами в монастырь просить Бориса принять престол. Но он соглашается не сразу. Тимофеев дает ряд интересных подробностей, обличающих в нем очевидца собы-

тия: так, Борис, желая показать народу, что он не хочет принимать на себя сан царя, делает вид, что хочет задушить себя платком. Любопытна подробность о мальчике, которого будто бы посадили на стену перед окнами кельи царицы и который кричал, „вся народныя их гласы превосходя“. Этот неистовый крик мальчика и всего народа, по словам Тимофеева, только еще больше обличал тайное желание Бориса стать царем, так как иначе такое безобразие не могло бы быть допущено. Сцену избрания Бориса Годунова на царство мы читаем в „Повести 1606 года“, входящей в состав „Иного сказания“, и у Авраамия Палицына, но там таких подробностей мы не находим.

Но вот цель достигнута, Борис — царь. Пусть он утверждается „яко на ветрех“, все же он вознесен „яко на небо от земли“, — и Тимофеев должен признать, что этому „рабоцарю“ нельзя отказать в уме. „И аще убо дерзостию и прегрешно зело наскочение на превысокая сотвори, срабным бе, но ни враг его кто наречет сего, яко безумна“, говорит он.[1] Несмотря на это, Борис как „бескнижный“ царь оказывается „слепым вождем вверенного ему стада“, хотя ему и льстят подданные, хотя его высоко чтут и уважают иностранцы.

Тимофеев подробно останавливается на том, как, желая укрепить свое и своей семьи положение на престоле, Борис нарушает древние обычаи: он изменяет обычные формы и вид присяги, заставляя своих подданных приносить ее в церкви и вводя в ее текст угрозы тем, кто нарушит клятву; он требует, чтобы его титул писали всюду полностью, чтобы духовенство поминало в церкви не только его, но и его семью; грамоту о своем избрании, подписанную избирателями, он кладет в гробницу св. Петра, совершая, по мнению Тимофеева, неслыханное святотатство... Тимофеев убежден, что если бы дерзнуть открыть эту гробницу, обна-

---

[1] Временник, л. 103.

ружилось бы, что́ это „рукописание“ отвергнуто Петром — „понеже богопротивно умышлено бысть“. Борис строит высочайшую колокольню (Ивана Великого) и на верху ее укрепляет золотую доску со своим именем; в память своего избрания на царство он устанавливает ежегодный крестный ход в Новодевичий монастырь, „радостне празднуя, на кий день временную славу си получи“, т. е. празднуя не богу, а самому себе; он собирается строить церковь и задумывает создать невиданную плащаницу („гроб Христов“), изукрашенную золотом и драгоценными камнями. Описывая ее, Тимофеев замечает: „сие же зде не вещи дивство естества, но превзятие Борисово описую, сугубство гордости (разрядка моя, — *О. Д.*), высокоумие по вере его одоле, множае камень честных с бисерми и существа самого злата превозношение взыде“.[1]

Несмотря на все это, Борис не чувствует удовлетворения: „в том бо никое благо прибысть ему, разве трепет и боязнь от всех во удех его, безмерия ради со именем сана, сице же к сему неисцельна болезнь и скорбь недуга телесна, и ненависть его и неверие на люди“.[2] Став царем, Борис „яко нож наострен сам принесе своему сердцу, им же себе збод и ниспад сокрушися“.[3] Падение Бориса Годунова рассматривается Тимофеевым как возмездие за его „грехи“, как логическое следствие тех преступлений, которые им были совершены, и возмездие это падает на голову не только самого Бориса, но и его семьи.

Все старания Годунова укрепиться на престоле оказываются „паучиным тканием“. Хартии, на которых пишется его имя, „скоротленны“, его дары в церковь, представляющие собой „от неправды собранное, еже от слез и кровей“, не приняты богом, и сам он и его семья свергнуты с пре-

---

1 Временник, л. 121.
2 Там же, л. 152.
3 Там же, л. 108.

стола самозванцем. „Сице бог гордым, уповающим на ся противляется и мыслено сих сламляет роги", — заключает Тимофеев. [1]

Как по количеству отведенных ему страниц, так и по глубине психологического анализа образ царя Бориса занимает центральное место в произведении Тимофеева.

Сложная, противоречивая личность Годунова, человека выдающегося среди своих современников, интересовала писателя и заставляла, как мы видим, задумываться над его характером. Глубоко не сочувствуя внутренней политике „дворянского царя" Годунова, который, продолжая дело Грозного, укреплял положение служилого дворянства, Тимофеев не может не видеть его ума, его административных способностей, наконец, высоких качеств его как человека. Но он не может понять истинного смысла деятельности Годунова и правильно оценить ее. Наоборот, собрав все те сплетни и слухи, которые распускала о Годунове враждебная ему боярская партия, он создает из него образ интригана и злодея.

Характеристика, которую дает Тимофеев Борису Годунову, — яркий образец отражения в литературе внутриклассовой борьбы, которая велась в конце XVI и начале XVII в. между боярством и дворянством. Стремление к „правдованию" заставляет Тимофеева показать и хорошие качества царя Бориса, но тут же он старается доказать, что общественно-полезная деятельность Годунова вытекает из дурного источника — гордости и высокоумия. Кроме того, оказывается, что „добродетели", которые ему были свойственны, исчезли, когда он начал свою борьбу за престол, а тем более, когда получил желаемое. Это произошло, как убеждает читателя Тимофеев, потому, что он, рожденный подданным, занял неподобающее ему положение: „Борис егда в равночестных честен бе и по цари вся добре управляя люди, тогда по

---

[1] Временник, л. 135.

всему благ являяся, во ответех убо обреташеся сладок, кроток, тих, податлив же и любим бываше всем за обиды и неправды всякия от земли изъятельство“, — за это он и был избран на царство. Когда же он получил этот „преестественный“ и несвойственный ему сан, он обманул возлагавшиеся на него надежды: „по получении же того величеством абие претворися и нестерпим всяко, всем жесток и тяжек обретеся“.[1] Таким образом, в свою очередь став „тираном“, он обманул народ, „погубил свою душу“, и бог наказал его за гордость.

Уделив так много внимания самому образу Годунова, показав, что даже наличие безусловно положительных сторон в его государственной деятельности не оправдывает того, что он нарушил законный порядок престолонаследия, Тимофеев тем самым настойчиво внушает свою идею о царствующих „вправду“, „истинных“ царях, получивших власть по наследству. В борьбе за власть между двумя лагерями феодалов Тимофеев, таким образом, становится на сторону защитников либо наследования престола, либо „всенародного“ избрания.

Осудив „дворянского царя“ Годунова Тимофеев, казалось бы, должен был признать и положительно оценить воцарение Василия Шуйского. Однако и на этот раз, по его мнению, был нарушен законный порядок наследования, а следовательно, царь не был „истинным“. Шуйский воцарился против воли всей земли и этим „воздвиг“ против себя общую ненависть, широкое народное волнение, или, как говорит Тимофеев, „непослушание рабов“.[2] Так, несмотря на явное нежелание признавать действенную роль народной силы в жизни государства, автор был вынужден учесть ее. Однако, не желая видеть истинных причин борьбы угнетенного народа против феодально-крепостнической

[1] Временник, лл. 151—152.

[2] Там же, лл. 208, 209.

эксплоатации, Тимофеев пытается объяснить эту борьбу внешними факторами — в данном случае самовольным воцарением В. Шуйского.

Переход власти в руки боярского царя способствовал усилению возмущения народных масс, но Тимофеев видит причину непопулярности Шуйского не в том, что он был проводником боярской политики, а лишь в том, что он вступил на престол „без воли всей земли". Не способствовали популярности в народе, по мнению Тимофеева, и личные качества царя Василия. Если, говоря о Борисе Годунове, Тимофеев все же считает необходимым показать хорошие черты его характера и так и не приходит к окончательному выводу, чего же в нем было больше, — хорошего или дурного, [1] — то личность Шуйского не вызывает у него сомнений: этот „мнимый" царь царствует в „блуде и пьянстве", проливая неповинную кровь и расточая сокровища, собранные бывшими до него самодержцами, проводит время с гадателями и не заботится о водворении порядка в стране. Наконец, он из зависти убивает своего племянника — Михаила Скопина-Шуйского. За все это он, в свою очередь, получает возмездие: он бесчестно сведен с престола и отправлен на позор в чужую землю.

Никаких противоречий не встречаем мы и в характеристике самозванца — Гришки „расстриги" и его „беззаконного" царства. Это „враг", „скимен лют", „антихрист", который „как темен облак воздвигся из несветимыя тьмы". Он предатель, как Иуда: приняв монашество и сан дьякона, он становится расстригою и женится на иноверке. Украв чужое, несвойственное ему имя, он приводит врагов на русскую землю и побеждает Бориса, хотя и является перед ним ничтожеством. „Не он, но совесть ему своя сего (Бориса)

[1] Этим объясняется то, что Тимофеев, характеризуя Бориса, не раз противоречит самому себе: например, он рисует его избрание на царство и как результат интриг самого Бориса и его сторонников, и как выражение к нему народной любви.

низложи“, говорит Тимофеев. „Бесстыдно вскочив“ на царский престол, самозванец живет „блудно и беззаконно“, „рабско и скотолепно“, — „весь сатана и антихрист по плоти явлься, себе самого бесам в жертву принес“...[1]

Тимофеев пишет о связи самозванца с польской шляхтой — врагами Русской земли, о его сношениях с Ватиканом („с несвященным лжепапою, оскверняющим Рим“),[2] рассказывает о его жестокости по отношению к детям Бориса Годунова и в то же время негодует на то, что самозванец, как и Годунов, раздавал высшие места в государстве „недостойным“ людям, нарушая „исконные русские обычаи“. За эти „грехи“ расстрига и несет заслуженную кару, — он свергнут с престола и убит.

Рисуя образы царей, Тимофеев дает параллельно несколько женских образов. Они занимают не много места в его повествовании, но их краткие характеристики не менее выразительны. Светлый образ Анастасии Романовны противопоставлен мрачному характеру ее мужа — царя Ивана Грозного. Близка ей Ирина Годунова, жена Федора Ивановича, ушедшая в монастырь после его смерти. Она противопоставлена не Федору, а своему брату Борису: он — неблагодарный злодей, убийца кроткого царя — „святого“; она — преданная жена, верная памяти мужа и после его смерти. Искренним сочувствием проникнуты слова Тимофеева, посвященные дочери Бориса Годунова — царевне Ксении, которую он берет под защиту, отвергая распространявшуюся о ней клевету.[3]

Иначе рисует Тимофеев иноверку — Марину Мнишек: это и „сквернавица“, и „человекоподобная аспида“, и „ехидна“, залившая кровью Русскую землю.[4] В ее образе для Тимофеева объединяются черты „злой жены“, которую рисовала

---

[1] Временник, л. 160.
[2] Там же, л. 223 об.
[3] Там же, лл. 162—164.
[4] Там же, л. 167.

религиозно-дидактическая средневековая литература. В то же время в этом образе ярко выражена та ненависть, которую Тимофеев, как и все русские люди, испытывает к врагам-интервентам. Он прекрасно понимает, что Лжедимитрий I — это ставленник Польши, и расправу над ним и его сторонниками считает справедливым возмездием, ниспосланным „высшей силой" за все зло, которое он принес Русской земле. Но с его смертью несчастья, переживаемые страной, не кончаются: враги, придя на нашу землю, разрушили пограничные города, осадили Москву и по всей стране „яко зверие растекошася".

Тимофеев дает широкую картину народных бедствий,[1] видя в них, как и в „богопустном", т. е. посланном стране богом царстве „расстриги" опять-таки возмездие, но на этот раз уже не за „грехи" правителей, а за „грехи" общества, всего народа.

Мы видели, что, указывая „грехи" лиц, стоящих у власти, Тимофеев имеет в виду не столько проступки, касающиеся личной жизни царя — человека, сколько и главным образом — „грехи" государственные, которые, по его мнению, и привели страну к разрухе. Несмотря на характерную, свойственную средневековью форму, в которой выражена его политическая мысль, он до известной степени верно схватывает сущность событий: так, он видит в правлении Годунова продолжение политики, начатой Грозным. Он понимает, что в это время взаимоотношение сил внутри господствующего класса резко изменилось, и знатные боярские фамилии потеряли свое прежнее положение и значение в стране. Однако, настаивая на первенстве „благородных", он видит в политике Годунова, направленной к возвышению „незнатных" людей, т. е. к укреплению дворянства, одну из основных его политических „ошибок". Указав, что этой мерой „той (т. е. Борис Годунов) на ся в сердца величайших... неугасну

---

1 Временник, лл. 173 об., 174

стрелу гнева и ненависти вонзил“,[1] Тимофеев дает резко отрицательную, глубоко несочувственную характеристику этим „новым людям“, выдвинутым на места прежних „столпов“ государства, знатных вельмож и их помощников-дьяков. „Как драгоценная серьга у свиньи в ноздрях, так и у недостойных — чины“, — говорит Тимофеев. Когда на место опытных и искусных в делах людей Борис Годунов поставил „на мздах“ иных „худородных“ и неопытных, они могли только „тростию косно, яко не свою, трясущася, провлачати руку, и ино ничто“.[2] Неумелые, неопытные в делах, жадные, эти люди кажутся Тимофееву лишенными чувства собственного достоинства и ответственности за судьбу страны. Им важно, по его мнению, только одно, — как можно больше наполнить свои карманы; они, как свиньи, пожирают все, что им попадется, и грызутся между собою как псы из-за добычи, стараясь перехватить друг у друга „лакомый кусок“ — кратковременные блага жизни.[3]

Нельзя сказать, чтобы эта характеристика была совсем неверна. Известны „подвиги“ некоторых опричников и „хозяйничанье“ дворян-помещиков в отведенных им поместьях. То и другое, как было указано выше, способствовало полному разгрому крестьянского хозяйства и углублению недовольства крестьянских масс. Но Тимофеев дает эту характеристику дворянства не в широком плане социальных отношений эпохи, а с точки зрения своего теоретического представления о „благороднейших после царей“, которым и впредь должно принадлежать первое место в жизни государства, возглавляемого самодержавным царем.

Однако, стоя на позициях этой теории, сокрушаясь, что „столпы“ государства — вельможи, „лучшие“, „нарочитые“ люди потеряли свое прежнее положение, вытесненные новыми незнатными людьми, Тимофеев далек от идеализа-

[1] Временник, лл. 140 об., 141.
[2] Там же, л. 141 об.
[3] Там же, л. 140 об., 142, 169 об.

ции представителей современного ему боярства. Отдавая в своем „идеальном" государстве вельможам первые места, Тимофеев в то же время ясно видит, что не все те, кого он считает „лучшими", достойны этого названия и своего положения: есть настоящие, и есть „мнимые" вельможи. Настоящие, по мысли Тимофеева, должны быть людьми честными, мужественными и неподкупными. Они не должны молчать, если царь допускает что-либо незаконное или использует свою власть во зло, и смело отстаивать свое мнение. На самом деле те, кто, по мысли Тимофеева, должен был бы быть опорой государства, — представители знатнейших фамилий — ведут себя недостойно, оказываясь льстецами, интриганами, обманщиками, клятвопреступниками. Они украшаются одеждами, заменяя ум длинными бородами.[1] Обрадованные смертью Грозного, они ликуют, забыв свои обязанности по отношению к его наследнику — царю Федору, „мневше его яко не суща". Стараясь пораньше явиться во дворец, они наушничают друг на друга, составляя „ложные шепотные глаголы", и убивают ими людей, как мечом. Из страха или купленные его подарками, они льстят Годунову и подличают перед ним,[2] они не смеют выступить и против самозванца и его посягательств на православную веру и исконно русские обычаи.[3] Тимофеев не видит в них мужества, которое дало бы им возможность противостоять произволу лиц, стоящих у власти. Рабский страх — вот чувство, которое владеет ими и заставляет молчать там, где молчать нельзя. Они не имеют собственного мнения и вертятся, как колесо, приспосабливаясь к требованиям минуты.[4] Даже старцы среди них выглядят „младоумными", а молодежь во всем подражает старикам... Многие люди „от синклитска чина" оказываются прямыми изменниками: „прельстившись неустав-

[1] Временник, л. 4 об.
[2] Там же, л. 70 об.
[3] Там же, л. 166 об.
[4] Там же, л. 3 об.

ною прелестью“, они переходят на сторону врагов; оставив Москву и царя Василия, переезжают в стан к Тушинскому вору, соблазняя других и показывая свое „немужество“. Одни изменяют потому, что не любят Шуйского, другие — потому, что в Москве голодно, — „кратце рещи, — говорит Тимофеев, — не толико бе люди со царем остало во граде, елико лжецарю (самозванцу) приложиша еже беганием прелагатаи“. [1]

Тимофеев не ограничивается только общей отрицательной характеристикой боярства — он дает целый ряд конкретных образов: вот боярин Богдан Бельский, наживший несметные богатства недостойной службой царю Ивану; вот князь Василий Шуйский — „лжусвидетельный синклитик“, в угоду Борису Годунову скрывший от царя Федора истинную причину смерти царевича Димитрия, а потом самовольно захвативший власть и из зависти убивший своего племянника; вот лукавый интриган и мздоимец Михаил Татищев, который сперва оскорблял и бил того же князя Василия Шуйского, потом помог ему занять царский престол, а затем начал сам выступать против посаженного им царя; вот боярин М. Салтыков, отдавший Москву в руки врагов... Тимофеев не дает ни одного положительного образа из среды родовитого боярства, — все, о ком он говорит, оказываются „лжесилентиарами“, „мнимыми столпами“ государства. С уважением он упоминает только воеводу князя Воротынского, а в главе о царе Василии Шуйском идеальными чертами рисует его племянника — князя Скопина-Шуйского, но и последний оказывается не лишенным недостатков: мужественный и благородный, он излишне доверчив и горяч. Это приводит к тому, что сначала он вместе с Татищевым и Телепневым уезжает из Новгорода и ставит себя этим в неловкое положение перед новгородцами, а затем является косвенным виновником расправы новгородцев над тем же Татищевым.

[1] Временник, л. 229.

Мы видим, таким образом, что, выражая во „Временнике" достаточно прямо и резко свои оценки и суждения, Тимофеев дает яркие и беспристрастно-осудительные характеристики представителей правящего класса, которых он в большинстве знал лично.

Тимофеев много раз в своем произведении возвращается к вопросу о недостойном поведении бояр, со всей беспощадностью вскрывая внутреннее, моральное их разложение. Эти страницы его произведения представляют особый интерес.

Основной недостаток, в котором он обвиняет представителей боярской аристократии, это — отсутствие мужества, „бессловесное молчание" перед лицами, стоящими у власти в то время, когда, по мнению дьяка Ивана, нужен был решительный протест против произвола царей — „тиранов".

Обвинение в „бессловесном молчании", т. е. в политическом равнодушии, в попустительстве, Тимофеев предъявляет своим соотечественникам не однажды, так как в этом „грехе" видит едва ли не главную причину бедствий родной земли.

Он не видит ни одного „крепкого" человека, все „согрешили" — „от головы и до ноги, от величайших и до малых, сиречь от святителя и царя, инок же и святых".

„Бесстрашие божие" и „окаменение сердечное" привели к тому, что русские люди молчали, когда Борис начал губить своих соперников — „благородных" бояр, стоявших у царского престола. Если бы этого не было, он не осмелился бы на убиение царевича Димитрия и сожжение города (Москвы) с целью отвлечь народ от разговоров о его смерти.

Не встретив и здесь сопротивления, Борис решается на убийство царя Федора Ивановича. „И аще не бы исперва нашим молчанием предпомянутому (Борису) на сия послаблялося", он не искоренил бы царский род, и „священномнихоругатель" Гришка Отрепьев не посмел бы занять царский

престол; он сделал это, „зря нашея слабости страшивство“. Не допусти мы этого, — говорит Тимофеев, — не посмели бы и прочие самозванцы и русские изменники опустошать Русскую землю, не радовались бы иностранцы „нашея земля раздвоения злоденствию“, не наступали бы на нашу землю враги и не была бы она „инославными в конец пленением потреблена“; „и аще бы не се“, — не заняли бы враги сердце страны Москву, взяв ее „яко гнездо орле“ — руками, не был бы оттуда изгнан патриарх, не была бы вся земля сожжена и разграблена, не были бы расхищены царские сокровища, собиравшиеся веками, и не пришлось бы нам смиряться перед чужими странами.[1]

В этих обличительных рассуждениях Тимофеева — сильнейшая и наиболее ценная сторона его „Временника“. Беспощадная критика господствующего феодального класса обнаруживает в нем патриота, которому дороги судьбы государства. Тимофеев не мог подняться в своем политическом мировоззрении выше класса, к которому принадлежал. Но в поисках выхода из тяжелого положения он сурово и справедливо бичует отрицательные стороны самого феодального строя, насколько он мог их осознать, наблюдая борьбу внутри господствующего класса.

„Временник“ Тимофеева последовательно и настойчиво пытается найти причины развернувшейся в начале XVII в. ожесточенной борьбы — и эта новая черта исторического повествования отличает труд Тимофеева и от предшествующих ему исторических сочинений, и от некоторых „сказаний“ его современников. Противореча сам себе, поскольку он отстаивал тезис и о непогрешимости царя, о беспрекословном ему повиновении и о том, что судить его никто, кроме бога, не имеет права, Тимофеев первопричину всех бед, обрушившихся на Русское государство, видит в отсутствии общественного мнения. Но „бессловесное молчание“ перед

---

[1] Временник, лл. 178 об., 183.

властью — не единственный „грех“, в котором автор „Временника“ обвиняет своих современников.

Русские люди, т. е., как видно из дальнейшего изложения, — представители господствующего класса, потеряв мужество, или, как говорит Тимофеев, „истовое суровство“ и стойкость, сделались клятвопреступниками и лицемерами,[1] им стала свойственна „богомерзкая и преокаянная безумная гордость“, „несытное сребролюбие“, ненависть и злопамятность по отношению к ближним.[2]

„Красование ризами“, „винопитие безмерное“, „чревобесие“, „блуд“, „содомское гнусодейство, его же срам есть глаголати, и писати, и слышати“, грубая площадная ругань[3] — вот что видит и слышит вокруг себя автор. Даже благочестие „святого“ царя Федора Ивановича не могло покрыть беззаконий „нарочитых“ людей, от которых стонет земля: „Зла земля не терпяще, стонет о сем; заступающая о нас в бедах крепкая помощница бедне гневаяся, негодует и отвращает лице свое,“ — говорит он и призывает всех к „покаянию“. Среди согрешивших Тимофеев особое место отводит духовенству, которое молчало вместе со всеми и даже поощряло таких властолюбцев, как Борис Годунов и первый самозванец, в их преступных стремлениях. Еще более сурово осуждает он русских изменников, вместе с врагами разорявших родную страну. В одном из отрывков он говорит о купцах, которые ради прибыли заключали союзы с врагами-иностранцами и этим истощали государство. В главе „О таборех“ он возмущается тем, как могли русские люди верить второму самозванцу, если многие своими руками осязяли труп первого? „Поистине, люди несмысленнее скотов“, — заявляет Тимофеев и разоблачает тех, которые объясняют свое поведение „неведением“. Не по неведению, „но ради получения в скорости

[1] Временник, л. 176.

[2] Там же, л. 176 об.

[3] „И конечно еще ста нестерпимо зло. . .“ (Временник, л. 177).

некоего к славе сана и получения скоропребытного и безстудного богатства гибнущего“ губили эти люди себя и свою родину.[1]

Не все одинаково чувствовали и вели себя и в плену в Новгороде: одни „алчут нищенствующе“, другие — подлые изменники — „в богатствах упиваются излишествующе“; для последних плен оказывается лучше „свободного всяко жития“: „продолжение сего времени“ только прибавляет им богатства, в то время как для других оно — „приложение печалем“. Ради собственного обогащения богачи служат врагам: „на обою ногу храмлюще, пременяя, душами же возжени и сердцы горяху приложением ко еллином“, они не желают мира для своей земли. Тимофеев говорит, что нужно своими глазами видеть румянец благоденствия на щеках богатых и „дряхлость и плоти от сухости бледность и непритворную риз худость“ бедняков,[2] чтобы понять народное горе.

Стремясь возродить чувство патриотизма в близкой ему среде, Тимофеев хочет подействовать на сознание господствующих классов патетическим изображением народных страданий, не замечая противоречия между этими картинами и своим обычным отношением к народу, как к „стаду“, обреченному на беспрекословное повиновение властям, или как к „злорабам“, когда народ заявляет о своих правах.

Как было уже отмечено, все преступления, или, как он их называет, „грехи“, Тимофеев находит в представителях господствующих классов своего времени. Именно среди этой части русского общества он видит полное разложение и падение нравов. Народ оказывается при этом как бы жертвой этого „шатания“ в „верхах“; оно, по его мнению, и приводит к тому, что народная масса, не чувствуя над собой твердой власти, начинает „безумно двигатися по своему хотению“. Не поняв истинной причины народного движения, Тимофеев

---

[1] Временник, лл. 225 об., 226, 232.

[2] Там же, л. 222.

лишь в нескольких словах говорит о таком важном событии эпохи, как восстание Болотникова, называя его „суетным советом безглавной чади“ и считая „законопреступным“[1] и „безумным шумом“ мельчайших и безымянных людей.[2] Он не видит, что в этом „шуме“ и высказывалось ярче всего народное мнение о существующих на Руси порядках, выявился стихийный протест против произвола и насилия. Если перед царями в страхе „молчали“ „силентиары“ — бояре, если их политику поддерживало духовенство, то народ не молчал, а отвечал на свое закрепощение восстаниями. В эпоху Тимофеева, как и в более поздние эпохи, „... вся масса крестьян боролась со своими угнетателями, с классом помещиков, которых охраняло, защищало и поддерживало царское правительство. Крестьяне не могли объединиться, крестьяне были тогда совсем задавлены темнотой... но крестьяне все же боролись, как умели и как могли“.[3]

Занятый внутриклассовой борьбой боярства с идущим ему на смену дворянством, упрекая русских людей в „бессловесном молчании“, Тимофеев не услышал и не понял этого голоса народных масс. В то же время Тимофеев не мог не чувствовать в народе решающей политической силы, не мог не видеть значения именно народного мнения. Описывая бегство из Новгорода Татищева, Телепнева и Скопина-Шуйского, он рассказывает о волнении в городе и о том, какой страх перед простыми посадскими людьми испытывали в это время оставшиеся в городе начальники и духовенство, ожидая „от народа, от поколебания убийства“: „ни вещати дерзаху, ни молчати смеяху“, говорит о них Тимофеев. „Народ“ выступает здесь уже не как „безумная“ и „безглавная чадь“, а как решающая политическяя сила.

Идейные установки „Временника“ были бы не ясны до конца, если бы мы не сказали об отношении его автора

[1] Временник, л. 235 об., 236.

[2] Там же, л. 285.

[3] В. И. Ленин, Соч., т. VI, стр. 384.

к иностранцам. Тимофеев видит в них иноверцев-еретиков, называет „злочестивыми“ и явно не доверяет им. Это мы видели уже тогда, когда он говорил об Иване Грозном. В эпоху „смуты“ его недоверие переходит в острую ненависть к врагам родины. Он с возмущением и ужасом рассказывает, как „вкупослатынная и главохохленная Литва“ и шведы — „еллины“, — так их называет Тимофеев, — предают огню и мечу родную землю. В Плаче от лица Новгорода Тимофеев рисует страшную картину разорения шведами древнего города[1] и издевательств, которым подвергались его жители, а в главе о „беззаконном царстве ростриги“ так рассказывает о наступлении поляков на Москву: „Не бе места, идеже правоверных кровми горы и холмы не полияшася, и удолия и дебри вся наполняшася, и водам естество, ими очервив, згустися. ..“ [2] Враги все „грады и веси“ до самого моря „низложив, пополниша... верных различными по мукам скончевающе смерти, имения же восхищающе“, пишет Тимофеев в другом месте и говорит, что всех бед, которые принял от иноземных захватчиков русский народ, нельзя счесть, рассказать словами или описать; если кто из очевидцев попробовал бы это сделать, могла бы составиться особая книга о каждом месте Русской земли.[3]

Сам оказавшись в захваченном врагами городе, Тимофеев тяжело переживает чужеземное владычество. „Если кто скажет, — говорит он, что мы оставались в это мучительное время на родной земле — ему мы ответим — «но работа (на) чужого»“.[4] Русский патриот не может мириться с тем, что он находится под властью врагов и вынужден работать на них.

Тимофеев считает, что приглашать иностранцев на помощь, чтобы навести в стране порядок, — безумие. „Кто бо тако

1 Временник, лл. 146 об., 151 и 185—187.
2 Там же, л. 174.
3 Там же, лл. 233 об., 234.
4 Там же, лл. 220 об., 221.

безумен, якоже мы? — спрашивает Тимофеев. — От века несть слышано, — волком волков ото овец отгоняти".[1] Тот же образ хищников-волков использует Тимофеев, рассказывая о бесчинствах поляков в Москве и под Москвой и шведов в Новгороде. „Яко же волцы гладнии, агнцы зряще, алчут, сице они разорити желают в нас землю нашу и попрати истинную и непорочную веру Христову и нас пожрати".[2] Но эту „крепость" нашим врагам подала „наша разность" — немужество, разъединение и предательство богатых, поэтому, по убеждению Тимофеева, „не чуждии земли нашей разорители, но мы есмы той потребители", т. е. вся ответственность лежит на русских людях; это и заставляет Тимофеева еще и еще раз напомнить своим соотечественникам о необходимости „покаяния", т. е. осознания своих политических ошибок. К этому и ведет, по его мнению, Русскую землю „высшая божественная воля" через горнило страшных испытаний, — но не все русские люди это понимают: „Аще и словесни сущи, — пишет Тимофеев, — но безсловесных и нечувствительных зданий (созданий) хужим явихомся": скот повинуется тому, кто ведет его на заклание, металл поддается ковке, но упрямая человеческая природа не хочет понимать уроков жизни.[3]

О создании народного земского ополчения, которое освободило Москву и всю Русь от врагов-интервентов, Тимофеев говорит лишь вскользь,[4] а имена народных героев Минина и Пожарского совсем отсутствуют в его сочинении.

Чем объяснить такое умолчание? Не знать этих общеизвестных тогда и потом лиц и их роли в совершившихся событиях он не мог. Тимофеев объясняет это тем, что он плохо знал события, связанные с нижегородским ополчением и освобождением Москвы. Но причина этого умолчания кроется прежде всего в том, что Тимофеев и не хотел опи-

1 Временник, л. 182.
2 Там же, лл. 302 об., 303.
3 Там же, лл. 259 об., 260.
4 Там же, лл. 182 об., 183 и 306 об.

сывать этих радостных событий. Это не входило в его задачу. Он занят другим: ему важно было нарисовать перед читателем мрачные картины „смуты“, раскрыть ее причины и следствия, — он и делает это в меру своего разумения и понимания совершающихся событий, стараясь уберечь от забвения в назидание потомкам то, чему он был свидетелем.

V

Характеризуя „Временник“ как новый тип исторического повествования, необходимо обратиться к размышлениям его автора о задачах писателя-историка, неоднократно прерывающим рассказ Тимофеева. Вряд ли, однако, следует рассматривать эти страницы „Временника“ как отрывки из незаконченного Тимофеевым трактата о работе над историческим произведением, как это делает И. И. Полосин.[1]

Особый интерес Тимофеева к теоретическому осмыслению задач исторического труда и путей их осуществления выделяет его из ряда современных ему, а тем более предшествующих писателей-историков.

От писателя-историка Тимофеев требует прежде всего неподкупности и правдивости при оценке людей и событий. По его убеждению, писатель не имеет права скрывать недостатки описываемых им исторических деятелей: „необличного же умолчания ради, еже о тех нечестиях, — пишет он, — списателе, мню, с ними равне истяжутся“,[2] т. е. молчанием, отказываясь от обличения, писатели сами становятся в ряд с преступниками и подлежат осуждению.

Но, говоря о недостатках, писатели не должны забывать и положительных сторон описываемых лиц: если они расскажут только злое, а о добром умолчат, и о нем расскажут

[1] См. указанную выше работу.

[2] Временник, л. 58.

другие, — обнаружится „неправдование“ писателя; если же то и другое будет рассказано правдиво и без прикрас, „всяка уста заградятся“.[1]

Приступая к работе над „Временником“, Тимофеев сознательно обдумывает путь выполнения своего замысла. В его распоряжении были готовые формы исторического рассказа, — летописи, хронографы, с которыми наш автор был хорошо знаком. Эти формы требовали хронологического порядка изложения событий. Но для такого изложения у Тимофеева, с его точки зрения, не было необходимых данных.

Не вполне хорошо осведомленный о том, что происходило в разных местах страны в то время, пока он был в Новгороде в плену, куда известия доходили с трудом и случайно „яко по аеру через забрало“, он не решается писать о многих событиях подробно: „не вем бывших: кое что было коего попреди, ли послежде; и поносно бо есть писателю, не ясно вѐдуще, сущая вещи описывать и бывшая деяньми неиспытне воображати (разрядка моя, — *О. Д.*), предняя последи писати, последняя же напреди, ниже подобну“.

Для того, чтобы писать исторический труд в обычном его виде, — в хронологической последовательности, Тимофеев считает себя неподготовленным. По его мнению, писать подобный труд „неиспытне“, т. е. без проверки, используя собственные домыслы, нельзя. Вот почему он и оставляет его тем, кто может его выполнить „испытно“ и „непогрешно“. Достоинством подлинно исторического труда, как это видно из слов Тимофеева („поносно бо есть писателю, не ясно вѐдуще предняя последи писати, последняя же напреди“), является установление последовательности событий, выяснение между ними причинной связи. Необходимость установления такой связи сознавали все писатели, описывавшие события начала XVII в. и имевшие перед собой такие образцы, как летописи и хронографы.

---

[1] Временник, л. 230—230 об.

Однако Тимофеев, сознавая всю законность и ценность последовательного изложения событий, установления между ними хронологической связи, не удовлетворяется только такой точкой зрения на события и избирает для себя иной путь. Им руководит в данном случае не только то, что он мало осведомлен в ряде событий своей эпохи. Он, как легко убедиться, отказывается от принципа хронологического изложения даже там, где его осведомленность не подлежит сомнению. Например, в первой главе „Временника“, рассказывающей об Иване Грозном, он, как мы видели, не соблюдает хронологической последовательности. Сказав об опричнине, о карательной экспедиции в Новгород, о жестокости и смерти царя Ивана, он пишет: „О времени же юности его, еже о сопряжении супружества, и от деторождения же преже сих им бывшая зде в дольнейших словесех приведох, к прочим его делесем не сопримешая“.[1]

Таким образом, он сознательно нарушает хронологическую систему изложения, являвшуюся наиболее стройной и привычной для читателя, и сознательно отступает от нее, утверждая, что и при ином порядке изложения „существа дело“, т. е. факт, — „неповредно бысть“. Это отступление именно сознательное, а не случайное, как он хочет убедить читателя,[2] и не в „тернии забвения от лет прохождения“ здесь дело.[3] Конечно, он не забыл событий, связанных с женитьбой Грозного, но с его точки зрения — это второстепенные факты. Он говорит вначале о важнейшей реформе, проведенной Иваном IV, — опричнине, нарушившей старый порядок, о его личности, поражавшей современников, и только потом обращается к его жене и детям. Такой отбор материала в первой части своего труда — очерках о деятелях и событиях „смуты“ — Тимофеев делает постоянно, но помня, что хронологический

[1] Временник, л. 25.

[2] „Вем бо яко иже подобаше сказанием сия приложити прежде, но егда что в мысли обрелося, то и вчиних. . .“ (Временник, л. 25).

[3] Временник, л. 26 об.

порядок более привычен и освящен многовековой традицией, он оговаривается, объясняется и просит читателя не осудить его.

Этот новый подход к материалу, стремление к иной, не хронологической, системе его изложения объясняется тем замыслом, который Тимофеев положил в основу своего труда. Его интересует не столько внешняя причинная зависимость фактов друг от друга, требующая хронологического изложения событий, сколько внутренняя между ними связь. Эту внутреннюю связь он и хочет найти; как человек своей эпохи, воспитанный в понятиях средневековья, он облекает ее в религиозную форму, говорит о нарушении людьми „божественной воли“, о „грехах“, которые они совершили и за которые они несут заслуженное возмездие. Это стремление к внутреннему этическому осмыслению, которое Тимофеев называет „глубочайшим разумением“, сдвинуло в его произведении исторические факты с их хронологически установленных мест и поставило их в иную зависимость друг от друга. Связи, которые устанавливает Тимофеев между событиями, как мы видели, целиком обусловлены его классовой позицией.

Тимофеев сознает, что для написания большого исторического труда требуется серьезная и глубокая подготовка, изучение материала, строгая проверка фактов. Все это он выражает словом „испытно“. Он уподобляет труд писателя пути по бурному морю. Нарисовав широкую картину того, как путешественники готовятся к плаванию через морскую пучину, опасному, полному „противств“, „всяческих неудобств“ и вынужденных остановок, и как неопытные и неподготовленные гибнут в волнах,[1] Тимофеев требует от писателя тщательной и серьезной подготовки, прежде чем он пустится в „словес море“.

И если такая подготовка требуется в том случае, когда события излагаются хронологически, то при ином способе

---

[1] Временник, л. 272.

изложения ее необходимость чувствуется еще больше. Так именно подходит сам Тимофеев к своему труду. В рукописи „Временника“ мы находим следы его упорной работы над характеристиками исторических деятелей своего времени, над отдельными главами и отрывками „Временника“.

Язык „Временника“ Тимофеева — очень сложен, он должен стать предметом специального исследования, здесь же мы ограничимся лишь краткой его характеристикой. Запутанность и вычурность фраз Тимофеева создается чаще всего тем, что они начинаются с ряда придаточных предложений, наслаивающихся одно на другое, так что главное среди них совершенно теряется. Стремясь наиболее точно выразить свою мысль, Тимофеев нанизывает одно слово на другое; глагол — сказуемое у него в большинстве случаев стоит в конце предложения, часто не рядом с подлежащим, что очень затрудняет понимание смысла фразы. Ясности речи мешают и постоянные перифразы, а иногда, видимо, и сознательная тайнопись дьяка Ивана.

Один из видов перифраза, постоянно используемый им,— это толкование имен (Иоанн — благодать, Феодор — дар божий, Димитрий — двоематерен и т. п.), заимствованное Тимофеевым из „Степенной книги“.

Помимо этого, дьяк Иван использует и другие приемы перифраза и иносказания, причем далеко не всегда из желания зашифровать то, что написано, как может показаться сначала, а просто из стремления к украшенной, необычной речи, „высокому“ стилю. Например, нет никакой причины зашифровывать слово „ладьи, лодки“, однако Тимофеев называет их „водоносилы“; можно было бы просто сказать „пушки“ или „огнестрельные орудия“, — Тимофеев называет их „градобитные хитрости“, а в другом месте „стенобитные хитрости меднослиянная телеса, неодержимыя тяготы“;[1]

---

[1] Временник, л. 185 об.

вместо того чтобы сказать „колокола“, он пишет: „церковная бо трубы, от них же происхождаху святозвучныя гласы, созывающая на пение“; мельничную плотину он называет „оплот мелющия хитрости“, и т. п.

Тимофеев не чуждается и игры словами, например о Расстриге он пишет: „он, недостойный, чины недостойным недостойне раздавал“, или — „основания их раскопа, злом целя зло, древнею злобою зле по отцы си ревнуя“.[1] „Видяху молящая молимаго к молению яко непреклонна...,[2] и т. д.

Местами находим у него рифмующиеся окончания частей предложения:

И первый бысть растакатель стаду,
Последний же явься предатель граду.
Корабль низверг погрузися,
Но не уже и потопися,
...Град же самый весь ниизложительми в конец разорися.[3]

Речь Тимофеева образна и эмоциональна. Риторические вопросы и восклицания постоянно используются им и придают изложению страстный, взволнованный характер. Дьяк Тимофеев то и дело обращается к читателю, убеждает его, полемизирует с ним, доказывает свои положения и права писателя.

„Где суть иже некогда глаголющеи, яко неповинна суща Бориса закланию царского детища?“ — спрашивает он и горячо доказывает виновность Бориса в убиении царевича Димитрия. „Кто убо, рцы ми, не посмеется... этого (врага) безумию?“ — обращается он к читателю, описав разорение Новгорода врагами. „О, долготерпения твоего, владыко! Како не разверзе земля уст своих, якоже о Дафане и Аве-

[1] Временник, л. 147 об.
[2] Там же, л. 110.
[3] Там же, л. 144.

роне древле?“ — восклицает он, рассказав о бесчинствах первого самозванца, и т. п.

Уже из предыдущего изложения читатель имел возможность убедиться, что дьяк Тимофеев, создавая свое произведение, не ограничивался деловым изложением фактов и своих мыслей, а старался облечь их в художественную форму, воздействовать не только на ум, но и на воображение читателя. Говорит ли он о событиях своей эпохи, рисует ли выдающихся деятелей, — он обращается к художественному образу. Убежденный в том, что в нем говорит „глас невещественен“, т. е. как бы какая-то „высшая сила“, вдохновение, он на страницах „Временника“ отстаивает свое право на использование нужного ему образа.

Система образов, отобранных Тимофеевым, уводит нас к Хронографу, а через него к библейским книгам: образы животных и растений, небо и земля, свет и тьма, огонь и морская пучина, ясная погода и буря, — все использовано Тимофеевым для того, чтобы ярче выразить занимавшие его идеи. Этой же цели служит и сопоставление исторических деятелей с библейскими и византийскими героями. Для положительных лиц и явлений Тимофеев использует образы положительных героев или образы „света“, „свечи“, „звезды“, из животных — „инорога“, „горлицы“; для отрицательных — из истории образы мучителей и злодеев, а из природы — образы тьмы или таких животных, как „псы“, „волки“, „ядовитые змеи“.

Эти традиционные изобразительные средства помогают Тимофееву в его работе над передачей сложного внутреннего мира его героев, который автор пытается показать „правдиво“, не скрывая положительных черт у преступника и не замалчивая ошибок „истинного“ героя.

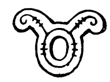
Наблюдательность Тимофеева подсказала ему ряд развернутых образов, целиком опирающихся на бытовые впечатления и служащих той же цели, что и привычные хронографические метафоры. Эти образы нередко бывают разра-

ботаны во „Временнике“ в самостоятельные картинки из жизни животных или людей, а затем уже автор умело истолковывает их применительно к изображаемому историческому событию или к размышлениям о собственных авторских переживаниях. Так, ссоры и соперничество приспешников первого самозванца уподоблены грызне собак из-за добычи; описанием сбора ягод и грибов Тимофеев иллюстрирует свою мысль о праве писателя располагать материал в том порядке, какой он найдет нужным; плавание по бурному морю напоминает писателю о необходимости тщательной подготовки к своему труду; рассказом о неумении поселян надевать оружие Тимофеев хочет убедить читателя в том, что и он не готов к литературному труду, и т. д.

Как писателя Тимофеева интересуют не столько факты, сколько люди. Он вдумывается в характер человека, пытается разобраться в его психике, раскрыть внутренние психологические мотивы его поступков. Это особенно ярко выражено в характеристике, данной им Борису Годунову. Занимают его и собственные переживания, которые он и раскрывает тонко и убедительно. Реалистические детали врываются в сложные рассуждения Тимофеева, обнаруживая в его литературном стиле черты нового времени, с его интересом к живой действительности, с его попытками раскрыть внутренний мир человека, выросшего в конкретных исторических условиях.

Главы „Временника“, знакомящие нас с людьми бурной и противоречивой эпохи, ценны не только как первые опыты нового литературного стиля, но прежде всего как исторический источник. Если Тимофеев как теоретик, отстаивающий идею первенствующего положения в жизни государства боярства, принадлежит прошлому, то страницы его „Временника“, со всей беспощадностью раскрывающие моральное разложение этого класса, предательство в годы интервенции, своекорыстие и борьбу за верховную власть, — обнаруживают в авторе человека, которого исторический опыт пережитого

научил многому. Конечно, он не задумался над истинными причинами крестьянских восстаний начала XVII в., не увидел народного движения против интервентов; но, вдумываясь в поведение представителей господствующего класса, он, сам принадлежа к нему, фактически развенчал его. Любовь к родине заставила его сказать суровые слова правды именно о тех, против кого были направлены в это время все народные движения.



ПРИМЕЧАНИЯ К РУКОПИСИ „ВРЕМЕННИКА“

К стр. 9—24

[а] Слово „заклании“ отмечено знаками как ошибочное; вместо него на полях страницы написано было другое слово, начало которого отрезано при переплете рукописи, так что теперь можно прочесть только буквы „ении“. [б] В рукописи „иво“. [в] Было „кесаря“, но исправлено. [г] Это заглавие помещено на полях листа. [д] Слово „кроме“ написано на полях листа взамен находящегося в тексте и исключенного знаками слова „свене“. [е] К этому месту отнесены написанные на полях листа внизу слова „Казанского царя Симеона“. [ж] В рукописи „толикикий“. [з] Слово „гласу“ написано на полях листа взамен находящегося в тексте и исключенного знаками выражения „слову“. [и] Слова „по всему воя... сотвори“ написаны на полях листа внизу и знаками отмечены как пропущенные в тексте. [к] В рукописи „смертво“. [л] В рукописи „сокращение“. [м] В рукописи „нарочит“. [н] Заглавие в рукописи вписано позднее, сбоку и иным почерком. [о] В рукописи „приступити“. [п] Так в рукописи. [р] В рукописи „под“. [с] В рукописи „братню“. [т] В рукописи „некое“.

К стр. 24—33

[а] В рукописи „вящщи“. [б] В рукописи „изообилни“. [в] В рукописи „много“. [г] Было „познавахуся“, но исправлено. [д] Было „падения“, но исправлено, — теперь читается: „о падения их“. [е] В рукописи „господо уби“. [ж] В рукописи „нога“. [з] Было „суд“, но исправлено. [и] Было „остати“, но на поле исправлено; может быть это место должно читаться так: „не да сей убийца мере жизни его преити самотечне, еже бы по нем малу семене его зерну в наследие остати“. [к] В подлинном „суть“. [л] Слова „и именьми вельми обогатив“ приписаны на полях листа иным почерком. [м] В рукописи „таковои“. [н] В рукописи „убицы“. [о] В рукописи „сщити“. [п] В рукописи „сомого“. [р] В

рукописи „главы“. [с] В рукописи „возрази“. [т] В рукописи „аггелы“. [у] В рукописи „им“. [ф] В рукописи „умолчашим“. [х] В рукописи „православием“. [ц] Слово „преселится“ написано на полях листа взамен находящегося в тексте и исключенного знаками слова „приемлятся“. [ч] В рукописи „не“ приписано над строкой.

К стр. 34—43

[а] На полях листа сверху прибавлено „о заклании или о убиении“. [б] В рукописи „свыще“. [в] В рукописи „виновнага“. [г] Было „многи“, но исправлено. [д] В рукописи „пояком“. [е] Было „три лакти“, но исправлено. [ж] В рукописи „умодельстви“. [з] На полях листа, внизу, приписано „Воротынский“. [и] В рукописи „отт“. [к] Было „обратився“, но исправлено. [л] В рукописи „словолюбия“. [м] На полях листа внизу приписано „О обители Богородицы Донской“. [н] В рукописи „возградильного“. [о] В рукописи „прикровеноми“. [п] В рукописи „посреди“. [р] На полях листа, внизу, приписано „и о хождении со кресты“. [с] В рукописи „освещении“. [т] Было „богопобедное“, но исправлено. [у] В рукописи „теленаго“.

К стр. 46—60

[а] Это заглавие написано на полях листа иным почерком. [б] В рукописи „едина“. [в] В рукописи „испонением“. [г] В рукописи „ом“. [д] В рукописи „бестраха“. [е] В рукописи „обо“. [ж] Слова „лицы ко граду“ написаны на полях листа взамен находящихся в тексте и исключенных знаками слов „людие вси“. [з] В рукописи „архистрига“. [и] В рукописи „первосвятители“. [к] Слово „Ивановиче“ приписано на полях листа. [л] В рукописи „неродящих“. [м] Вероятно, „ряда“. [н] В рукописи „надолземнаго“. [о] В рукописи „главы“. [п] В рукописи „таково“. [р] В рукописи „затворив“. [с] Так в рукописи; может быть „о обещавшемся“. [т] В рукописи „множество“. [у] В рукописи „бити“ [ф] В рукописи „наразумеющих“. [х] В рукописи „совершене“. [ц] В рукописи „превосходную“. [ч] В рукописи „работающему“.

К стр. 61—71

[а] В рукописи слова „от сплотного спребывания воображением“ написаны дважды. [б] В рукописи „иконостяжателе“. [в] Слово „умаление“ написано на полях листа взамен находящегося в тексте и исключенного знаками слова „умнение“. [г] В рукописи „возмет“. [д] Было „напишет“, но исправлено. [е] В рукописи „оболчене“. [ж] В рукописи „второбрачнем“. [з] На полях листа приписано „Зри о благодеянии его“. [и] Было „внезодоле“, но исправлено. [к] В рукописи „ужничижив“.

[л] В рукописи „хрома“. [м] В рукописи слова „Приготовленая же орудия... распродашася“ написаны ниже последующих слов „Яко добродетели... сице и о сих“; перед словами „Яко добродетели“ поставлена под титлом буква „в“, а перед словом „Приготовленая“ — под титлом же — буква „а“, показывающие надлежащий порядок чтения. [н] В рукописи ошибочно „Гиознино“. См. ниже, об. листа 126-го и Книги 2-й Паралипоменон, гл. 26. [о] В рукописи „пушаху“. [п] Слова „по Озии“ написаны на полях листа взамен находящихся в тексте и исключенных знаками слов „и о Озии“. [р] Слово „часа“ приписано на полях листа. [с] В рукописи „уззою“. [т] В рукописи „исполнил“. [у] В рукописи „объято“. [ф] В рукописи начертание этого слова неразборчиво: можно читать „неизреченнеити“. [х] В рукописи „просветятят“. [ц] В рукописи „разрешит“. [ч] В рукописи „прошение“ [ш] Слова „при сих“ написаны на полях листа взамен находящегося в тексте и исключенного знаками слова „прочих“.

К стр. 71—82

[а] В рукописи „писменыны“. [б] В рукописи „прирожение“. [в] В рукописи „восхотех“. [г] В рукописи „свергут“. [д] В рукописи курстес; см. это слово ниже, лл. 198 об. и 262. [е] В рукописи „цветущих“. [ж] В рукописи заглавной буквы „Е“ недостает; для нее оставлено место. [з] В рукописи „не“. [и] Было „то“, но исправлено. [к] В рукописи заглавной буквы „П“ недостает; для нее оставлено место. [л] В рукописи „подающих“. [м] В рукописи „прубудет“. [н] В рукописи „поддан“. [о] В рукописи „тя“. [п] В рукописи „насладиси“. [р] В рукописи „бе“. [с] В рукописи „зговорит“. [т] В рукописи „во евангелиох“. [у] В рукописи „одолеваем“. [ф] В рукописи „побеждени“.

К стр. 83—100

[а] На полях листа вверху написано киноварью „О Ростриге“. [б] В рукописи „имейшими“. [в] В рукописи „солнеце“. [г] В рукописи „фатриаха“; см. это слово ниже, л. 166 об. [д] В рукописи „зрящьще. [е] В рукописи „волкохищных“. [ж] В рукописи „подвигом“. [з] Между словами „слово и скажет“ было написано в строке „согрешил еси умолкни“, но зачеркнуто. [и] В рукописи „изложи“. [к] Было „накленяся“, но исправлено. [л] Так в рукописи; может быть „рождьший“. [м] В рукописи „тацечже“. [н] В рукописи „рече“. [о] Это заглавие написано между строками и на полях листа. [п] В рукописи „дела“. [р] В рукописи „наипасе“. [с] В рукописи „обещание своего несохранения“. [т] В рукописи „некогда“.

К стр. 101—119

[а] В рукописи „в царствия и граде“. [б] В рукописи „премалеи“. [в] В рукописи „обави“. [г] В рукописи „рабо“. [д] В рукописи „имея“. [е] В рукописи „сожде“. [ж] В рукописи „Ивановиче“ приписано позднее иным почерком. [з] В рукописи „венца“. [и] В рукописи „рускою“. [к] В рукописи заглавие написано сверху страницы на полях иным почерком и чернилами. [л] В рукописи „богопустны“. [м] В рукописи „действу“. [н] В рукописи „подвизаемая“. [о] В рукописи „непшевати“. [п] В рукописи „прилучшимся“. [р] В рукописи „да“. [с] В рукописи „трудного“. [т] В рукописи „плотносяй“ в одно слово. [у] В рукописи „уедением“. [ф] В рукописи „не“; см. Псалтирь, 30, 9.

К стр. 120—135

[а] В рукописи „пребывающии“. [б] В рукописи „получает“. [в] В рукописи „ноно“. [г] В рукописи „студими“. [д] Было „им“, но исправлено. [е] К этому месту знаками отнесены написанные на полях листа слова: сбоку страницы „Зри“ и внизу страницы „Днесь и на них то же по сему пророчеству збыстся“. [ж] В рукописи „царствия“. [з] В рукописи „сопротив лишихся“. [и] В рукописи „гряды“. [к] В рукописи „сими“. [л] В рукописи „могу“. [м] В рукописи „якоже оттого“. [н] В рукописи „воны“. [о] Может быть „мой ими“? [п] В рукописи „прочии иже“. [р] В рукописи „возвратися“. [с] В рукописи „повелевающаго“. [т] В рукописи „угознути“. [у] В рукописи „омрачает“. [ф] В рукописи „по“. [х] В рукописи „сщивающе“. [ц] Так в рукописи. [ч] В рукописи „сердце“. [ш] В рукописи Михалком“. [щ] В рукописи „соименне“.

К стр. 135—149

[а] В рукописи, очевидно, пропущено сказуемое „сломляет“. [б] В рукописи „слове“. [в] В рукописи „аньгглово“. [г] В рукописи „сонмо“. [д] В рукописи „возде“. [е] В рукописи „дшанна“. [ж] В рукописи „здане“. [з] В рукописи „старейшинствующа“. [и] В рукописи „нечестая“. [к] В рукописи „отставшая“. [л] В рукописи „житворных“. [м] В рукописи „пупущения“. [н] В рукописи „прилучшися“. [о] В рукописи „тшимыя“. [п] В рукописи „но“. [р] В рукописи „неудоств“. [с] В рукописи „к плавателю“. [т] В рукописи „поретку“. [у] Слова „владыки“ и „самодержавными“ написаны на полях листа взамен находящегося в тексте н знаками исключенного слова „деспоты“. [ф] В рукописи „нан“. [х] В рукописи „ка“. [ц] К этому месту знаками отнесены написанные на полях внизу страницы слова: „Новгородцкий митрополит Исидор понуждает бывающая предложити писанию дьяка Ивана Тимофеева“.

К стр. 150—163

[а] В рукописи „тысущам". [б] В рукописи „сотвори сия". [в] Слово „вселукавне" приписано на полях листа внизу. [г] В рукописи „властолюбия". [д] В рукописи „норение". [е] В рукописи „воцарения". [ж] В рукописи „не збытыя". [з] В рукописи „уподобляемо". [и] В рукописи „призираемы". [к] В рукописи „бываху иминестовы". [л] В рукописи „приносим". [м] В рукописи „забавилися". [н] В рукописи „не". [о] В рукописи „погубит". [п] Слова „якоже тогда и самим. . . мучитися начахом" написаны на полях листа и знаками отмечены как пропущенные в тексте. [р] В рукописи „угнь". [с] В рукописи „другиия". [т] В рукописи „ово". [у] В рукописи „возвратися". [ф] В рукописи „прелогатое". [х] В рукописи „языком вредием". [ц] В рукописи „довлет". [ч] В рукописи „безоветни".

К стр. 163—167

[а] В рукописи „пребывания". [б] В рукописи „познан". [в] В рукописи „Василую". [г] В рукописи „приседяще". [д] На полях листа, внизу, приписано: „О богоизбранном триличном царствии самодержавнаго вкупе со отцем и материю неразличной их державы". [е] В рукописи „люди". [ж] В рукописи „венцы". [з] В рукописи „были". [и] В рукописи „ижи".

АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ

„Временник" дьяка Ивана Тимофеева дошел до нас в единственном списке XVII в. Рукопись была найдена П. М. Строевым, который впервые и сообщил о ней в февральской книжке „Журнала Министерства народного просвещения" за 1834 г.[1] Здесь указывается, что „Иван Тимофеев, дьяк митрополита Новгородского Исидора, по его приказанию сочинил (около 1619 г.) «Временник» в 5-ти главах, от царя Ивана Васильевича до своего времени: писание высокопарное и многословное, но местами любопытное".

Рукопись, найденная Строевым, принадлежала Флорищевой пу́стыни.[2] Кем и когда она была туда передана — неизвестно. Один из прежних ее владельцев оставил свою подпись на последнем ненумерованном листе рукописи; здесь мы читаем: „Куплена сия книга у Еутифия Сидорова Попова, дана 13 ал порукою по нем Иван Васильев сын Безносов. 1699 августа в 1 де ...".

Попав в пустынь, вероятно как вклад на помин души, рукопись оставалась там до конца XIX (или начала XX) в.; упоминание о ней встречается в описаниях Н. А. Артлебена (№ 108; 40-е годы прошлого века),[3] А. Е. Викторова (№ 124; 80-е годы),[4] В. Георгиевского (90-е годы прошлого века).[5]

В труде В. Георгиевского „Флорищева пустынь. (Историко-археологическое описание", изданном в Вязниках в 1896 г., в приложении, где

---

[1] Хронологическое указание материалов отечественной истории, литературы, правоведения. Журн. Мин. нар. просв. за 1834 г., ч. 1, отд. 2, § 164, стр. 175. См. также: Библиолог. словарь, стр. 269—271.

[2] Флорищева пу́стынь, бывш. Гороховецкого у. Владимирской губ., была основана в 50-х годах XVII в. Иларионом, митрополитом Суздальским и Юрьевским.

[3] Напечатано во „Владимирских губ. ведомостях" (1880, №№ 47—52, и 1881, №№ 2—7).

[4] А. Е. Викторов. Опись рукописных собраний „Книгохранилищ Северной России". СПб., 1890.

[5] В. Георгиевский. Флорищева пустынь. (Историко-археологическое описание). Вязники, 1896.

дается описание рукописей, принадлежащих пустыни, на стр. 217—218, под № 99 значится: „Русский Летописец от царя Ивана Васильевича IV до избрания на царство царя Михаила Феодоровича. Скоропись первой половины XVII в. в четверку на 312 листах".[1] Далее следует заглавие „Временника" Ивана Тимофеева и краткое описание рукописи, главным образом со стороны ее содержания.[2] Подобно Строеву, Георгиевский отмечает, что „памятник состоит не столько из рассказов об исторических событиях, сколько из риторических рассуждений, и отличается необыкновенной витиеватостью". Не называя имени автора, Георгиевский почему-то считает его псковичем, ничем не аргументируя своего предположения.

Более подробное описание рукописи дает при издании памятника С. Ф. Платонов.[3] Он обращает внимание на внешний вид рукописи, на бумагу, на почерки, которыми она написана, на исправления и приписки, имеющиеся в ней. Но это описание в настоящее время нуждается в пересмотре, так как некоторые особенности рукописи С. Ф. Платоновым были упущены или не отмечены.

В конце XIX в. (но не ранее 1897 г.) рукопись „Временника" была передана в древлехранилище Александро-Невского братства в гор. Владимире, где и оставалась до 1913 г. В этом году она была привезена в Москву и — лист за листом — сфотографирована для Археографической комиссии. Эта работа была закончена 2 апреля 1913 г. и фотокопия была передана для хранения в Отдел рукописей Государственной Библиотеки СССР им. В. И. Ленина, где теперь и находится (№ М 3737). Позднее, видимо, после работы над ней С. Ф. Платонова, сюда же, как обнаружил Ц. М. Кудрявцев, была передана и сама рукопись. В настоящее время она доступна изучению и в последние годы была описана дважды: проф. И. И. Полосиным в его работе „Иван Тимофеев — русский мыслитель, историк и дьяк XVII в."[4] и автором этой статьи.[5]

Рукопись „Временника" нуждается в специальном изучении не только потому, что она уникальна. Она дает возможность исследователю разо-

---

[1] Листы рукописи — только записанные — были сосчитаны и перенумерованы, видимо, во время написания цитируемой работы. Запись о числе листов находится на обороте листа 312-й рукописи и скреплена подписью архимандрита Антония (настоятель монастыря с 1872 г., архимандрит с 1896 г.).

[2] См. указанную работу, стр. 217—218.

[3] „Временник" напечатан С. Ф. Платоновым в XIII т. Русской исторической библиотеки 3 раза: 1-е изд. — в 1891 г., 2-е изд. — в 1909 г., 3-е изд. — в 1925 г Указанное описание рукописи см. во 2-м изд., стр. XVI—XVIII.

[4] Ученые записки Моск. Гос. пед. инст. им. В. И. Ленина, т. 60. Кафедра истории СССР, вып. 2. М., 1949, стр. 150—152.

[5] Записки Отдела рукописей Гос. Библиотеки СССР им. В. И. Ленина, вып. 2, М., 1950 г., стр. 55—77.

браться в самом произведении Тимофеева, понять его структуру, взаимоотношение его частей. Из текста „Временника" мы знаем, что он писался не один год и в необычных условиях. Его автор — дьяк Тимофеев так рассказывает о своей работе: „Составленное моим скудным умом описание не было объединено, но представляло собой совершенно отдельные друг от друга отрывки, как бы имеющие плоть не собранные вместе различные части бумажных членов или как некая только что скроенная одежда, не сшитая вместе или разорвавшаяся от ветхости; эти части тогда из-за страха не получили исправления и соединения в стройное сочетание по порядку, потому что я жил в городе как пленный и потому, что наше пребывание (там) было не свободно и под страхом, а также от недостатка и оскудения в осаде как бумаги, так и (необходимого) для телесных потребностей".[1]

Хотя впоследствии эти „отрывки" были собраны автором и объединены в одно произведение, все же характер работы сказался на всей структуре памятника. Изучая рукопись, И. И. Полосин обнаружил в ней 64 самостоятельных очерка, из которых складываются главы и части „Временника". Рукопись помогает нам восстановить первоначальное расположение как этих очерков, так и более крупных частей произведения, их последовательность и взаимосвязь. Палеографический анализ рукописи дает возможность выяснить, является ли она автографом автора, авторским экземпляром или копией, которая не была в руках автора и написана без его участия. Все это имеет значение при изучении содержания памятника.

Рукопись „Временника" (как указали предыдущие исследователи) написана в четвертую долю листа.[2] Это довольно толстая книга в деревянном, обтянутом коричневой тисненой кожей переплете. Кожа местами отклеилась от досок, корешок лопнул, снизу и сверху оборван. На нем три наклейки: с надписью „Временник", с номером Флорищевой пустыни $\left(\frac{108}{682}\right)$ и новая — с номером Ленинской библиотеки (10692). Обе имевшиеся когда-то застежки оборваны, бумага, заклеивавшая доски переплета с внутренней стороны, тоже содрана; на остатке ее, уцелевшем на первой (верхней) доске, — надпись, повторенная четыре раза (начало строчек оборвано):

тво друзей а привечали едва
нъ обрящется.

Входного чистого листа в начале рукописи нет, она начинается прямо с первого записанного листа, с верха страницы, без заглавия, со слов „Иже рукою божиею . . .".

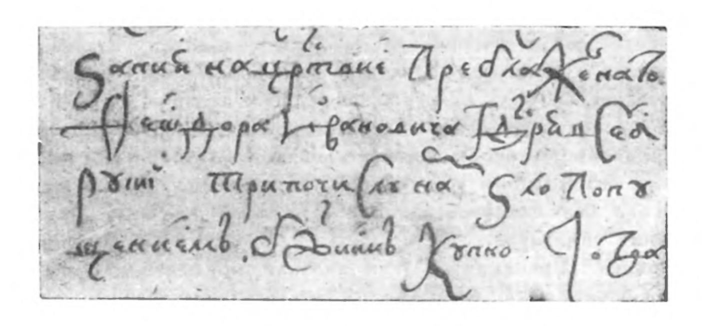
---

[1] Временник, л. 218 об.

[2] Длина рукописи — 20 см, ширина в разворот — 28.5 см.

Над текстом на полях наверху надпись, сделанная библиотекарем Флорищевой пустыни: „№ 108. Была посылаема“. На первой странице внизу — номер Флорищевой пустыни $\left(\frac{108}{682}\right)$. Пометки библиотекаря пустыни есть и на других листах.[1]

Как указал еще С. Ф. Платонов,[2] рукопись написана не одним писцом и не на одной бумаге. Почерки рукописи представляют собой различные виды скорописи XVII в. В большей своей части она выполнена очень тщательно и аккуратно, но в ней есть характерная особенность: в той части текста, которая написана первым, по счету Платонова, почерком, при переписке были пропущены места, так как, повидимому, переписчик не все смог прочесть в рукописи, с которой списывал. Эти пропущенные места потом были восстановлены, восполнены другим почерком и другими чернилами, явно другим лицом.



Почерк 1.

Л. 59 Временника.

Рассматривая эти вставленные в первый почерк слова и фразы в их взаимном расположении, легко убедиться, что они были пропущены переписчиком не потому, что он их просто не разбирал, а потому, что в оригинале, с которого он списывал, эти места были попорчены. Пропущенные и восстановленные места расположены на рядом лежащих страницах друг против друга и захватывают не одну, а несколько строк. Как пример приведу вставки на лл. 55 об. и 56 (см. стр. 431) и 63 об. и 64.

---

[1] См. лл.: 63, 64, 66, 146, 147, 148, 202, 203, 204.

[2] См. XIII т. Русской историч. библиотеки, 2-е изд., 1909, стр. XVI—XVII.

Почерк 1. Украшенная буква.

Л. 59 Временника.

Лист 55 об., 4-я, 5-я, 6-я и 7-я строки сверху, ближе к корешку вписаны слова:	Лист 56, как раз напротив, в тех же строчках:
и толице в подне убо яко ни- славных очее	до единаго ни убо щих
Лист 63 об., 4-я строка и 5-я строка сверху:	Лист 64 — напротив:
в нощи сей молни оружных	елико скорость уму объяти потре

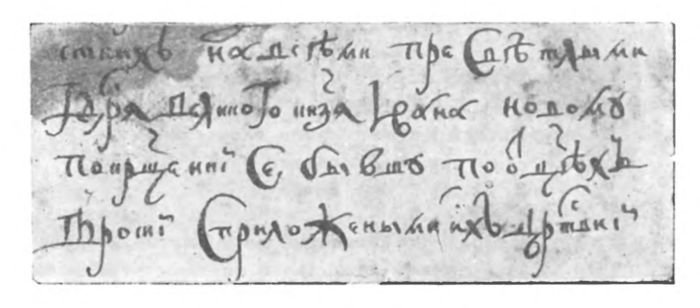
Вставки на той и другой страницах сохраняют форму пятна, которое находилось в оригинале. Почти точное совпадение пятен-вставок объясняется тем, что переписчик старался воспроизвести оригинал возможно точнее, уписывая текст лист в лист. Поэтому испорченные места и приходились у него почти там же, где они были расположены в подлиннике.[1]

Это чаще всего строки 4, 5, 6, 7, ближе к корешку, вверху страницы, и строки 3, 4, 5 — тоже ближе к корешку, внизу страницы. Таким образом рукопись-протограф, видимо, была промочена в двух местах, отчего ее отдельные листы склеились, а когда их раздирали, попортили текст. Вставки встречаются чаще в начале „Временника", они падают главным образом на первую часть рукописи (до л. 86), причем ближе к началу их очень много, и они захватывают по несколько строчек, а далее — их все меньше, — они сокращаются до двух-трех слов, а потом и до одного слова.

Почерки, которыми написана книга, неоднородны: первый (по счету Платонова), которым написана бо́льшая часть книги, — очень четкий, изящный, с легким нажимом, — представляет собой прекрасный образец скорописи начала XVII в. Из других почерков ближе к нему третий, такой же мелкий, четкий, но с более ярко выраженным нажимом. С. Ф. Платонов склоняется к мысли, что этот почерк — вариант первого, и оба они принадлежат одному лицу. Это предположение повторил недавно И. И. Полосин. Но не только детальное сопоставление начертаний букв в обоих почерках, а и простое сравнение заставляет признать, что это — почерки разных лиц.

[1] См. листы 48 об. и 49, 53 об. и 54, 50 об. и 51 и др. На то, что переписчик старался писать подлинник лист в лист, указывают и концы некоторых страниц, где он, стараясь уписать текст, жмет букву к букве, или, наоборот, если место остается, растягивает буквы (первый случай см. л. 41 об., 49 об., 51 об.; второй — 175 об., 177 об., 106 об., 77 об.).

Иной характер носят почерки второй, четвертый и пятый (по счету Платонова). Все они резко отличаются от первых двух и друг от друга. Буквы здесь значительно крупнее, в почерке пятом — с резким нажимом.

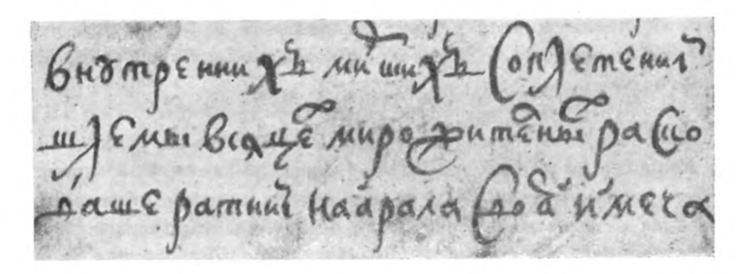


Почерк 3.

Л. 12 об. Временника.

Написание букв — иное: так, для почерка четвертого характерна размашистость, завитушки и росчерки, которых нет ни в одном из остальных почерков.

Но кроме этих пяти почерков, отмеченных еще Платоновым, приходится установить еще один, тот, которым написаны вставки, приписки



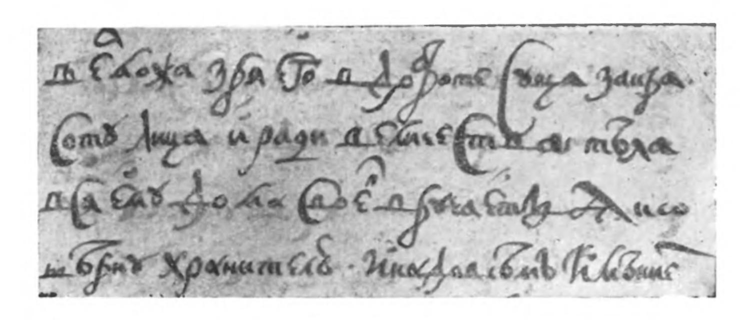
Почерк 2.

Л. 40 об. Временника.

на полях, отдельные заглавия и оглавление к „Временнику“. Этот почерк близок к почерку второму; это и привело к тому, что в описании С. Ф. Платонова они перепутаны между собой.

С. Ф. Платонов, а за ним и И. И. Полосин в указанных выше работах считают, что и оглавление, и лл. 18—40 написаны одним почерком, именно почерком 2, но при детальном сопоставлении начертания

букв, какими написано оглавление, с буквами почерка лл. 18—40 приходится признать, что они не тождественны. Зато почерк оглавления совершенно сходен с тем, которым написаны вставки в текст, приписки

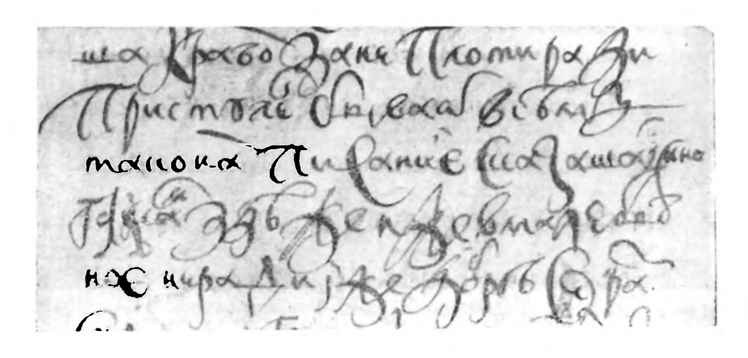


Почерк 5.

Л. 190 Временника.

на полях и некоторые заглавия, в частности — на листе 269. — Назовем его почерком 6.

Все изложенное убеждает нас в том, что мы имеем дело не с авторским экземпляром „Временника“, а с копией, над которой трудилось

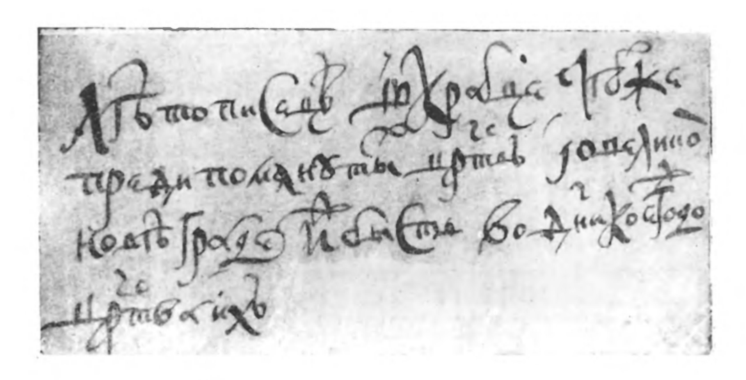


Почерк 4.

Л. 87 об. Временника.

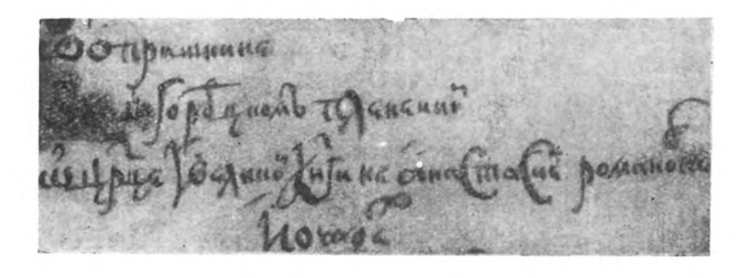
несколько лиц и, повидимому, в разное время. К последнему заключению приводит изучение бумаги, на которой написана рукопись, и тетрадей, из которых она составлена.

Рукопись „Временника“ состоит из 43 тетрадей; из них 2-я, 6-я, 26-я и 40-я — неполные (26-я — 4 л., прочие — по 6 л.), остальные — полные, по 8 листов каждая. В конце рукописи подшиты еще 4 л.; они



Предполагаемый почерк 6. Заглавие „Летописца вкратце“.
Л. 269 Временника.

не записаны, на предпоследнем помещена упомянутая выше запись о покупке книги, последний был наклеен на доску переплета, а потом оборван. Начиная с первого листа 9-й тетради, все тетради до конца



Почерк 6. Из оглавления.
Л. 9 Временника.

книги перенумерованы славянскими цифрами, но так как концы листов при переплете были срезаны, сохранились только части цифр, и их не везде легко разобрать. Тетрадь 30-я помечена неправильно — сохранилась часть буквы К, т. е. 20, отсюда и все последующие тетради пронумерованы неправильно, и общий счет их не верен: последняя, 43-я, помечена

42-й (см. л. 307). На первых восьми тетрадях цифры не сохранились. Буквы-цифры по характеру написания приближаются к почерку 6.

Основная часть рукописи написана на тонкой бумаге двух сортов: начало „Временника“ (лл. 2—7 3-й тетради) написано на тонкой бумаге (№ 2, см. табл.) с филигранью „кувшин с полумесяцем“, которая возобновляется со 2-го л. 7-й тетради и идет непрерывно (за исключением лл. 47, 58, 59, 60, 61) до 26-й тетради включительно, а потом с 38-й тетради по 41-ю включительно. Тетради 27 и следующие — до 37-й включительно, а также тетради 42 и 43, сделаны из другой бумаги — еще более тонкой (№ 1, см. табл.) с филигранью „Кувшин с сердечком и цветком“. Из нее же сделаны листы 59 и 60, а также 1-я тетрадь рукописи — лл. 1—8. Основная часть этой бумаги падает, таким образом, на конец рукописи (лл. 192—268 и 298—312), поэтому 1-я тетрадь, занятая так называемым „вступлением“ к „Временнику“ и сделанная из той же бумаги, оказывается явно не на месте. Уже при первом знакомстве с рукописью она производит впечатление пришитой в начале книги случайно: это совершенно самостоятельная тетрадь, помещенная перед входным листом рукописи, до оглавления (пустой лист между лл. 8 и 9). Текст начинается прямо с верха страницы, без заглавия (см. рис.). Бумага и почерк не соответствуют бумаге и почерку как следующего за этой тетрадью оглавления, так и первых страниц „Временника“ (лл. 12—17). Все это дает нам основание предположить, что эти страницы, считавшиеся до последнего времени вступлением к „Временнику“, на самом деле должны стоять ниже, в той части рукописи, которая по почерку и бумаге соответствует им, т. е. где-то между лл. 192 и 312. Это подтверждается еще и следующими палеографическими данными: эта первая тетрадь рукописи была подмочена, о чем свидетельствуют подтеки-пятна по корешку и по углам; подобные же пятна и на тех же местах мы обнаруживаем и в конце рукописи с л. 190 и до конца книги. В начале рукописи подобных пятен нет. Кроме того, как было указано выше, в текст рукописи, написанный почерком 1, вносились пропущенные слова и фразы, причем эти вставки сокращаются и постепенно исчезают к концу книги. В 1-й тетради, написанной тем же почерком, таких вставок совсем нет, следовательно, она стояла не в начале, а где-то ближе к концу „Временника“. На то же указывает и заглавная буква И, с которой начинается текст 1-й тетради. Она по своему рисунку однородна с буквой Я, которой начинается последняя часть рукописи, — так называемый „Летописец вкратце“. Заглавные буквы в начале рукописи сложнее и украшены рисунком.

Лица, переплетавшие рукопись, а за ними Платонов и другие исследователи сочли эту тетрадь вступлением к „Временнику“ потому, что она начинается рассказом об Адаме и Еве и их „прегрешении“, что

представляет собой традиционный литературный прием, излюбленный древнерусскими писателями и использовавшийся обычно в начале произведения. Но „Временник“ составлялся из отдельных очерков, самостоятельно существовавших частей. Поэтому это традиционное вступление могло относиться к одной из этих частей или даже к главе. В тетради мы находим четыре самостоятельных отрывка, из которых только первый может претендовать на то, чтобы быть началом чего-то, — остальные представляют собой рассуждения автора, каких очень много именно в последней части „Временника“.

Кроме тонкой бумаги с „кувшином“, мы находим в рукописи и другую — плотную (№ 3, см. табл.), с иной филигранью. Лл. 1 и 8 3-й тетради, тетради 4, 5, 6 и лл. 40, 47, 58 и 61 рукописи сделаны из плотной бумаги с филигранью „шут (la folie) с пятью бубенцами“. Это бумага более позднего происхождения, — по указаниям альбомов Тромонина и Лихачева, она относится к 60-м годам XVII в. Изучая рукопись, легко убедиться, что листы и тетради, сделанные из этой бумаги, вставлены в рукопись позднее, чтобы восполнить утерянные или попорченные от времени листы. На это указывает между прочим и то, что вся эта бумага, и только она, записана особым, нигде больше не повторяющимся почерком 2. Таким образом, переписчик с почерком 2 работал над рукописью лет 30—40 спустя, после того как был написан основной текст, — он восстанавливал утраченные страницы. В это же время рукопись была и переплетена: бумага, использованная при переплете (см. листы, пришитые в конце книги и наклеенные на доски переплета), близка по качеству и филиграни к той, которая записана почерком 2. Такой бумаги в рукописи мы нигде более не встречаем. Бумага, на которой написано оглавление (№ 4, см. табл.), тоже плотная, но иного качества и иной филиграни. В рукописи она составляет отдельную тетрадь (2-ю по счету).

Таким образом, между почерками и бумагой, которая ими записана, существует определенное соотношение. Это соотношение показано в таблице на стр. 426.

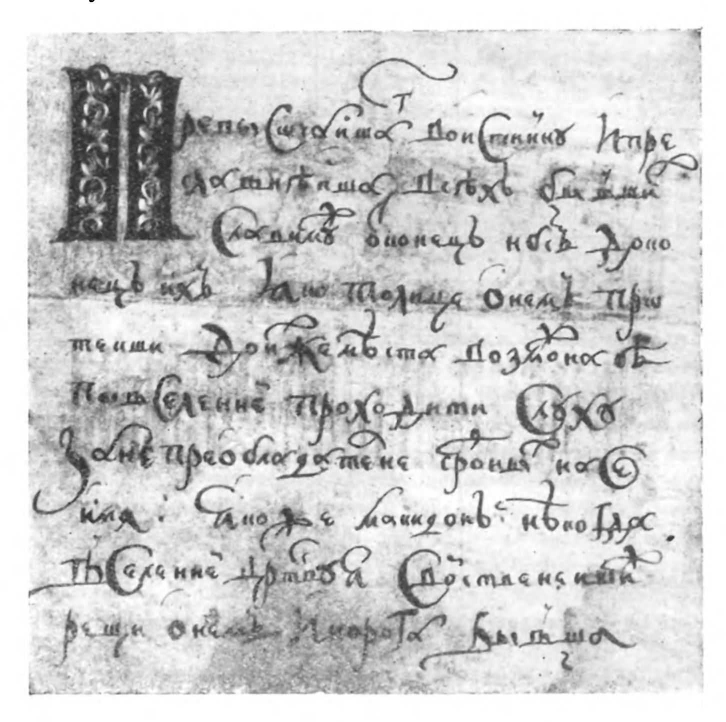
История написания рукописи представляется нам в следующем виде. В наших руках находится копия, снятая в 30-х годах XVII в. с попорченной рукописи, заключавшей в себе труд дьяка Тимофеева. Работу над рукописью начал переписчик с почерком 3, на бумаге с филигранью „кувшин с полумесяцем“ (см. начало „Временника“, л. 12). Он написал только несколько листов, возможно, сделал заглавие — вязь, заставку и заглавную букву П на обороте л. 12 (см. стр. 428) и передал рукопись другому (почерк 1), который и продолжал работу до конца, лишь иногда передавая ее иным лицам (почерки 4 и 5), которыми написаны всего несколько страниц текста.

Почерк (по Платонову)	Бумага	Филигрань	Примечание
Почерк 1: (Лл. 1—8, 59—60, 192—268, 6 пустых лл. после л. 268 и лл. 298—312).	№ 1, тонкая	Кувшин с сердечком и цветком	Тром., № 1321, 1636 г. Тром., № 219, 1637 г.
(Лл. 41—45, 48—57, 62—85, 88 об., лицевая сторона л. 89, лл. 90—189, 270—297)	№ 2, более плотная	Кувшин с полумесяцем	Тром., № 1145, 1538 г. Тром., № 1139, 1638 г.
Почерк 2: (Лл. 18—40, 47, 58, 61)	№ 3, плотная	Шут (la folie) с пятью бубенцами	Тром., № 811, 1658 г.
Почерк 3: (Лл. 12—17)	№ 2	Кувшин с полумесяцем	
Почерк 4: (Л. 78 об., 5 строк на обороте л. 84, л. 87, лицевая сторона лл. 88 и 89 об.)	№ 2	То же	
Почерк 5: (Лл. 190—191)	№ 2	То же	
Почерк 6: (Лл. 9—10—оглавление к „Временнику“).	№ 4, плотная	Не ясна	

Работа, видимо, выполнялась по частям на отдельных тетрадях, причем, если в конце тетради после законченной главы или части оставались пустые листы, они не записывались. Тетради каждой части памятника, помимо общей нумерации, имеют свой особый счет: об этом говорят цифры, проставленные в левом нижнем углу на обороте последнего листа каждой тетради.[1] Согласно этой нумерации памятник делится на 5 частей; из них часть [II], с л. 40 по 93 включительно (глава о царе Федоре Ивановиче), состоит из 6 тетрадей; часть [III], с л. 94 по 191 (рассказ о царствовании Бориса Годунова), — из 12 тетрадей, 2 последних листа пустые; часть [IV], с л. 192 по 234 (рассказ о царствовании Лжедимитрия I — Расстриги), — из 6 тетрадей, 5 последних листов пустые;

[1] См. оборот листов 63, 71, 109, 117, 125 и т. д.

часть [V], с л. 235 по 268 (пп. 1—7 по оглавлению, посвященные Василию Шуйскому) — из 4 тетрадей, 6 последних листов пустые; часть [V] включает еще и так называемый „Летописец вкратце“ (пп. 8, 9 и 10 оглавления), который является особой, заключительной частью „Временника“; она состоит из 6 тетрадей (с л. 269 по л. 312); 2 последних листа пустые.



Заглавная буква в почерке 3.

Л. 12 Временника.

Мы видим таким образом, что эти части обусловлены содержанием произведения. Каждая из них посвящена какому-то одному историческому лицу, причем самой большой оказывается часть, посвященная Борису Годунову, личность которого особенно интересует Ивана Тимофеева. Ему уделено в два раза больше места, чем Федору и Расстриге и в три раза больше, чем Шуйскому.

Счет и пометку тетрадей в каждой из частей вел переписчик с почерком 1, писавший бо́льшую часть рукописи. Цифры сохранились

не везде: так, их нет в части [V], поэтому можно допустить, что первоначально она состояла не из 4, а из 5 тетрадей и включала в себя ту, которая в рукописи стоит первой; нехватает цифр и на некоторых тетрадях „Летописца вкратце“. Часть [I] „Временника“ (лл. 1—40) совсем не имеет такого счета тетрадей, так как вся, кроме первых восьми листов, написана другими лицами (почерки 2 и 3). В ней рассказывается о царствовании Ивана Грозного.

Части [I], [II], [III] и [IV] сразу были подобраны вместе и составили одно целое произведение, часть [V] и „Летописец вкратце“ существовали самостоятельно: 1-й лист тетради 27 — начало первой главы, посвященной Шуйскому, — очень запачкан. Так же запачкан и оборот предыдущего пустого листа, последнего в тетради 26-й, причем пятна на той и другой страницах не совпадают. Это доказывает, что одна из этих страниц была началом, а другая — концом двух самостоятельных частей рукописи, хранившихся отдельно и, возможно, являвшихся первоначально не только двумя отдельными частями труда Тимофеева, но и двумя отдельными произведениями.

Заглавная буква в почерке 1.

Л. 59 Временника.

Мы помним, что прозведение Тимофеева писалось не сразу, а создавалось постепенно в виде небольших отрывков, отдельных очерков. Эти отрывки в рукописи легко обнаруживаются: они выделяются абзацем, киноварной или прописной буквой, тремя точками, иногда пропуском строки.[1] После главы или части переписчик (почерк 1) ставил простую или фигурную восьмерку с росчерком (их в рукописи более десяти),[2] в конце большого раздела делал концовку в виде треугольника, сужая текст к последнему слову и завершая его восьмеркой (см. лл. 8 об., 94 об., 268 об.).

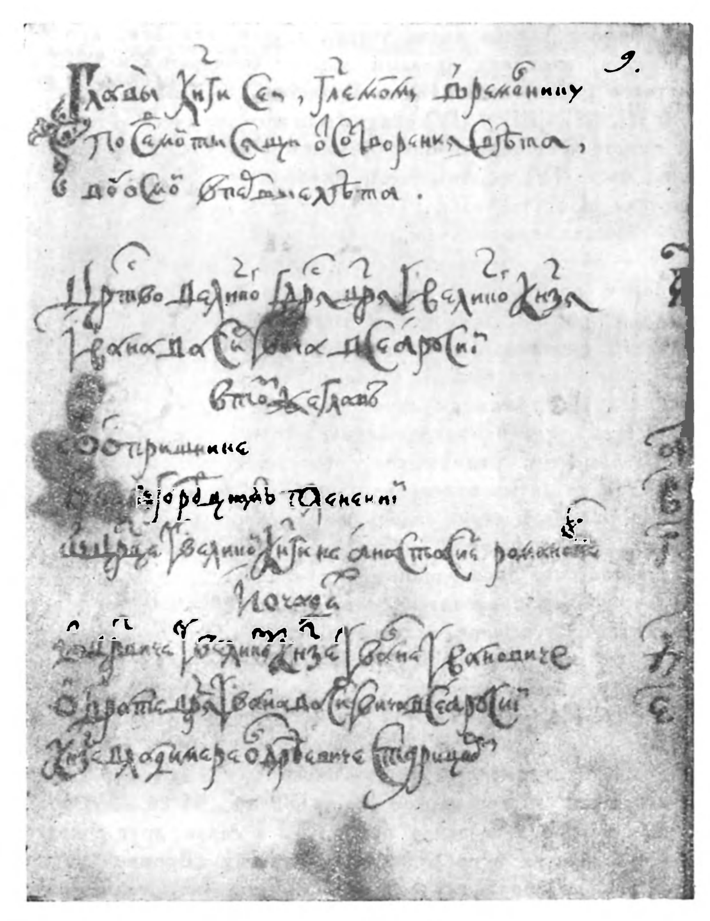
Отрывки и очерки не везде приведены в связь друг с другом. Это особенно чувствуется в последних двух частях „Временника“, где они так и остались, по образному выражению Тимофеева, „только скроенной, но не сшитой одеждой“. Это и повело к тому, что некоторые из них оторвались и попали как „введение“ в начало рукописи.

---

[1] Структура рукописи подробно разобрана в упоминавшейся выше работе И. И. Полосина.

[2] См. лл. 77, 155 об., 254 об., 265, 234 об., 312 (восьмерка с росчерком) и лл. 132 об., 135, 145, 151, 174 (простая восьмерка).

Заглавные буквы, выполненные киноварью, видимо, вписывались в рукопись позднее. Они не однородны: некоторые выписаны очень тщательно и украшены рисунком (см. лл. 40, 59, 77 об., 94, 235), другие



Начало оглавления почерком 6.
Л. 9 Временника.

гораздо проще по стилю и выполнены небрежнее (см. лл. 132 об., 188, 250). Вставка букв почему-то не была закончена, — некоторые из них так и остались не вписанными (см. лл. 138 и 140), некоторые написаны просто чернилами, причем явно в разное время (см. лл. 145 об., 146 об.,

Почерк 1. На строках 4, 5, 6 — вставки пропущенных слов почерком 6.

Лл. 55 об. и 56 Временника.

271, 273); местами по чернилам буквы подведены киноварью (см. лл. 192, 288). Все это производит впечатление позднейшей работы.

Нет сомнения, что после переписки рукопись попала в руки новому лицу, которое проредактировало ее, внесло в текст пропущенные слова и фразы, исправило некоторые слова, вписало почти все недостающие прописные буквы, сделало ряд приписок на полях. Основываясь на единстве почерка, мы предполагаем, что всю эту работу проделал переписчик с почерком 6. Помимо указанной редакторской работы, он написал оглавление, заглавия к некоторым главам[1] и сделал надпись на листе 269, открывающем последнюю часть „Временника“: „Летописец вкратце тех же предипомянутых царств и о великом Новеграде, иже бысть во дни коегождо царства их“.

Приписки на полях или исправляют текст, заменяя одно слово другим, или вносят некоторые пояснения к сказанному в тексте. Так, на листе 15 приписано на полях слово „кроме“ вместо „свене“, написанного в тексте; на л. 72 об. на полях слово „отвратися“, которым заменено стоящее в тексте „обратися“, и т. п. К припискам, поясняющим текст, относятся такие, как заметка на том же листе 15, внизу: „казанского царя Симеона“, объясняющая, кого поставил вместо себя царь Иван Грозный, когда разделил землю на „опричнину“ и „земщину“. Такова приписка на л. 76: „о обители богородицы Донския“, на л. 82: „о Богдане Бельском“; к этому же типу приписок относится и та, в которой уточняется имя автора „Временника“ (л. 277 об., внизу).[2]

С. Ф. Платонов предполагает, что редактором, исправлявшим рукопись, мог быть сам автор „Временника“ — дьяк Иван Тимофеев. К этой же гипотезе склоняется и И. И. Полосин в своей работе о „Временнике“.[3] Такая гипотеза на первый взгляд представляется, действительно, наиболее вероятной. Кому же, как не автору, было легче всего восстановить пропущенные при переписке места, испорченные в рукописи-протографе? Он же мог дать и необходимые пояснения к тексту на полях рукописи. . .

К сожалению, эту очень заманчивую гипотезу приходится оставить. Прежде всего, трудно себе представить, чтобы автор, исправляя текст, оставил без поправки явно испорченные, бессмысленные места, — а такие места есть в рукописи. Затем, трудно предположить, чтобы

[1] См. л. 288 — „О вдовстве Московского государства“, л. 288 об. — „Притча 1“. Заглавием является и приписка на л. 198 — „Притча о цареве сыне, иже пострижеся и пакиростригся и женитися восхоте“.

[2] „Новгородский митрополит Исидор понужает бывающая предложити писанию дьяка Ивана Тимофеева“.

[3] См. указанную выше работу, стр. 151.

Тимофеев, последовательно скрывающий в продолжение всей работы свое имя, вдруг почему-то решил открыть его в приписке, да еще говоря о себе в третьем лице. Аргументация, которую приводит в своей статье И. И. Полосин в пользу того, что рукопись правил сам автор, говорит скорее против этой гипотезы: пропуск ошибок, стремление разъяснить и расшифровать текст, уточнить терминологию — все это как раз в большей степени свойственно позднейшему редактору; слово „вселукавне", на которое указывает исследователь как на типично тимофеевское, мог внести и редактор, найдя его в рукописи, по которой он правил текст.

Помимо этих соображений, палеографическое изучение рукописи не дает нам права утверждать, что она была написана при жизни автора: Тимофеев умер в конце 20-х годов, а филиграни бумаги, на которой написана большая часть рукописи, ведут нас к 30-м годам XVII в. Если даже допустить, что список был сделан еще при жизни автора, т. е. в конце 20-х годов, то редактирование — внесение пропущенных слов и фраз, пояснения и приписки — сделано явно позднее. Это подтверждает бумага, которую использовал редактор для оглавления (а оно, как было указано выше, написано тем же лицом с почерком 6): она иная по качеству, чем та, на которой писалась вся рукопись, — более плотная и, судя по следам филиграни, более позднего происхождения.

Но есть еще более веские доказательства, что редактировал рукопись не автор.

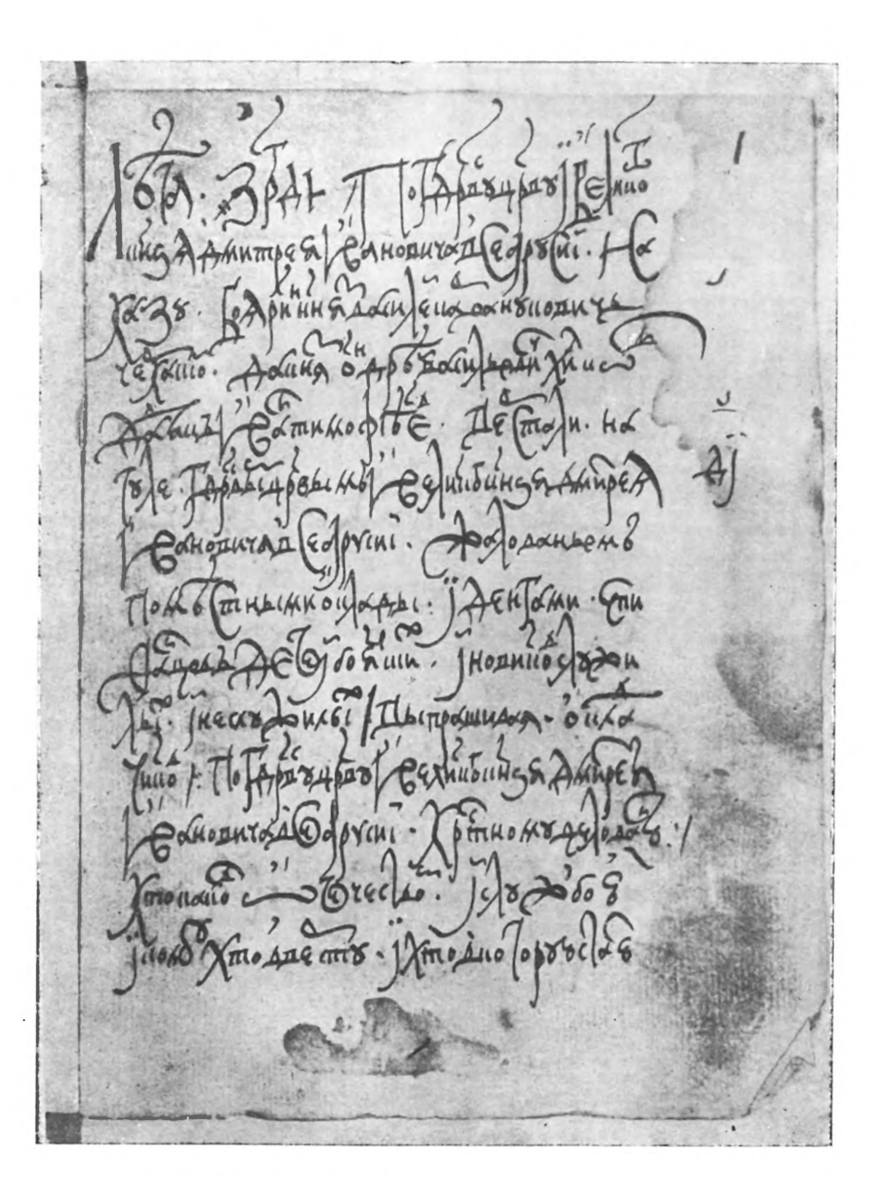
В Государственном Архиве древних актов в Москве хранится так называемая „Книга десятен" Епифани, составленная в 1605 г.[1] В начале этой книги мы читаем:

„Лета 7114 по государеву цареву и великого князя Дмитрея Ивановича всеа Русии наказу боярин князь Василей Кардануковичь Черкаской, да князь Ондрей Васильевич Хилков, да дьяк Иван Тимофеев (разрядка моя, — *О. Д.*) верстали на Туле государевым царевым и великого князя Дмитрея Ивановича всея Русии жалованьем поместными оклады и деньгами Епифанцов детей боярских и новиков служилых и неслужилых" (см. стр. 435).

Вся книга написана одним почерком, повидимому, подьячим Семенкой Федоровым, подпись которого находится на обороте последнего, 90-го, листа книги. Книга заключает в себе вступление, начало которого приведено выше, перечень окладчиков, перечисление их обязанностей и обязательств (лл. 1—3), а с листа 4-го и до конца — список служилых людей „десятен" Епифани. Бумага, на которой написана книга, очень

---

[1] Разрядный приказ, ф. № 210, дела десятен. Епифань, книга № 223, 7114 (1605) года.

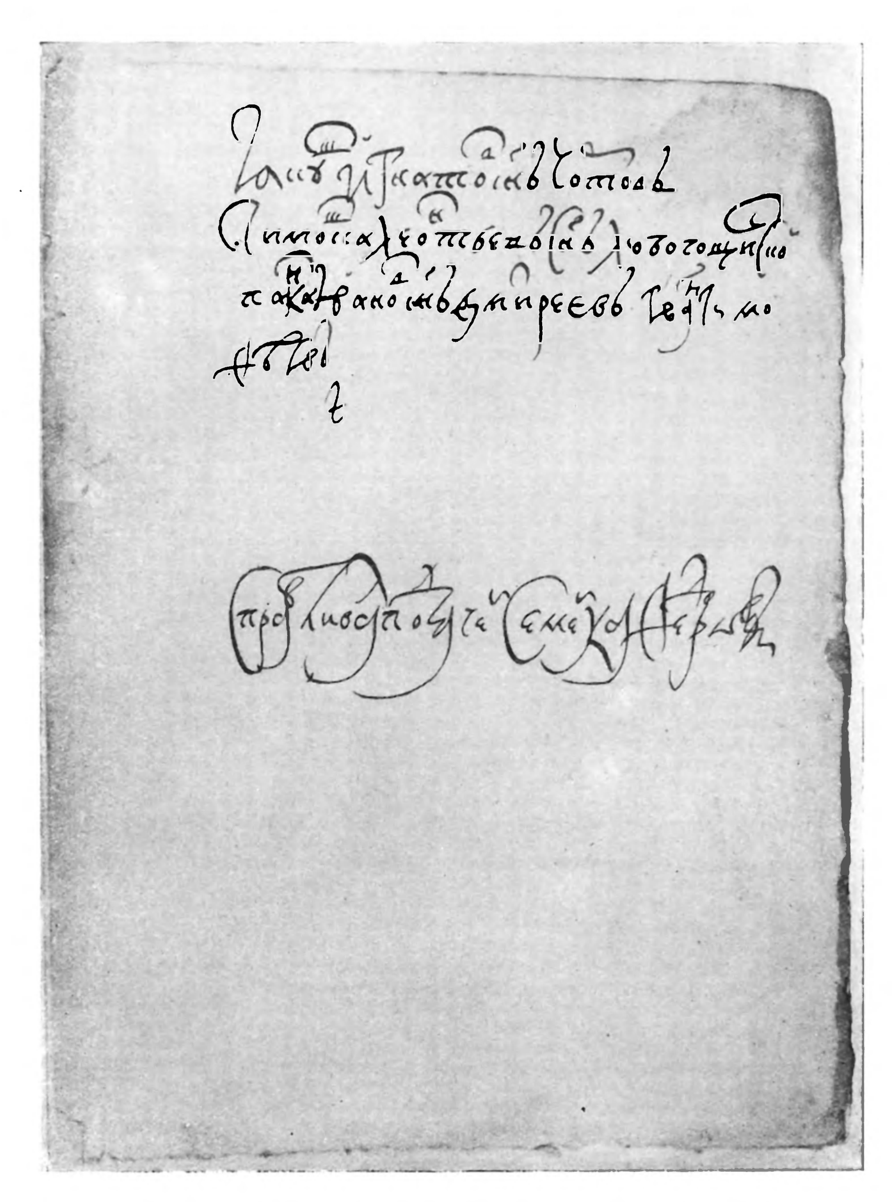


Начало текста с упоминанием дьяка Ивана Тимофеева.

Л. 5 Книги десятен Епифаги.

На полях начинается расписка дьяка И. Тимофеева (конец на об. листа).

Л. 90 Книги десятен Епифани.

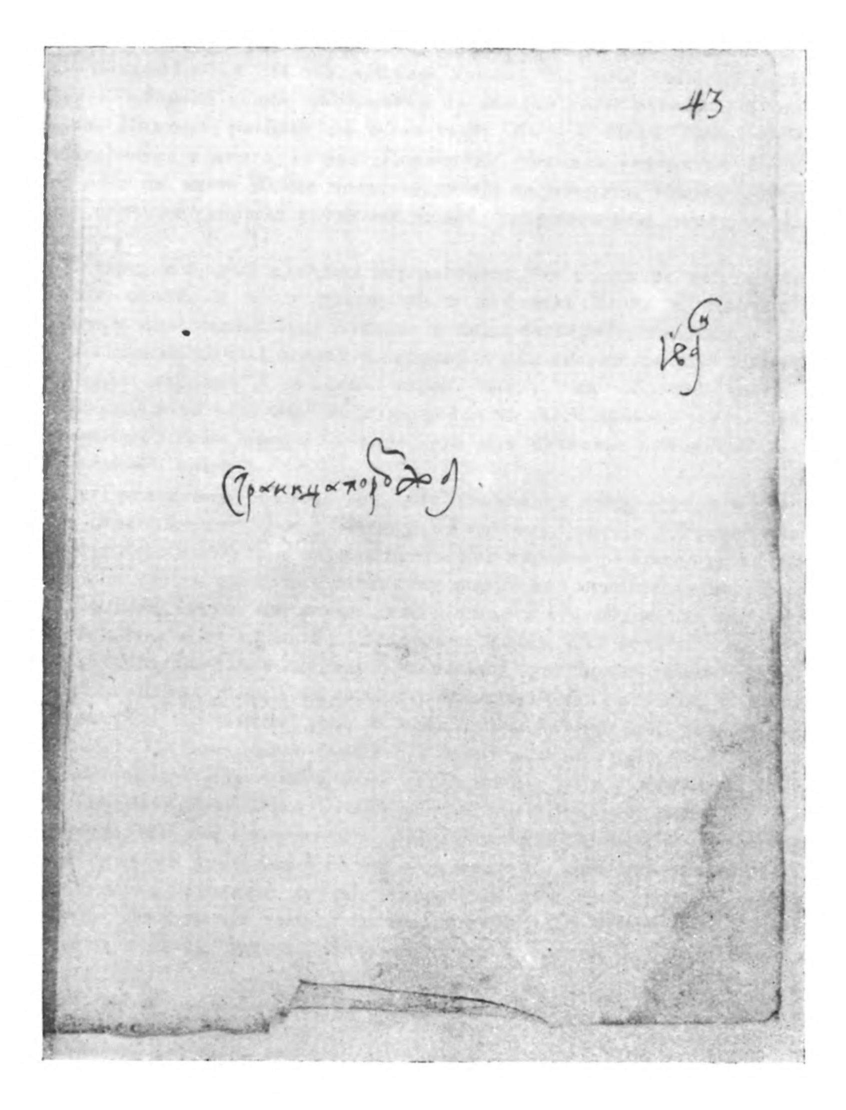


Окончание расписки дьяка И. Тимофеева (начало на л. 90).

Л. 90 об. Книги десятен Епифани.

Начало подписи И. Тимофеева — „ди“; его же надпись внизу страницы — „место порозжо“.

Л. 83 Книги десятен Епифани.



Расписка на полях И. Тимофеева и его же надпись — „страница порозжа“.

Л. 43 Книги десятен Епифани.

ранняя, — конца XVI—начала XVII в.,[1] из чего можно заключить, что это — подлинник, а не позднейшая копия. На это указывает также подпись — скрепа дьяка, имеющаяся на каждом листе рукописи на полях справа. Подпись разбита на части так: „Ди—ак Иван Тимо—фе—ев“ и повторяется в книге 14 раз. Последняя подпись находится на л. 90 и 90 об.: на листе 90, на поле, — „диак“; на обороте, непосредственно после перечня умерших служилых людей, закрывая всю книгу, — „Иван Тимофеев“.

Почерк, которым сделаны эти расписки, не похож на тот, которым написан основной текст книги, но в ней есть слова и строчки, по характеру начертания букв близкие к подписи-скрепе, описанной выше. Это пометки на пустых местах — страницах или листах: „место порозжо“, „страница порозжа“,[2] и семь строк внизу, на обороте листа 80. Содержание этой заметки,[3] выделяющейся из всего прочего текста книги, подтверждает наше предположение, что она является припиской дьяка, скреплявшего книгу.

Нет основания сомневаться, что указанная выше скрепа на полях книги принадлежит дьяку Ивану Тимофееву, автору „Временника“. Известно, что в 1605 г., в период правления первого самозванца, он находился в Москве и выполнял различные поручения правительства.[4] О том, что в данном случае мы имеем дело именно с его подписью, упоминает и Н. Лихачев в своей книге „Разрядные дьяки XVI века“.[5]

Сличение подписи-скрепы с почерком указанных выше записей и заметок убеждает нас в их тождественности. А если это так, то во всех этих случаях мы имеем дело с подлинным автографом дьяка Ивана Тимофеева. Но начертание букв этого автографа не имеет ничего общего ни с почерком 6 изучаемого нами „Временника“, ни с одним из других пяти почерков, которыми написан памятник. Все это дает нам право заключить, что ни в переписывании „Временника“, ни в его редактировании автор не принимал участия и вставки в текст, заметки на полях и оглавление сделаны другим лицом. Работа эта была проделана, вероятно, уже после смерти автора, причем надо думать, что у редактора был в руках другой, более исправный список труда Тимофеева,

---

[1] Филигрань „кувшин с двумя ручками и украшениями на крышке“ — см. в альбоме Лихачева, № 4243, датир. 1606 г.

[2] См. лл. 43, 61 об., 63, 66 и др.

[3] „А за роздачею осталося у тулян с веневцы, у половлян и соловлян, у новосильцов, у одоевцов, у чернян, у епифанцев всего сто семнадцать рублев и шесть алтын и две деньги, и те деньги отданы в розряд думному дьяку Василию Осифовичю Янову, да дьяком Истоме Корташову да Томиле Луговскому“.

[4] См.: С. Ф. Платонов. Сказания и повести о Смутном времени, как исторический источник, стр. 163—164.

[5] Н. Лихачев. Разрядные дьяки XVI века. СПб., 1888, стр. 198, Прим.

по которому им и были восстановлены пропущенные слова и фразы. Этот список, к сожалению, до нас не дошел.

Так как рукопись сразу после написания не была переплетена и ее части и отдельные тетради сохранялись в разрозненном виде, некоторые листы и тетради со временем были утеряны, и когда о „Временнике" вспомнили, рукопись пришлось вновь восполнять и редактировать. Переписчик с почерком 2 восстановил и вставил в надлежащие места текста недостающие листы и тетради, и рукопись была переплетена. Выше было указано, что эта работа была проведена в 50—60-е годы XVII в., т. е. лет через 30—40 после написания рукописи. Это подтверждается следующей исторической справкой: известно, что в царствование царя Алексея Михайловича интересовались историческими трудами Ивана Тимофеева, так как их предполагалось использовать при работе над продолжением „Степенной книги". Дьяк „Записного приказа" Тимофей Кудрявцев, которому было поручено царем составить продолжение „Степенной книги", пишет:

„Гость Матвей Васильев сказывал мне про дьяка Ивана Тимофеева: был де он книгочтец и временных книг писец, а жаловал де его за то боярин князь Иван Михайлович Воротынский, а потому ивановых книг или списка с тех книг у стольника у князя Ивана Алексеевича Воротынского (внука Ивана Михайловича, — *О. Д.*) чаят. Да купчина Герасим Дьяков про летописные книги того же дьяка Ивана Тимофеева сказывал мне: чаят де ивановы летописные книги остались после боярина князя Алексея Михайловича Львова в дому его".[1]

Таким образом, труд Тимофеева специально разыскивали с тем, чтобы использовать его в исторических сочинениях, задуманных правительством. Естественно предположить, что именно в это время рукопись была найдена и приведена в порядок. Сообщение дьяка Кудрявцева указывает, между прочим, и на другой факт, а именно на то, что труд Тимофеева переписывался и было несколько его списков, причем они хранились у разных лиц (князья Воротынские, князья Львовы). Это объясняет нам, каким образом мог быть восстановлен писцом с почерком 2 текст утерянных листов и тетрадей; одним из таких списков, более исправным, пользовался и первый редактор рукописи, внося вставки в текст и делая приписки на полях.

Анализ рукописи помогает нам при работе над содержанием произведения Тимофеева. Изучая ее, мы ясно видим отрывки, из которых составлялся „Временник", и можем более или менее точно определить их взаимосвязь и последовательность. Мы видим также, что по рукописи

[1] С. А. Белокуров. Из духовной жизни московского общества XVII века. М., 1903, „О записном приказе", стр. 62—63.

Семь строк внизу страницы — предполагаемый автограф дьяка Ивана Тимофеева.

Л. 80 об. Книги десятен Епифани.

дважды прошлась рука редактора, поэтому многое в ней является результатом не авторской, а редакторской работы. Таковы заглавия отдельных частей, которые носят случайный характер и не всегда соответствуют содержанию следующих за ними страниц; такова нумерация глав, принадлежащая первому редактору рукописи, местами нарушающая первоначальное соотношение частей „Временника" и, видимо, не вполне соответствующая замыслу автора. Все эти наблюдения значительно уясняют для нас содержание памятника.

В тексте рукописи немало ошибок и описок.[1] Орфография не выдержана, употребление „Ѣ" случайно, „Ь" в большинстве случаев не ставится, — смягченный звук изображается буквой, написанной над строкой; еще чаще вместо него ставится над строкой же „паерок". Смягчение согласных обычно не соответствует современному правописанию и произношению („неповиньное", „перьстом", „коньца" и т. п.). При печатании текста ошибки, описки и явно искажающие смысл слова исправлялись: „Ѣ" везде заменен Е, „І" — И; надстрочные буквы внесены в строку и там, где в современном правописании требуется „Ь", — смягчены. То же сделано и в том случае, когда над буквой стоит соответствующий „Ь" современного правописания „паерок". В некоторых случаях выносная согласная буква дается в сопровождении соответствующей гласной („предиреченный", „отечество"), так как эти слова в таком написании встречаются в рукописи. Некоторые слова и предложения прочтены по сравнению с изданием С. Ф. Платонова по-новому, например, на л. 4 об., строка 9-я сверху, у Платонова — „бравную", следует читать — „брадную"; л. 275, 6-я строка сверху, у Платонова — „благонареченный", на самом деле — „богонареченный"; л. 283 об., строка 2-я сверху, у Платонова — „и роду убийственно", следует читать — „иродуубийствено".

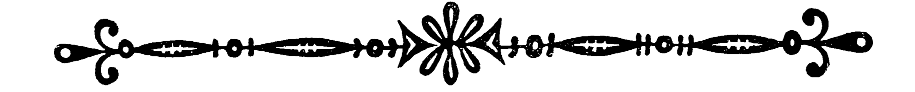
Глава, считавшаяся „введением", отнесена нами ниже, в часть [V] „Временника", где говорится о времени царя Василия Шуйского и где она более у места: своим рассказом о том, как, подобно древнему Адаму, русские цари, а потом и все русские люди, потеряли „благочестие" и начали „превращать древние обычаи", она дополняет повествование о царе-неудачнике и в то же время подводит итог всему сказанному выше, в первых четырех главах „Временника".

Надстрочные цифры в тексте и переводе памятника — ссылки на комментарий географический и исторический. Буквы алфавита в тексте являются ссылками на соответствующие примечания.

Сложность и запутанность синтаксических отношений в речи Тимофеева, обилие в ней намеков и сознательно зашифрованных выра-

[1] Эти ошибки подсчитаны и проанализированы в указанной выше работе И. И. Полосина.

жений делают необходимыми при переводе на современный язык значительные отступления от самой конструкции авторской речи. Во многих случаях не поддаются точному переводу и изобретенные Тимофеевым сложные слова. Главная задача перевода — помочь читателю следить за ходом рассуждений автора, сохранить смену тональностей в его изложении и своеобразие его периодической речи, насколько оно не противоречит нормам современного русского литературного языка.



ИСТОРИЧЕСКИЙ И ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ

[1] Новому Израилю, велицей Росии. Израиль, по Библии, — „избранный" народ. После Флорентийской унии 1439 г. и завоевания Константинополя турками в 1453 г. московские книжники начали называть избранным народом русский народ как единственного хранителя православия; отсюда Русь и стала называться „новым Израилем" (см. ПСРЛ, т. VI, стр. 228—229).

[2] Великого князя Ивана Васильевича всеа Русии самодержца. Иван Васильевич IV Грозный, сын великого князя Василия III, родился в 1530 г., в 1533 г., после смерти отца, объявлен великим князем; в 1547 г. венчался на царство и принял титул царя. Умер в 1584 г.

[3] Яко же Макидон. Под этим названием Иван Тимофеев разумеет Александра, сына Македонского царя Филиппа, жившего в 355—323 гг. до н. э. Среди народов Востока и Запада вокруг имени Александра Македонского сложилось множество легенд и сказаний. Наиболее известным литературным произведением о нем является повесть „Александрия", содержащая полное фантастики жизнеописание знаменитого полководца. „Александрия" была переведена на русский язык в XI—XII вв. и сделалась одной из наиболее популярных книг.

[4] Инорога бывша во бранех. Инорог, единорог — носорог, которого в средние века представляли животным с фантастическими свойствами. В азбуковниках XVI — XVII вв. единорог изображается так: „Зверь, подобен есть коню, страшен и непобедим, промеж ушию имать рог велик, тело его медяно, в розе имать всю силу. И внегда гоним, возбегнет на высоту и ввержет себя до́лу, без пакости пребывает. Подружия себе не имать, живет 532 лета. И егда скидает свой рог вскрай моря, и от него возрастает червь; а от того бывает зверь единорог. А старый зверь без рога бывает не силен, сиротеет и умирает". (Сахаров. Сказания русского народа, т. 2, кн. 1, стр. 156). В „Христианской

топографии“ Козьмы Индикоплова есть рисунок, изображающий единорога. У Тимофеева „единорог“, или „инорог“, является образом храброго и непобедимого человека. Здесь „инорогом“ Тимофеев называет деда Ивана Грозного — великого князя Ивана III.

[5] Князя Ивана — великого князя Ивана Васильевича III, сына Василия Темного; он княжил с 1462 по 1505 г., являлся энергичным объединителем русских земель вокруг Москвы; при нем было свергнуто татарское иго. К концу своего княжения Иван III „становится совершенно независимым государем, женою его делается дочь последнего императора Византии; Казань лежит у его ног, и остатки Золотой Орды стремятся к его двору. Новгород и другие народоправства приведены к повиновению. Литва ущерблена, ливонские рыцари потеснены... Изумленная Европа, которая в начале царствования Ивана III едва подозревала о существовании Москвы, зажатой между литовцами и татарами, была огорошена внезапным появлением колоссальной империи на ее восточных границах“ (К. Маркс. Секретная дипломатия XVIII века, цит. по: История СССР, т. I, 2-е изд., 1948, стр. 259—290).

[6] Государя Василия Ивановича, великого князя и царя. Василий Иванович, сын Ивана III, правил Московским государством с 1505 по 1533 г., продолжая дело своего отца — объединение русских земель вокруг Москвы.

[7] От самого Августа Цесаря Римского. Август, называвшийся ранее Октавианом, был племянником Юлия Цезаря и с 30 г. до н. э. сделался единственным и неограниченным правителем Римской державы; в 27 г. принял от Римского сената почетное прозвище „Август“ (священный, величественный). Иван Тимофеев использует сложившееся на Руси, вероятно в XV в., „Сказание о князьях Владимирских“, которое считает Рюрика, легендарного предка русских князей, потомком Августа.

[8] О опричнине. Опричнина (опричь — особо, кроме) — одна из важнейших реформ Ивана Грозного — была введена им в 1564 г. и направлена против родовитой боярской знати. Царь выделил в опричнину бо̀льшую часть земель государства, главным образом те города и уезды, где находились вотчины родовитого боярства. Остальная часть земель стала называться земщиной. Отобрав крупные земельные владения у бояр — потомков прежних удельных князей, Грозный передал их служилому дворянству; благодаря этому перераспределению крупные земельные вотчины превратились в мелкие поместья, боярство лишилось экономической базы и потеряло свою силу. Опричнина сделала невозможной реставрацию в стране феодальной раздробленности. Она была направлена не столько против лиц, сколько против феодальных привилегий

и являлась делом большой государственной важности; закрепляя основы государственного строя русского национального государства, опричнина была в свое время прогрессивным историческим явлением. Сопровождавшаяся террором и истреблением целых боярских фамилий, она вызвала глубокое недовольство боярства, но была поддержана дворянством, городским населением и духовенством. Термин „опричнина" исчезает из источников в 1572 г. и заменяется термином „двор" (П. А. Садиков. Очерки по истории опричнины. М.—Л., 1950).

[9] От Измаилт инаго некоего верна царя на время поставль. Измаильтянами называются потомки Измаила, сына библейского патриарха Авраама и рабыни его Агари — египтянки. Агарь и ее сын Измаил, по ветхозаветной легенде, были отосланы по настоянию жены Авраама Сарры в Аравийскую пустыню, где Измаил якобы и стал родоначальником арабских племен. Отсюда и название „измаильтяне", или „агаряне", — по имени матери Измаила — Агари. Русские книжники называли измаильтянами восточные народы, в частности — татар.

[10] Некоего верна царя. На полях рукописи ошибочно указано, что здесь говорится о Казанском царе Симеоне. Речь идет о бывшем хане касимовском, Симеоне Бекбулатовиче, сыне крымского царевича Бекбулата, который выехал в Русское государство с семьей в 1561 г. Сын Бекбулата при крещении получил имя Симеон, был женат на дочери кн. И. Ф. Мстиславского. В августе 1575 г. Иван Грозный присвоил Симеону титул „великого князя всея Руси", а в августе 1576 г. Симеон был сведен на великое княжение в Тверь и Торжок; при Борисе Годунове был лишен удела и своего двора, потерял зрение и жил в скудости. При самозванце он был пострижен в монахи и кончил свою жизнь в Соловецком монастыре (ср.: Я. С. Лурье. Вопросы внешней и внутренней политики в посланиях Ивана IV. Послания Ивана Грозного. Литерат. памятники, М.—Л., 1951, стр. 482—484).

[11] Уста аспида. Аспид — ядовитая змея.

[12] О новгородском пленении. Новгород — один из древнейших городов Руси, расположен при истоке реки Волхова из озера Ильмень; управлялся князьями, власть которых ограничена была „вечем", т. е. народным собранием, руководимым крупнейшими боярскими фамилиями. Благодаря своему выгодному географическому положению Новгород вел оживленную торговлю с заграницей, был городом богатым и владел обширной областью. Объединяя вокруг Москвы русские земли, московские князья вели упорную борьбу с Новгородом, не желавшим терять свою самостоятельность. Окончательно присоединен был Новгород к великому Московскому княжеству при Иване III, в 1478 г. Иван Тимофеев рассказывает о карательной экспедиции Ивана Грозного в Новгород в 1570 г., когда во время Ливонской войны правящая

верхушка в Новгороде задумала отделиться от Москвы и передать город Литве. Узнав о готовящейся измене, Грозный сурово покарал новгородцев. Тимофеев не выясняет причин гнева царя и изображает это событие как акт личной жестокости Грозного.

13 На люди моя ярость гнева своего излия. Рассказывая о Новгороде, И. Тимофеев всегда говорит о нем в первом лице, как бы отождествляя Новгород и себя, думается, потому, что вместе с городом он пережил оккупацию его шведами; здесь пришла ему и мысль описать переживаемые события, здесь же побуждал его к этой работе митрополит Исидор, наконец — здесь была выполнена основная часть работы, — написаны важнейшие главы „Временника". Можно предполагать, что Тимофеев был и родом из Новгорода.

14 Лето... тогда течаше к седьми тысящам 78-е. И. Тимофеев ведет летосчисление от „сотворения мира", как принято было в древней Руси. По этому летосчислению, от „сотворения мира" до „рождества Христова" протекло 5508 лет. Здесь Тимофеев обозначает 7078 г.; вычитая из этого числа 5508 лет, получим 1570 год, в котором действительно и был поход Ивана Грозного на Новгород.

15 Тождество числа самого всего псалма сила и соседствующаго ему 79-го. И. Тимофеев ссылается здесь на 78-й и 79-й псалмы. Псалом 78-й написан после взятия главного еврейского города Иерусалима вавилонским царем Навуходоносором и описывает опустошение земли Иудейской: „боже, язычники пришли в наследие твое, осквернили святый храм твой, Иерусалим превратили в развалины; трупы рабов твоих отдали на снедение птицам небесным, тела святых твоих — зверям земным, пролили кровь их, как воду, вокруг Иерусалима, и некому было похоронить их" и т. д. (стлб. 1—3). В псалме 79-м описывается подобное же разрушение Иерусалима ассириянами и содержится молитва составителя псалма к богу, чтобы он восстановил разрушенный город и спас народ от окончательной гибели.

16 79 круга обществие. — Весной 1571 г. крымский хан Девлет-Гирей дошел до Москвы, сжег ее всю, кроме Кремля, и ушел с громадным полоном. Говоря об этом событии, Иван Тимофеев определяет его время по старому летоисчислению. См. прим. 14.

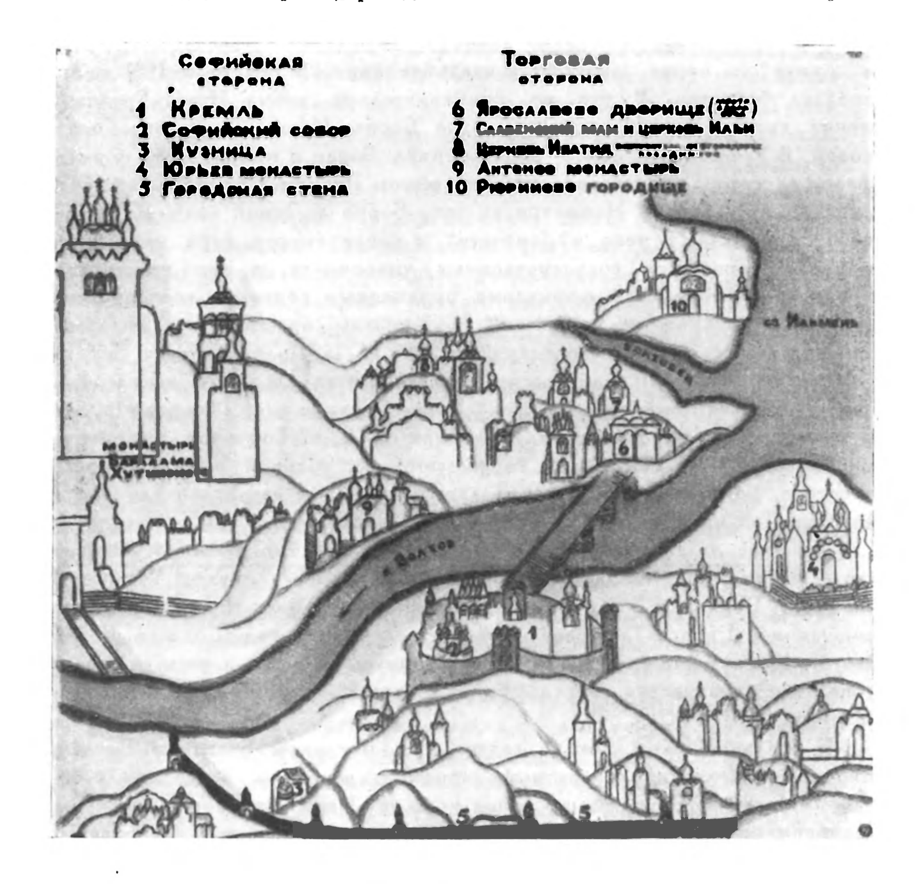
17 Гнездо всего царствия, т. е. город Москву.

18 Измаиле семя, Агары же порожение — см. прим. 9.

19 На земный Сион Титова древле нашествия. Сион — гора на южной стороне Иерусалима, в переносном смысле Сионом назывался и самый город Иерусалим. Тит — старший сын римского императора Веспасиана, в 70 г. осадил Иерусалим и после шестимесячной осады взял его. Осада причинила страшные бедствия жителям Иерусалима, множество

их погибло от голода, оставшиеся были проданы в рабство, храм сожжен и самый город разрушен до основания.

[20] Поражение смертно людий множеству рукою ангела. По библейской легенде, за грех царя Давида бог послал на еврейский народ



План Новгорода.
С иконы XVII в.

трехдневную моровую язву. С этим событием Тимофеев сравнивает нашествие на Москву татарского хана Девлет-Гирея и сопоставляет Ивана Грозного и Давида, будто бы одинаково — с покорностью и смирением — перенесших народное бедствие.

[21] Борис, иже последи в Росии царь бысть. В 70-х годах XVI в. род Годуновых вошел в Думу в лице Димитрия Ивановича, Ивана Васильевича и Бориса Федоровича Годуновых. Личная карьера Бориса началась рано: лет 20, около 1570 г., он женился на дочери любимца Грозного Григория Лукьяновича (Малюты) Бельского-Скуратова и при Иване Грозном занимал должности „кравчего, рынды и дружки" на пирах, выходах и свадьбах царя. В 1580 или 1581 г. он получил боярство. В это же приблизительно время Иван Грозный женил своего сына Федора на сестре Бориса Ирине Федоровне Годуновой. В качестве царского родственника Борис в ноябре 1581 г. вмешался в ссору Грозного со старшим сыном Иваном и получил от царя „многое истязание". Несмотря на это, Борис до самой кончины Грозного „пребывал у него в близости" и после смерти царя находился в числе первейших государственных чиновников, а при преемнике Грозного Федоре стал формально признанным регентом государства, „царского величества шурином" и „добрым правителем", который „правил землю великого государя" (с 1588 по 1597); наконец, в 1598 г. был избран Земским собором на царство и стал „великим государем, царем и великим князем всея Руси". Борис Годунов умер 13 апреля 1605 г. В летописях и исторических сказаниях XVII в. Годунову отводится много места, причем писатели рисуют его убийцей и узурпатором престола, но отмечают и положительные его черты как правителя государства. Так изображает Годунова и Тимофеев.

[22] Борис... сложившийся купно с двема в тайномыслии о убиении его — Ивана IV. Используя ходившие в народе слухи, Тимофеев обвиняет Бориса в смерти Ивана Грозного. Из двух предполагаемых сообщников Бориса Тимофеев называет только одного — Богдана Бельского. Кого называли вторым соучастником Бориса в этом мнимом убийстве — неизвестно. Иван Грозный умер естественной смертью 18 марта 1584 г.

[23] Возлюблеником неким, глаголемым Богданом Бельским. Богдан Яковлевич Бельский, незнатный дворянин, вероятно, благодаря родству с Малютой Скуратовым, попал ко двору Ивана Грозного, приобрел расположение царя и стал ближайшим к нему лицом, „неотходным хранителем его". После смерти Грозного Бельский, интриговавший против сына Грозного, Федора, был удален из Москвы в Нижний Новгород и жил там в качестве воеводы; но в 90-х годах он опять появляется в Москве, участвует в военных походах и при воцарении Бориса Годунова выступает против него, за что Годунов высылает его из Москвы, поручая ему строить на реке Донце город Борисов (1599—1600). Своим вызывающим поведением здесь Бельский возбуждает гнев Бориса, последний лишает его звания окольничего, подвергает

наказанию и отбирает у Бельского все имущество. После смерти Годунова Бельский возвратился в Москву. Здесь он сначала выступает против самозванца, но когда Лжедимитрий вступает в Москву, Бельский с клятвой уверяет народ, что он (самозванец) — истинный царевич Димитрий. Может быть за это Лжедимитрий наградил Бельского боярством, но царь Василий Шуйский снова удалил Бельского из Москвы, назначив его воеводой в Казань. Здесь в 1611 г. Бельский был убит жителями Казани за то, что отказался присягнуть „Тушинскому вору“ (С. Ф. Платонов. Очерки по истории смуты. 3-е изд., 1910).

[24] Многи некия от сигклит. Сигклит (σνγκλήτος) — слово греческое, им обозначался высший государственный совет при византийских императорах. Тимофеев под сигклитом разумеет „боярскую думу“ и заседающих в ней бояр называет „синклитиками“. Кто были эти бояре, которые после смерти Грозного „начали творить свою волю“ и пренебрегли сыном Грозного, Федором, Тимофеев не указывает, но так как далее он говорит, что все они погибли от Бориса Годунова, то, может быть, он разумеет тех бояр, которые вскоре после воцарения Федора высланы были из Москвы как „возмутители народа“, и тех, которых Борис сослал и заточил, продолжая начатую Грозным борьбу с боярством.

[25] О сыне цареве Феодоре небрегше. Федор Иванович, младший сын Ивана Грозного и первой жены его Анастасии Романовны, родился 11 мая 1557 г. Он был женат на сестре Бориса Годунова Ирине, имел от нее дочь Феодосию, которая умерла через год после рождения. Перед смертью (1584 г.) Иван Грозный объявил Федора наследником престола, назначив ему в помощь знатнейших бояр, среди которых самым близким к царю и влиятельным стал шурин царя Борис Годунов. Федор Иванович считал себя неспособным к правлению и уклонялся от государственных дел, проводя время в поездках по монастырям и посещении богослужений. Федор умер в начале 1598 г.

[26] Силентиары. Для наименования членов боярской думы Тимофеев употребляет латинское слово „силентиары“, т. е. вельможи.

[27] Освятованных — освященных, посвященных на служение богу. Здесь разумеются высшие чины церковной иерархии — митрополиты и епископы, получающие особое посвящение. Тимофеев думает, что если бы Иван Грозный при своей власти захотел что-либо изменить в христианских догматах, то и среди высших представителей духовенства едва ли нашлись бы такие мужественные люди, которые, не боясь его гнева, осмелились бы сопротивляться ему.

[28] Добре он грамотечное о истине по философех научение сведый. Характеризуя Ивана Грозного как писателя, С. В. Бахрушин говорит,

что „никто, даже враги не могли отказать Ивану IV в остром и проницательном уме; «смышлением быстроумный», он развил свои природные способности чтением, был «в науке книжного поучения доволен» и «в словесной премудрости ритор». Воспитанный в иосифлянских традициях, он с большой страстностью развивал идею преемственности самодержавной власти, делая из этой предпосылки соответствующие политические выводы, которые проводил на практике“ (С. Бахрушин. Иван Грозный. М., 1942, стр. 65, 68). Иван Тимофеев говорит, что Грозный хорошо знал и учение философов об истине. Но так как ранее он хвалит его за „непоколебимое веры столповидное стояние“, то под философами здесь следует разуметь не древних греческих философов, а „отцов церкви“, объяснявших догматы христианской религии. Сохранившиеся письма и послания Грозного указывают, что он был хорошо начитан в исторической и церковной литературе.

[29] Иже о Нои, праотце нашем, от благоискусных детей его срамоте того прикровение бысть. Тимофеев вспоминает здесь находящийся в библии легендарный рассказ о патриархе Ное, при котором будто бы был всемирный потоп. Ной, спасшийся от потопа со своим семейством, насадил виноградник; напившись виноградного сока, он опьянел и лежал обнаженный. Увидев отца в таком виде, один из сыновей, Хам, стал над ним смеяться и рассказал о нем братьям, но они не последовали его примеру, а, подойдя к спящему отцу, прикрыли его одеждой.

[30] О царице Анастасии Романовне. Анастасия Романовна, первая жена Грозного, была дочерью Романа Юрьевича Захарьина-Кошкина и его жены Иулиании Федоровны. Роман Юрьевич был окольничим Ивана III и умер до брака дочери с Иваном Грозным. Брак их состоялся 3 февраля 1547 г. Анастасия Романовна прожила в браке с Грозным 13 лет, имела пятерых детей и умерла еще молодой 7 августа 1560 г. от простуды. Прося у архиерея и других духовных лиц разрешения на четвертый брак, Иван Грозный говорил, что он „женился первым браком на Анастасии, дочери Романа Юрьевича, и жил с нею тринадцать лет с половиною, но вражьим наветом и злых людей чародейством и отравою царицу Анастасию извели“. В письме к Курбскому Грозный говорил: „А зачем вы разлучили меня с женой? Если бы вы не отняли у меня мою юницу, то Кроновых жертв и не было бы“. Из этих слов Грозного можно заключить, что он считал виновниками смерти Анастасии Романовны бояр, которые будто бы отравили ее, но во всех других современных рассказах о смерти Анастасии это обвинение не подтверждается (см. второе послание Курбскому 1577 г.: Послания Ивана Грозного. „Литературные памятники“, изд. АН СССР, М.-Л., 1951, стр. 210).

31 Пяторице по числу отраслем сия бе родительница, от них же сына три и дщери две. Первый сын — Димитрий — родился у Анастасии Романовны в 1552 г. и умер в следующем году во время путешествия царя и царицы на богомолье в Кирилло-Белозерский монастырь. Второй сын — Иван — родился в 1554 г. 28 марта; на 27-м году жизни он был ранен отцом и скончался 19 ноября 1581 г. в Александровской слободе. Третьим сыном был Федор, о нем см. прим. 25. Иван Тимофеев говорит, что у Анастасии Романовны было две дочери, видимо, имея в виду Анну, родившуюся в 1549 г., и Марию, родившуюся в 1551 г. В летописях упоминается еще третья дочь — Евдокия, родившаяся в 1556 г. Все они умерли в младенческом возрасте.

32 Яко Анна Самуила некогда у наздавающего младенцы молитвою испроси. Анастасия Романовна здесь сравнивается с Анной, матерью библейского пророка Самуила, которая, по легенде, выпросила себе сына молитвой. Второй сын — Иван — родился у Анастасии Романовны после путешествия родителей на богомолье. Подробно об этом Тимофеев рассказывает в отрывке „О царевиче Иванне Ивановиче“.

33—35 О царевиче Иванне Ивановиче. Иван Иванович, второй сын Ивана Грозного, родился в 1554 г.; будучи мальчиком, он принимал вместе с отцом участие в государственных делах. Он имел склонность к писательству, — осталось сочиненное им „Житие Антония Сийского“ со службой и похвальным словом, написанное, по оценке Карамзина, „не очень красиво и складно, но по-тогдашнему грамотно“. Иван Иванович был женат три раза. Первая его жена, Евдокия Богдановна Сабурова, и вторая, Парасковья Михайловна Соловая, были пострижены в монахини, Сабурова — в Суздале, а Соловая — на Белоозере. Обе скончались в 1620 г. Третьей женой Ивана была Елена Ивановна из рода Шереметевых. Иван Тимофеев говорит, что все они были пострижены по приказанию царя Ивана. В ноябре 1581 г. Иван Иванович был смертельно ранен отцом и 19 ноября скончался. В объяснении причины гнева Грозного на сына исторические свидетельства не согласны: в Псковском летописце сказано, что Грозный поколол сына жезлом за то, что царевич понуждал его продолжать войну с Польшей и освободить завоеванный Стефаном Баторием Псков; Поссевин, посол папский, рассказывает, что убийство произошло вследствие семейной ссоры (см.: С. М. Соловьев. История России, т. 2, стлб. 323, 324).

36 Младый инорог — см., прим. 4.

37 Позва в веце оном... Константину цареви своинствовати. Константин, сын Констанция Хлора и жены его Елены, с 325 г. н. э., после победы над соправителем Лицинием, сделался единодержавным правителем Римской империи. В 313 г. он вместе с Лицинием

издал Миланский эдикт, которым признавалось равноправие христианской религии с языческим культом, а затем сделал христианство государственной религией и покровительствовал ей. В 330 г. он перенес столицу империи из Рима на берега Босфора, украсил ее великолепными зданиями и назвал Константинополем — городом Константина. Перед смертью, в 337 г., Константин, повидимому, принял крещение.

38 Сродными близ ему сущими Владимеричи братома двема. Здесь разумеются дети великого князя Владимира Святославича (княжил в 978—1015 гг.) от византийской царевны Анны — Борис и Глеб, которые после смерти Владимира были убиты своим старшим братом Святополком. К ним и к Константину „равноапостольному" присоединяет Тимофеев и царевича Ивана как невинно убитого.

39 Брат же сих видоангелен бе, именем же двоематерен по толку. Не называя по имени брата Ивана Ивановича, Тимофеев иносказательно обозначает его имя, говоря, что, по толкованию этого имени, он „двоематерен". Имя старшего брата Ивана Ивановича (Димитрия), о котором говорится здесь, составлено из двух слов: δύο — два и μήτηρ — мать, следовательно, в переводе оно значит „дематерен", или „двоематерен". К подобному иносказательному обозначению имен Иван Тимофеев прибегает и в других случаях. Этим литературным приемом широко пользуется и автор „Степенной книги".

40—41 С Бела озера от лавры св. отца Кирилла. Озеро Белое находится в современной Вологодской области; оно имеет в длину более 40 км и в ширину около 30 км, из него вытекает река Шексна, приток Волги. Кирилло-Белозерский монастырь основан монахом Кириллом, умершим в 1427 г. Монастырь пользовался глубоким уважением у московских царей, и они совершали туда поездки „на богомолье". Тимофеев рассказывает о поездке в монастырь Ивана Грозного с женой и первым сыном Димитрием в мае 1555 г. после тяжелой болезни царя и о возвращении их в Москву.

42 Не просто же и оного, благодати тезоименного... зачатие и рождение бысть. Собираясь говорить о втором сыне Грозного — царевиче Иване Ивановиче, Тимофеев не указывает его имени прямо, а прибегает к иносказанию, называя его „тезоименным благодати". Иоанн (по др.-евр.) значит „благодать"; „тезоименный" — тождественный, соименный, носящий то же имя. Отсюда — тезоименитство, т. е. праздник соименного святого, именины.

43 Града Ярославля. Ярославль, основанный, по преданию, князем Ярославом Мудрым, лежит на правом берегу Волги при впадении в нее реки Которосли, связывающей Ярославль с городом Ростовом. Ярославль

Новгород Великий.

Из „Путешествия“ Олеария.

уже в начале XIII в. был большим торговым городом; присоединен к Москве в 1463 г.

[44] Града Переаславля. Переяславль Залесский лежит на реке Трубеже у озера Клещина, на пути из Ярославля и Ростова в Москву. В летописях первый раз упоминается в 1152 г., когда князь Юрий Долгорукий „град Переяславль от Клещина перенесе и созда больши старого“. Переяславль назван Залесским потому, что находился в дремучих лесах, отделяющих его от других городов. Переяславль входил в Ростово-Суздальскую область и был значительным политическим и культурным центром.

[45] Во святой град, т. е. в Переяславль, где, как видно из дальнейшего, у Грозного был свой, царский дом.

[46] Нощеявлением зачатие сына царю благодати тезоименна известившу. Иван Тимофеев передает легенду о том, что Никита столпник будто бы ночью явился Ивану Грозному и сообщил ему, что Анастасия Романовна зачала сына. На основании этого сообщения исследователи считают, что Тимофеев пользовался Житием Никиты как источником (о Житии Никиты см.: В. О. Ключевский. Жития святых как исторический источник, стр. 43, 44); однако ни в одном из списков Жития не находим такой легенды.

[47] С великими лавры сравниша. Греческое слово λάβρος (лавра) значит — „широкий“, „многолюдный“. Лаврами в Греции в древнее время назывались многолюдные монастыри. Иван Грозный дал имя лавры Никитскому Переяславскому монастырю.

[48] С лаврою преподобного Сергия. Сергий, прозванный Радонежским (умер 25 сентября 1392 г.), был видным политическим деятелем, поддерживал московских князей в их политике объединения русского государства и, по преданию, благословил Димитрия Донского на битву с Мамаем. С этого времени он стал считаться помощником русских людей в борьбе с врагами. Известно его Житие, написанное Епифанием Премудрым. Основанный им в 60 км от Москвы (г. Загорск) монастырь был одним из крупнейших монастырей-лавр на Руси.

[49] Безбожная Литва. Литовские племена в XIII в. занимали территорию к югу от Балтийского моря, от устья Вислы до Западной Двины. В 1569 г. на польско-литовском сейме в Люблине состоялось объединение Литвы и Польши в одно государство — Речь Посполитую. После унии с Польшей Литва стала страной католической. В древней Руси католичество приравнивалось к язычеству, поэтому Тимофеев называет Литву „безбожной“.

[50] Плотску господу их тогда в них не сущу, от жизни сея смертию

соотведену. Речь идет о смерти польско-литовского короля Сигизмунда II Августа, после которой обсуждалась кандидатура на польский престол русского государя.

[51] Прочии же глаголют, яко о Феодоре, брате сего, тех прошение бысть. После смерти Сигизмунда II Августа Литва просила Ивана Грозного дать им в короли старшего сына, царевича Ивана Ивановича; по другим источникам, речь шла не о старшем, а о втором сыне Грозного, Федоре Ивановиче. Просьба не имела успеха, потому что условия той и другой стороны были неприемлемы ни для Литвы, ни для Грозного. Происходило это в 1573 г., за восемь лет до смерти царевича Ивана.

[52] Всего православия царя. Так назван царевич Иван Иванович. Тимофеев, вслед за книжниками XVI в., истинно православной страной и оплотом православной веры считал Русскую землю, так как Византия, после завоевания Константинополя турками, потеряла в глазах русских свое значение хранительницы истинной веры.

[53] Плотской инорог — см. прим. 4.

[54] Молитвенный рог крепости. Такой эпитет Тимофеев дает младшему сыну Грозного, Федору Ивановичу, и ниже (л. 41) говорит, что Федор молитвами ограждал землю „от вражьих козней". „Рог" на славянском языке означает силу, крепость, преимущество. У Федора, по Тимофееву, эта сила была в его молитве.

[55] Не бе „брань его к плоти и крови". Эти библейские слова указывают, что Федор боролся не с внешними врагами, а со своими недостатками.

[56] О брате царя Ивана Васильевича князе Владимире Ондреевиче Старицком. Владимир Андреевич был внуком Ивана III, сыном Андрея Ивановича Старицкого, и приходился двоюродным братом Ивану Грозному. Отец его погиб в темнице в 1537 г. по воле правительницы Елены, матери Ивана Грозного, и Владимир Андреевич вместе со своей матерью около трех лет находился под строгим надзором. В 1540 г. бояре, управлявшие государством в малолетство Грозного, возвратили князю Старицкому его владения. С этого времени он жил в Москве. Иван Грозный полюбил его, брал с собою в походы, доверяя ему воеводство, и оставлял в Москве наместником государства. Во время болезни Грозного в 1555 г., когда царь назначил своим преемником сына Димитрия, еще младенца, Владимир Андреевич отказался дать ему присягу и с этого времени встал во главе боярской оппозиции. Во время Ливонской войны в 1567 г. Владимир Андреевич принимал участие в заговоре бояр, предполагавших выдать Грозного польскому королю. Это послужило причиной казни его и его семейства (И. И. Смирнов. Иван Грозный. ОГИЗ, Л., 1944).

[57] Порази брата си напоением смертным купно з женою и с сыном. Тимофеев приводит ту версию рассказа о смерти Владимира Андреевича, которую позднее сообщает Карамзин со слов иностранцев Таубе и Крузе, бывших тогда при дворе Ивана (Карамзин. История Государства Российского [в дальнейшем И. Г. Р.], т. IX, гл. 13, стр. 83—84 и прим. 276). Тимофеев пишет, что тогда же погибли жена Владимира Андреевича и его сын. Сведения о детях Владимира Андреевича у историков противоречивы: С. М. Соловьев замечает, что, по одним родословным книгам, у князя Владимира был один сын Василий, по другим — трое детей. Василия называет и Курбский, а о другом сыне пишет, что он имя забыл. В завещании Грозного, написанном в 1572 г. (казнь Владимира Андреевича была 9 октября 1569 г.), сыну В. А. завещаются те же города, какие имел и отец. У Владимира Андреевича, кроме сыновей, были еще две дочери — Евдокия и Мария. Мария в 1573 г. была выдана замуж за датского принца Магнуса, которого Грозный объявил королем Ливонским и который потом изменил царю.

[58] Их же кровь яко Авеля вопиет на Каина. По библейской легенде, у первых людей, Адама и Евы, родились два сына — Каин и Авель, и старший Каин из зависти убил младшего.

[59] Дщерь едину, младенца сущи, т. е. Марию, дочь князя Старицкого; о ней см. прим. 57.

[60] Некоему еллину сопряже. Еллином Тимофеев называет датского принца Магнуса, за которого выдана была Мария Владимировна. Муж ее умер еще при жизни Грозного; от Магнуса Мария имела дочь Евдокию. Когда умер отец, ей было два года. В царствование Федора Ивановича, вероятно, по просьбе царя, Борис Годунов призвал их в Москву, обещая дать им особый удел; но когда они прибыли, Марию заставили принять монашество. Мария, в иночестве Марфа, скончалась в 1589 г. и похоронена вместе с дочерью, рано умершей, в Троице-Сергиевом монастыре (И. Г. Р., т. X, прим. 152).

[61] В лавре общей некоей — в Вознесенском женском монастыре, находившемся в Кремле, возле Спасских ворот, построенном в 1389 г. женой Димитрия Донского Евдокией.

[62] Брата два, единоотечни убо, по плоти матерей же обаче... остаста. После смерти старшего сына Грозного, царевича Ивана Ивановича, у Грозного остались два сына: старший Федор, сын первой жены Грозного Анастасии Романовны, второй — Димитрий, сын седьмой жены Ивана Марии Федоровны Нагой.

[63] Вящший по толку божия си дара стяжа имя. Не называя Федора, Тимофеев и здесь, как и во многих других случаях, дает только толкование его имени; Феодор — имя греческое, оно состоит из двух греческих слов: θεός — „бог“ и δῶρον — „дар“ и значит — „дар божий“.

[64] Супружеству брака еще в жизни отца сочетан. Федор Иванович в 1580 г., за четыре года до смерти отца, женился на сестре Бориса Годунова Ирине Федоровне; когда умер Грозный, ему было 27 лет.

[65] Иов — главное действующее лицо в библейской „Книге Иова“, где говорится, что Иов был человеком непорочным, справедливым, богобоязненным и „удалялся от зла“. Такие же свойства Тимофеев приписывает и Федору Ивановичу.

[66] Юного Феодосия царя благочестивому житию подражатель. Император Византийский Феодосий царствовал с 379 по 395 г. При нем в Византии окончательно восторжествовала христианская религия.

[67] Яко второй Иасаф Индейский — герой повести о Варлааме и Иоасафе, одной из древнейших по времени своего появления у нас переводных повестей. Повесть была создана в Индии и содержала жизнеописание Будды. В греческом переводе восточные имена были заменены христианскими, и Будда превратился в благочестивого царевича Иоасафа. В XI в. повесть из Византии проникла на Русь. Древнейший список ее относится к XIII—XIV в. Иоасаф и его учитель Варлаам стали считаться святыми, и повесть превратилась в житие. Мы находим ее в Четиях-Минеях митрополита Макария и Димитрия Ростовского, под 19 ноября (см. о „Повести о Варлааме и Иоасафе“: А. Орлов. Переводные повести феодальной Руси и Московского государства XII—XVII вв. Л., 1934).

[68] Издавна завидящему властолюбцу рабу — так называет Тимофеев Бориса Годунова, которому Федор Иванович поручил управление страной. О Годунове см. прим. 21.

[69] Начало убо греком первый Костянтин во христианех царь. О царе Константине см. прим. 37. Тимофеев называет Константина „началом греком“ потому, что Константин в 330 г. перенес императорскую резиденцию из Рима в Византию и назвал ее Константинополем. Сначала эта восточная часть Римской империи составляла с западной одно государство, но после смерти императора Феодосия в 395 г. она в числе восьми диоцезов (областей) обособилась в самостоятельное государство — Византию, в котором с VII в. государственным языком стал язык греческий.

[70] Пророком всем Иоан Захариин печать бысть. Последним пророком, по христианской легенде, был Иоанн, сын священника Захарии; он закончил собой ряд пророков и назывался поэтому „печатью пророков“.

[71—72] Глаголют неции... той же властолюбец злый... виновну ему смерти сущу бывша. Говоря о смерти царя Федора Ивановича, Тимофеев пишет, что она была преждевременной и приключилась „зломудрием злого властолюбца“, т. е. Бориса Годунова; он прибавляет, что об этом „глаголют... неции“. То же известие находим в Псковской летописи, где говорится, что Федора Ивановича „отравою окорми“ сестра жены

Годунова „княгиня Димитриева Шуйского“; в Степенной книге Латухина сообщается, что царь „приял смерть от Борисова злохитроства“, причем и здесь сказано, что об этом „глаголют нецыи“. В Морозовском летописце приводится уже целый рассказ об отравлении, с чисто баснословными подробностями. Из памятников начала XVII в. об отравлении Федора Борисом рассказывает „Сказание о царстве царя Федора Иоанновича“. Очевидно, разговоры об этом ходили среди современников, и Тимофеев, бывший тогда в Москве, конечно, слышал их. Карамзин не верит этим слухам и справедливо указывает, что „летописцы достовернейшие молчат об этом“.

73 О уншем брате сего царя, т. е. царевиче Димитрие, сыне Ивана Грозного и его 7-й жены Марии Нагой, погибшем в городе Угличе 15 мая 1591 г. Многие современники, несмотря на то, что было проведено следствие, утверждавшее, что царевич закололся ножом в припадке падучей, считали его убитым и это убийство приписывали Борису Годунову (см. памятники начала XVII в., напечатанные в XIII т. „Русск. ист. библиотеки“, 2-е изд., 1909).

74 Не бе тогда и доныне крепкого во Израили, т. е. в Русской земле. См. прим. 1.

75 Супруга же его (Федора Ивановича)... ангельского великаго сподобився образа. После смерти Федора (7 января 1598 г.), по предложению Бориса Годунова, бояре присягнули Ирине, жене Федора, но она в девятый день после кончины мужа отказалась от царства и выехала из Кремлевского дворца в Новодевичий монастырь, где и приняла монашество, с именем Александры.

76 В недрах Авраамлех ю узреша. Авраам — библейский патриарх, по христианской легенде, обитающий в „раю“ вместе со всеми „праведниками“.

77 С младенцы... за Христа от Ирода избиенными. По евангельской легенде, царь Ирод избил в Вифлееме младенцев, рассчитывая умертвить родившегося там Христа.

78 Селунского мироточца имени наречение стяже. Царевич Димитрий, сын Ивана Грозного от жены его Марии Нагой, назван был Димитрием в честь мученика Димитрия, замученного в городе Солуни — Фессалониках.

79 Его же крове ради... ныне Росийска земля всяко от бед потрясаема. „Убиение“ царевича Димитрия Иван Тимофеев считает одной из причин тех бедствий, которые претерпела Русская земля в эпоху так называемого „смутного времени“.

80 Бе бо синклит некто — так называет Иван Тимофеев Бориса Годунова, игравшего большую роль в боярской думе.

81 Сего же ближника имяни писания толку не имать. Тимофеев, толкующий имена, которые русский народ после принятия христианства заимствовал у греков, не мог объяснить русского имени Годунова — Борис и считал, что это имя в „животных" книгах, т. е. в „книгах жизни", „не вписася от бога". Он думает, что это имя не вписано „ради богоненавистных" дел Бориса, забывая, что многие старорусские имена (Глеб, Ольга и др.) тоже не могут быть истолкованы.

82 Во град некий... его оземством немилостивне осуди. После кончины Грозного бояре, которым Иван Грозный поручил Федора, желая предотвратить готовую возникнуть борьбу за престол, тотчас же отправили в Углич жену Грозного Марию Нагую вместе с ее малолетним сыном Димитрием и родственниками — Нагими.

83 Углечь — город Углич на Волге, в Ярославской области — один из древнейших русских городов. По летописям, он основан братом или родственником княгини Ольги — Яном. Великим князем Владимиром Углич был дан в удел сыну его Борису вместе с Ростовом. В 1212 г. Углич был отделен от Ростова и отдан в удел князю Всеволоду Константиновичу.

84 Луппа некоего. Такое прозвание носил Андрей Петрович Клешнин, окольничий царя Федора, который вместе с князем Василием Шуйским ездил в Углич производить следствие о смерти царевича Димитрия. Клешнин умер в 1599 г. схимником, почему и была сóздана легенда о том, будто бы он был одним из главных сообщников Годунова в деле убиения Димитрия (см. „Новый летописец", гл. 40, изд. Оболенского, стр. 33).

85 Иродотворительною люте яростию — см. прим. 77.

86 Заклан бысть пред очима своея матери. Смерть царевича Димитрия И. Тимофеев описывает согласно с первыми повестями об этом событии и теми грамотами, которые рассылало правительство Шуйского. В грамоте Марии Нагой к воеводам сибирских городов от 21 мая 1606 г. говорится, что царевич убит на Угличе на глазах ее и ее братьев. Почти то же говорит и Тимофеев; между тем, известно, что в момент ранения царевича матери при нем не было, и она выбежала из дворца, когда сын уже лежал на земле с перерезанным горлом. Убит был царевич или закололся сам, — остается невыясненным.

87—88 Убийцы на се дерзнувшии, от града жителей... убиени быша мнози. Тимофеев не называет имен убийц. В других повестях того же времени („Повести 1606 г.", „Житии" царевича, „Сказании о царстве царя Феодора Иоанновича") они названы: это — Осип Волохов, сын Василисы Волоховой, мамки царевича, Данило Битяговский, сын дьяка Михаила Битяговского, которому поручен был надзор за царевичем

его матерью и родственниками ее — Нагими, Никита Качалов, племянник Битяговского. Угличане, созванные к месту происшествия набатом, по инициативе Нагих убили Михаила Битяговского, его товарища Данилу Третьякова, Данилу Битяговского, Никиту Качалова и Осипа Волохова, а также слуг Битяговского и некоторых других лиц, которых Нагие обвинили в убийстве Димитрия. После донесения следственной комиссии, посланной в Углич, и после слушания дела в Думе царицу Марию насильно постригли и вывезли в Никольский монастырь на реке Выксе, близ города Череповца; ее родных — Нагих, после пыток, сослали в отдаленные города и заключили в темницы, а жители города Углича подверглись разного рода наказаниям (см. „Новый летописец", изд. Оболенского, стр. 35).

89 К рабу сию всели... юже по времени с рабом ея рострига Гришка... оттуду извед. Тимофеев не называет имени этого слуги, к которому сослана была на Выксу Мария Нагая и с которым Лжедимитрий возвратил ее обратно в Москву. Карамзин сообщает, что в ссылке царице были даны два служителя (И. Г. Р., т. X, ч. 2, прим. 244). Царица Мария Нагая, в монашестве Марфа, возвращена была из ссылки в 1606 г., пробыв в изгнании 13 лет. После возвращения она жила в Вознесенском женском монастыре, в Кремле.

90 Рострига Гришка — самозванец, ставленник польской шляхты, Лжедимитрий I, царствовал в Москве с 20 VI 1605 по 17 V 1606. Вопрос о его личности вызвал среди историков немало споров. Карамзин и Соловьев примыкали к официальной версии, объявившей его беглым московским человеком Григорием Отрепьевым, монахом Чудова монастыря, бежавшим за границу. С. Ф. Платонов, ссылаясь на Пирлинга, также считает его москвичем („Очерки по истории смуты", стр. 237, прим. 70). В настоящее время русское происхождение самозванца может считаться доказанным, но был ли он Григорием Отрепьевым — не известно.

91 От синглит вельможа благороден вельми — князь Василий Шуйский. В Углич производить дознание об убийстве царевича Димитрия были посланы: Василий Иванович Шуйский, окольничий Андрей Клешнин, крутицкий митрополит Геласий и дьяк Вылузгин. Тимофеев называет Геласия митрополитом Сарским, т. е. Сарайским; Сарайская епархия открыта была в Орде при митрополите Кирилле II в 1280 г., но после падения Орды она была закрыта, и с 1454 г. сарайский епископ стал жить в Москве на Крутицах и называться Крутицким.

92 Якоже Авеля другаго и Глеба — см. прим. 38 и 58.

93 Яко самому ему, играя, заклатися. В привезенном из Углича „следственном деле" были записаны свидетельские показания, что

царевич заколол себя ножом в припадке падучей. Об этом и доносили царю лица, посланные из Москвы собранием боярской Думы от 2 июня 1591 г. (Угличское следственное дело, издано Клейном в 1913 г.).

94 Лжу свидетельный синклитик — князь Василий Иванович Шуйский, один из членов посланной в Углич следственной комиссии, стал царем после убийства Лжедимитрия I и царствовал с 1606 по 1608 г. См. прим. 241.

95 Яко же Иванна Ирод. Сравнение взято из евангелия, где рассказывается, что царь иудейский Ирод, обличаемый пророком Иоанном крестителем, сначала заключил Иоанна в темницу, а потом отсек ему голову.

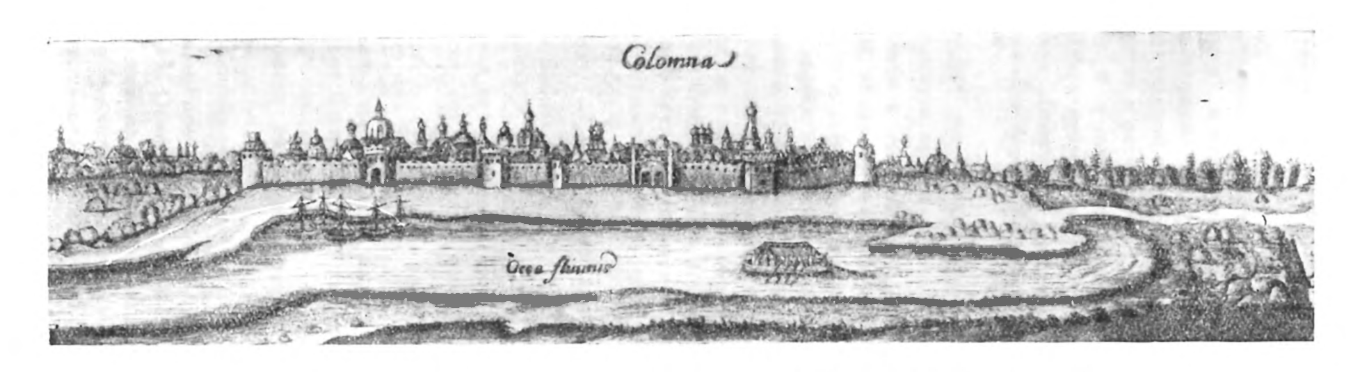
96 Яко Иуде, сребролюбием объятому. По евангельской легенде, Иуда — один из учеников Христа — предал своего учителя за 30 серебренников. Его имя стало нарицательным для всякого предателя.

97 Яко да в день судный пред ангелы и вселенною обличив того, вечно умучит. И. Тимофеев убежден, что на последнем (по верованию христиан) суде бог осудит Годунова за его преступления.

98 Единопришествие тогда, святый дву лжецарей купно заусти. Перенесение тела царевича Димитрия из Углича в Москву (1606 г. 3 июня ст.ст.), предпринятое правительством Шуйского, было вызвано политическими причинами. Тимофеев указывает, почему это было нужно: это должно было, во-первых, доказать, что царевич не сам закололся, а был зарезан подосланными Годуновым злодеями, а во-вторых, ясно обнаруживало самозванство Отрепьева, говорившего всем, что он не был убит, а спасся, и ложно объявлявшего себя сыном Ивана Грозного и Марии Нагой — Димитрием. Обличение Бориса Годунова и Лжедимитрия должно было оправдать в глазах народа вступление на престол Шуйского.

99 От страднические четы, безъименных мельчайших и самозванных. Кроме Бориса Годунова и Лжедимитрия I, царевич Димитрий, по мнению Тимофеева, обличает и других самозванцев. После первого самозванца вскоре на Тереке появился некто Илья Горчаков, из города Мурома, назвавший себя мнимым сыном царя Федора — Петром; затем в январе 1607 г. в Стародубе выдвинут был поляками Лжедимитрий II, назвавший себя спасшимся царевичем Димитрием и известный под именем „Тушинского вора“; наконец, во Пскове в 1609 г. оказался свой самозванец — Сидорка. Самозванцы временно собирали вокруг себя народные массы, так как „царистская“ идеология — важнейшая черта крестьянских движений XVII—XVIII вв., как указывает И. В. Сталин (Соч., т. 13, стр. 112—113).

100 Отечества си снабдевает от враг ненаветно, изменших же ему всех обличает своими чудотвореньми. Правительство В. И. Шуйского, перенеся в Москву прах царевича Димитрия, объявило его святым.



Коломна.

Из „Путешествия“ Олеария.

Приписывая ему „чудеса“ — исцеления больных, оно причисляло Годунова к „святоубийцам“ и этим увеличивало его преступление в глазах народа. Первое сообщение о „чудесах“ от гроба царевича Димитрия находится в известительной грамоте царя В. Шуйского от 2 июня 1606 г. Затем оно повторяется и расширяется и в других грамотах и документах, а оттуда попадает и в литературные памятники того же времени: „Повесть како восхити неправдою на Москве престол Борис Годунов“ и „Житие“ царевича Димитрия. Царевич Димитрий как святой стал считаться помощником в борьбе Русского государства с врагами и самозванцами.

101 Такову убо яко ни Риму другому царску всему православных жребию ненаследовану в прочее остати? Тимофеев, сравнивая Русское государство с Римским и называя его „другим Римом“, примыкает к тем русским книжникам, которые, вслед за старцем Елеазарова монастыря Филофеем, писали, что „православная церковь бежала из Рима, понеже весь великий Рим падеся и болит неверием неисцельно“, в новый Рим, „еже есть Константин град, но ни тамо покоя обрет съединения их ради с латынею на осмом соборе, и оттоле Константинопольская церковь разрушися и положися в попрание, яко овощное хранилище; и паки в третий Рим бежа, иже есть в новую великую Русию“ (Послание к великому князю Василию Ивановичу 1510 г. См.: В. Н. Малинин. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Приложения. Киев, 1901, стр. 49—56).

102 Рече пророк... — слова из 79-го псалма, а затем приводится стих из 13-й главы пророка Осии.

103 На елику солнце зрит землю всю и море же. Место, видимо, испорчено. Тимофеев хочет сказать, что другого такого сияющего православием государства нет, оно так обширно, что солнце видит в нем и землю и море.

104 А не иже по них богопустнех на то именех онех, т. е. тех, кто занял царский престол не по праву наследования, а лукавством и злодеяниями, как Борис Годунов, или ложью и дерзостью, как первый Лжедимитрий и другие самозванцы. Обличать их и говорить об их худых делах Тимофеев считает долгом и обязанностью правдивого писателя.

105 О приходе Крымского (хана) под Москву — о набеге на Москву крымского хана Казы-Гирея в 1591 г.

106 В обозе стоял. Обоз, иначе „гуляй-город“, —досчатый подвижной городок, поставленный на колеса; в нем могли помещаться не только воины, но и оружие и пушки с необходимым для них военным снаряжением. Тимофеев приписывает мысль создания такого городка князю

Михаилу Ивановичу Воротынскому и далее подробно описывает его устройство (см. лл. 65 и 66 „Временника“).

107 До Серпухова. Серпухов — город на р. Оке; в XIV в. входил в состав вотчинных земель великого князя московского Ивана Калиты. В 1374 г. внук Калиты Владимир Андреевич заложил здесь большую деревянную крепость. Серпухов как город, находящийся на южной окраине Московского княжества, входил в ряд городов передовой охранительной черты по р. Оке, защищавшей Москву от набегов татар.

108 Иже по седьмой тысящи 99-летнее обхождение круга — 1591 г. н. э., см. прим. 14.

109 Внезапное пожжением запаление... иже обонпол Неглинны реки бывшее. В 1591 г. накануне праздника Троицы, когда царь Федор Иванович с боярами был в Троице-Сергиевом монастыре, в Москве начался большой пожар. В несколько часов сгорели улицы Арбатская, Никитская, Тверская, Петровская до Трубы, весь Белый город и за ним Посольский двор, Стрелецкая слобода и все дома, находившиеся за рекой Неглинной. Этот пожар Тимофеев ставит в вину Годунову, который будто бы хотел им отвлечь царя от решения ехать в Углич на похороны царевича Димитрия, а москвичей — заставить забыть о смерти царевича (см. о том же пожаре в Сказании Авраамия Палицына. Русская историческая библиотека, т. XIII, 1909, изд. 2).

110 Третье зло — Агарянско нахождение... с восток нечестивна царя — см. прим. 105.

111 Бессловесным молчанием спокрывшеся... якоже и ныне о наставших онемехом. Тимофеев обвиняет русское общество того времени в „бессловесном молчании“, т. е. в политическом индиферентизме, попустительстве, молчании перед властью, что, по его мнению, дало Годунову смелость совершать свои злые дела, и сопоставляет прошлое с событиями „смуты“, считая, что и в это время многие несчастия произошли из-за всеобщего „молчания“. Тимофеев, ограниченный своей узко классовой точкой зрения, не видит широких масс народа, который во время крестьянской войны начала XVII в. не молчал, а мужественно боролся против своих угнетателей (восстание Болотникова).

112 Измаильта — татарского хана Казы-Гирея, подступившего тогда к Москве. О „измаильтянах“ см. прим. 9.

113 Устрашил бо нечестиваго... многими отрыганий рыканьми. На подступивших к Москве татар произвела сильное впечатление стрельба из пушек, которых они не имели, тем более, что Годунов, не жалея пороху, велел стрелять не только днем, во время сражения русских с татарами, но и ночью — для устрашения неприятеля.

114 Обонпол яростнаго устремления быстротечением преславные Оки. Река Ока в XVII в. уже вся входила в пределы Русского госу-

дарства; так как в это время весь юг занят был татарами, которые часто тревожили Русь своими набегами, то быстрая и многоводная река являлась естественным и удобным барьером, дававшим возможность Русскому государству сосредоточивать на Оке свои военные силы для сопротивления. Это значение Оки и отмечает здесь Иван Тимофеев.

115 Новгородския и Псковския земля... ратей вооруженых многочислие. Во время нашествия Казы-Гирея главные русские военные силы стояли в Новгороде и Пскове против шведов и не могли, конечно, поспеть к Москве, чтобы отразить нападение крымских татар. Казы-Гирей знал это, и поэтому ему удалось так скоро и беспрепятственно дойти до Москвы. Но когда он от русских пленников услыхал ложное известие о том, что главные силы из Пскова и Новгорода пришли в Москву, это испугало его, и он, поверив пленным, не решился вступить в битву с русскими войсками и бежал от Москвы (см. „Новый летописец", изд. Оболенского, стр. 36, 37).

116 Обоз древним же званием — гуляй — см. прим. 106.

117 Михайла порекло Иванович Воротынский — победитель татарского хана Девлет-Гирея. Девлет-Гирей в 1571 г. сжег всю Москву, кроме Кремля, и в 1572 г. снова пришел на Русь с огромным войском, чтобы заставить Ивана Грозного возвратить татарам Казань и Астрахань. В решительной битве 1 августа 1572 г. князь Воротынский разбил хана, спас Москву и навсегда утвердил за Россией Казань и Астрахань. Известно, что в этой битве Воротынский пользовался „обозом", или „гуляй-городом" (И. Г. Р, т. IX, гл. 3, прим. 391).

118 Патриарху же и царю. Патриарх — слово греческое (ἀρχή — начало, верх, и πατήρ — отец), имя верховного главы восточной христианской церкви. Сан патриарха носили сначала лишь представители греческих церквей александрийской, иерусалимской, антиохийской и константинопольской. В России главные иерархи носили титул митрополитов, ставились Византией и находились в зависимости от константинопольских патриархов. Первым митрополитом русским, избранным собором русских епископов, был Иона. При Федоре Ивановиче, в 1589 г., в России было учреждено патриаршество; первым патриархом стал Иов, митрополит московский. Ему и сообщил Борис Годунов о неожиданном бегстве из-под Москвы хана Казы-Гирея.

119 Ливны-град — город Ливны. Находится в местности, лежащей между верховьями Оки и Дона; он был расположен невдалеке от границ Русского государства XVII в. Достижение ханом Казы-Гиреем этого далекого от Москвы города свидетельствовало, что он уже не возвратится к Москве. Иван Тимофеев, желая унизить Годунова, дает событиям несколько иную, чем было в действительности, окраску. Известив Федора Ивановича и патриарха о бегстве врагов, Годунов и воеводы

выступили со всеми полками вслед за ханом и хотя главные воеводы не ходили дальше Серпухова, но передовые полки настигли бежавшего неприятеля около Тулы, разбили арьергардные отряды его, взяли до тысячи пленных и выгнали татар из русских пределов. Догнать самого хана они, действительно, не могли, потому что он „бежал без памяти“ и 2 августа был уже в Крыму, в Бахчисарае (С. М. Соловьев. История России, кн. 2, т. 7, стр. 612, 613).

[120] Возградил новокаменозданен храм во имя пресвятыя Богородица, прорекло Донския, и лавру в нем устроил. На том месте, где стояло укрепление московского войска, вышедшего против хана, заложена была каменная церковь и основан монастырь, названный Донским от имени иконы, которая в 1380 г. была с Димитрием Донским на Куликовом поле, теперь же сопутствовала в московской битве Годунову. В настоящее время на территории бывшего монастыря находится „Донское“ кладбище.

[121] Образ бо своего подобия и имени на стенах вапнотворением святым состоятельна летописне вообрази. Фрески в Донском монастыре не сохранились, поэтому установить, что́ именно было написано по приказанию Бориса Годунова в память победы над ханом, в настоящее время нельзя.

[122] Нарек день, в онь же... святопроисхождение ...творити. В память победы над ханом (см. прим. 115) был установлен крестный ход из Москвы в Донской монастырь, который и совершался каждый год в определенный день, по словам Тимофеева, — до смерти Бориса Годунова.

[123] Яко от Египта во обетования землю. Возвращение царицы Марии из изгнания сравнивается с освобождением еврейского народа от египетского рабства.

[124] Сих злом он в далечная посуди. Борис Годунов после смерти царевича Димитрия щедро наградил тех лиц, которые пострадали при этом от Нагих и сурово наказал виновных в расправе с Битяговскими (см. прим. 87, 88). Врагами Годунова это было истолковано как доказательство виновности его в смерти царевича Димитрия. Так рассматривает поведение Годунова и Тимофеев.

[125—126] Сыну Агарянска царя и двема сыновом Латынских кралей. С. Ф. Платонов (Сказания и повести о смутном времени, как исторический источник, изд. 2-е, СПб., 1913, стр. 181, прим. 1) указывает, что под сыновьями „латинских кралей“ Тимофеев разумеет принцев Иоанна датского и Густава шведского, приехавших в Россию при царе Борисе Годунове и умерших здесь. Под именем „Агарянского царевича“ всего вероятнее предполагать крымского царевича Мурата, жившего в Астрахани и умершего, по слухам, насильственной смертью. В гибели

всех этих лиц враги Бориса обвиняли его (Никоновская летопись, VIII, 13—15; Летопись о многих мятежах, 2-е изд., 17—19; Новый летописец, 30—31). См. прим. 149.

[127] О Богдане Бельском — см. прим. 23.

[128] За наставшую о нем во царствии тогда бывшую крамолу. Имеется в виду борьба за престол после смерти Ивана Грозного при воцарении Федора Ивановича: Бельский и некоторые бояре хотели видеть на престоле младшего сына Грозного — Димитрия. См. прим. 22.

[129] Борисов град — город Борисов, находился на самой границе Русского государства, на реке Донце, в пределах Слободской Украины. Годунов в 1600 г. послал туда Богдана Бельского и велел ему построить там крепость. Бельский построил город и назвал его Борисов, в честь Годунова.

[130] Казнь обладатель позорную ему дав. Годунову донесли, что Бельский хочет объявить себя независимым царем; Бельскому был вынесен смертный приговор, но царь, „помиловав" его, приказал только отобрать у него имение и выщипать ему его длинную густую бороду, а затем заточить в один из низовых городов. См. прим. 23.

[131] И ины с ним в тождество единомыслие ему приплетоша. Кроме Богдана Бельского, при Годунове, продолжавшем политику Ивана Грозного, подверглись гонению и многие другие бояре, в частности — семья Романовых. Так, в 1601 г. по приговору бояр был пострижен Федор Никитич Романов (в будущем патриарх Филарет) и сослан в Сийскую Антониеву обитель; его жену Ксению Ивановну, также постриженную и названную Марфой, сослали в один из Заонежских погостов. Были отправлены в ссылку в разные города и родственники и сторонники Романовых (см. „Никоновский летописец" и „Дело о ссылке Романовых" в ЦГАДА).

[132] Впервоглагольний... тогда синклитско си прия имя. Богдан Бельский, возвращенный из изгнания к царскому двору при первом самозванце, получил от него чин „великого оружничьего". Тогда же были „пожалованы" Нагие и другие пострадавшие при Годунове бояре. (С. Ф. Платонов. Очерки по истории смуты, стр. 275; Собр. государственных грамот и договоров, II, стр. 206 и след.).

[133] Сокрушит начатки моавля. Тимофеев приводит библейские изречения, будто бы „пророчествующие" о Христе, смешивая два разных текста.

[134] Писания сказаша. Под „писаниями" здесь разумеются евангелия.

[135] Первосвятительный Гермоген, всеа Росия великий патриарх. Гермоген в 1606 г., когда совершилось перенесение мощей царевича Димитрия, едва ли уже был патриархом. Будучи епископом казанским,

он протестовал против брака Лжедимитрия с католичкой Мариной Мнишек и требовал ее крещения, за что и был удален Лжедимитрием из Москвы в Казань. Когда он прибыл из Казани после избрания его патриархом, не известно; едва ли это было до 3 июня, когда было привезено в Москву тело царевича Димитрия. 1 июня венчал на царство Василия Шуйского новгородский митрополит Исидор со всеми бывшими тогда в Москве архиереями, но Гермогена тогда еще не было в Москве, едва ли был он и 3 июня. В памятниках того времени по этому вопросу нет согласия: так, в „Никоновской летописи" сказано, что Шуйского венчал на царство казанский митрополит Гермоген, а „рукопись Филарета" отрицает это, но она же свидетельствует, что мощи царевича Димитрия встречены были патриархом (а им мог быть только Гермоген). Иван Тимофеев был в Москве во время перенесения туда тела царевича Димитрия; возможно, что его свидетельство и правильно.

136 Яко новому Глебу Владимиричю — см. прим. 38.

137 Храм пречюдного в чюдесех архистратига Михаила. Этот храм находился в Москве, в Кремле, в монастыре, именуемом Чудовым. Построен митрополитом Алексеем в 1365 г., по поводу его благополучного возвращения из Константинополя.

138 Яко же иногда тричисленных устыдеся пещный пламень. По библейской легенде, вавилонский царь Навуходоносор приказал бросить в горящую печь трех юношей, отказавшихся поклоняться идолам, но огонь будто бы не опалил их, и они вышли из печи невредимыми.

139 Но яко Иосиф. . . поверг сию, яко любострастней Иегиптянынu. Тимофеев неудачно сравнивает царевича Димитрия с библейским Иосифом; как Иосиф бросил свою одежду египтянке, так, будто бы, бросил Борису Годунову царскую порфиру Димитрий царевич, оставив себе вместо нее окровавленную одежду мученика.

140 И младенческая такая пища ниже естеством она зломыслия образ бе. Об орехах, которые найдены были в гробе царевича и которыми он играл, будто бы, перед смертью, упоминается, кроме „Временника" Тимофеева, в грамотах царя Василия Шуйского.

141 В Новом Девиче монастыре. Новодевичий монастырь был основан князем Василием Ивановичем, отцом Ивана Грозного, в память взятия Смоленска в 1533 г. Он находился недалеко от Москвы и, окруженный стенами, представлял собой одну из крепостей, построенных на подступах к городу. В монастыре хоронили московских цариц.

142 Как ходил против царя. . . Здесь имеется в виду поход Годунова с большим войском под Серпухов в 1598 г., где он ждал предполагаемого нападения Казы-Гирея, а потом принимал ханских послов.

143 К седьмой тысящи лета 106, т. е. в 1598 г.

144 Принесе господску животу смертен яд — см. прим. 71—72.

145 В пострижения сестры своея лавру — в Новодевичий монастырь (см. прим. 141), куда удалилась царица Ирина после смерти Федора Ивановича и где приняла иночество с именем Александры.

146—147 Ускориша они самого архиерея во двор. Избрание Бориса Годунова происходило так: после смерти Федора Ивановича и после того, как вдова его Ирина Федоровна отказалась быть царицей, патриарх Иов от имени боярской думы предложил Годунову престол, но он отказался; 17 февраля 1598 г. был собран в Кремле Земский собор, на котором, по предложению патриарха Иова, благодаря поддержке дворянства, Борис был избран царем. 20 февраля патриарх Иов объявил Годунову о решении Собора, но он снова отказался. Тогда решено было 21 февраля всем итти в Новодевичий монастырь крестным ходом и умолять царицу Ирину благословить брата на царство, а его — удовлетворить народную просьбу и быть царем. Этот крестный ход начался на рассвете 21 февраля. 21 февраля 1598 г. приходилось на вторник „сырной“ недели, или масленицы.

148 И чюдо, яко первый таков царь не книгочий нам бысть. И. Тимофеев считает Бориса Годунова неграмотным. Это неверно: сохранились собственноручные подписи Годунова (см. статью С. Д. Шереметева: в Чтения Моск. общ. ист. и древн. Росс., 1897, I, стр. 6—7). Кроме того, принимая во внимание любовь Бориса к просвещению и его заботы о насаждении науки в России, а также то образование, которое он дал своему сыну Федору, — трудно согласиться со свидетельством Тимофеева. Борис, столько лет бывший правителем государства, не мог только через других знакомиться со всеми грамотами и делами государственными. Но он не был начитан в „священном писании“, и это дает Тимофееву основание назвать его „бескнижным царем“. Сестра Бориса — Ирина — была грамотна и начитана.

149 Рабородства того не отвращахуся, ни гнушахуся, державного ради соименства. В дни правления Бориса Годунова Россия имела оживленные сношения со многими европейскими государствами: со Швецией, с Литвой, с Данией — герцог датский Иоанн был объявлен женихом Ксении Годуновой, прибыл для этого в Россию, но здесь заболел горячкой и умер в 1604 г.; с Австрией, с Англией и другими странами.

150 Но к сего стень суть онех разумы... киждо бо, яко ограду некако прелез, свой путь погибели обрет. Тимофеев здесь говорит об умственном превосходстве Годунова над теми лицами, которые после него захватывали власть и объявляли себя правителями России.

151 Дождав предпосланного блаженным Феодором, самодержавным царем, на восток ко Агарянскому царю ходившего. При царе Федоре Ивановиче в 1593 г. был заключен мир с крымским ханом Казы-Гиреем, для чего крымский ширинский князь Ишимамет должен был ехать в Москву, а князь Юрий Щербатов — в Крым. Но князь Щербатов возвратился в Москву еще при Федоре Ивановиче и привез ему клятвенную грамоту от хана. Других сношений с крымским ханом при Федоре не было. Борис Годунов в марте 1598 г. из кельи Новодевичьего монастыря отправил гонца с дружественным письмом, и послы Казы-Гирея приходили к Борису, когда он со всем войском стоял у Серпухова, ожидая мнимого нашествия хана. Послы, возобновляя договор, заключенный при Федоре Ивановиче, обещали, что хан будет в воле Борисовой и желает вечного мира с Россией. Это было уже после выступления Бориса с войском против хана, а выступление было вызвано тем, что 1 апреля 1598 г. воевода Оскольский донес Борису о намерении хана напасть на московские пределы. Почему Тимофеев выступление Бориса в 1598 г. поставил в связь с тем, что было в 1593 г., — не ясно.

152 Сущу быти ему яко каменнозданну граду. Тимофеев описывает затейливый походный город из шатров, казавшийся настоящим белокаменным городом с воротами, башенками и стенами. Внутри этого города находилась ставка царя Бориса, в которой он принимал послов Казы-Гирея. См. прим. 151.

153 Индиктиону тогда начинающему седмому, себтябрия 3-х каланд. Венчание Бориса Годунова на царство произошло 1 сентября 1598 г. Тимофеев указывает этот день, пользуясь обозначением времени, принятым в древней Руси. Индиктионом считался период времени в 532 года, состоявший из 19 солнечных кругов. Солнечный круг равнялся 28 годам. Календами у римлян назывались первые дни месяца.

154—155 От матери церквам — от Успенского собора в Кремле (см. прим. 164), откуда с 1598 г. каждый год в среду так называемой „сырной“ недели (масленицы) отправлялся крестный ход в Новодевичий монастырь в память избрания Бориса на царство. Некоторые полагали, что крестный ход в Новодевичий монастырь был установлен не ради славы Бориса, а в честь матери Христа — Марии, но Тимофеев оспаривает это мнение.

156 И первосвятителя с прочими обнажися лесное послужение. Тимофеев говорит о патриархе московском Иове, стороннике Бориса Годунова, одобрявшем все его распоряжения и начинания. См. прим. 118.

157 Един празднуемых перво от двою июля в 24. Борис Годунов был назван в честь князя Бориса, сына Владимира Святославича, кото-

рый был убит вместе с братом Глебом их старшим братом Святополком.

158 Соутробныя ему сестры всеа же Росия госпожи — царицы Ирины — жены Федора Ивановича.

159 Болярския многи дщери девы. . . нуждею от зависти постризати. Сообщение о пострижении в монашество дочерей опальных бояр находится только у Ивана Тимофеева, но так как гонениям и опале подвергались не только бояре, но и их жены и дети, то возможно, что Годунов приказывал постригать в монашество и их дочерей.

160 Да не понудится некими царь прияти едину от них второбрачием в жену. Поводом для пострижения боярских дочерей в монашество Тимофеев считает не опалу, а боязнь Годунова, как бы Федор Иванович не вздумал развестись с женой, у которой была только одна дочь, умершая младенцем, и жениться на одной из боярышен, чтобы иметь после себя наследника. Эти опасения имели основание: в 1587 г. Шуйские сделали попытку под предлогом бесплодия царицы Ирины развести ее с царем и тем отстранить Годунова от участия в правительстве и нашли поддержку в Московском посаде.

161 Дщери его. . . тожде бысть невольное пременение риз. Слыша о красоте дочери Бориса Годунова Ксении Борисовны, Лжедимитрий I велел князю Мосальскому взять ее к себе в дом и потом, приехав в Москву, сделал ее своей наложницей. Перед приездом Марины Мнишек самозванец удалил от себя Ксению, ее постригли в монахини, назвали Ольгой и сослали в монастырь на Белом озере, близ Кирилло-Белозерского монастыря.

162 О жене же и сыне что рещи? Нужно бо удавиша их неначаемии врази. Жена Бориса Годунова Мария и сын его Федор были убиты боярами еще до вступления самозванца в Москву, 10 июня 1605 г.

163 Яко же некогда Навуходоносору царю о Вавилоне дел ради здания. О вавилонском царе Навуходоносоре в Библии рассказывается, что он свою столицу Вавилон украсил прекрасными зданиями. Тимофеев сравнивает с ним Годунова, который, будто бы ради прославления своего имени, также строил в Москве дворцы и храмы. При нем построена в Кремле колокольня Ивана Великаго, обширное здание для приказа, „Запасный двор“, в Китай-городе — новые каменные ряды и проч.

164 Храм Успения божия матере — Успенский собор в московском Кремле начат был постройкой при Иване Калите по просьбе митрополита Петра.

165 Привести ему во имя свое и в род от рода под клятву люди. Борис Годунов, вступив на престол, вводит новую форму присяги на верность ему и его роду. „По этой клятве требовалось не изменять

царю ни делом, ни словом; не умышлять на его жизнь и здоровье, не вредить ему ни ядовитым зельем, ни чародейством, доносить о всяких скопах и заговорах, не уходить в иные земли" и проч. (И. Г. Р., т. XI, гл. 1, стр. 7, прим. 5.). В покрестной записи Борисовой стояли также слова: „А не учну яз Государю... служити и пролитие или какое что лихо сделаю мимо се крестное целование, и не буди на мне божия милость и пречистая богородицы... и всех святых" (Акты Археогр. экспедиции, II, № 10, стр. 61).

166 И анафеме всех подложи. Анафема (греч.) — проклятие. Здесь имеется в виду церковное проклятие, которому подвергались еретики и изменники.

167 Ни простым буквам навычен бе — см. прим. 148.

168 Древнее онамо во святилища гордостию покажение Озиино. Озия, по библейской легенде 10-й из царей иудейских, за гордость был якобы наказан богом появлением проказы на лице.

169 Бескровная Христова жертва о мире всего мира — литургия, богослужение, совершаемое на хлебе и вине, которые приносятся как бы „бескровной жертвой" богу за весь мир.

170 Древнюю нашу клятву — по библейской легенде, божье проклятие, постигшее первых людей — Адама и Еву за совершенный ими грех.

171 По иже во Царьграде бывшему образу. Тимофеев имеет в виду рассказ из повести „О взятии Царьграда турками" Нестора Искандера (XV в.), где говорится, как перед падением города „благодать божия" в виде огненного столба ушла из храма Софии и поднялась на небо.

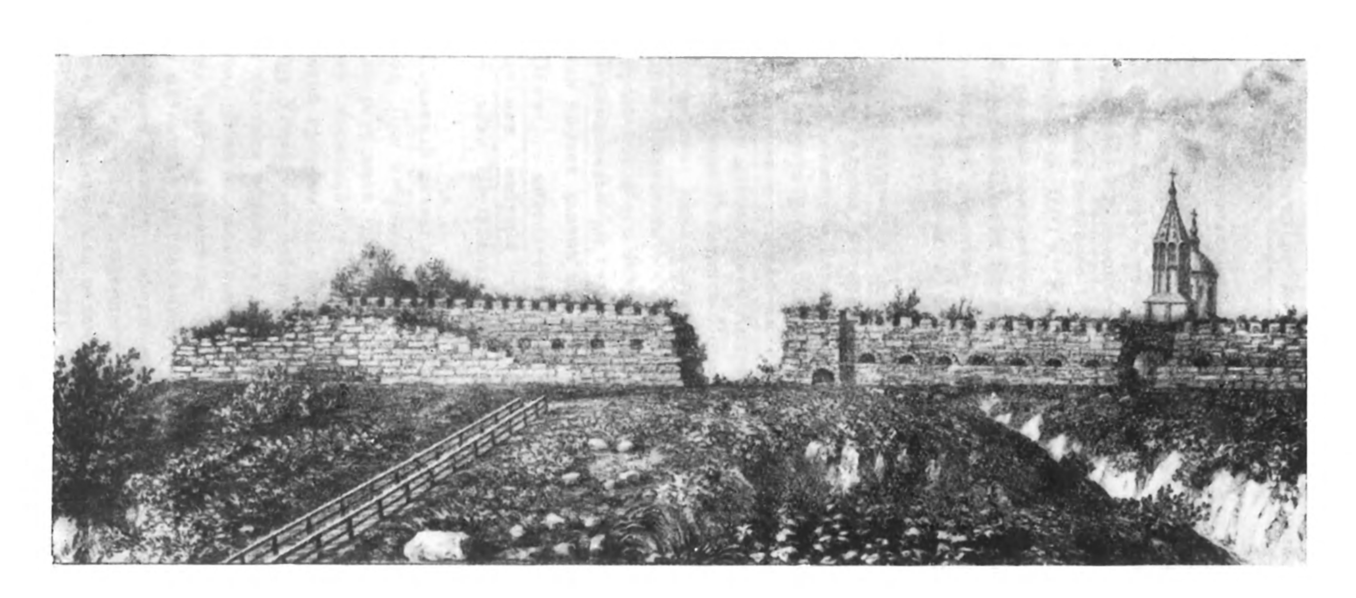
172 Изрядне богоматере песни. Песнопение, поющееся на литургии, посвященное богородице, о котором объявляется словами: „изрядно о пресвятей, пречистей...".

173 Первосвятителю... предстоящу. Речь идет о первом патриархе Иове — стороннике Бориса Годунова, который не только не протестовал, но даже поощрял все его мероприятия и начинания, будучи сам представителем дворянства, возвысившегося при Грозном и Годунове. См. прим. 156.

174 Вечерния жертвы — вечернее богослужение.

175 Святонастольницы митропольские—четыре русских митрополита—представители высшего духовенства, непосредственно следующие за патриархом. Со времени установления на Руси патриаршества в 1589 г., архиепископы новгородский, казанский, ростовский и крутицкий были возведены в сан митрополитов. Первое место среди них, по Тимофееву, принадлежало митрополиту новгородскому.

176 Безсловеснии пифицы соплетохомся неразумием. Пифик — род обезьяны.



Остатки древней крепости в Серпухове.

Литография Селезнева.

177 Полным имянованием... егда имя его аще и в мале где наменено будет. Борис требовал, чтобы в бумагах писали его имя с полным царским титулом. Титул этот звучал так: „Великий государь, царь и великий князь Борис Феодорович всея России самодержец".

178 Главе самой церковного верха, иже бе выспрь всех во граде — колокольне Ивана Великого в Кремле, которую Борис Годунов приказал надстроить в 1600 г. Надпись на главе колокольни: „Изволением Святыя Троицы повелением Вел. Государя царя и Великого князя Бориса Федоровича всея России самодержца и сына его, благоверного великого государя царевича и великого князя Феодора Борисовича всея России, храм совершен и позлащен во второе лето государства их 108-го".

179 Ов убо куртес и доместик — придворный (латинск.); имеется в виду Борис Годунов, который при царе Федоре носил титул „правителя, слуги и конюшего боярина и дворового воеводы и содержателя великих государств царств Казанского и Астраханского".

180 Наставника и учителя си име. Наставником и учителем Бориса Годунова назван думный дьяк Андрей Щелкалов, ведавший при Иване Грозном и Федоре Ивановиче Посольским приказом.

181 Бе же сему мний соутробный, на те с ним оному споборник — брат Андрея Щелкалова — тоже думный дьяк, Василий Щелкалов, сменивший брата после его смерти в 1595 г.

182 Первоначальницы суть в самописчих. Братья Щелкаловы выделялись среди прочих дьяков как талантливые политические деятели.

183 Обоих... многолетно бесчестным и влачащимся житием, живот их продолжив, изнутри и отъятием имений лишив. При Борисе Годунове дьяки Щелкаловы были в опале, так как Годунов не доверял им.

184 Скрижаль велию на хартии... да напишут с подписанием своих им десниц. При избрании на царство Бориса Годунова была составлена избирательная грамота, на которой подписались представители всех сословий, участвовавших в избрании нового царя. Один список этой грамоты был положен в царскую сокровищницу, другой — в ризницу Успенского собора. Тимофеев говорит, что этот второй список был положен в раку митрополита Петра. В грамоте между прочим значилось: „Всем ослушникам царской воли неблагословение и клятва от церкви, месть и казнь от синклита и государства; клятва и казнь всякому мятежнику, раскольнику, любоприятельному, который дерзает противоречить деянию соборному и колебать умы молвами злыми, кто бы он ни был, священного ли сана, или боярского, думного или воинского, гражданин или вельможа: да погибнет и память его во веки" (И. Г. Р., т. XI, гл. 1, стр. 14).

[185] Четвертаго святаго иже в Халкидоне собора. Халкидонский вселенский собор был собран в 451 г. в городе Халкидоне, расположенном на правом берегу Босфора, против Константинополя.

[186] Иже бы ни едину... оного им несвойственна чина не непричастну остати. Здесь Тимофеев говорит о тех новых людях, выходцах из дворянства, кому Иван Грозный, Борис Годунов, а за ними — самозванцы вручали ведение правительственных дел и власть над подчиненными. Эти люди, по мнению Тимофеева, не умели разобраться в делах, думали только о своей выгоде и причиняли большие бедствия государству.

[187] Господство безглавное со времяны прижиша. Тимофеев говорит о времени, когда в стране не было царя, т. е. о годах 1610—1612.

[188] Дому владыко, пришед, восхощет испытне стязатися с рабы о словеси приставления домовна. Ссылка на одну из евангельских притч.

[189] От нижайших на высочайшая имен возведением пришествие. Тимофеев говорит о происшедшем при Федоре и правителе Годунове учреждении в Москве патриаршества и вытекавшем из этого возведении некоторых епархиальных архиереев на высшие степени иерархии.

[190] Плач от лица Новгорода, плененного шведами, дает обобщенную картину страданий русского населения под иноземным игом. Когда в 1617 г. по Столбовскому договору Новгород и его область были возвращены Русскому государству, этот богатый город был наполовину сожжен, жителей в нем оставалось немного — одни умерли от голода, другие разбежались. Шведы во время оккупации города всячески притесняли население, в чем им помогали изменники из русских, перешедшие на сторону врагов. Таким образом, Тимофеев не преувеличивает, называя захватчиков мучителями, говоря о запустении города и разорении его.

[191] Сицев образ имяни моего исперва богоумышлен бысть. Почему Новгород получил свое название — до настоящего времени еще нерешенная загадка. По этому поводу в науке высказано несколько гипотез, которые сводятся к двум типам: одни исследователи ищут объяснения наименования города „новым“ — вне его, другие — в нем самом. С. Ф. Платонов считает Новгород новым по отношению к Старой Руссе, лежащей по ту сторону озера Ильмень и бывшей более древним центром поселения приильменских славян; акад. Б. Д. Греков таким центром считает „Старую Ладогу“, находящуюся на другом конце реки Волхова. Вторая группа исследователей полагала, что название „новый город“ вызвано перенесением центра его с одного места на другое (П. А. Гусев) или укреплением кремля новым валом, новым городом (акад. Н. С. Державин). Автор книги „Древний Новгород“ (Изд. Акад. Наук СССР,

1947 г.) Н. Г. Порфиридов говорит, что у Старой Ладоги больше, чем у Старой Руссы, оснований считаться предшественником Новгорода (стр. 13). Окончательного решения поставленного вопроса не дает и он.

192 Новый подобосеннахеримль. Сеннахерим — ассирийский царь, безуспешно осаждавший Иерусалим при царе Езекии. С этими древними царями, нападавшими на главный город Иудеи Иерусалим и разрушившими его, Тимофеев сравнивает шведов, которые в июле 1611 г. захватили Новгород и держали его под своею властью до Столбовского мира, заключенного в 1617 г.

193 Мартиниянин ересью. Мартиниане, или мартириане, — еретики, отрицавшие церковную иерархию и обряды, принятые православной церковью. Шведы, оккупировавшие Новгород, были протестантами, тоже отвергавшими священство и обряды, и поэтому Тимофеев говорит, что они подобны еретикам — мартирианам.

194 Бог могий и ныне, якоже древле в пустыне своя манною препитати люди. И. Тимофеев вспоминает здесь одну из легенд Библии, рассказывающую о том, как евреев, шедших по пустыне, спасла от голода „манна", род муки, которая падала с неба. Слово „манна" значит „что это?". По легенде, евреи, увидев ее, не понимали, что это такое, и так спрашивали друг друга.

195 От поглощения гортани зубов онаго — см. прим. 11.

196 Люди своя насилия всяко измет фараон. По легенде Библии, евреи освободились от рабства с помощью божества, поразившего египетскую страну, за упорство фараона, десятью казнями.

197 Яже по сих василиска онаго. Василиск — ядовитая змея, своим свистом устрашающая и прогоняющая прочих животных. Некоторые исследователи считают, что василиском называлась очковая змея. Здесь василиском называются враги — шведы, пленившие Новгород.

198 К церковию помазанию — помазание царя на царство; оно совершалось за литургией (главным христианским богослужением) и состояло в том, что митрополит или патриарх возлагал на царя крест, бармы (ожерелье с священными изображениями) и венец, а в конце богослужения мазал его миром (особо сваренным и „освященным" благовонным маслом). Первым из царей так венчался на царство Иван Грозный, а за ним Федор Иванович и Борис Годунов. Венчание и помазание последнего было особенно торжественным.

199 Красяше и раки праведных книгочески и фарисейски. Фарисеями называлась среди евреев особая секта ревнителей закона, отличавшаяся лицемерием и гордостью. Они при жизни гнали и убивали „праведников", а после их смерти украшали их гробницы. Таким же, подобным фарисеям, лицемером считает Тимофеев Бориса Годунова.

[200] Пришедше бо в землю нашу языци. Здесь разумеются враги, иностранцы — поляки, литовцы, шведы, — которые грабили и разоряли Русскую землю в описываемую Тимофеевым эпоху.

[201] По главизне апостольстей. Так И. Тимофеев называет послания апостола Павла — по религиозному преданию, одного из крупнейших проповедников христианства в I в. н. э.

[202] С ляховными же наше тогда о мирном постановении не бы в среду сположся еще к совету слово. Эти строки написаны после 1613 г. — избрания на царство Михаила Романова, но до 1618 г., когда заключено было с поляками Деулинское перемирие.

[203] Ниже таковы отвсюду пакости ей сотворити успеша. Тимофеев свидетельствует, что такого разорения, какое причинили Русской земле иноземцы в его время („ныне"), никогда не бывало.

[204] Антихрист — (греч.) „противник Христа", или „человек беззакония"; по христианской легенде, антихрист должен появиться перед вторым пришествием Христа.

[205] Галич — город Костромской области. В отличие от Галича южного, назывался „Галичем мерским", потому что находился в области, заселенной племенем Меря. Галич, один из древних городов Руси, принадлежал Ростовско-Суздальскому княжеству, сначала был самостоятельным уделом, а потом вошел во владения Московского княжества. При нашествии Батыя был взят и разрушен татарами.

[206] Улиана по всему законопреступного исчадие. Тимофеев считает Лжедимитрия подобием и как бы порождением римского императора Юлиана (361—363 гг.), который был сначала христианином, но потом отказался от христианской религии и стал покровительствовать язычеству, за что и назван был христианами „отступником".

[207] Пророкло Отрепьев, т. е. по фамилии или прозванию — Отрепьев. См. о нем прим. 90.

[208] Привлечеся от севера, т. е. из Северской Украины, к которой принадлежали города: Стародуб, Путивль, Чернигов, Новгород Северский и др.

[209] Изменьшими всеми вой российска господства благородными началы. В поход 1604—1605 гг. против самозванца Борисом Годуновым посланы были начальниками войска Василий и Дмитрий Ивановичи Шуйские, Василий и Иван Васильевичи Голицыны, Федор Иванович Мстиславский. После смерти Бориса молодой царь Федор Годунов отозвал из войска в Москву князей Мстиславского и Шуйских и на смену им послал князя Катырева-Ростовского и П. Ф. Басманова, которые изменили Годуновым и увлекли за собой войско (С. Ф. Платонов. Очерки по истории смуты. 3-е изд., 1910, стр. 260 и 99).

[210] Яко Иуда, иже на тайной вечери дерзну. Самозванец, дерзнув-

ший вступить на престол московских царей, сравнивается с предателем Иудой, по евангельской легенде, присутствовавшим на прощальном ужине Христа с учениками.

211 У великого. „Великим" Тимофеев называет патриарха Иова.

212 У некоего инославна духоборныя ереси призятьствовася. . . „Духоборной ересью" Тимофеев называет католичество. Иноверец, о котором идет речь, — сандомирский воевода Юрий Мнишек, поляк, на дочери которого Марине женился Лжедимитрий I.

213 Оста же по смерти Бориса царя супруга его — жена Бориса Годунова — Мария Григорьевна, дочь Малюты Скуратова; была убита вместе с сыном Федором боярами в 1605 г. 10 июня.

214 Сына — дара божия именуема — сын Бориса Годунова, Федор Борисович Годунов, вступивший на московский престол после смерти отца и убитый вместе с матерью в 1605 г. 10 июня, 16 лет от роду. Современники, в том числе и Тимофеев, очень хорошо отзываются о Федоре Годунове. В повести, приписываемой Катыреву-Ростовскому, мы читаем такую его характеристику: „Царевич Федор, сын царя Бориса, отроча зело чудно, благолепием цветуще, яко цвет дивной на селе, от бога преукрашен, яко крин в поли цветущи; очи имея велики черны, лице же ему бело, млечною белостию блистаяся, возрастом среду имея, телом изообилен. Научен же бе от отца своего книжному почитанию и во ответех дивен и сладкоречив вельми. Пустошное же и гнило слово никогда же изо уст его исхождаше; о вере же и поучении книжном со усердием прилежа". Иван Тимофеев готов даже признать Федора Годунова „святым" за его мученическую смерть.

215 Дщерь же деву имущи чертожницу. Имеется в виду дочь Бориса Годунова Ксения Борисовна. О ней см. прим. 161.

216 Сын некоего краля — см. прим. 125 и 149.

217 И чудо, аще не бе ото отступника той тайноругательно что? Тимофеев не уверен в том, на каком положении находилась Ксения при Лжедимитрии. Эта неуверенность непонятна. Тимофеев был в Москве во время царствования „Расстриги" и не мог не знать, что самозванец сделал Ксению своей наложницей.

218 Патриарха несвящена Игната. Рязанский епископ Игнатий был поставлен самозванцем на место сведенного им с патриаршего престола Иова. Он исполнял обязанности патриарха только во время правления самозванца. В 1606 г. царем Василием Шуйским он был низведен с патриаршего престола и заточен в келье Чудова монастыря в Москве. В 1611 г. ему удалось бежать. Конец своей жизни он прожил в Литве, приняв там унию. Умер в 1640 г.

219 Патриарха Иова. . . во град некий осуди. О Иове см. прим. 118 и 156. В 1605 г. завладев Москвой, приверженцы самозванца прежде

всего приступили к свержению патриарха: ворвавшись в Успенский собор во время богослужения, они сорвали с Иова патриаршие одежды, одели в рясу простого монаха и увезли в Старицкий монастырь, где он и оставался до смерти, последовавшей в 1607 г. Когда в 1606 г. самозванец был свергнут и воцарился Василий Шуйский, Иов — полуослепший — отказался вновь занять патриарший престол, и после некоторых колебаний патриархом был сделан архиепископ казанский Гермоген. Все же Иову пришлось еще раз, незадолго до смерти, приехать в Москву; он был вызван для особой церковной церемонии, устроенной царем Василием Шуйским и патриархом Гермогеном: ему было поручено „снять грехи" с народа, „провинившегося" тем, что он признал самозванца, изменив клятве, данной „законным царям" (И. Г. Р., т. XII, гл. I, стр. 28—30).

220 Обещанная. . . сквернителя сквернавица — дочь сандомирского воеводы Юрия Мнишка — Марина Мнишек, невеста, а потом жена Лжедимитрия I.

221 Стаинником его Власовым Офонасом. Афанасий Власов, дьяк, был послан Лжедимитрием I в Польшу в качестве „великого посла" за Мариною Мнишек. После свадьбы самозванца он получил звание хранителя всех царских сокровищ. После воцарения Шуйского Власов был сослан в Уфу (И. Г. Р., т. 11, гл. IV, стр. 139 и след.).

222 В царских лепотах, яко царица, колеснично фараоницки. Торжественный въезд Марины Мнишек в Москву Тимофеев сравнивает с выездом египетского владыки — фараона.

223 Откровение Богослова — одна из книг так называемого „священного писания", известная под названием „Апокалипсис" и приписываемая ученику Христа Иоанну Богослову. Символические образы Апокалипсиса не раз использовались древнерусскими писателями. Тимофеев использует здесь образ нечестивой жены, с которой и сравнивает Марину Мнишек.

224 Иже Мирликийских Николы честных мощей принесения. Перенесение „мощей" Николая, архиепископа Мирликийского, в гор. Бари (в южной Италии) празднуется церковью 9 мая. ст. ст.

225 Паче Иродова праздник — см. прим. 95.

226 Якоже о Дафане и Авироне древле. По библейской легенде, Дафан и Авирон возмутились против власти Моисея и не захотели подчиняться ему. За это они были наказаны богом: их живыми поглотила земля.

227 По премудром. Под „премудрым" Тимофеев подразумевает царя Соломона.

228 Яко огнь возгореся во Иакове. Иаков — то же, что Израиль, т. е. избранный народ, в данном случае — русский народ. С „возгорев-

шимся огнем“ Тимофеев сравнивает негодование, вызванное в народе бесчинствами поляков в Москве при Лжедимитрии I, которое привело к перевороту 17 мая 1606 г. и расправе с самозванцем.

229 Не возможе той преокаянный мыслимая о себе в согласующих уве́дети. „Согласующими“ Тимофеев называет участников заговора против самозванца, во главе которого стоял князь Василий Шуйский. Участниками заговора, кроме него, были его родственники — князья Шуйские, князь Мстиславский, Палицыны, бояре И. Н. Романов, Ф. И. Шереметьев, М. И. Татищев и другие бояре и дворяне — всего до 200 человек (С. Ф. Платонов. Очерки по истории смуты. СПб., 1910, стр. 279).

230 Всю землю их сами на ся сим восколебахом. Расправа с самозванцем и поляками в Москве 17 мая 1606 г. и воцарение Шуйского привели к обострению отношений с Польшей и Литвой и возникновению новых самозванцев. Эти события и имеет в виду Тимофеев.

231 Сею, яко в худе клетце, со всеми вои его неисходна во граде затвориша, князя Василия Шуйского. В 1608 г. Москва была окружена войсками Лжедимитрия II. Не имея достаточных сил, чтобы взять город, Лжедимитрий II обосновался в 12 км от Москвы, в Тушине, и его войска блокировали Москву. Так продолжалось до 1610 г., когда Тушинский лагерь распался.

232 Мечь гнева всего доныне на места прескача останцы земныя . . . поядает. Это замечание показывает, что рассказ о царстве Расстриги, его низложении и последующих событиях был написан Тимофеевым еще до водворения полного спокойствия в государстве, т. е. до заключения мира с поляками в 1618 г. (И. И. Полосин. Иван Тимофеев — русский мыслитель, историк и дьяк XVII века, стр. 167).

233 Содомское гнусодейство. По библейской легенде, жители городов Содома и Гоморры были известны своими беззакониями и чудовищным развратом, за что и получили возмездие от бога, — они были сожжены.

234 Елма и Ирод во Иерусалиме некогда вся владущая земли погуби. Ирод в библейском повествовании — образ царя-тирана. О нем рассказывается, что перед своею смертью он приказал перебить всех своих вельмож, чтобы они не радовались его смерти.

235 Останки малыми людий воедино собрав, охрабрив и на оны воздвиг. Тимофеев имеет в виду нижегородское земское ополчение, которое во главе с К. Мининым и кн. Д. Пожарским в 1612 г. пришло к Москве и разгромило поляков.

236 Отценачальник. . . нужно почил. Речь идет, видимо, о патриархе Иове, который был сослан в изгнание (см. прим. 219) и умер там в 1607 г.

[237] Аще они днесь и мирницы о нас являются людем. Тимофеев иронически называет „мирниками", т. е. миротворцами, шведов, которые, пользуясь тяжелым положением Русского государства, распускали о Руси злые слухи и советовались, как бы нанести ей вред.

[238] Яко со оного полу Иердана, глаголемого реки Волхова. Иордан — река в Палестине. Привыкший постоянно искать сравнений и сопоставлений в Библии, Тимофеев и здесь не может удержаться, чтобы, говоря о реке Волхове, на которой стоит Новгород, не упомянуть Иордан. Это сравнение должно, по мысли автора, возвысить значение Новгорода в глазах читателя.

[239] Речь идет о втором самозванце — Лжедимитрии II, прозванном „вором", а по имени подмосковного села Тушина, где был его укрепленный лагерь, — Тушинским вором. Вор — на языке XVII в. — нарушитель законов, законопреступник. Кто он был — не известно. Впервые он появился в 1607 г. в порубежном литовском городе Пропойске, где сидел в тюрьме; царем он объявил себя в Стародубе; при поддержке польско-литовских авантюристов и казаков самозванец дошел до подмосковного села Тушина, откуда пытался взять Москву. Весной 1610 г. под натиском войск, руководимых воеводой Скопиным-Шуйским, Тушинский лагерь распался, а „вор" бежал в Калугу.

[240] Притча о цареве сыне, иже пострижеся и паки разстригся и женитися восхоте. Эта притча, видимо, заимствованная Тимофеевым из книжных источников, не имеет прямого отношения к историческим событиям, описанным выше, но должна обличать Лжедимитрия I, оказавшегося, как и герой притчи, расстригой.

[241] Царя Василия Ивановича Шуйского. Князь Василий Иванович Шуйский, представитель крупного боярства, вел свой род, как и московские князья, а потом цари — от легендарного Рюрика, князей Киевских и Александра Невского. Человек умный, хитрый и смелый, он играл большую роль в событиях, описанных Тимофеевым. Он был видным членом боярской Думы при Федоре и Годунове, ездил в Углич — проводить следствие о смерти царевича Димитрия; он интригует против Годунова, участвует в свержении первого самозванца и, наконец, в 1606 г. вступает на престол, „выкрикнутый" несколькими своими сторонниками; на престоле он проводит боярскую политику и, по словам Тимофеева, „вся земля восстает на него бранью". Шуйский был сведен с престола в 1610 г., пострижен и отправлен в Польшу, где и умер в 1612 г. Современник так характеризует его: „Царь Василий возрастом мал, образом же нелепым, очи подслепы имея; книжному поучению доволен и в рассуждении ума зело смыслен; скуп вельми и неподатлив; единем же к тем тщание имея, которые во уши ему ложное на люди шептаху, он же сих веселым лицем воспринимает и всладость их послу-

шати желание; и к волхвованию прилежаше, а о всех своих не радяше". („Повесть", приписываемая Катыреву-Ростовскому). Эту характеристику подтверждает и Тимофеев.

242 Михалка Татищев — окольничий М. И. Татищев, один из тех, кто помог Шуйскому достигнуть престола. После воцарения Василия Шуйского он был им отправлен в Новгород, которым управлял вместе с бояриним князем А. П. Куракиным и дьяками Ефимом Телепневым и Иваном Тимофеевым. Недовольный своим ставленником, он задумывал свести его с престола, но, заподозренный в измене, был убит и брошен в реку новгородцами в 1608 г. См. прим. 244.

243 Первопрестольнейшему — так назван патриарх, высшее лицо в церковной иерархии. Во время воцарения Шуйского на Руси не было патриарха. Прежний патриарх — Иов — был в ссылке; занимавший его место при Лжедимитрии I Игнатий был отстранен, новый кандидат на место патриарха — архиепископ казанский Гермоген еще не приехал из Казани. О каком же патриархе говорит Тимофеев? Думается, Тимофеев имеет здесь в виду патриарха Иова, находившегося в момент провозглашения Шуйского царем в изгнании в Старицком монастыре. Когда Иов отказался вернуться на патриарший престол, была выдвинута кандидатура Филарета. См. прим. 219.

244 Братанича царева — царского племянника. Тимофеев говорит здесь о Михаиле Васильевиче Скопине-Шуйском, племяннике царя Василия Шуйского, посланном им воеводой в Новгород с наказом собирать там ратных людей и войти в соглашение с Швецией. Тимофеев считает, что расправа новгородцев с Михаилом Татищевым произошла по повелению Скопина-Шуйского. О Татищеве и Скопине-Шуйском см. прим. 242 и 264.

245 Самописчий же некто — дьяк Ефим Телепнев, который в одно время с Михаилом Татищевым и дьяком Иваном Тимофеевым был в Новгороде и, по словам Тимофеева, был близок к Татищеву, а потом оклеветал его.

246 О царе же Василии Ивановиче — см. прим. 241.

247—248 Адам со Еввою — по библейской легенде, первые люди, созданные богом. По верованиям церкви, грех Адама был причиной греховности всего человечества. Покаянием в своих грехах люди, по учению церкви, могут восстановить в себе первоначальную чистоту Адама — „обновить образ Адама".

249 Егда же к концу лета грядяху, т. е. когда кончилась седьмая тысяча лет; Тимофеев считает года от „сотворения мира" и думает, что с концом 7-й тысячи лет может наступить и конец мира.

250 Со лжевоины языковредными. Так Тимофеев называет воинов, сражавшихся в полках самозванцев.

251 По гласу самыя Истины, т. е. по словам Христа, будто бы записанным в евангелиях.

252 Самовластие рабов — на языке Тимофеева — крупнейшая крестьянская война начала XVII в., которую возглавил Иван Исаевич Болотников, бывший холоп князя Телятевского. Он бежал к казакам, был невольником в Турции, после освобождения из плена скитался по Западной Европе. Войска Болотникова начали свой поход на Москву из Путивля в 1606 г. И. В. Сталин определил природу восстания Болотникова как „стихийного возмущения угнетенных классов, стихийного восстания крестьянства против феодального гнета" (И. В. Сталин. Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом. М., 1933, стр. 8, 9). „Главным лозунгом, под которым проходило восстание, являлось уничтожение крепостнических отношений, ликвидация феодального гнета" (И. И. Смирнов. Восстание Болотникова 1606—1607 гг. Л., 1949, стр. 492—493).

253 Ту же мне, мухоподобному. Тимофеев говорит здесь о себе и о своем участии в происходивших событиях, считая себя ничтожной песчинкой перед лицом грандиозной исторической драмы.

254 Яко потопная... некогда, при Нои древле... вода. Нашествие поляков на Русское государство напоминает Тимофееву „всемирный потоп".

255 Но глагол аще и к верховному во апостолех бе, но обаче ко изнемогающему маловерием. „Верховный во апостолех", — по учению церкви, Петр, ученик Христа. В данном случае Тимофеев вспоминает евангельскую легенду о том, как Петр, выйдя из лодки, пошел к Христу, идущему по водам, но испугался, усомнившись, и стал тонуть. Христос в легенде называет Петра „маловерным".

256 О таборех. Таборами Тимофеев называет лагерь Лжедимитрия II — Тушинского вора, осаждавшего Москву в 1608—1610 гг.

257 Жигимонту — Литовску кралю — польскому королю Сигизмунду III.

258 Сей [Жигимонт]... соединив свое злоумие о нас с неосвященным и лжепапою, оскверняющим Рим. Король польский Сигизмунд III и польская знать поддержали авантюру Лжедимитрия, который обещал отдать полякам некоторые русские города (Смоленск, Псков, Новгород и др.) и предоставить католической церкви право свободной пропаганды своего вероучения. Авантюра Лжедимитрия началась еще при папе Клименте VIII, который был расположен к самозванцу. Под „лжепапой" надо разуметь Павла V, о восшествии на престол которого извещал Лжедимитрия папский нунций Рангони. Между прочим, в своем послании к нему он намекает, что Лжедимитрий, в благодарность за помощь, должен исполнить свое обещание — ввести католицизм в Московском государстве. Правильно раскрывая связь самозванца с Ватиканом, Тимофеев

называет Павла V „лжепапою“ потому, что для Тимофеева католическая церковь не является истинной церковью.

[259] Инаго второругателя... „Иным вторoругателем“ Тимофеев называет Лжедимитрия II, иначе — Тушинского вора. В июне 1607 г. в Стародубе в сопровождении польского конвоя, появился новый самозванец, выдвинутый интервентами и поддержанный ими. Кто он был — осталось неизвестным. Одни считали его поповичем, другие — школьным учителем. Вокруг него стали собираться и недовольные элементы из русского народа, и отряды, приходившие из Речи Посполитой. На сторону самозванца перешли города Стародуб, Путивль, Чернигов, Новгород-Северский, позже — Брянск. Таким образом, в войско Лжедимитрия II собралось около 30 тысяч русских „украинных людей“ и больше 10 тысяч поляков. См. прим. 231.

[260] Богословию тезоименный — четвертый евангелист Иоанн Богослов.

[261] Тимофеев характеризует здесь тот длительный период, когда под Москвой в Тушине стояли войска второго Лжедимитрия, пытавшегося неоднократно взять столицу Русского государства, чтобы низложить Василия Шуйского и завладеть русским престолом. Немало представителей господствующего класса перебегали от Тушинского вора в Москву и из Москвы в Тушино; польско-литовские отряды грабили окрестности Москвы, жители которой голодали. Москва была освобождена от осады весной 1610 г. войсками под предводительством Скопина-Шуйского.

[262] К Тройскому владычеству... сего сравниша. Под „Тройским владычеством“ подразумевается город — государство Троя, некогда расположенное на малоазийском побережье. Легендарная война греков против Трои воспета Гомером в Илиаде и Виргилием в Энеиде. Рассказ о ней в древней Руси был известен из Хронографа и Сказания о взятии Трои. С разорением Трои Тимофеев сравнивает разорение Русского государства.

[263] Вемы, яко паче Египецких сокровищ быша. В древности Египет был одним из крупнейших государств и славился своими богатствами. Тимофеев мог знать о Египте из Хронографа и из Библии.

[264] О князе Михаиле Васильевиче Шуйском-Скопине. Князь М. В. Скопин-Шуйский родился около 1585 г. Выдвинулся во время царствования Лжедимитрия I, который возвел его в сан „великого мечника“ (титул заимствован самозванцем из Польши). Его придворная карьера продолжалась и при царе Василии Шуйском, который был его дядей. Василий Шуйский отправил своего племянника воеводой в Новгород с наказом собирать там ратных людей и войти в соглашение со Швецией.

Скопину-Шуйскому удалось собрать в Новгороде 3 тысячи ратников и договориться со шведским правительством о помощи. Вместе со шведским вспомогательным отрядом, под начальством Делагарди, талантливый воевода Скопин-Шуйский начал медленно, но успешно наступать на тушинцев и 12 марта 1610 г. торжественно въехал в Москву. В апреле 1610 г. Скопин-Шуйский внезапно заболел на пиру у князя Воротынского и через две недели скончался. Распространились слухи о его отравлении, причем в преступлении открыто обвиняли жену брата царя Василия, завистливого и бездарного Димитрия Ивановича Шуйского, который после смерти племянника стал во главе русско-шведских войск. (См.: С. Ф. Платонов. Сказания и повести о смутном времени, как исторический источник. СПб., 1913, стр. 201).

265—266 От терния проникша смрадным скверны помазан, — Плескова глаголю и прочих, яже о нем. В связи с движением тушинцев к Новгороду, отпали от Москвы Псков и его область. В сентябре 1608 г., когда тушинцы подошли к Пскову, „некии безумнии человецы, без совету всех и без ведома“ отворили им ворота. Из тюрьмы было выпущено 400 человек, а воевода Шереметев был сам посажен в тюрьму. Восстание в Пскове приняло затяжной характер. Позднее в Пскове появился свой самозванец Сидорка, о котором Тимофеев и говорит, что он „смрадным скверны помазан“.

267 Третий от зде сначальник иже по нем, ему же и соименен бе кроме княжества. Тимофеев имеет здесь в виду окольничего Михаила Татищева, который убедил Скопина-Шуйского бежать из Новгорода. См. прим. 242 и 244.

268 Самописчий некто — дьяк Ефим Телепнев, который вместе с Михаилом Татищевым убеждал Скопина-Шуйского уехать из Новгорода.

269 К наставшему тогда мучителю лжецарю отвестися — к псковскому самозванцу Сидорке. См. прим. 265.

270 Дневи знамениту тогда пречистыя божия матере рожества ея честнаго бывшу. День рождества богородицы церковь празднует 8 сентября ст. ст.

271 У архиерея моего не восхотеша благословения. Имеется в виду Исидор, митрополит новгородский.

272 Град — человеческа имени наречения, еже благодать имя бе — город Ивангород, расположенный на пути из Новгорода к гаваням Нарвской и Ревельской.

273 Во град на моея же краях земля, порекло Орех имя тому — город Орешек, расположенный на истоке Невы Ладожскоге оз. (ныне г. Петрокрепость).

[274] Они же не мало от того града владетеля бесчестие прияша. Воеводой Орешка в описываемое Тимофеевым время был Михаил Салтыков (Никоновская летопись, VIII, 107; Новый Летописец, стр. 98).

[275] Он, соименный первому — Михаил Татищев. См. прим. 242.

[276] Не бе крепкого во Израили — см. прим. 1. В данном случае избранным народом называются новгородцы.

[277] Слова божия премудрости храм — храм Софии Новгородской. См. прим. 363.

[278] Прежереченный гордоустец — Михаил Татищев. См. прим. 242.

[279] Михалко же в сети своея ему злобы... себе же уловил — см. прим. 242.

[280] Угашению жизни его, сказуют неции, носяй венец стрый его виновен бе. Внезапная смерть князя Михаила Скопина-Шуйского казалась современникам неестественной. Они обвиняли в ней жену кн. Дмитрия Шуйского и самого царя Василия Шуйского — дядю (стрыя) Михаила Скопина, который, завидуя славе молодого воеводы, боялся, чтобы народ, сведя его с престола, не поставил на его место царем его племянника. См. прим. 264.

[281—282] Яко на Израилича Иосифа Египтяне некогда... умертие многими поплакаша деньми и Моисея самого последже весь Израиль. Плач народа о Скопине-Шуйском Тимофеев сравнивает с плачем египтян о Иосифе, сыне Иакова, который, по легенде, спас жителей Египта от голода, и с плачем еврейского народа о Моисее, который вывел евреев из египетского плена.

[283] Яко же возлюбленного богом Давида внезапу древле кротости ради Самуил повелен облияти воскипевшим от рога маслом к совершению царьства. Тимофеев считает Михаила Скопина-Шуйского более достойным царского престола, чем его дядю Василия Шуйского. Он сравнивает его с царем Давидом, который, по библейской легенде, был помазан на царство по божию повелению пророком Самуилом.

[284] Седмостолпными соборы. Здесь разумеются семь соборов, или собраний, представителей духовенства, которые получили название „вселенских". Они происходили в Византийской империи и начались еще при императоре Константине Великом (первый собор был в 325 г.), а закончились при правительнице Ирине и константинопольском патриархе Тарасии (последний, седьмой собор был в 784 г.). На соборах обсуждались вопросы христианского вероучения и опровергались ереси, уклонявшиеся от „православного" понимания его.

[285] Ангелово от небес ужасное схождение в пещь. Тимофеев говорит здесь о так называемом „пещном действе", которое совершалось перед праздником „рождества" во время утреннего богослужения. Содержание этого „действа" было взято из библейской легенды. В Москве, в церкви,

где служил патриарх, ставилась печь, к ней выходили три отрока в белых одеждах, а за ними так называемые „халдеи" в немецких одеждах. Халдеи вводили отроков в печь, куда потом сходил „ангел", и отроки выходили из печи невредимыми. Во время этих действий певчие пели священные песни (Н. С. Тихонравов. Русская литература XVII и XVIII вв. Начало русского театра, стр. 57—64).

286—289 Два освящения водам..., умывание всекрасных ног..., мощей обмовение..., Христова гроба... окрест храма обношение. Здесь описываются церковные обряды, совершавшиеся во время различных христианских праздников.

290 Весь град мой преславно тоя образом належащих навет невредно избавися. Здесь говорится о празднике в честь новгородской иконы „знамения богоматери". Этот праздник был установлен после победы новгородцев над войсками князя Андрея Боголюбского в 1170 г.

291 Яко же Ноевы с прочими... обоневающе ему жертвы. Ной, спасшийся от потопа со всем своим семейством, принес в благодарность жертву, якобы благосклонно принятую богом.

292 О воровском бежании с Хутыни. Хутынский монастырь близ Новгорода на реке Волхове; основан Варлаамом Хутынским в 1192 г. В 1608 г. Хутынский монастырь занят был отрядами сторонника Тушинского вора — Кернозицкого, которые жгли и грабили сам монастырь и его окрестности и неожиданно бежали оттуда 11 января 1609 г.

293 Феодосия начальника общежительным и Михаила Саллоса иже на Клопске. Феодосий печерский, вместе с Антонием, был основателем Киево-Печерского монастыря и его игуменом. Михаил Юродивый (σάλλος) жил в XV в., называется Клопским по древнему, основанному в начале XV в., монастырю, находившемуся в 3 км от озера Ильмень, на реке Веряже.

294 Варламу ж, в преподобии премногому. Варлаам Хутынский жил в XIII в.; к этому же веку относится и древнейшее житие его. Сведения о Варлааме находятся в древних новгородских летописях.

295 Посту бо Христова рожества начинающу. Пост перед праздником „рождества" начинается 16 ноября ст. ст.

296 Два куртеса чином. И. И. Полосин считает, что под этими придворными следует разуметь Михаила Татищева и Андрея Куракина (см. статью И. И. Полосина „Иван Тимофеев — русский мыслитель, историк и дьяк XVII века", стр. 186).

297 Ов Орешек град, ов же градом землю Корельскую, ин Ладогу с пределы их. Орешек, или Орех, — город, основанный новгородцами при князе Георгии Даниловиче (1303—1325) на берегах реки Невы, там, где она вытекает из Ладожского озера; Корельская область с городом

Корела примыкала к западным берегам того же озера, а город Ладога лежал на берегу реки Волхова, недалеко от впадения ее в то же озеро. Все эти места принадлежали великому Новгороду и в годы „смуты" переходили от одного правительства к другому.

298 Яко Содомску морю мертву нечистая сопримесися вода. Содомское море образовалось, по библейской легенде, после гибели городов Содома и Гоморры. С ним Тимофеев сравнивает врагов, осадивших Москву, к которым присоединились „воры", бежавшие из Хутынского монастыря. См. прим. 233 и 292.

299 Михаил, яко победе князь — Михаил Скопин-Шуйский, разбивший войска Лжедимитрия II, осаждавшие Москву. См. прим. 264.

300 Предипомянутые гады два василиск и аспида — см. прим. 11 и 197. С василиском и аспидом Тимофеев сравнивает изменников Салтыкова и Андронова. Сводя политические счеты с „боярским царем" Василием Шуйским и опасаясь нового усиления крестьянской войны, русские тушинцы отправили к Сигизмунду III в лагерь под Смоленск посольство во главе с Михаилом Салтыковым. В посольстве принимали участие дьяк Иван Грамотин, беспринципный делец, и торговый человек Федор Андронов. Впоследствии, войдя в сношения с поляками, Салтыков и Андронов отдали им Москву и хозяйничали в ней вместе с врагами, чем вызвали презрение и ненависть к себе всех русских людей. Это отношение к ним лучше всего выражено в так называемой „Новой повести", современной событиям. Неизвестный автор повести так говорит об изменниках Салтыкове и Андронове: „. . . и те славою мира сего прелестнаго прелстилися, просто рещи, подавилися, и к тем врагом приклонилися и творят их волю. . . ко врагом пристали, и ко иным, к подножию своему припали, и государьское свое прирожение пременили в худое рабское служение, и покорилися и преклоняются неведомо кому. . ." (Русская историческая библиотека, т. XIII, стлб . 208).

301 Козмик некто от мельчайших, своеименен, зельством яко и яйцо василисково. Кто упомянут Тимофеевым под именем Козмика — не известно. Повидимому, Тимофеев говорит здесь о Федоре Андронове. См. прим. 300.

302 Яко же некогда Тройское царство прелагатае два некая опровергоша. О тройском царстве см. прим. 262. Падение Трои, по преданию, произошло в результате предательства двух ее граждан.

303 Елики от сущих зде пятичастных пятореც. Новгородская земля, состоявшая из нескольких областей, в конце XV в. была разделена на пять частей, получивших название „пятин". Пятины эти были следующие: Водская — между реками Волховом и Лугою, Обонежская,

тянувшаяся по обе стороны Онежского озера к Белому морю, Деревская — между Мстой и Ловатью, Шелонская — на реке Шелони и Бежецкая — в направлении к Волге. К северу и востоку от пятин лежали огромные новгородские „волости“ — колонии, приобретенные новгородцами еще в предшествовавший период (XI—XIII вв.). Скопин-Шуйский собрал от этих пятин 3-тысячное войско.

304 Бе же отсюду исход его 117-го круга и к седьми тысящам во время весны. Скопин выступил из Новгорода 25 мая 1609 г. Дата указана по старому летоисчислению.

305 День спасенаго вознесения. Праздник „Вознесения“ в 1609 г. приходился на 25 мая.

306 Настоящего же по числу дня предтеча обретение третие главе его. В 1609 г. на 25 мая приходился еще праздник „третьего обретения главы Иоанна Предтечи“.

307 О патриархе Ермогене. В царствование Василия Шуйского патриархом был поставлен Гермоген Казанский, бывший архимандрит казанского Спасского монастыря, в 1589 г. поставленный казанским митрополитом. В 1606 г. он призывал в грамотах к борьбе с народом, восставшим под руководством Болотникова; в 1611 г. своими грамотами, рассылаемыми по городам, способствовал созданию земского ополчения, которое освободило Москву от врагов. Поляки и и русские изменники, хозяйничавшие в Кремле, взяли Гермогена под стражу и уморили его голодом. Он умер 6 января 1612 г. (И. И. Смирнов. Восстание Болотникова 1606—1607 гг. Л., 1949, стр. 279, 280).

308 Ересиархов Михалка Салтыкова и Федку Андронова — см. прим. 300.

309 Сыну его Владиславу вдатися. О королевиче Владиславе, сыне польского короля Сигизмунда III (с 1632 по 1648 г. был польским королем). См. прим. 348, 365 и 366.

310 Яко же Христова уста в Павле глаголаше. Тимофеев цитирует слова из послания апостола Павла.

311 Иже от северных в России градов. Под северными городами надо разуметь: Стародуб, Путивль, Чернигов, Новгород-Северский, Брянск, которые первыми стали на сторону Лжедимитрия.

312 Пресильныя Агарянска царствия. Под агарянскими царствами, которые подчинились власти Московского государя, нужно подразумевать царства Казанское и Астраханское, завоеванные Иваном IV.

313 Измаильтов — см. прим. 17.

314 Иже бе существом яко Рим. С Римом в XV—XVI вв. русские книжники сравнивали Москву, называя ее „третьим Римом“. Тимофеев сравнивает с Римом Великий Новгород, как бы противопоставляя его Москве. См. прим. 101.

315 Онамо и зде зловерныя изобретше си предводителе богоотступники православныя веры. Во время осады Москвы тушинцами, а позднее поляками, и оккупации Новгорода, русские изменники, среди которых было немало представителей боярства, вели с ними переговоры. Среди этих изменников писатели начала XVII в. особенно отмечают бывшего торговца-кожевника Федора Андронова и Михаила Глебовича Салтыкова. См. прим. 300.

316 Внегда убо х концу грядяше время лет иже от нечестивых нам... деемая вражда. Время оккупации Новгорода шведами, — период с 1611 по 1617 г., когда был заключен мир со Швецией.

317 Боголичного царя Михаила. Михаил Федорович Романов — сын Федора Никитича Романова, впоследствии патриарха Филарета, и его жены Ксении Ивановны Шестовой. Родился 12 июня 1596 г., умер в 1645 г. Первый царь из династии Романовых, избран на царство в 1613 г.

318 Во святилище самоя божия премудрости слова. Новгородский храм Софии заложен в 1045 г., только восемью годами позднее киевского, почти одновременно с первыми каменными стенами нового Кремля.

319 Святительного Исидора. Исидор — в начале XVII в. митрополит новгородский, в описываемое Тимофеевым время играл большую политическую роль. Принимая активное участие в событиях, он приводил войско к присяге царю Федору и Борису Годунову; в 1607 г., будучи в Москве, венчал на царство Василия Шуйского; в 1611 г. Исидор благословляет новгородцев на восстание против поляков, заключает договор со шведским полководцем Делагарди, в том же 1611 г. занявшим Новгород. Исидор отправляет посольство к шведскому королю Карлу IX с просьбой прислать на царство одного из его сыновей. Он же предложил дьяку Тимофееву писать „Временник“.

320 В последняя убо мира сего, мимошедших времен лета, яже по древних грядущего века к седми тысящам осьмаго — в последние годы седьмого тысячелетия после „сотворения мира“ и в первые годы восьмого, т. е. в конце XVI в.

321 Нового Израиля людьми — см. прим. 1.

322 Иван Всегрозный — см. прим. 2.

323 Сын великого князя Василия — см. прим. 5.

324 Федор Иванович — см. прим. 25.

325 Иов — см. прим. 65.

326 Начало власти Борисовой — см. прим. 21.

327 Богозрителю Иеремиови. Иеремия, по библейской легенде, второй пророк иудейского народа.

328 Дщерь едину, жизнию же неприбытну — см. прим. 25.

329 Двоематерен же по имени и естеству — см. прим. 73.

330 Злой раб, иже от врага властолюбием устрелен быв — Борис Годунов. См. прим. 21.

331 Серпом смерти среза — см. прим. 86.

332 Рострига — Григорий Отрепьев. См. прим. 90.

333 Их же бе дерзость по всему безстудна и воцарение странно — см. прим. 99.

334 Землею всею не утверженый царь — Василий Шуйский. См. прим. 94.

335 Но гордоустым единем неким — Михаилом Татищевым. См. прим. 242.

336 О крестном целовании королевичю Владиславу. Заглавие главы не соответствует ее содержанию: здесь говорится не о присяге королевичу Владиславу, а о новгородских событиях (П. Васенко. Дьяк Иван Тимофеев — автор „Временника“. Ж. М. Н. П., 1908, № 3, стр. 88—121).

337 Два властолюбца, не принявшие этой грамоты, — вероятно, М. Татищев и Е. Телепнев. Натерпевшись от притеснений шведов во время оккупации Новгорода, Тимофеев мог, в порыве раскаяния, назвать сам себя дьяком-извергом.

338 Патриарха Филарета Никитича Московского и всеа Русии. В миру — Федор Никитич Романов-Юрьев, был старшим сыном Никиты Романовича, брата царицы Анастасии — первой жены Ивана Грозного, которому, следовательно, доводился шурином. Борис Годунов, по своем воцарении, подверг весь род Романовых опале. В частности, Федор Никитич был выслан и пострижен в иночество под именем Филарета в отдаленном Антониево-Сийском монастыре, где оставался в течение всего царствования Бориса Годунова. Хитрый и расчетливый, Филарет в следующие годы лавировал между разными политическими лагерями: он был в почете у Лжедмитрия I и получил сан митрополита Ростовского и Ярославского. Царь Василий Шуйский имел вначале намерение возвести Филарета в сан патриарха, но в дальнейшем обстоятельства изменились, и Филарет остался в сане митрополита. В Тушинском лагере Филарет принял титул патриарха. В 1610 г. он, вместе с боярином князем В. В. Голицыным, возглавил великое посольство к королю Сигизмунду „прошати на царство королевича Владислава“. Как известно, посольство кончилось польским пленом, в котором Филарет провел 9 лет. Когда было заключено Деулинское перемирие и назначен размен пленных, Филарет получил возможность вернуться на родину. В июне 1619 г. состоялось торжественное возведение Филарета в сан патриарха. Патриарх Филарет стал в сущности соправителем своего сына, царя Михаила. Он умер 1 октября 1633 г.

339 Веселяхуся забытне, по богатаго притчи — ссылка на евангельскую притчу о богатом и Лазаре.

340 Из чертога изринет тем вдаст плач. Из евангельской притчи о царе, устроившем пир. Среди гостей на этом пире оказался человек, не имевший „брачного" (нарядного) одеяния. Царь сказал слугам, чтобы они его удалили с пира.

341 Псаломник — царь Давид.

342 Роса... иже от небес древле в пещь Халдейску сошедшая. По этой легенде, огонь был погашен „росой, ниспавшей с неба". См. прим. 138.

343 Драхму царску. Драхма — греческая серебряная монета; здесь под „царской драхмой" Иван Тимофеев разумеет законного царя.

344 Оскуде князь от Июды. Иван Тимофеев хочет сказать, что на Руси законная царская власть, так же, как в древности у евреев, прекратилась после смерти Федора Ивановича и была восстановлена с избранием на царство Михаила Федоровича Романова.

345 Зван бо не от человек, ни человеки. По Тимофееву, Михаил поставлен царем не людьми, а богом.

346 Феодору с сыном. Иван Тимофеев говорит о греческой императрице Феодоре и ее малолетнем сыне Михаиле III, живших в IX в. н. э. При них было утверждено иконопочитание.

347 Родители сего мира еще путь живота си проходят. Речь идет о родителях Михаила Федоровича, об отце — Федоре Никитиче Романове, впоследствии патриархе Филарете, и о матери — Ксении Ивановне Шестовой, в монашестве Марфе.

348 Ради оттуду испрошания сына господа их нам всем в десподство же. Здесь Иван Тимофеев говорит о посольстве в Польшу в 1610 г. (во главе которого стояли митрополит Филарет и князь Василий Васильевич Голицын). Посольство, организованное высшим боярством, должно было просить на московский престол Владислава, сына Сигизмунда III. Кроме митрополита Филарета и Голицына, в посольстве были: окольничий князь Мезецкий, думный дворянин Сукин, думный дьяк Томила-Луговской, дьяк Сыдавний-Васильев; из духовных — Спасский архимандрит Евфимий, Троицкий келарь Авраамий Палицын и другие, — всего до 1246 человек. Посольство было отправлено с большим наказом, заключавшим 11 условий, которые должен был принять Владислав. Эти условия не были приняты, и боярский замысел потерпел неудачу.

349 Что добро и что красно, но еже жити, братие, вкупе — псалом 132.

350 „Аще возможно, рече, со всеми мир имейте; время нам, глаголет, уже от сна востати" — Послание к римлянам ап. Павла.

351 Богослов—Иоанн Богослов, по преданию, один из учеников Христа.

[352] „Довлеет нам глаголаше, мимошедшее время волю язычну творити“ — Первое послание ап. Петра, гл. 4-я.

[353] Доныне. Отрывок написан, очевидно, до 1612 г. — времени создания Нижегородского ополчения.

[354] В Новеграде велицем... запленени быхом. Имеется в виду оккупация Новгорода шведами с июля 1611 по февраль 1617 г., когда Тимофеев находился в Новгороде.

[355] В протчих градех пребывание наше на уреченных службах царским по бозе повелением бысть. Этот отрывок написан, видимо, в конце жизни Тимофеева, так как после освобождения Новгорода из-под власти шведов он служил в Астрахани, Ярославле и Нижнем Новгороде и только в 1628 г. возвратился в Москву.

[356] Подобою Иерусалима самого, иже быша при Тите — см. прим. 19.

[357] На небеса к свенечному ея возведение вкупное тамошнего пребывания вечнаго веселия. Здесь говорится о смерти царицы Ирины Федоровны — жены царя Федора Ивановича, урожденной Годуновой, умершей в 1603 г. См. прим. 75.

[358] Сожительница его зде плачевное пребывание надолзе — жена царя Василия Ивановича Шуйского, княжна Марья Петровна Буйносова-Ростовская. Свадьба состоялось 17 января 1608 г. После свержения Василия Ивановича с престола была пострижена в монахини и заключена в суздальском Покровском монастыре.

[359] Литвы к царствию пошествие. Имеются в виду события в 1611 г., когда в Можайске стоял гетман Жолкевский и требовал, чтобы Москва признала царем Владислава.

[360] Работы онех избавльшеся малеми останцы людий. Иван Тимофеев говорит здесь о втором земском ополчении, зародившемся и организованном в Нижнем Новгороде. Во главе его стояли земский староста Кузьма Минин и князь Димитрий Михайлович Пожарский. В первых числах апреля 1612 г. ополчение достигло Ярославля, 14 августа прибыло к Троице (ныне Загорск), а 18 августа двинулось к Москве. Не доходя 5 верст до Москвы, ополчение остановилось на реке Яузе. После нескольких сражений с поляками под стенами Москвы земское ополчение выгнало их из Москвы и в конце августа 1612 г. вошло в Кремль. Тимофеев не дал описания этого патриотического подвига русского народа, отстоявшего независимость Родины.

[361] Иже о фараоне. Фараоны — цари в древнем Египте, символ деспотизма.

[362] Филарета Никитича патриарха Московского и всеа великия Росия — см. прим. 338.

[363] Ревность якоже Ильину о боге. Илья — один из библейских пророков, по преданию, отличался великой ревностью в вере.

[364] Матере же сий царь в велице лавре сущу зде мнихожительнуиме. Мать царя Михаила Федоровича — Ксения Ивановна Шестова (инокиня Марфа) в июне 1601 г. была пострижена и сослана в один из Заонежских погостов. Когда Лжедимитрий воцарился в Москве, он вызвал инока Филарета, в миру Федора Никитича Романова, мужа Ксении, чтобы дать ему сан митрополита ростовского. С этого времени инокиня Марфа с сыном Михаилом жили в епархии Филарета, близ Костромы, в Ипатьевском монастыре. После воцарения Михаила инокиня Марфа жила в Вознесенском монастыре (в Кремле), который Иван Тимофеев и называет „великой лаврой".

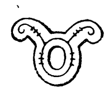
[365] Кралевска сына з главохохленными множествы второе наступление на землю нашу. Второе наступление на Москву поляков во главе с польским королевичем Владиславом (в 1618 г.) имело целью завоевание для Владислава московского престола.

[366] Наглость их со устремлением к царствию и приражение к градовным стенам. 17 сентября 1618 г. королевич Владислав, пытаясь повторть интервенцию, подошел к Звенигороду. Гетман Сагайдачный шел на соединение с ним, во главе 20000 казаков, к селу Бронницы, Коломенского уезда. 5 октября 1618 г. враги подошли к Москве и расположились у Арбатских ворот. Московское население оказало упорное сопротивление, и враги не смогли взять не только Москвы, но и Троице-Сергиева монастыря.

[367] О мире утвержение с писаньми на лета. Перемирие между Русским государством и Речью Посполитой было заключено 1 декабря 1618 г. сроком на 14 лет и 6 месяцев. Переговоры происходили в деревне Троицкого монастыря Деулине, расположенной по Угличской дороге.

[368] По притчи, иже во евангелии лежимей. Имеется в виду притча о виноградарях.

[369] Благи надежды отпадохом и мзду погубихом — из притчи „о талантах".



БИБЛИОГРАФИЯ

Издания „Временника“

1. Русская историческая библиотека, т. XIII, 1-е изд., 1891; 2-е изд., 1909; 3-е изд., 1925.

Исследования

С. Ф. Платонов. Древнерусские сказания и повести о смутном времени XVII в., как исторический источник. 2-е изд., СПб., 1913.

В. С. Иконников. Новые исследования по истории Смутного времени Московского государства. Киев, 1889, стр. 102.

В. С. Иконников. Опыт русской историографии, т. II, кн. 2. Киев, 1908, стр. 1249—1253.

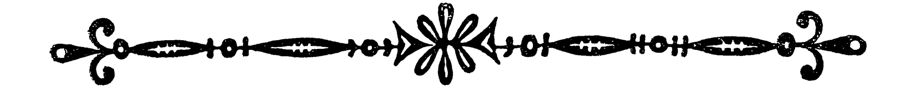
В. О. Ключевский. Отзыв об исследовании г. Платонова (Отчет о присуждении наград гр. Уварова. СПб., 1890, стр. 53—56. Прил. к Зап. АН, т. 53, № 9, стр. 57).

П. Г. Васенко. Дьяк Тимофеев — автор „Временника“. Ж. М. Н. П., 1908, № 3, стр. 88—121.

А. И. Яковлев. „Безумное молчание“. Сб. статей, посв. Ключевскому. М., 1909, стр. 651—678.

И. И. Полосин. Иван Тимофеев — русский мыслитель, историк и дьяк XVII века. Уч. зап. М. Г. П. И. им. Ленина, т. 60, вып. 2, стр. 135—192.

О. А. Державина. „Временник“ Тимофеева. Зап. Отд. рукописей Гос. Ордена Ленина Библиотеки СССР им. В. И. Ленина, вып. 2, М., 1950.



ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Стр.

СОДЕРЖАНИЕ

Временник Ивана Тимофеева

Приложения

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР

*

Редактор издательства *Е. Б. Томсинская*
Технический редактор *А. В. Смирнова*
Корректоры *А. В. Сорокина* и *И. И. Удимов*

*

РИСО АН СССР № 4510. М-31374. Подписано к печати 11/VIII 1951 г. Бумага 70×92/16.
Бум. л. 16. Печ. л. 37.44 + 8 вкл. Уч.-изд. л. 27. Тираж 3000. Зак. № 17.

Цена в переплете 22 руб.

1-я тип. Изд-ва Академии Наук СССР. Ленинград, В. О., 9-я, линия, 12.